

Академия управления МВД России

УГОЛОВНАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ: СОСТОЯНИЕ, ТЕНДЕНЦИИ, ПЕРСПЕКТИВЫ

*Сборник научных трудов по материалам
международной научно-практической конференции,
посвященной 90-летию со дня рождения
профессора Г. А. Аванесова
(Москва, 27 сентября 2024 г.)*

Часть 1

**Москва
2024**

УДК 343.21
ББК 67.408
У26

*Одобрено редакционно-издательским советом
Академии управления МВД России*

Рецензенты: *Чистотина О. Н.*, кандидат педагогических наук (Рязанский филиал Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя); *Флоря Д. Ф.*, кандидат юридических наук, доцент (Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова).

У26

Уголовная политика на современном этапе: состояние, тенденции, перспективы : сборник научных трудов по материалам международной научно-практической конференции, посвященной 90-летию со дня рождения профессора Г. А. Аванесова : в 2 ч. / под общ. ред. А. В. Победкина. – Москва : Академия управления МВД России, 2024. Ч. 1. – 388 с.

ISBN 978-5-907721-47-0

В сборнике представлены научные статьи, посвященные актуальным вопросам уголовной политики, а также проблемам ее реализации в деятельности правоохранительных органов.

Сборник предназначен для профессорско-преподавательского состава, адъюнктов, докторантов, соискателей, магистрантов и слушателей Академии управления МВД России и других образовательных и научных организаций, а также практических работников правоприменительных органов.

Издается в авторской редакции.

УДК 343.21
ББК 67.408

ISBN 978-5-907721-47-0

© Академия управления МВД России, 2024

Содержание

Введение	7
Памяти профессора Г. А. Аванесова	11
Ищук Я. Г. Научное наследие Геннадия Арташесовича Аванесова.....	14
Нуждин А. А. Теоретические основы и прикладные аспекты предупреждения преступлений (памяти профессора Геннадия Арташесовича Аванесова).....	19
Орлова Ю. Р. Основные научные идеи Г. А. Аванесова о криминологическом прогнозе как основе формирования уголовной политики несовершеннолетних	25
Соловьев В. С. Методологическое наследие Г. А. Аванесова и современная цифровая криминология	33
Босхолов С. С. Принципы современной российской уголовной политики.....	39
Гаврилов Б. Я. К вопросу о роли отдельных институтов уголовно-процессуального законодательства в обеспечении качества расследования и предупреждения преступлений.....	49
Гаврилов Б. Я., Муратова Н. Г. Предъявление обвинения: проблемы и видение идей их разрешения.....	56
Иванов П. И. Проблемы и перспективы формирования оперативно-розыскной политики в условиях цифровизации	66
Кубасов И. А. Роль современных цифровых технологий в предупреждении преступлений.....	73
Мальшева О. А., Салеева Ю. Е. Приостановление предварительного расследования в случае участия обвиняемого в СВО: проблемы следственной практики и их нивелирование.....	80
Маргынченко Н. Э. Могут ли уголовно-правовые меры быть средствами государственного социального управления?	87
Мерецкий Н. Е. Информационное поле в системе раскрытия и расследования преступления.....	94
Меркурьев В. В., Закомолдин Р. В. Борьба с посягательствами на основы конституционного строя и безопасность государства в свете уголовной политики России: состояние, тенденции и прогнозы	100
Парфенов А. В. Роль кафедры организации оперативно-розыскной деятельности Академии управления МВД России в оперативно-розыскной политике Российской Федерации: положительный опыт творческих связей	111

Пинкевич Т. В. Прогнозирование цифровой преступности в современной России	117
Победкин А. В. Обеспечение единого процессуального статуса обвиняемого в разных формах привлечения в качестве обвиняемого	124
Поздняков А. Н. Уголовная политика и её реализация в сфере борьбы с преступностью иностранцев	135
Рахмаджонзода Р. Р. Реструктуризация некоторых частей УПК Республики Таджикистан.....	145
Фильченко А. П. К вопросу о классификации актов локального регулирования антикоррупционного комплаенса в организациях	153
Аносов А. В. Перспективы использования искусственного интеллекта в криминологии.....	159
Артюхов Ю. С. Парламентский контроль в системе противодействия коррупции в полиции в России и Индии: сравнительный анализ	166
Баранов А. А., Соломатина Е. А. К вопросу о причинах существования и распространения молодежного экстремизма в современной России	178
Бунова И. И. О некоторых проблемных аспектах реализации уголовной ответственности за нарушение права на свободу совести и вероисповеданий.....	186
Винокуров С. И. Состояние и актуальные проблемы совершенствования уголовной политики в Российской Федерации в современный период	192
Воронцов А. В. Некоторые особенности транснациональной организованной преступности в России	199
Демичева Т. С. Начальный этап уголовного производства в условиях цифровизации: сравнительно-правовой анализ законодательства Российской Федерации и государств-участников СНГ	210
Ефимов Е. В. Процедура возбуждения уголовного дела по налоговому преступлению как процессуальная комбинация.....	217
Жандров В. Ю. Объекты оперативного внедрения в информационно-телекоммуникационной среде	227
Корниленко А. В. Правотворческая функция Правительства Российской Федерации как субъекта оперативно-розыскной политики	233
Кохан Р. Ю. К вопросу о сущности оперативно-розыскной политики, роли принципа законности и оперативно-розыскных традиций в ее формировании	239

Курилов С. И., Неверович О. В. К вопросу обеспечения возмещения причинного преступлениями вреда руководителями органами предварительного расследования, как одного из актуального направления развития уголовно-процессуальной политики Российской Федерации	244
Курилов С. И., Таратыкин А. В. К вопросу актуальности организации соблюдения законности и служебной дисциплины в деятельности органов предварительного следствия, как одного из направления развития уголовно-процессуальной политики Российской Федерации.....	249
Курманалиев Н. Ж. К вопросу о реализации уголовной политики России на дальних рубежах: оперативно-розыскной аспект	254
Латышева Л. А. Основные направления уголовно-исполнительной политики в отношении осужденных к лишению свободы женщин	263
Лелетова М. В. Рейдерство – теория и практика	269
Майдыков А. А. Место и роль оперативно - розыскной политики на современном этапе развития России, как самостоятельного направления.....	276
Маламагомедова А. Р. «Электронные доказательства» в уголовном процессе.....	287
Мамаев М. И., Кохан Р. Ю. О разработке методики применения искусственного интеллекта в оперативно-розыскной деятельности	293
Моргун Д. О. Профилактика преступлений как направление реализации уголовной политики государств (по законодательству некоторых государств-участников СНГ).....	301
Панфилов П. О. Уголовно-процессуальная политика по обеспечению национальных интересов Российской Федерации: постановка проблемы.....	309
Саркисян Г. Г. Совершенствование подготовки сотрудников оперативно-аналитических подразделений органов внутренних дел Российской Федерации с учетом внедрения новейших технологий (авиационных технологий на основе беспилотных летательных аппаратов).....	319
Сизова В. Н. К вопросу о целях уголовного наказания и их достижении как одного из условий эффективности системы наказаний	325
Старцева Е. А. Особенности оперативного обслуживания и выявления преступлений, совершаемых в кредитно-финансовой сфере.....	330

Стефанова Е. Ю., Саркисян Г. Г. О совершенствовании отечественного уголовно-процессуального законодательства в условиях военного положения.....	338
Титушкина Е. Ю. Тенденции современной преступности	347
Тормозова Е. А. Современный терроризм и особенности террористической деятельности: криминологический аспект	351
Фадеев И. А. О некоторых методологических недостатках правовой регламентации деятельности дознавателей системы МВД России.....	361
Хакимова Э. Р., Бойцова Ж. А. Согласие на обработку cookies: преступные последствия	365
Цыкора А. В. Проблемы использования искусственного интеллекта в правоохранительной деятельности современной России.....	370
Шишкин Р. В. Некоторые вопросы уголовной политики в сфере обеспечения экономической безопасности	378

Введение

27 сентября 2024 года в Академии управления МВД России проведена международная научно-практическая конференция «Уголовная политика России на современном этапе: состояние, тенденции, перспективы», посвященная 90-летию со дня рождения заслуженного деятеля науки Российской Федерации доктора юридических наук, профессора Г.А. Аванесова.

Геннадий Арташесович Аванесов родился в г. Ашхабаде 17 ноября 1934 года. В 1962 году окончил Высшую школу МВД СССР.

Профессор Г.А. Аванесов прошел сложный путь от практического работника системы учреждений по исполнению уголовных наказаний до выдающегося российского криминолога, научное наследие которого широко известно как в нашей стране, так и за ее пределами.

С 1966 по 1969 годы Геннадий Арташесович был заместителем начальника отдела Штаба МВД СССР.

В 1974 году профессор Г. А. Аванесов создал и возглавил кафедру криминологии и профилактики правонарушений в Академии МВД СССР, которой руководил до 1989 года.

Научная школа, созданная профессором Г. А. Аванесовым, широко известна в России и за рубежом. Под научным руководством профессора Г.А. Аванесова защищено более 130 кандидатских диссертаций, по 20 успешно защищенным докторским диссертациям выступал научным консультантом.

Геннадий Арташесович Аванесов – автор более 300 научных трудов по криминологии, 15 учебников и учебных пособий для студентов высших учебных заведений. Многие научные труды профессора Г.А. Аванесова переведены на иностранные языки.

Конференцию открыл начальник Академии управления МВД России, доктор юридических наук, доцент, генерал-лейтенант полиции С.А. Синенко, который в своем выступлении отметил выдающийся вклад в науку профессора Г.А. Аванесова, обозначил основные вехи его жизненного пути, роль в развитии Академии управления МВД России. В выступлении начальника академии прозвучала актуальность исследования проблем уголовной политики в комплексе криминологической, уголовно-правовой, уголовно-процессуальной, оперативно-разыскной и уголовно-исполнительной составляющих. С.А. Синенко подчеркнул сложность геополитической ситуации, криминогенной обстановки и выразил убеждение, что результаты работы конференции позволят прибли-

зиться к решению ряда важных теоретических проблем и практически значимых вопросов.

С приветственными словами к участникам конференции обратились:

- Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации, доктор юридических наук, доктор философских наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, генерал-майор милиции в отставке Москалькова Татьяна Николаевна;

- Советник Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, доктор юридических наук Коваленко Вера Ивановна;

- Советник Министра внутренних дел Российской Федерации, доктор юридических наук, заслуженный юрист Российской Федерации Овчинский Владимир Семенович;

- Директор Казанского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, доцент, член-корреспондент Академии наук Республики Татарстан, заслуженный юрист Республики Татарстан Демидова-Петрова Елизавета Викторовна;

- заместитель начальника Академии МВД Республики Таджикистан кандидат юридических наук, доцент подполковник милиции Рахмаджонзода Рифат Рахмаджон.

В ходе Конференции состоялось обсуждение современных актуальных проблем уголовно-правовой и уголовно-исполнительной политики, развития учения о предупреждении преступлений как направления реализации уголовной политики, актуальных направлений совершенствования уголовно-процессуальной и оперативно-розыскной политики.

Значительный интерес в ходе пленарного заседания вызвали доклады главного научного сотрудника НИЦ № 1 (по исследованию криминологических проблем, прогнозированию преступности, изучению общественного мнения о деятельности органов внутренних дел) ВНИИ МВД России, доктора юридических наук, профессора, заслуженного деятеля науки Российской Федерации Бабаева Михаила Матвеевича и профессора кафедры уголовной политики Академии управления МВД России, доктора юридических наук, профессора Пинкевич Татьяны Валентиновны на тему «Памяти профессора Г.А. Аванесова»; профессора кафедры уголовной политики Академии управления МВД России доктора юридических наук, профессора, заслуженного юриста Российской Федерации Беляевой Ларисы Ивановны на тему: «Философско-педагогические взгляды юриста Г.А. Аванесова»; профессора кафедры уголовной

политики Академии управления МВД России, профессора кафедры уголовной политики Академии управления МВД России, доктора юридических наук, профессора, заслуженного юриста Российской Федерации Цепелева Валерия Филипповича на тему «Уголовно-политический аспект криминологического учения профессора Г.А. Аванесова»; профессора кафедры криминалистики Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, профессора кафедры оперативно-розыскной и судебно-экспертной деятельности Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева, доктора юридических наук, профессора, заслуженного деятеля науки Российской Федерации, заслуженного юриста Российской Федерации Волынского Александра Фомича на тему «Г.А. Аванесов – Друг, Единомышленник, Ученый!»; главного научного сотрудника ВНИИ МВД России, доктора юридических наук, профессора Плешакова Владимира Алексеевича на тему «Реализация идеи Г.А. Аванесова об обеспечении криминологической защиты в современных условиях».

В ходе секционных заседаний большой интерес вызвали научные сообщения профессора кафедры управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России, заслуженного деятеля науки Российской Федерации, заслуженного юриста Российской Федерации, доктора юридических наук, профессора Б.Я. Гаврилова; начальника кафедры уголовной политики Академии управления МВД России, доктора юридических наук, профессора А.В. Победкина; профессора кафедры уголовной политики Академии управления МВД России, доктора юридических наук, профессора Н.Э. Мартыненко; доктора юридических наук, профессора, заслуженного юриста Российской Федерации Р.М. Абызова, ведущего научного сотрудника НИИ ФСИН России, доктора юридических наук, профессора Н.Г. Шурухнова, начальника кафедры организации оперативно-разыскной деятельности Академии управления МВД России, доктора юридических наук, доцента А.В. Парфенова.

В ходе конференции состоялось конструктивное обсуждение широкого спектра проблем, сформулированы основные направления совершенствования уголовной политики и развития научных идей Г.А. Аванесова в современных условиях. Мероприятие вызвало широкий интерес, о чем свидетельствует большое количество участников, поступившие вопросы и активная научная дискуссия.

В завершение работы конференции была принята резолюция, в которой обозначены основные достигнутые результаты и сформу-

лированы рекомендации как теоретического характера, так и значимые для правоприменительной деятельности.

Памяти профессора Г. А. Аванесова

Уважаемые коллеги!

Если начать с главного, то я бы сказал так: Геннадий Арташесович – выдающийся учёный, но при этом явно недостаточно оценённая фигура в нашей науке.

В 1978 г. Геннадий Арташесович пригласил меня перейти на работу в Академию МВД СССР. После всех официальных процедур и проверок был издан приказ, и я стал членом кафедры криминологии и профилактики.

Она много раз меняла свои названия, но для меня с тех пор и навсегда была и остаётся кафедрой Аванесова.

Мы были близкими друзьями. И лично, и семьями. Поэтому я не могу быть объективным в оценке его личности. И ещё потому, что любил и люблю его. Тогда не признавался, сейчас, признаюсь.

Не могу и не хочу быть и объективным судьёй ему, хотя знаю, что бывал он неправ, допускал ошибки. Бывал Геннадий Арташесович вспыльчив (темперамент!). Мне, например, от него пару раз крепко досталось. Но никогда не был злопамятным, никому не вредил. Своих кафедралов всегда поддерживал, делал добрые дела для нас. Несколько человек получили квартиры благодаря его хлопотам.

И ещё, увы, бывал, подчас, излишне доверчив к тем, кто того не заслуживал. Поэтому приходилось нашему шефу сталкиваться с предательством людей, которые ему были многим обязаны.

Доброта у Геннадия Арташесовича счастливо сочеталась с требовательностью, способностью строго контролировать надлежащий уровень качества лекционной и иной работы. Не случайно наша кафедра считалась одной из лучших в Академии (я считал, что просто лучшей, но меня никто не спрашивал).

Геннадий Арташесович был умелым, креативным руководителем и организатором не только лекционного, но и научного процесса. Это, прежде всего, диссертации, защищённые нашими коллегами. Но особо выделяю регулярные кафедральные научные конференции. По официальному статусу – кафедральные, а фактически всесоюзные. На них постоянно выступали учёные из самых разных городов и союзных республик страны. Это сейчас на конференциях почти никогда не спорят. На наших было жарко. А потом, за другим столом, очень весело.

Геннадий Арташесович был незаурядно умным человеком (что даже у крупных профессионалов случается не всегда) и глубоко мыслящим учёным. Отдельно отмечу его научную смелость. Будучи

практическим работником, стать первооткрывателем и разработчиком целого крупного направления в науке – криминологического прогнозирования, – для этого нужна не только эрудиция, но и смелость. Тем более, что ему было тогда всего 38 – неприлично молодой возраст для докторанта тех времён.

Ещё одно доказательство смелости и, заодно, верной оценки своих творческих возможностей. Никто до него не решился написать собственный учебник. Он решился и издал в 1980 г. учебник «Криминология и социальная профилактика». По содержанию – фактически курс криминологии. По объёму – 43 п.л. А теперь сравните: предыдущий учебник 1976 г. писали (я специально подсчитал) 15 авторов и все – звёзды первой величины. Объём – 23 п.л.

Но главное, конечно, не объём. Учебник Аванесова не только замечательно содержателен. По всему пространству текста, кроме того, щедрой рукой и щедрым умом «разбросаны», сказанные «попутно», положения и идеи, которые смело можно назвать инновационными. Например, впервые употреблённый термин «криминологическая политика». Автор подробно не раскрывает его, не ставит в центр самостоятельного анализа, как бы оставляя внимательному читателю прекрасную идею для исследования. Но такого не нашлось. Идея была заново «изобретена» через целый ряд лет и только тогда получила развитие.

То же самое я могу сказать и о трудах Геннадия Арташесовича, завершивших его славный творческий путь. Будучи уже больным (а в последний период очень больным) человеком, он за 4 года написал шесть (!) серьёзных монографий, посвящённых главным образом проблемам мотивационной криминологии, а также социальным образованиям в контексте детерминации преступности.

Разве это не подвиг? Подвиг не только человеческий, но и научный.

Это его последнее высказывание не только о том, что он знал и торопился донести до нас. Это ещё и мысли криминолога о процессах, происходящих в обществе, о том, что он в этой жизни любил и ненавидел. Не случайно имя ненавидимого носят отдельные разделы книг: ложь и алчность, образованщина, примитивщина, люмпен-маргинальность. Не случайно и то, что текст, вышедший из-под пера Геннадия Арташесовича, оказывается таким живым, экспрессивным, захватывающим не только интеллект, но и чувства читателя.

Геннадий Арташесович был весёлым человеком, замечательно остроумным и просто умным собеседником. Лидер по своей природе. Поэтому он всегда был центром притяжения и для коллег, и для слушателей Академии.

Не терпел пафоса. Помню, на одном из его юбилеев коллега «распелся»: «Вы известный учёный! Вас знают не только в Москве, но и во всём СССР! Не только в СССР, но и во всём мире!» Геннадий Арташесович приосанился и говорит: «да, это правда. Меня знают четыре монгола!». На том пафос и кончился.

Умел дружить, как это мало кто умеет. И дома, и на даче за его щедрым и вкусным столом регулярно собирались 15-20 человек. Дым стоял коромыслом. А когда надо, незамедлительно готов был подставить плечо.

Так сложилось, что во второй половине жизни Геннадию Арташесовичу пришлось пережить много горьких несправедливостей. Они гнули его, но не сломали. Доказательство – его книги. Учёный в конце концов взял верх.

Но самое главное, что держало – его семья. Фантастически преданные Геннадию Арташесовичу и при жизни, и после смерти люди. Супруга Тамил Сеферовна. Для меня она – образец, воплощение Доброты, Любви и самоотверженной Преданности. То же самое скажу и о детях: Леночке и Олеге.

Я знаю, для вас муж и отец никуда не ушёл. И никуда не делись ни радость, ни горе, связанные с его именем.

Я склоняю голову перед вами в знак благодарности и восхищения за вашу верность памяти Геннадия Арташесовича.

Пусть благословенным будет его имя в науке и наших сердцах.

*Доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки Российской Федерации
М. М. Бабаев*

Ищук Ярослав Григорьевич,
кандидат юридических наук,
заместитель начальника кафедры уголовной политики,
Академия управления МВД России
(ученик Г. А. Аванесова)
E-mail: yar-vyatka@yandex.ru

УДК 343.9

Научное наследие Геннадия Арташесовича Аванесова

*Если учитель соединяет в себе любовь к делу
и к ученикам, – он совершенный учитель*
Л. Н. Толстой

Проведение данной конференции это следствие колоссального вклада заслуженного деятеля науки Российской Федерации, доктора юридических наук, профессора Геннадия Арташесовича Аванесова в становление советской и развитие российской криминологической науки, в подготовку и формирование нескольких поколений криминологов (ученых, научных работников, практиков) – «Аванесовцев»!

Аванесов Геннадий Арташесович – это имя знакомо сотням тысяч людей: ученым, разных областей знаний, практическим работникам, юристам, адъюнктам, курсантам и студентам юридических вузов, которые только начинают постигать свой путь в профессию и формировать криминологическое мышление, а также многим другим, кому посчастливилось знать Геннадия Арташесовича. Выдающийся ученый, мудрый учитель, принципиальный, честный человек посвятивший себя криминологической науке и открывший для многих других новые горизонты междотраслевых концепций.

Геннадий Арташесович – автор более 300 научных трудов, идеи которых развиваются и в современных работах. Более полувековая научная детальность образовала научную школу профессора Г.А. Аванесова. Под его научным руководством защищено более 130 кандидатских диссертаций, он являлся научным консультантом у множества ученых, защитивших докторские диссертации. Научное наследие Геннадия Арташесовича широко известно, как в нашей стране, так и за ее пределами.

Свою научную деятельность Геннадий Арташесович всегда совмещал с чтением лекций как студентам и аспирантам, молодым

ученым и преподавателям, так и практическим работникам. Тематика его лекций в рамках теории и практики борьбы с преступностью – криминология, профилактика, управление. Им прочитаны учебные курсы и отдельные лекции в МГУ им. М.В. Ломоносова, ЛГУ и других ВУЗах СССР и России, также в Университете им. Карла в Чехословакии и в Варшавском Университете в Польше. Прочитаны лекции практически во всех ВУЗах системы МВД, во многих практических подразделениях правоохранительных органов, других ведомств.

«Поиск идеи, умение ее найти, осмыслить и развить – вот что главное в науке. Ученому надо связать идею с решением практических задач, обосновать необходимость развития этой идеи. Человек науки должен постоянно получать новые знания, осмысливать и передавать их людям» - говорил Геннадий Арташесович в своих лекциях.

Как-то на вопрос корреспондента одного из юридических журналов «Какими качествами должен обладать молодой ученый?» Геннадий Арташесович отметил: «Прежде всего – огромным трудолюбием и, естественно, образованностью. Я работал в прямом смысле и днем, и ночью, занимался всесторонним самообразованием, использовал любую свободную минуту, чтобы читать. Меня интересовало многое: экономика, история и, конечно, право, социология, криминология. Мне было интересно систематизировать прочитанное, составлять различные картотеки, публиковаться. Можно сказать, что я всегда был целеустремленным человеком, но никогда не думал кого-то обойти, чтобы заявить о себе, просто много работал. И научная работа приносила мне огромное удовольствие. Я никогда не испытывал – чувства зависти – очень не люблю завистников. Считаю, что на почве зависти произрастают все остальные пороки человека».

Первые научные работы Г.А. Аванесова были посвящены деятельности исправительных учреждений, что неизбежно выводило молодого ученого на исследование криминологических проблем, прежде всего на изучение личности преступника и мотивации деяния. Еще в начале своего научного пути Г.А. Аванесов делал акцент на определяющую роль личности в многогранной системе причин преступлений. В 1966 году под руководством доктора юридических наук, профессора Н.А. Стручкова, Г.А. Аванесов защитил кандидатскую диссертацию на тему «Изменение условий содержания осужденных в процессе отбывания лишения свободы (прогрессивная система)». Это было первое исследование прогрессивной системы. В диссертации и научных публикациях, где речь идет об индивиду-

ализации исполнения наказания, ученый продолжил исследование проблем личности преступника.

Молодой ученый Аванесов становится одним из ведущих специалистов в области анализа преступности и разрабатывает новое научное направление - криминологическое прогнозирование. В 1972 году Г.А. Аванесов защищает докторскую диссертацию на тему: «Основы криминологического прогнозирования (теория и практика)», в этом же году им опубликована научная монография «Теория и методология криминологического прогнозирования» (Москва, 1972), а в 1975 году вышел в свет учебник Г.А. Аванесова «Криминология. Прогностика. Управление» (Горький, 1975).

Профессор Г.А. Аванесов в числе первых исследовал вопросы социальной профилактики преступлений. В 1974 году создал и возглавил кафедру криминологии и профилактики правонарушений в Академии МВД СССР, которой руководил до 1989 года. Период 1974-1989 гг. явился этапом активной научной работы Г.А. Аванесова в области изучения организации профилактики правонарушений. Г.А. Аванесовым и возглавляемым им коллективом кафедры были организованы многочисленные выездные семинары, для более эффективной работы, на которых были разработаны и опубликованы учебные материалы по изучению проблем профилактики правонарушений и проблем криминологии с помощью графо-аналитических методов. В 1980 году профессором Г.А. Аванесовым издан учебник для слушателей Академии МВД СССР «Криминология и социальная профилактика» (Москва, 1980), который ученый посвятил памяти видного советского ученого и педагога, заслуженного деятеля науки РСФСР, доктора юридических наук, профессора Сергея Сергеевича Остроумова. В 1984 году в свет вышел еще один учебник Г.А. Аванесова для слушателей Академии МВД СССР «Криминология» (Москва, 1984).

С 1989 года в течение 15 лет профессор Г.А. Аванесов был начальником кафедры криминологии Юридического института МВД России, затем свой научный путь Геннадий Арташесович продолжил в должности профессора Московского Университета МВД России.

Криминология – наука междисциплинарная и ученый показал криминологическую науку на междисциплинарном стыке, рассматривая проблемы криминологии в неразрывной связи с философией, социологией и другими науками. Криминология, подпитывается достижениями других наук, создает арсенал знаний, необходимый для ее дальнейшего развития и, в свою очередь, предоставляет иным науками свои опыт.

И в то же время он оберегал родную «Криминологию» от невежд, указывая:

*Отдельные индивиды
пытаются задвинуть криминологию в прошлое, заявляя, что это не наука. Пытаются даже доказать это. Эти индивиды не криминологи, они представляют иную отрасль знания. Они не говорят о своем мнении где-то на конференциях или симпозиумах, на страницах литературных источников. Они говорят об этом «шёпотом» в кабинетах один на один с кем-то. Это антидискуссионный метод.*

«Отдельные индивиды пытаются задвинуть криминологию в прошлое, заявляя, что это не наука. Пытаются даже доказать это. Эти индивиды не криминологи, они представляют иную отрасль знания. Они не говорят о своем мнении где-то на конференциях или симпозиумах, на страницах литературных источников. Они говорят об этом «шёпотом» в кабинетах один на один с кем-то. Это антидискуссионный метод.

Не возвращайтесь в детство. И не заблуждайтесь – не Вы её создавали и не Вам её разрушать. Все не поймают. Возможно и посмеются. Берегите свое звание ученого.

Не возвращайтесь в детство. И не заблуждайтесь – не Вы её создавали и не Вам её разрушать. Вас не поймут. Возможно и посмеются. Берегите свое звание ученого.»

Г.А. Аванесов

Говоря о профилактике Геннадий Арташесович определял ее место в системе борьбы с преступностью следующим образом: «Для нашего общества главным направлением борьбы с преступностью является профилактика правонарушений. Именно профилактика призвана не наказывать людей, а, воспитывая соответствующим образом, удерживать, предостерегать, оберегать их от совершения преступлений».

Значимость человека – Геннадия Арташесовича определяется не только его научными достижениями и вкладом в развитие Министерства внутренних дел, но и в первую очередь – мерой его человечности, т.е. его отношением к людям.

Геннадия Арташесовича окружали разные люди: адъютанты, доктора наук, практические работники различного уровня. С каждым он был готов внимательно беседовать, помогать в решении как научных, так и личных проблем. Он умел увидеть «зерно таланта», дать совет и оказать помощь в проращении этого «зерна» в плодо-

родной научной почве. Ученики вдохновлялись Геннадием Арташесовичем, благодаря чему достигали поставленных научных целей!

Я благодарен судьбе, что она свела меня с Геннадием Арташесовичем, дала возможность узнать этого Ученого и Человека и подарила звание – «Аванесовец»!

С глубоким уважением и светлой памятью моему учителю Геннадию Арташесовичу Аванесову...

При подготовке статьи были использованы материалы научных трудов, воспоминания родных и близких Геннадия Арташесовича.

Нуждин Андрей Александрович,
кандидат юридических наук, доцент,
заместитель начальника юридического факультета,
Академия ФСИН России
E-mail: aanuzhdin@mail.ru

УДК 343.9

**Теоретические основы и прикладные аспекты
предупреждения преступлений (памяти профессора
Геннадия Арташесовича Аванесова)**

Аннотация. Статья посвящена памяти выдающегося ученого-криминолога, правоведа, доктора юридических наук, профессора, Заслуженного деятеля науки Российской Федерации Геннадия Арташесовича Аванесова. В работе сделан краткий анализ его основных научных трудов, приведены научные вопросы, рассмотренные в кандидатской и докторской диссертациях. Показана роль личности Геннадия Арташесовича Аванесова в отечественной криминологической науке. В начале статьи приведен сжатый ретроспективный анализ становления и развития науки «Криминология», указаны известные ученые-криминологи разных временных эпох. Через призму истории продемонстрирован масштаб личности профессора Геннадия Арташесовича Аванесова. В статье отмечаются заслуги великого ученого в разработке проблем криминологического прогнозирования, освещен его вклад в становление и развитие прогрессивной системы отбывания лишения свободы, сделан вывод о фундаментальных разработках в области криминологического предупреждения, показана роль в популяризации социологического взгляда на мотивы и мотивацию преступного поведения.

Ключевые слова: Геннадий Арташесович Аванесов; криминология; предупреждение; преступление; прогнозирование; прогрессивная система.

Во все времена и во всех странах мира существуют проблемы, связанные с преступностью. Борьба с этим негативным явлением занимает важнейшее место в деятельности любого государства, Россия не является исключением. В процесс борьбы с преступностью вовлечены не только сотрудники практических органов, но и ученые. По сути, все науки криминального цикла тем или иным образом

«занимаются» предупреждением преступлений. Однако особняком в данном вопросе стоит наука «Криминология». «Являясь общетеоретической наукой о преступности, она имеет непосредственное практическое значение, дает понимание проблемы преступности в целом и понимание того, что общество может сделать в борьбе с ней, т.е. какими средствами и методами оно обязано пользоваться с учетом состояния, характера, структуры преступности, какое место занимают правоохранительные органы в борьбе с преступностью, что первично в этой борьбе – закон и наказание или меры экономического, социального, воспитательного плана» [1, с. 3].

Рождением как науки «Криминология» обязана Чезаре Беккариа, который подготовил, по всей видимости, первый труд криминологического толка «О преступлениях и наказаниях» (1764 г.). В России зарождение науки «Криминология» традиционно можно разделить на три этапа: дореволюционный, советский и постсоветский (российский). На рубеже XIX-XX вв. у истоков национальной криминологии стояли такие ученые как М.Н. Гернет, И.Я. Фойницкий, С.В. Позднышев [2, с. 30]. Первая половина XX в. ознаменовывается деятельностью таких видных ученых-правоведов как А.А. Герцензон, Г.И. Волков, С.Я. Булатов, П.И. Люблинский, А.А. Пионтковский. Вторая половина XX в. является поистине «золотой» в криминологии. После 1960-х гг. криминология снова стала преподаваться в образовательных организациях Советской России [3, с. 105]. Существенный вклад в развитие криминологии внесли: А.И. Алексеев, Ю.М. Антонян, М.М. Бабаев, Н.И. Ветров, Б.В. Волженкин, Я.И. Гилинский, Г.Н. Горшенков, А.И. Долгова, С.М. Иншаков, И.И. Карпец, В.Е. Квашис, В.Н. Кудрявцев, Н.Ф. Кузнецова, В.В. Лунев, А.Б. Сахаров, О.В. Старков, Н.А. Стручков, В.Е. Эминов и многие другие. В этот же период (вторая половина XX в. и начало XXI в.) жил и творил видный ученый-криминолог доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации Геннадий Арташесович Аванесов. Основную часть своей служебной деятельности Геннадий Арташесович провел в системе Министерства внутренних дел МВД СССР (с 1966 по 1969 г. – НИИ МВД СССР; с 1970 по 1974 – Штаб МВД СССР; с 1974 по 1989 – Академия МВД СССР) [4, с. 102], где поднимал и решал проблемы организации предупреждения преступлений в контексте криминологического прогнозирования и планирования. Однако путь его научной жизни начинался с уголовно-исполнительной системы. В 1966 г. в Высшей школе МООП РСФСР им была защищена кандидатская диссертация на тему «Изменение условий содержания осужденных в процессе отбывания лишения сво-

боды (прогрессивная система)» [5] под руководством известного ученого-пенитенциариста доктора юридических наук, профессора Николая Алексеевича Стручкова [6]. Как отмечают коллеги профессора Геннадия Арташесовича Аванесова «эта же тема ни в коей мере не была для молодого ученого чем-то посторонним, известной лишь по литературе, напротив, он заявил о себе в науке после практической работы в местах лишения свободы» [7, с. 9]. В 1968 г. в издательстве ВНИИ МООП СССР издается (уже ставший хрестоматийным) труд «Изменение условий содержания осужденных в процессе отбывания лишения свободы (прогрессивная система)» [8]. Данная работа посвящена проблеме прогрессивной системы отбывания лишения свободы и применения ее в практике исправительно-трудовых учреждений. Геннадий Арташесович предложил и обосновал ряд фундаментальных уголовно-исполнительных (а в то время исправительно-трудовых) теорий отбывания наказания. Так, им было определено, что дифференциация наказания требует соответствующего распределения осужденных по определенным категориям как основы для последующего наиболее эффективного исполнения лишения свободы и связанного с ним исправительно-трудового воздействия. Геннадий Арташесович определил, что индивидуализация наказания при его исполнении предполагает изменение условия содержания заключенных в зависимости от его исправления. Вероятно, одним из первых им были сформулированы цели прогрессивной системы исполнения лишения свободы: 1) стимулирование исправления и перевоспитания заключенных; 2) постепенная подготовка их к условиям жизни на свободе. Результаты указанных выше научных трудов используются учеными-правоведами и в настоящее время [9–11].

С этого периода начинается активная научно-исследовательская деятельность Геннадия Арташесовича, квинтэссенцией которой стала защита 26 октября 1972 г. в Высшей школе МВД СССР докторской диссертации на тему «Криминологическое прогнозирование (теоретические и организационные основы)». Важно отметить, что диссертационное исследование было подготовлено в период практической деятельности в Штабе МВД СССР. Диссертация Геннадия Арташесовича по праву считается крупнейшим и всеобъемлющим трудом по вопросам криминологического прогнозирования. Об этом свидетельствуют перечень проблем, исследованных в работе, глубина научной мысли, эмпирическая база исследования. Структура диссертации представляет отдельный интерес и включает в себя два раздела, состоящих из семи глав. Геннадий Арташесович смог всецело осветить вопросы, касающиеся теоретических

и методологических основ криминологического прогнозирования, прогнозирования индивидуального антиобщественного поведения, организации криминологического прогнозирования, факторов, влияющих на преступность, планирования борьбы с преступностью. К моменту защиты докторской диссертации Геннадием Арташесовичем уже было подготовлено и опубликовано свыше 60 научных работ (общим объемом более 100 п. л.) из них 30 работ по теме диссертационного исследования.

Во второй половине 1970-х годов Геннадий Арташесович готовит и публикует целый ряд научных и учебных работ, посвященных теории и практике криминологического предупреждения. Отдельного внимания заслуживает учебное пособие «Криминология. Прогностика. Управление» [12]. В данном пособии на 423 страницах поднимаются и рассматриваются важнейшие проблемы криминологии и прогностики. Совершенно справедливо отмечает профессор Ю.М. Антонян «в рассматриваемой книге есть один раздел, который не может не привлечь внимания, это тот, который посвящен истории развития криминологической мысли» [7, с. 10]. Действительно, данные вопросы имеют первостепенное значение для понимания пути развития и познания криминологии.

Еще одним масштабным и по объему, и по глубине научной мысли можно считать издание Геннадия Арташесовича «Криминология и социальная профилактика» [13]. В этом монографическом труде профессор Г.А Аванесов очень подробно рассматривает предмет и метод науки криминологии, историю развития криминологической мысли, становление и современное состояние криминологии, определяет место криминологии в системе наук, связь науки криминологии с практикой, социально-правовую сущность преступности, соотношение социального и биологического в причинах преступности, особенности формирования личности преступника, методологию и методику криминологических исследований и многие другие вопросы. Анализ настоящей научной работы позволяет утверждать, что Геннадий Арташесович внес весомый, неоценимый вклад в развитие вопросов криминологического предупреждения.

После защиты докторской диссертации Геннадий Арташесович продолжает свои научные поиски, поднимает и решает все новые научно-практические проблемы. Им подготовлено и опубликовано ряд изданий криминологического толка: «Преступность и социальные сословия. Криминологические рассуждения» [14]; «Социальное образование и преступность. Криминологические рассуждения и заметки» [15]; «10 глав о мотивации и мотивах. Через призму науки криминологии» [16]; «Популярная криминология» [17];

«Общество. Личность. Мотивация. Исследования криминолога» [18] и многие другие. Профессором Аванесовым Геннадием Арташесовичем опубликовано более 300 научных трудов, 15 учебников и учебных пособий, большая часть из них переведена на иностранные языки [19].

Научная школа Геннадия Арташесовича действительно огромна. Под его руководством защищено более 150 кандидатских и докторских диссертаций [19]. Геннадий Арташесович выступал научным руководителем по диссертации (кандидатской) доктора юридических наук, профессора Заринова Зарипа Саидовича, который долгие годы работал профессором кафедры криминологии и организации профилактики преступлений юридического факультета Академии ФСИН России [20]. Важно отметить, что библиотека Академии ФСИН России имеет богатый фонд трудов профессора Аванесова Геннадия Арташесовича, в том числе и «закрытого» характера. Преподаватели академии активно их используют в своей научной и педагогической деятельности. С уверенностью можно заявить, что курсанты, слушатели и студенты Академии ФСИН России (и не только) знают и помнят доктора юридических наук, профессора, Заслуженного деятеля науки Российской Федерации Геннадия Арташесовича Аванесова по его трудам и активно используют их в своей образовательной деятельности.

Список литературы:

1. Криминология: учебник для студентов вузов, обучающихся по направлению «Юриспруденция» / Г. А. Аванесов и др.; под науч. ред. Г. А. Аванесова, Е. А. Антонян; под общ. ред. З. Б. Соктоева, С. В. Иванцова. – 8-е изд., перераб. и доп. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2023. – 447 с.
2. Давитадзе М. Д., Майстренко Г. А. К вопросу об истории формирования и развития криминологии как науки // Вестник Академии права и управления. 2021. № 3 (64). С. 29–33.
3. Шалагин А. Е., Гребенкин М. Ю. Российская криминология: история и современность // Ученые записки Казанского юридического института МВД России. 2019. Т. 4. № 2 (8). С. 101–108.
4. Памяти Геннадия Арташесовича Аванесова // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2014. № 4 (35). С. 102.
5. Аванесов Г. А. Изменение условий содержания осужденных в процессе отбывания лишения свободы (прогрессивная система): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Высш. школа МООП РСФСР. М., 1966. 16 с.

6. Селиверстов В. И. Ученый, воин, педагог: к 100-летию со дня рождения профессора Николая Алексеевича Стручкова (13.02.1922 – 15.11.1989) // Вестник Самарского юридического института. 2022. № 1 (47). С. 9–14.

7. Антонян Ю. М. Профессор Г. А. Аванесов, классик отечественной криминологии // Криминологический журнал. 2022. № 4. С. 9–14.

8. Аванесов Г. А. Изменение условий содержания осужденных в процессе отбывания лишения свободы (прогрессивная система) / под ред. Н. А. Стручкова. М.: ВНИИ МООП СССР, 1968. 149 с.

9. Горбань Д. В. Прогрессивная система исполнения и отбывания уголовных наказаний на современном этапе функционирования уголовно-исполнительной системы Российской Федерации // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2023. № 1 (248). С. 14–22.

10. Санташов А. Л. Досрочное освобождение как элемент прогрессивной системы отбывания наказания // Вестник Кузбасского института. 2022. № 4 (53). С. 101–107.

11. Южанин В. Е., Горбань Д. В. Принцип прогрессивной системы отбывания наказания в виде лишения свободы // Lex Russica (Русский закон). 2017. № 2 (123). С. 123–134.

12. Аванесов Г. А. Криминология. Прогностика. Управление. Горький: Изд-во ГВШ МВД СССР, 1975. – 423 с.

13. Аванесов Г. А. Криминология и социальная профилактика. М.: Изд-во Акад. МВД СССР, 1980. – 526 с.

14. Аванесов Г. А. Преступность и социальные сословия. Криминологические рассуждения. М.: ЮНИТИ, 2010. – 78 с.

15. Аванесов Г. А. Социальное образование и преступность. Криминологические рассуждения и заметки. М.: ЮНИТИ: Закон и право, 2011. – 239 с.

16. Аванесов Г. А. 10 глав о мотивации и мотивах. Через призму науки криминологии. М.: ЮНИТИ: Закон и право, 2012. – 301 с.

17. Аванесов Г. А. Популярная криминология. М.: ЮНИТИ: Закон и право, 2015. – 159 с.

18. Аванесов Г. А. Общество. Личность. Мотивация. Исследования кримиолога. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2015. – 263 с.

19. URL: <https://а.мвд.рф/document/49376331> (дата обращения: 14.06.2024).

20. Зарипу Саидовичу Зарипову – 70 ЛЕТ! // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2018. № 1 (48). С. 117.

Орлова Юлия Рудольфовна,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры публичного права
факультета управления недвижимостью и права,
Государственный университет по землеустройству
E-mail.ru: Yuorlova76@mail.ru

УДК 393

**Основные научные идеи Г. А. Аванесова
о криминологическом прогнозе как основе формирования
уголовной политики несовершеннолетних**

Аннотация. В статье на основе анализа научных идей классика отечественной криминологии Г. А. Аванесова обосновывается теоретическая и практическая значимость криминологического прогнозирования и необходимость использования результатов такого прогноза в качестве основы для формирования качественно новой уголовной политики в отношении несовершеннолетних, повышающей уровень организационной деятельности в вопросах противодействия преступности несовершеннолетних.

Ключевые слова: криминологическое прогнозирование; преступное поведение; уголовная политика; несовершеннолетние.

На научных трудах классика отечественной криминологии, моего дорогого учителя Г.А. Аванесова воспитано не одно поколение ученых и практиков, а результаты сформированной им теории криминологического прогнозирования, продолжают оставаться фундаментом не только для развития теоретической науки, но и для совершенствования правоприменительной деятельности во всех приоритетных направлениях.

Одна из первых монографических работ «Теория и методология криминологического прогнозирования», подготовленная Г.А. Аванесовым, была опубликована еще в 1972 году. И вот спустя более 50 лет, она, по-прежнему, не теряет своей актуальности, а, наоборот, с каждым годом все больше приобретает огромную практическую значимость [2, с.10] Становится очевидным, что, являясь необходимой научной базой для комплексного планирования предупреждения преступности и формирования уголовной политики, криминологическое прогнозирование может не только в современных усло-

виях обеспечить субъектов профилактики наиболее оптимальным вариантом стратегии и мер повышения уровня организационной деятельности в вопросах противодействия преступности в целом, но и позволит выработать тактику и методику борьбы с отдельными видами преступлений, которые в последние годы стали новым вызовом для всего российского общества.

Именно сформулированная в трудах Г.А. Аванесова концепция позволила рассматривать вопросы криминологического прогнозирования через призму системы инструментов эффективного управления и (или) сдерживания преступности. Несмотря на огромную значимость данной криминологической категории, указанное направление долгое время являлось одним из наименее разработанных, а, по мнению некоторых авторов, вообще «ушло в забвение». [3, с.2].

Современные реалии таковы, что одной из стратегических целей, стоящих перед правоохранительными органами российского государства в современных условиях, является осуществление эффективной деятельности по предупреждению преступности несовершеннолетних, что обусловлено рядом негативных тенденций, характеризующих данный вид преступности. Наиболее тревожной из них является повышение степени общественной опасности совершаемых несовершеннолетними преступлений, о чем свидетельствует резкий рост удельного веса тяжких и особо тяжких преступлений, совершаемых несовершеннолетними. Так, по итогам 2023 года несовершеннолетними и при их участии на территории РФ было совершено зарегистрировано 31865 преступлений, в том числе 9055 (28,4%) из них относятся к категории тяжких и особо тяжких.¹ Еще пять лет назад этот относительный показатель был значительно ниже и составлял всего 24%. По итогам 2023 года вырос и сам удельный вес несовершеннолетних в структуре общей преступности. Из числа всех выявленных лиц, совершивших преступления (884661 человек), 37953, то есть 4,3% являлись на момент совершения преступления несовершеннолетними.

Приведенные тенденции позволяют обнаружить ряд проблем в реализации уголовной политики Российского государства в отношении преступности несовершеннолетних, обусловленных комплексом недостатков организационного, управленческого и законодательного характера. Вместе с тем, очевидно, что данное направление деятельности будет являться успешным только в том случае,

¹ Состояние преступности в России за январь–декабрь 2023 г.: сборник ГИАЦ МВД России.

если мероприятия, реализуемые в рамках такой деятельности, будут не просто социально и экономически обоснованы, а разрабатываемые и реализуемые профилактические мероприятия будут соответствовать фактическому состоянию и тенденциям криминологических процессов, явлений, ситуаций, происходящих в среде несовершеннолетних.

Интересными в этой связи представляются результаты исследований, проведенных д.ю.н., Е.Д. Демидовой-Петровой. Так, проведенный ею мониторинг региональной практики (отдельных программных документов, определяющих региональные мероприятия в сфере предупреждения преступности несовершеннолетних) с целью установления их криминологической обеспеченности или хотя бы наличия подобных элементов, показал несостоятельность стратегического обеспечения данного направления. Как пишет автор, «некоторые программы обладают индикаторами, основу которых образуют криминологические позиции, риски реализации мероприятий и рекомендации по их недопущению или минимизации. Однако юридино-лингвистическая неопределенность по отношению к целевой группе (адресатам запланированных мероприятий) не позволяет достичь того результата, ради достижения которого они были запланированы [4, с. 64-65].

Более того, по справедливому замечанию автора, реализация некоторых мер профилактики, запланированных в региональных программах субъектов Российской Федерации, может быть «не только бесполезной, но и вызвать обратный эффект». Так в одной из анализируемых программ, разработчики пишут, что «меры воспитательного воздействия будут осуществляться «посредством современных возможностей информационно-телекоммуникационного взаимодействия в социальных сетях». Но без раскрытия содержания конкретного контента, который будет составлять основу взаимодействия, который должен был бы учитывать потребности несовершеннолетних, реализация такого мероприятия будет не просто пустой мерой, а «благоприятным» криминогенным условием, побуждающим подростку к самостоятельному поиску информации, не исключаяющей, например, экстремистского содержания или содержания сайтов, где реализуются наркотические средства или психотропные вещества.

В этой связи, криминологическое прогнозирование преступности несовершеннолетних могло бы дать возможность скорректировать содержание этих программных документов, представить вероятные изменения в состоянии преступности или их изменения на предстоящий период и на этой основе разработать и осущес-

ствить необходимые меры предупредительного характера. И первоочередным здесь возникает вопрос актуализации и конкретизации подобных как региональных, так и федеральных программ по предупреждению преступности несовершеннолетних. Наличие предупредительного криминологического прогноза для их разработки – очевидно. Если бы указанные региональные программы были основаны на анализе аналитических справок, анализе служебных записок по фактам совершения тяжких и особо тяжких повторных преступлений, совершаемых несовершеннолетними в конкретном регионе, другой обобщенной информации, и сопровождалась разработкой реальных адресных мероприятий, лицом, владеющим минимальными криминологическими знаниями, внесением конкретных предложений, проектов управленческих решений, вероятность не допустить ухудшения криминальной обстановки была бы значительно выше.

В этой связи, учитывая результаты комплексного анализа современного состояния криминогенной обстановки и практики борьбы с преступностью несовершеннолетних в России, на первый план выходит острая необходимость прогнозирования социально-экономических и криминологических условий, влияющих на состояние, уровень, структуру и динамику как преступности в целом, так и преступности несовершеннолетних. Новые условия, во многом обусловленные цифровизацией российского общества, также указывают на практическую значимость и необходимость обоснованного научного предвидения процессов криминализации отдельных сфер общества, в том числе в сфере несовершеннолетних. При этом «качественно новая политика реформ требует не только объективной оценки прежней работы, критического анализа достигнутых успехов и имеющихся недостатков, но и выработки новой концепции развития общества, умения вскрывать и правильно оценивать новые тенденции в социальной жизни россиян.

В этой связи очевидна необходимость криминологического прогнозирования на всех уровнях правоохранительной деятельности, отказа от ориентации на сиюминутные, во многом обманчивые «успехи» в борьбе с правонарушениями и преступлениями несовершеннолетних. В ином случае принятие таких криминологически не обоснованных законодательных изменений может привести к еще большей криминализации данной социальной группы и более страшным социальным последствиям.

Оставаясь, одним из важных криминологических институтов, уголовная политика российского государства представляет собой ключевое направление государственной политики в сфере противо-

действия преступности, определяющее задачи, содержание и формы деятельности различных субъектов (прежде всего, речь идет о государственных органах), по противодействию преступным проявлениям различного характера, в том числе и преступности несовершеннолетних. При этом проведенный анализ норм действующего законодательства позволяет сделать вывод о том, что данное направление государственной политики ориентировано на приоритет воспитательных мер над карательными. Следует согласиться с мнением ряда ученых, которые считают, что «реализация данной концепции выражается в основном в формальных мерах, которые широко связаны с применением условного осуждения, при отсутствии комплексных профилактических мер воздействия, что, безусловно, влияет на рецидив преступлений» [7, с. 3-4]. Именно поэтому, будучи важнейшей составной частью внутренней политики, она должна быть ориентирована на обеспечение нормального функционирования экономической, идеологической и социальной основы всего российского государства. При этом очевидной является и обратная связь, при которой эффективная и грамотно выстроенная социально-экономическая политика, реализуемая государством в отношении указанной категории лиц, должна способствовать достижению положительных результатов в вопросах противодействия как преступности в целом, так и преступности несовершеннолетних, в частности.

Глава 14 УК РФ, посвященная особенностям уголовной ответственности и наказания несовершеннолетним, одна из немногих, которая практически не подвергалась изменениям. За весь период действия УК РФ, начиная с 1 января 1997 года, изменения в нее вносились чуть больше 20 раз и касались, как правило, терминологии (например, исключения таких словосочетаний как «орган управления образованием», «образовательным учреждением» и т.д.), а не каких-либо уголовно-правовых понятий или категорий. Достаточно редким явлением было и обсуждение вопросов, связанных с реализацией уголовной ответственности несовершеннолетних и на заседаниях Верховного и Конституционного Суда, что также говорит о некой консервативности или наоборот некой правовой стабильности данной группы норм. Однако, означает ли это, что включенные в нее нормы являются идеальными? И что не возникает вопросов, связанных с их применением на практике? Очевидно, что нет. Вместе с тем, анализ современной правоприменительной деятельности, а также криминогенной обстановки в несовершеннолетней среде, в том числе рост количества преступлений, совершенных несовершеннолетними из числа младшей возрастной группы, вовлеченных

и завербованных взрослыми лицами, свидетельствует о проблемах криминологического обеспечения принимаемых решений.

Следует согласиться с мнением, авторитетного специалиста в области уголовного права и криминологии Н.А. Лопашенко, которая отмечает, что «менять следует только то, что: 1) вызывает нарекания как со стороны доктрины, так и со стороны практиков... в силу невысокого качества изложения нормативных предписаний, и (или в связи с противоречиями между отдельными предписаниями; 2) морально устарело в связи с развитием и изменением общества и государства, уголовной политики государства; 3) требует изменений в связи с необходимостью ликвидации пробелов в уголовно-правовом регулировании; 4) вызвано потребностью возврата к системности уголовного, которая во многом «благодаря» бесчисленным поправкам в уголовный закон утрачена». [5, с. 8]. Придерживаясь такого подхода, представляется целесообразным определять содержание и основные направления уголовной политики в отношении преступности несовершеннолетних, основываясь на прогнозных данных. Иначе непоследовательность и противоречивость современной уголовной политики в отношении преступности несовершеннолетних, которую неоднократно отмечали и другие криминологи, не позволяет в полной мере использовать весь арсенал профилактических уголовно-правовых средств. Так, например, не все подростки, совершившие особо тяжкие общественно-опасные деяния до достижения возраста наступления уголовной ответственности, были помещены в ЦВИНП, а в последующем направлены в спецшколы или спецПТУ, что привело в итоге к повторному совершению преступлений. При этом удельный вес преступлений, совершаемых данной группой несовершеннолетних, значительно высок и, как правило, каждое последующее преступление, совершенное ими уже после достижения возраста наступления уголовной ответственности, становится все более общественно опасным.

Подводя итог, представляется важным отметить, что в своих трудах Г.А. Аванесов и другие авторитетные криминологи неоднократно отмечали, что криминологическое прогнозирование связано не только с предсказанием будущего состояния преступности, но и связанных с ней явлений и фактов, выявлением основных закономерностей и тенденций их развития [6, с. 11-12], а самое главное - эффективностью уголовной политики в области противодействия преступности (в нашем случае – несовершеннолетних), перспективой деятельности и функционирования субъектов профилактики. А потому, для достоверного криминологического прогнозирования преступности несовершеннолетних необходимо иметь пол-

ную картину не только об основных качественных и количественных показателях преступности несовершеннолетних (в том числе и лиц, совершивших общественно-опасные деяния, до достижения возраста наступления уголовной ответственности), но и владеть информацией об изменении численности и доли возрастных групп населения, в том числе несовершеннолетних; о виктимологической характеристике потерпевших от преступных деяний несовершеннолетних; о размещении и структуре объектов социальной инфраструктуры, где могут проводить досуг подростки, (в том числе и состояние обеспечения безопасности образовательных организациях); о потерпевших о медицинских характеристиках несовершеннолетних (в том числе состоящих на учете в психоневрологических диспансерах и находящихся под амбулаторным наблюдением врачей-психиатров, лиц, допускающих немедицинское потребление наркотических средств и психотропных веществ, лиц, замеченных в употреблении спиртосодержащей продукции); информации о неблагополучных семьях; об особенностях формирования правосознания несовершеннолетних; о состоянии административной практики в отношении несовершеннолетних; о числе несовершеннолетних, оставшихся без родительского попечения (в том числе в результате участие одного из родителей в СВО); распространенности и структуры неформальных молодежных объединениях; о состоянии организации информационного, ресурсного, методического обеспечения субъектов системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних; в том числе и уровне квалификации сотрудников правоохранительных органов, осуществляющих индивидуальную профилактическую работу в отношении несовершеннолетних, осужденных к наказаниям, не связанным с изоляцией от общества, а также в отношении которых применены принудительные меры воспитательного воздействия. В своей работе Г.А. Аванесов отмечал «Стратегия организации борьбы с преступностью – это искусство управления процессами воздействия на преступность. Это соответствующие управленческие решения, относительно которых проведена квалифицированная научная экспертиза». [1, с. 557] Именно поэтому криминологический прогноз, основанный на комплексном анализе всех вышеперечисленных сведений, позволит определить истинные приоритеты в направлениях уголовной политики государства в отношении преступности несовершеннолетних. Позволит стать основой для разработки действенных федеральных и региональных программ, предвидя вероятные сдвиги в развитии социальной ситуации и возможные криминологические риски.

Список литературы:

1. Аванесов Г. А. И Вся жизнь – в науке // Избранные труды / Г. А. Аванесов. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2019. – 839 с.
2. Антонян Ю. М. Профессор Г. А. Аванесов, классик отечественной криминологии // Криминологический журнал. 2022. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/professor-g-a-avanesov-klassik-otechestvennoy-kriminologii> (дата обращения: 20.03.2024).
3. Бондарева Г. В. Понятие и современное состояние криминологического прогнозирования // Философия права. 2022. № 4 (103). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-i-sovremennoe-sostoyanie-kriminologicheskogo-prognozirovaniya> (дата обращения: 21.02.2024).
4. Демидова-Петрова Е. В. Предупреждение преступности несовершеннолетних: мониторинг региональной практики // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2017. № 4 (83). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/preduprezhdenie-prestupnosti-nesovershennoletnih-monitoring-regionalnoy-praktiki> (дата обращения: 21.03.2024).
5. Лопашенко Н. А. О проекте нового УК РФ (в порядке инициирования дискуссии) // Библиотеки уголовного права и криминологии. 2016. № 6. С. 8.
6. Омигов В. И. Прогноз преступности как эффективное средство противодействия преступности // Юридические записки. 2014. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prognoz-prestupnosti-kak-effektivnoe-sredstvo-protivodeystviya-prestupnosti> (дата обращения: 15.03.2024).
7. Ткачев В. Н. Проблемы реализации уголовной политики в отношении несовершеннолетних: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2007. 459 с.

Соловьев Владислав Сергеевич,
кандидат юридических наук, доцент,
начальник кафедры уголовного права и криминологии,
Краснодарский университет МВД России
E-mail: vladsolovyev@mail.ru

УДК 343.9

Методологическое наследие Г. А. Аванесова и современная цифровая криминология

Аннотация. В статье рассмотрено содержание четырех методологических подходов к исследованию преступности и отдельных ее видов, разработанных Г.А. Аванесовым. Это подходы, связанные с взаимодействием человека и социальной среды при формировании личности преступника, с усилением опасности преступности при активном ее восприятии членами общества, с взаимным влиянием преступности и системы социальных условий, а также с влиянием маргинализации общества на преступность. Для каждого из этих подходов обосновывается возможность и актуальность применения к процессам, происходящим в виртуальном пространстве. Приводятся результаты соответствующих криминологических исследований. На основе методологических подходов Г.А. Аванесова предлагаются направления исследования и пути предупреждения преступлений, совершаемых в сфере информационно-телекоммуникационных технологий.

Ключевые слова: методологический подход; Интернет; киберпреступность; киберсоциализация; маргинализация; трэш-блогер.

Геннадий Арташесович Аванесов принадлежал к «золотому» поколению криминологов. К поколению, благодаря которому современная криминология имеет широкий арсенал методов исследования всевозможных криминальных явлений. Несмотря на то, что преступность в сфере информационных технологий не была объектом пристального внимания криминологических исследований Г.А. Аванесова, им были сформированы методологические подходы, применение которых позволяет исследовать практически любой вид преступности, в том числе и киберпреступность. Более того, использование указанных подходов позволяет выявить неочевидные признаки и тенденции криминальных явлений. Обратить внимания на четыре таких подхода.

1. Из социальных образований выходят в мир общего криминала преступления, лица, их совершающие, причины преступлений, потерпевшие и т.д., но главное – это личность – общественно опасный носитель преступления. Личность и социальная среда – это личность, личность и поведение – это личность, личность и мотив – это личность, личность и ситуация – это личность, личность и причины совершаемых ею преступлений – это личность, личность и отношения «преступник – жертва» – это личность и т. д. Все, что связано с человеком, – это личность, это активная, живая причина преступления [1, с. 22].

При исследовании криминальных процессов в сфере информационных технологий внимание ученых традиционно приковано к таким причинам криминализации киберпространства как технологическая незащищенность сетевых сервисов коммуникации, сложность инфраструктуры современных сетей и сетевых процессов, возможность анонимной деятельности (или иллюзия такой возможности в глазах пользователя), очевидно недостаточное и перманентно устаревающее правовое регулирование внутрисетевых отношений и процессов. При этом совершенно необоснованно из спектра внимания уходит личность преступника. Между тем, все отношения в сетевом пространстве, как и в пространстве реальном, – это отношения людей, подверженные во многом общим закономерностям. Исходя из этого, следует обратить внимание на становление личности киберпреступника.

Традиционно формирование личности преступника начинается уже с процесса социализации. Говоря о преступности в информационно-телекоммуникационном пространстве, необходимо добавить в процесс становление личности преступника еще один этап – киберсоциализацию. Под киберсоциализацией понимают процесс социализации личности в киберпространстве. Это процесс изменений структуры самосознания личности, происходящий под влиянием и в результате использования им современных информационных и компьютерных технологий в контексте жизнедеятельности [2, с. 185].

Процесс киберсоциализации сопровождается рисками для пользователя, которые можно условно классифицировать на две группы: психологические и социальные [3, с. 152].

К психологической группе рисков относятся, во-первых, информационные перегрузки и психоэмоциональное напряжение, связанные с огромным объемом информации, потребляемой человеком. Во-вторых, к данной группе рисков можно отнести нарушение уровня самосознания. Создается иллюзия того, что виртуальный мир не несет в себе опасности и не требует обязательной ответствен-

ности за свои поступки. В-третьих, в процессе киберсоциализации может возникнуть угроза манипулятивного воздействия на личность, способного привести, в том числе, и к совершению преступлений. В-четвертых, большое количество времени, проведенного в сети, может привести к социальному аутизму. Будучи пассивным в социальной жизни, человек проявляет все большую активность в виртуальной реальности. Фактически можно наблюдать ситуации, когда «Я» виртуальное становится для человека важнее «Я» реального. В литературе называют индикаторы девиации пользователя на этапе киберсоциализации: 1) предпочтение депрессивно-насильственного контента развлекательному; 2) продолжительность игры на компьютере свыше 5 часов в день; 3) предпочтение жанра насильственных игр в ущерб интеллектуальным; 4) несоответствие используемого игрового контента возрасту [4, с. 245–250].

К социальным рискам виртуальной социализации можно отнести: нарушение основных функций социализации и взаимодействие человека с теми элементами виртуальной социализации, которые могут способствовать возникновению у него агрессивных форм поведения.

Специалисты, уполномоченные выявлять и раскрывать преступления в сфере информационных технологий, в ходе опроса отметили, что преступники, использующие социальные сети для совершения противоправных деяний, в целом обладают личностными качествами, характерными для лиц, совершающих каждый из видов преступлений в отдельности, однако в целом такие преступники обладают более высоким уровнем образования и знаний в области информационных технологий, больше внимания уделяют вопросам конспирации и сохранения анонимности, отличаются коммуникативностью, умением легко установить эмоциональный контакт.

Все перечисленные особенности следует учитывать при организации работы, направленной на предупреждение преступлений в сфере информационных технологий.

2. Преступность проявляет себя опаснее всего тогда, когда каждый человек чувствует ее активное влияние на себе лично и на близких ему людях, ощущает реальную угрозу, а это мешает ему нормально жить и работать [1, с. 25].

Влияние преступности на людей традиционно является одним из ее негативных социальных последствий.

Проведенный опрос пользователей социальных сетей на предмет определения частоты «встреч» с отдельными криминальными проявлениями в виртуальной среде (распространение экстремистских материалов, попытки совершения мошеннических действий

и иных дистанционных хищений, торговля контрафактным алкоголем, реклама коммерческих услуг сексуального характера, распространение материалов, содержащих порнографические изображения несовершеннолетних, демонстрация пронаркотического контента) показал, что с каждым из исследуемых криминальных явлений сталкиваются более половины респондентов. В наибольшей степени в социальных сетях преобладают распространение материалов экстремистского характера и попытки совершения в отношении пользователей дистанционных хищений. Число пользователей, часто сталкивающихся с этими двумя криминальными явлениями (23,8% и 20,5%), превышает число тех, кто ни разу с ними не сталкивался (соответственно 16,6% и 17,5%).

Еще большие масштабы демонстрирует проникновение криминальных явлений в теневой сегмент сети Интернет (Даркнет). В ходе опроса респондентов, пользующихся сетью Даркнет, им было предложено ответить, сталкивались ли они с объявлениями о продаже наркотиков, их рекламой, деятельностью магазинов и торговых площадок по продаже наркотиков в сети Даркнет. Анализ ответов на вопрос показал, что подавляющее большинство пользователей сталкивались с предложениями приобрести наркотические средства: 53% делали это часто, еще 31% – в единичных случаях. Лишь 16% респондентов ответили, что не встречались с предложениями приобрести наркотики в сети Даркнет.

Пользователи социальных сетей встречаются и с иными противоправными проявлениями: клеветой, деятельностью религиозных сект, издевательствами в школах над учителями и учениками, организацией незаконных протестных акций, угрозами, взломом чужих страниц за деньги, оскорблениями. Все перечисленные явления из-за своей распространенности обладают способностью активно влиять на психологию пользователей, с одной стороны, внушать страх, а с другой – размывать у них границы преступного и непроступного, формировать своего рода «виртуальную криминальную среду». Возможно провести аналогию с «теорией разбитых окон», когда самые незначительные правонарушения, достигая определенной «критической массы», фактически провоцируют более серьезные противоправные деяния, убеждают пользователей в нормальности общего криминального фона в виртуальном пространстве.

В качестве одной из мер предупреждения формирования такой среды указывается совершенствование культуры противодействия преступности в сфере информационных технологий путем наращивания профилактического присутствия органов внутренних дел в информационном пространстве [5, с. 123].

3. Процессы, происходящие в пределах двух систем – системы социальных сословий, групп и т.д. и системы преступности, являются процессами социального и информационного взаимодействия [1, с. 39].

С увеличением количества пользователей сети Интернет становится очевидно, что туда проникают представители практически всех социальных групп и сословий, в том числе и наиболее маргинальных. Взаимодействуя, они образуют качественно новую социальную группу. Формируется сетевая субкультура: формы и способы представления информации (язык, знаковые системы); нормы (этические взгляды, эстетические установки и потребности, предпочтения); традиции, привычки; ценности; мифология. Всё это находится в непрерывном информационном обмене с криминальными процессами, происходящими в виртуальном мире.

Такая субкультура требует внимания и изучения со стороны субъектов профилактики преступлений. Только при таком подходе можно говорить о возможности выстроить качественную систему предупреждения криминальных проявлений в информационно-телекоммуникационном пространстве.

4. Говоря о преступности маргиналов, важно подчеркнуть следующее обстоятельство: половозрастная и иная социально-демографическая структура преступности представляет собой в целом зеркальное отражение половозрастной и иной социально-демографической структуры маргиналов [1, с. 57].

С развитием информационных технологий вопрос о маргинализации отдельных людей и социальных сообществ приобрел новое содержание. Следствием маргинализации интернет-пространства является появление «трэш-блогеров» и «трэш-стримов», которые образовали так называемый «нижний Интернет». Достаточно востребованными являются блогеры, демонстрирующие очевидно маргинальный образ жизни и его неотъемлемые составляющие (нецензурная лексика, потребление алкоголя, физическое насилие, провокационный контент и т.п.) – Гобзавр, Олег Монгол, Иришка Чики Пики и др. Количество их подписчиков, а также просмотров контента, в том числе демонстрируемого в прямом эфире, достигает нескольких сот тысяч. Реакцией государства на это стала проработка вопроса об установлении ответственности, то есть ставший традиционным ответ запретительными мерами [6, с. 61–64].

Возникает ряд закономерных вопросов: кого в настоящее время следует считать маргиналами? В каком контексте рассматривать «сетевую маргинализацию»? Как выстраивать работу с «традиционными» маргинальными группами, взаимодействие которых пере-

местилось в виртуальное пространство? Наконец, существует ли преступность маргиналов в сети Интернет и что она собой представляет?

Ответ на каждый из этих вопросов требует самостоятельного криминологического исследования, во многом отличного от исследований, проводимых вне информационного пространства. Лишь при таком подходе возможно проникнуть в сущность процессов криминализации информационно-телекоммуникационной социальной среды и сформировать должный подход к профилактической деятельности.

Таким образом, методологические подходы, выработанные Г.А. Аванесовым при исследовании самых разных криминальных процессов, стали по-настоящему универсальными и применимыми для анализа особенностей практически любого вида преступности, в том числе и преступности в сфере информационно-телекоммуникационных технологий.

Список литературы:

1. Аванесов Г. А. Преступность и социальные сословия. Криминологические рассуждения: монография. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2010.
2. Яковлева О. В. Влияние виртуальной среды на социализацию современной молодежи: анализ основных рисков // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2013. № 162.
3. Болдакова И. А. Основные риски киберсоциализации молодежи // Научно-методический электронный журнал Концепт. 2015. Т. 37.
4. Рыдченко К. Д. Информационная среда несовершеннолетнего как деликтогенный фактор: реальность и мифы // Деятельность правоохранительных органов по обеспечению законности и правопорядка в Азиатско-Тихоокеанском регионе: проблемы и перспективы: сборник материалов международной научно-практической конференции (14 мая 2015 г.); Дальневосточный юрид. ин-т МВД России. Хабаровск: РИО ДВЮИ МВД России, 2015.
5. Симоненко А. В., Грибанов Е. В. Культура противодействия преступности в деятельности органов внутренних дел // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 4.
6. Абрамян С. К. Проблемные аспекты ужесточения ответственности за треш-стримы в Российской Федерации // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2024. № 2.

Босхолов Сергей Семенович,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Российской Федерации,
профессор кафедры уголовного права и криминологии,
Институт юстиции
Байкальского государственного университета

УДК 343

Принципы современной российской уголовной политики

Аннотация. Данная статья является логическим продолжением предыдущей статьи «Идеологические основы уголовной политики», опубликованной в сборнике материалов Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Г.М. Миньковского (Москва: Академия управления МВД России, 2023 г.). В ней мною был поднят вопрос о необходимости возобновления научных исследований принципов уголовного закона и уголовной политики [1, с.50]. Принципы – это наиболее общие, основополагающие *идеи, исходные начала*, лежащие в основе мировоззрения, научной доктрины или теории, отражающие основные закономерности развития общества. Принципы уголовного закона тесно связаны с уголовной политикой, они задают вектор его формирования и развития. Вместе с тем уголовная политика имеет свои собственные принципы как весьма сходные с принципами уголовного закона, так и имеющие определенные различия.

Ключевые слова: безопасность; идеология; преступность; принципы уголовного закона; принципы уголовной политики; стратегия противодействия преступности; уголовная политика.

Термин «принцип» происходит от латинского «*principium*» – «начало», «основа», «основополагающее начало» - основное исходное положение какой-либо теории, учения, науки, руководящая идея. Предметные научные исследования принципов уголовного закона как исходных начал, руководящих идей уголовного закона были проведены еще в советский период времени. При этом их характерным признаком являлось то, что они проводились, как правило, в рамках исследования принципов уголовного права. В работах большинства ученых того периода времени отмечались такие

принципы уголовного права, как законность, демократизм, гуманизм, интернационализм [2, с.9-11].

На рубеже 80-90-х гг. прошлого столетия, благодаря усилиям плеяды блистательных ученых А.П. Алексеева, Г.А. Аванесова, Н.А. Беляева, М.М. Бабаева, В.А. Вдадимирова, С.Е. Вицина, И.М. Гальперина, П.Ф. Гришанина, Н.И. Загородникова, П.С. Дагеля, И.А. Исмаилова, И.И. Карпеца, В.Н. Кудрявцева, Г.М. Миньковского, П.Н. Панченко, Э.Ф. Побегайло, В.П. Ревина, Н.С. Стручкова, А.Я. Сухарева и др. была создана теория советской уголовной политики, в которой в рамках ее понятийного аппарата стали разрабатываться принципы уголовной политики.

В постсоветский период времени работы в этом направлении были продолжены, появилось деление принципов на общие и специальные. Так, в учебнике «Российское уголовное право. Общая часть» к числу общих принципов уголовного законодательства отнесены принципы законности, демократизма, равенства граждан перед законом, справедливости, гуманизма. Специальными названы принципы неотвратимости ответственности, личной и виновной ответственности [3, с.17–23].

Общим результатом этих исследований явилось нормативно-правовое закрепление принципов уголовного закона в уголовном законодательстве. Так, действующее уголовное законодательство Российской Федерации (УК РФ) содержит пять принципов: принцип законности (ст.3 УК), принцип равенства граждан перед законом (ст.4 УК), принцип вины (ст.5 УК), принцип справедливости (ст.6 УК) и принцип гуманизма (ст.7 УК).

Относительно принципов уголовной политики возобладали общий подход о том, что уголовная политика имеет собственные принципы, отличные от принципов уголовного права и уголовного законодательства. Моя авторская позиция на этот счет была выражена в диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук «Уголовная политика современной России в условиях конституционно-правового реформирования», защищенной в Академии управления МВД России в 1999 г., в которой были выдвинуты и обоснованы следующие принципы уголовной политики: законность, равенство граждан перед законом, демократизм, справедливость, гуманизм, неотвратимость ответственности и научность [4].

В настоящий период времени представляется необходимым сделать существенные коррективы как в перечень принципов уголовной политики, так и особенности – в их содержание. Это обусловливается тем, что, современный мир в XXI веке настолько изменился, что жить и руководствоваться прежними взгляда-

дами и представлениями уже невозможно. То, что еще вчера – до 24 февраля 2022 г., т.е. начала Специальной военной операции (СВО) казалось правильным, сегодня воспринимается совершенно по-другому. Человечество переживает эпоху кардинальных перемен, необратимо уходит в прошлое неравновесная однополярная модель мирового глобализма

Россия твердо встала на путь суверенного развития, укрепления своих позиций на международной арене в качестве государства-цивилизации и влиятельной мировой державы, вносящей решающий вклад в построении нового справедливого миропорядка. Рассматривая укрепление России в качестве одного из ведущих центров развития современного мира, считая ее самостоятельную внешнюю и внутреннюю политику угрозой западной гегемонии Соединенные Штаты Америки (США) и их сателлиты использовали принятые Российской Федерацией меры по защите своих национальных интересов на украинском направлении как предлог для обострения многолетней антироссийской политики и развязали гибридную войну нового типа.

В этих условиях должна меняться и меняется государственная политика во всех сферах жизнедеятельности российского общества и государства, в том числе в сфере противодействия преступности и иным правонарушениям, т.е. уголовная политика. Стартовой площадкой для начала формирования современной уголовной политики стала прошлогодняя международная научная конференция, посвященная 100-летию Г.М. Миньковского. Данная конференция, посвященная 90-летию Г.А. Аванесова, должна придать ему новый импульс.

Какие конкретные научные шаги необходимо сделать для того, чтобы выйти на твердый путь реализации данной важнейшей цели?

Прежде всего необходимо продолжить и активизировать широкую научную дискуссию о концептуальных проблемах современной российской уголовной политики, начатую в сентябре 2023 г. в том числе об общих положениях уголовной политики, в первую очередь о понятии и принципах уголовной политики, ее целях и задачах, основных направлениях уголовной политики. При этом следует осмыслить и учесть все те кардинальные изменения во внутренней и внешней политики, на которые обращено внимание в начале доклада.

Разумеется, у разных ученых могут быть разные взгляды и мнения по всем названным концептуальным проблемам уголовной политики. Однако на завершающем этапе коллективными усилиями должен быть разработан и предложен руководству страны

единый проект «Государственной политики противодействия преступности и иным правонарушениям в Российской Федерации», в котором в общих ее положениях должны быть приведены основные понятия уголовной политики.

На данном этапе для коллективного обсуждения мною предлагается следующее рабочее определение: *«Государственная политика по противодействию преступности и иным правонарушениям (уголовная политика – в широком смысле) представляет собой систему скоординированных мер, осуществляемых Президентом Российской Федерации и иными органами публичной власти при участии институтов гражданского общества для обеспечения безопасности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз криминального характера».*

По объему своих целей и задач, основным направлениям государственная политика по противодействию преступности и иным правонарушениям выходит за пределы уголовно-правовой, уголовно-процессуальной, уголовно-исполнительной и криминологической политик. Более того, все названные политики являются неотъемлемой составной частью этой государственной политики, т.е. уголовной политики, которая призвана обеспечивать надежный уровень безопасности личности, общества и государства от криминальных посягательств, осуществлять эффективный контроль над преступностью, своевременно и адекватно реагировать на все ее проявления.

Уголовная политика реализуется, как отмечал один из основоположников теории уголовной политики профессор Г.М.Миньковский, на трех уровнях: концептуальном, законодательном и правоприменительном [5, с. 32]. На концептуальном уровне уголовная политика определяет принципы, главную линию, стратегические и тактические направления противодействия преступности. На законодательном уровне осуществляется процесс оформления решений, принятых на концептуальном уровне, в конкретные законодательные и иные нормативные правовые акты. На правоприменительном уровне осуществляется процесс практической реализации принятых решений на концептуальном и законодательном уровнях в сфере противодействия преступности и иным правонарушениям.

Обращаясь к рассмотрению принципов уголовной политики, предлагаю разделить их на две группы: *общие и специальные*. К *общим* относятся: принцип законности, принцип справедливости, принцип гуманизма, принцип равенства граждан перед законом, принцип социальной обусловленности. К *специальным* принципам

уголовной политики, на мой взгляд, следует отнести: принцип приоритета предупредительных мер, принцип неотвратимости ответственности, принцип криминологической обоснованности, принцип минимизации отрицательных последствий преступности. Рассмотрим их вкратце по порядку.

Общие принципы уголовной политики носят универсальный характер, они сходны с принципами уголовного права и уголовного закона, но отнюдь не тождественны им. Поскольку в научной литературе им уделено достаточно внимания, ограничусь указанием на особенности их реализации в уголовной политике.

Принцип законности в уголовном праве и уголовном законе трактуется узко и предметно, преподносится как идея, в соответствии с которой преступность деяния, а также его наказуемость и иные уголовно-правовые последствия определяются только уголовным законом. Применение уголовного закона по аналогии не допускается (ст.3 УК РФ). Однако в рамках уголовной политики принцип законности трактуется более широко, приобретает подлинную универсальность и рассматривается в качестве основополагающей идеи для нормальной жизнедеятельности правового государства и цивилизованного общества.

Принцип законности предполагает строгое соблюдение гражданами, государственными и муниципальными служащими, органами государственной власти и местного самоуправления, юридическими лицами законов Российской Федерации, своих прав и обязанностей в тех отношениях, которые возникают между ними в сфере противодействия преступности и иным правонарушениям. Именно в сфере этих отношений человек наиболее незащищен перед властью, беззаконием и произволом чиновников, нуждается в надежной правовой защите.

В правовой теории и практике давно (пожалуй, со времен римского права) утвердилась идея о верховенстве закона. Особенное распространение она имеет в западных правовых системах, возведена в них в ранг чуть ли не Высшей Добродетели. Между тем еще в 18 веке Ч.Беккариа указывал на темноту законов, заставляющей прибегать к толкованию, и прямо называл это «злом, достигающим крайних пределов, если законы написаны на чуждом народу языке, превращающем книгу законов из общего и публичного в частное и домашнее достояние и ставящее народ, лишенный возможности судить о границах его свободы и свободы отдельных граждан, в зависимость от немногих лиц» [6, с.94].

Из этого вытекает важный вывод о том, что не во всех случаях закон соответствует праву, своему подлинному назначению, что он

может вступать в противоречие с понятиями добра и справедливости, и что сам закон может превращаться в источник зла, творить зло. В законодательной практике нередко бывает и такое, когда законы пишутся в угоду частным интересам, а не интересам общества и государства. В качестве показательного примера в законодательной практике современной России можно привести исключение 8 декабря 2003 г. конфискации имущества из УК РФ, которое, по справедливому мнению Э.Ф. Побегайло, носило заказной характер и было произведено в угоду вороватому чиновничеству и экономическому криминалитету [7].

Принцип равенства граждан перед законом закреплен в статье 4 УК РФ и означает, что «лица, совершившие преступление, равны перед законом и подлежат уголовной ответственности независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также другим обстоятельствам».

В рамках уголовной политики коллизии с реализацией этого принципа возникают в правоприменительной практике, и чаще всего они бывают связаны с имущественным и должностным положением лица, совершившего преступление. К примеру, особенно заметны эти коллизии при осуществлении уголовно-правовой борьбы с коррупцией. Так называемая «беловоротничковая» коррупция в России все еще остается вне сферы досягаемости уголовного правосудия. Многие высокопоставленные должностные лица, входящие в политическую и экономическую элиту страны, и использовавшие свое должностное и служебное положение в целях личной наживы, уходят от уголовной ответственности, благодаря своему должностному положению, наличию коррупционных связей в органах государственной власти, в том числе в правоохранительных органах, финансовым возможностям для найма высококвалифицированных адвокатов и т.д. В тех достаточно редких случаях, когда они все же привлекаются к уголовной ответственности, то к ним применяются меры уголовного наказания, не соразмерные с тяжестью совершенных ими коррупционных преступлений.

Такое положение вещей следует рассматривать не иначе, как безнаказанность «беловоротничковой» преступности. Иными словами, народ видит коррупцию во власти, но не видит наказания за нее. Тем самым наносится колоссальный ущерб авторитету власти, закона и правосудия со всеми вытекающими из этого негативными социальными последствиями.

Принцип справедливости в соответствии со статьей 6 УК РФ означает, что «наказание и иные меры уголовно-правового характера, применяемые к лицу, совершившему преступление, должны быть справедливыми, т.е. соответствовать характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного. Никто не может нести уголовную ответственность дважды за одно и то же преступление». Однако в уголовной политике этот принцип должен иметь более глубокий смысл и назначение.

Современная российская уголовная политика должна исходить из того, чтобы не только сам уголовный закон соответствовал принципу справедливости, но и вся уголовная политика по применению этих законов была справедливой, строилась на идее справедливости, имеющей метафизические и онтологические основы, о которых я говорил в своем докладе на прошлогодней конференции. Напомню, что ими были названы Правда, Справедливость и Совесть, относящиеся к божественным и абсолютным по своему высокому статусу и предназначению истинам, исходящим от самого Бога и составляющим основу христианского вероучения.

Великий Чезаре Беккариа писал, что «существуют три источника нравственных и политических начал, управляющих людьми: божественное откровение, естественные законы и добровольные общественные соглашения». Исходя из этого, он выделял «три различных рода добродетелей и пороков: религиозный, естественный и политический», утверждая при этом, что «эти три рода никогда не должны находиться в противоречии друг с другом». Но что самое главное узрел Беккариа и рекомендовал своим последователям (в том числе, думается, и нам с вами, обсуждающим проблемы уголовной политики) – это то, что идея политической добродетели является изменчивой, идея добродетели естественной затемняется людским невежеством и страстями, а вот «идея добродетели религиозной, возведенная и охраненная самим Богом, всегда остается единой и неизменной» [7, с.86].

Отсюда именно идея справедливости должна быть положена в основу современной российской уголовной политики и занять в ней центральное место. В свою очередь, основу этой идеи, по моему мнению, должны составлять традиционные российские духовно-нравственные ценности, т.е. те нравственные ориентиры, которые формировали не только общее мировоззрение граждан России, но и их правовое мировоззрение в течении всей многовековой истории ее развития как самобытного государства-цивилизации.

Принцип гуманизма, закрепленный в статье 7 УК РФ, устанавливает, что «уголовное законодательство Российской Федерации обеспечивает безопасность человека» (ч. 1), а также то, что «наказание и иные меры уголовно-правового характера, применяемые к лицу, совершившему преступление, не могут иметь своей целью причинение физических страданий или унижение человеческого достоинства» (ч. 2).

Представляется, что применительно к уголовной политике принцип гуманизма должен трактоваться шире. Изложенный в части 1 ст. 7 УК РФ постулат об обеспечении уголовным законодательством безопасности человека не должен ограничиваться заботой о проявлении гуманного отношения только к преступнику, нельзя забывать о необходимости такого же отношения и к жертвам преступления, а также и к обществу. Если же вновь обратиться к метафизическим основам уголовной политики, то можно прийти к выводу о том, что гуманная уголовная политика должна быть *милосердной*.

Принцип социальной обусловленности уголовной политики исходит из аксиомы о том лучшей уголовной политикой может быть политика социальная, базирующаяся на конституционном положении о том, что «Российская Федерация – социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека» (ст. 7 Конституции РФ). Наибольшее проявление этот принцип находит в сфере криминологической политики, так как практически весь причинный комплекс преступности и преступного поведения носит социальный характер, а отсюда наибольшей эффективностью при предупреждении преступности и иных правонарушений обладают меры социального характера.

Специальные принципы уголовной политики названы специальными по той причине, что они носят частный, отраслевой характер и реализуются только в сфере противодействия преступности.

Принцип *приоритета предупредительных мер* в уголовной политике закреплен на законодательном уровне в отдельных федеральных законах по противодействию терроризму, экстремизму, коррупции и др., поэтому не требует дополнительной аргументации. Разве только следует отметить, что путь к нему был долгим и тернистым, длиною почти в два с половиной века, начиная с 1765 г., когда было опубликовано знаменитое сочинение Чезаре Беккариа «О преступлениях и наказаниях», в которой он выразил мечту о мудром законодателе, который лучше предупредит преступление, чем потом будет наказывать за него.

Принцип *неотвратимости ответственности*, на мой взгляд, также не требует глубокой аргументации по той причине, что он тесно связан с принципом *неотвратимости наказания*, который был предметом многочисленных научных исследований в области уголовного права и отдельного отраслевого направления уголовной политики – уголовно-правовой политики. Применительно к «большой» уголовной политике больше подходит принцип неотвратимости ответственности, который во главу угла ставит не уголовное наказание, а ответственность физических и юридических лиц за содеянные ими противоправные деяния. Отсюда в числе первоочередных задач уголовной политики должны быть предупреждение и пресечение их противоправной деятельности, привлечение виновных лиц к юридической ответственности и возмещение нанесенного ими ущерба личности, обществу и государству.

Принцип *криминологической обоснованности*, пожалуй, впервые предлагается мною в качестве специального принципа уголовной политики. Базируется он на серьезных научных изысканиях о криминологической обоснованности уголовного закона, осуществленных, прежде всего, С.Ф.Милюковым, конечным выводом которых стало предложение о внедрении в законодательную теорию и практику института криминологической экспертизы. В частности, С.Ф.Милюков полагает, что криминологическая экспертиза должна решить вопрос о криминологической обоснованности положений уголовного закона, т.е. соответствии правовых установлений криминологическим данным о причинах преступности, личности преступника и основным методам предупреждения преступности как генерального направления борьбы с этим негативным социально-правовым явлением [9, с.29].

Принцип криминологической обоснованности уголовной политики означает, что основные стратегические направления противодействия преступности и иным правонарушениям должны базироваться на выверенных научных данных о показателях преступности (объеме, структуре, динамике, тенденциях), причинном комплексе преступности (политико-правовом, социально-экономическом, духовно-нравственном), кадровому потенциалу и реальной ресурсной обеспеченности системы противодействия преступности и иным правонарушениям. По сути дела, данный принцип совместен с принципом социальной обусловленности уголовной политики вводятся вместо принципа научности, который был недостаточно продуктивен в силу его недостаточной конкретности.

Принцип минимизации отрицательных последствий преступности также предлагается впервые в качестве специального прин-

ципа уголовной политики. В кратком изложении он означает минимизацию ущерба, материального и морального вреда, наносимого обществу преступностью как негативным социально-правовым явлением, а также минимизацию затрат на обеспечение деятельности системы противодействия преступности и иными правонарушителями. В широком плане его, пожалуй, можно сравнить с хорошо известным принципом медицинской этики «*не навреди*».

В этой связи уголовный закон выступает в качестве инструмента, который можно сравнить со скальпелем хирурга, а потому обращаться с ним нужно крайне осторожно, в частности, при осуществлении процессов криминализации и декриминализации, пенализации и депенализации.

Список литературы:

1. Босхолов С. С. Идеологические основы уголовной политики // Уголовная политика на современном этапе: состояние, тенденции, перспективы (к 110-летию со дня рождения Г.М. Миньковского): сборник материалов Международной научной конференции. – М.: Академия управления МВД России, 2023. – 480 с.
2. Курс советского уголовного права. Т.1. М., 1970.
3. Российское уголовное право. Общая часть. Саратов, 1994.
4. Босхолов С. С. Уголовная политика современной России в условиях конституционно-правового реформирования: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1999.
5. Миньковский Г. М. Правовая политика в сфере борьбы с преступностью и проблемы законодательного регулирования этой борьбы // Проблемы формирования уголовной политики Российской Федерации и ее реализации органами внутренних дел. – М., 1995.
6. Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях / сост. и предисл. В. С. Овчинского. – М.: ИНФРА-М, 2004. – 184 с.
7. Побегайло Э. Ф.
8. Беккариа Ч. Там же.
9. Милюков С. Ф. Российское уголовное законодательство: опыт критического анализа: монография. СПб.: СПбИВСЭП, Знание, 2000. – 279 с.

Гаврилов Борис Яковлевич,
доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры управления органами
расследования преступлений,
Академия управления МВД России
E-mail: profgavrilov@mail.ru

УДК 343.1

**К вопросу о роли отдельных институтов
уголовно-процессуального законодательства
в обеспечении качества расследования
и предупреждения преступлений**

Аннотация. В статье, исходя из статистических показателей, подвергнуты исследованию ряд призванных обеспечивать эффективность борьбы с преступностью уголовно-процессуальных институтов. В этой связи рассмотрены основные причины их несовершенства, а также внесение в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ) многочисленных изменений, направленных, по мнению законодателя, на его совершенствование, а фактически – лишь формализующих процедуры расследования и соответственно не обеспечивающих назначение уголовного судопроизводства. Одновременно с приведением статистических показателей изложены результаты реформы УПК РФ 2007 г. в части обеспечения качества и законности предварительного следствия и дознания. На основании анализа дореволюционного российского и современного зарубежного законодательства, включая государства бывшего постсоветского пространства, а также складывающейся судебной практики обосновывается необходимость реорганизации таких уголовно-процессуальных институтов как возбуждение уголовного дела, процессуальные сроки расследования, предъявление обвинения, дознание в сокращенной форме.

Ключевые слова: уголовный процесс; возбуждение уголовного дела; процессуальные сроки; дознание; качество расследования; законность.

Современное состояние отдельных уголовно-процессуальных институтов автором рассматривается с позиции их влияния на эффективность уголовного досудебного производства, что,

в свою очередь, определяется состоянием научной мысли и выработанными представителями научной общественности с участием правоприменителей предложениями по совершенствованию уголовного досудебного производства, которых за период действия УПК РФ (2002-2024 гг.) было реализовано более, чем в 300 федеральных законах. В свою очередь, повышение эффективности уголовного досудебного производства видится в преодолении зашоренности и догматизма мышления не только ученых, но и практикующих юристов в их оценке с точки зрения эффективности действий указанных процессуальных институтов.

Тем самым, критически оценивая эффективность современного досудебного уголовного производства, включая, в частности, начало производства по уголовному делу, процессуальные сроки предварительного следствия, привлечение лица в качестве обвиняемого, процессуальные формы расследования. Автором публикации она рассматривается как с позиции практика с более, чем 30-ти летним стажем работы в органах предварительного расследования, так и с точки зрения учёного, принимавшего в рабочей группе при Комитете по законодательству Государственной Думы РФ непосредственное участие в работе над проектом УПК РФ. После принятия УПК РФ данной рабочей группой осуществлялся его мониторинг, результаты которого обусловили внесение законодателем в Кодекс первых существенных поправок, обусловленных позицией Генпрокуратуры России в части сохранения за прокурором до 1 января 2004 г. права на санкционирование ограничения конституционных прав граждан вне судебной процедуры, что вступило в прямое противоречие с положениями ст.ст. 22, 23, 25 Конституции РФ и обусловило принятие Конституционным Судом РФ постановления от 14.03.2002 № 6-П¹ о неконституционности положений ст.97 УПК РСФСР (в силу того, что УПК РФ вступил в действие только с 1 июля 2002 г.), предусматривающих заключение под стражу вне судебного решения. В свою очередь его принятие повлекло за собой внесение законодателем Федеральным законом от 29.05.2002 №58-ФЗ первых изменений в УПК РФ².

¹ По делу о проверке конституционности статей 90, 96, 122 и 216 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами граждан С. С. Маленкина, Р. Н. Мартынова и С. В. Пустовалова: Постановление Конституционного Суда Рос. Федерации от 14 марта 2002 г. № 6-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 12. Ст. 1178.

² О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 29 мая 2002 г. № 58-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 22. Ст. 2027.

Одновременно следует отметить, что часть из внесенных изменений была вызвана необходимостью реализации и ряда других решений Конституционного Суда РФ в части регламентации прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства. Однако, отдельные части из этих изменений носили характер контрреформ, в т.ч. в связи с позицией Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ (о возбуждении уголовного дела по каждому вновь выявленному эпизоду преступной деятельности и дополнительно установленному соучастнику преступления, частичное возвращение института судебного следствия, возвращение к форме обвинительного заключения по УПК РСФСР и ряд других), на что указывал как автор [2, с.7-14], так и профессор В.П. Божьев [1, с. 9–11].

Вместе с тем, значительная часть изменений была обусловлена позицией научного сообщества о необходимости совершенствования уголовно-процессуального законодательства и одновременно в силу отказа законодателя еще в период подготовки УПК от включения в уголовно-процессуальный закон ряда предложений автора, в том числе о дифференциации полномочий между прокурором и руководителем следственного органа в части осуществления процессуального руководства следователями, включение в число участников уголовного судопроизводства со стороны обвинения начальника подразделения дознания и др. [3, с. 29-38].

Значительное количество изменений обусловлено и восстановительностью изменений УПК непосредственно правоприменительной практикой, включая принятие Федерального закона от 05.06.2007 № 87-ФЗ¹, которым следователи были выведены из состава органов прокуратуры с последующим созданием Следственного комитета РФ², руководителю следственного органа были переданы от прокурора полномочия по процессуальному руководству следствием, исключена обязанность должностных лиц органа расследования согласовывать с прокурором решение о возбуждении уголовного дела и ряд других. Федеральными зако-

¹ О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации»: Федер. закон от 5 июня 2007 г. № 87-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_38313/ (дата обращения: 01.03.2023).

² О Следственном комитете Российской Федерации: Федер. закон от 28 декабря 2010 г. № 403-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_108565/ (дата обращения: 01.03.2023).

нами от 06.06.2007 №90-ФЗ¹ и 30.12.2015 №440-ФЗ² в УПК РФ на стороне обвинения были включены, соответственно, начальник подразделения дознания и начальник органа дознания.

Реформа 2007 г. оказала положительное влияние на состояние законности и качество расследования уголовных дел, что подтверждается приведенными ниже статистическими показателями о:

- многократном сокращении числа лиц, незаконно, необоснованно привлеченных к уголовной ответственности и соответственно реабилитированных судом, в том числе незаконно, необоснованно содержавшихся под стражей (таблица 1)

Таблица 1

Статистические данные о числе оправданных судом, в т.ч. на 1000 обвиняемых по направленным в суд делам, из них содержавшихся под стражей³

Период	Число оправданных судом лиц, в т.ч. на 1000 обвиняемых по направленным в суд делам, из них незаконно, необоснованно содержавшихся под стражей			
	След. МВД	Из них содержалось под стражей	Следователи прокуратуры и СК РФ	Из них содержалось под стражей
2006	1372 – 2,0	524	1885 – 18,0	954
2023	308 – 1,1	46	550 – 5,5	240

- повышении эффективности надзорной деятельности прокурора за качеством расследования уголовных дел, что подтверждается значительным увеличением возвращенных прокурорами уголовных дел для дополнительного расследования, что в свою очередь обусловило многократное сокращение уголовных дел, возвращенных судом прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ (таблица 2).

¹ О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 6 июня 2007 г. № 90-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_55537/ (дата обращения: 01.03.2023).

² О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части уточнения полномочий начальника органа дознания и дознавателя: Федер. закон от 30 декабря 2015 г. № 440-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_191497/ (дата обращения: 01.03.2023).

³ Статистические данные ФКУ ГИАЦ МВД России. URL: <https://мвд.рф/> (дата обращения: 01.07.2024).

Таблица 2

**Сведения о количестве уголовных дел,
возвращённых прокурором следователям
для дополнительного расследования и судом прокурору¹**

Период	Возвращено прокурором уголовных дел для дополнительного расследования				Возвращено дел судом для доследования и судом прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ	
	След. МВД	Удельный вес (в %)	След. прокур. и СК РФ	Удельный вес (в %)	Всем органам расследования	В т.ч. след-м/уд. вес (в %)
1999	21249	2,7	1102	1,4	41340	34209 – 4,0 %
2006	18373	3,3	1286	0,8	35930	-
2018	17791	5,6	3569	3,6	6568	4668 – 1,1%
2023	16519	6,1	1959	2,1	5007	3678 – 1,0%

Несмотря на значительное количество внесенных в уголовно-процессуальный закон изменений, среди ученых и практиков имеет место точка зрения о необходимости продолжения реформирования УПК в части упрощения процесса расследования. В частности предлагается:

- *исключить из УПК РФ положения о первоначальном двухмесячном сроке предварительного следствия (ч.1 ст.162 УПК РФ) и содержания обвиняемого под стражей (ч.1 ст.109 УПК РФ, перешедшие в современное уголовно-процессуальное законодательство из УПК РСФСР1922 г., а также в силу их противоречия ст. 61 УПК РФ о разумном сроке уголовного судопроизводства, который согласно Постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 29.03.2016 №11-П² не должен превышать по уголовным делам 4-х лет, что в полной мере относится и к содержанию ч.5 ст.162 УПК РФ, которая фактически не ограничивает сроки предварительного следствия за исключением истечения срока давности привлечения к уголовной ответственности;*

¹ Статистические данные ФКУ ГИАЦ МВД России. URL: <https://мвд.рф/> (дата обращения: 01.07.2024).

² О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении дел о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок: Постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 29 марта 2016 г. № 11-П; в ред. от 29 июня 2021 г. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_195918/ (дата обращения: 01.09.2023).

- *исключить из УПК РФ институт привлечения в качестве обвиняемого при производстве предварительного следствия (Глава 23) с одновременной заменой его на институт уведомления о подозрении в совершении преступления (ст.2231 УПК) [4, с. 88-96], поскольку с принятием Федерального закона от 04.03.2013 № 23-ФЗ¹ сегодня адвокат допускается к производству расследования еще на этапе проверки сообщения о преступлении, то есть до возбуждения уголовного дела. В числе аргументов и фактическое отсутствие в УПК РФ различий статуса подозреваемого (ст. 46 УПК РФ) и обвиняемого (ст. 47 УПК РФ) за исключением процедуры окончания расследования по уголовному делу, а также направление в суд без классического предъявления обвинения несколько млн. уголовных дел, расследованных в форме дознания, по которым в Конституционный Суд РФ не обратился ни один из осужденных о нарушении их конституционного права знать в чем они обвиняются;*

- *внести в УПК изменения, регламентирующие процессуальные правила реагирования на заявление, сообщение о преступлении, путем исключения стадии возбуждения уголовного дела, поскольку за последние годы при фактической неизменности (в 2006 г. – 10,7 млн. и в 2023 г. – 11,8 млн.) количества зарегистрированных заявлений, сообщений о преступлениях в два раза (на 1,7 млн.) сократилось количество возбужденных уголовных дел (с 3,3 млн. до 1,6 млн.) при одновременном увеличении на это же число количества процессуальных решений следователя, дознавателя, органа дознания об отказе в возбуждении уголовного дела) [5, с. 74-78], что отражено в таблице 3.*

Таблица 3

	2006	2015	2022	2023
Всего зарегистрировано сообщений о преступлениях (млн.)	10,7	12,2	11,9	11,8
Возбуждено уголовных дел (млн.)	3,3	1,9	1,6	1,6
В т.ч. удельный вес к числу сообщений о преступлениях	30,8%	15,5%	13,4%	13,6%
Количество (без повторных) «отказных» материалов (млн.)	4,5	6,8	6,0	6,2

¹ О внесении изменений в ст.ст. 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_112908/ (дата обращения: 31.08.2022).

- *вместо дознания в сокращенной форме ввести протокольную форму предварительного расследования*, поскольку как по оценке ученых, так и практиков дознание в сокращенной форме (Глава 321 УПК РФ) сегодня практически по объему выполненных по уголовному делу следственных и иных процессуальных действий и срокам расследования ничем не отличается от дознания в общей форме.

Предлагаемая автором протокольная форма расследования предусматривает: исключение стадии возбуждения уголовного дела с одновременным ограничением следственных действий допросом подозреваемого, потерпевшего или свидетеля – очевидца, производство судебной экспертизы допускается лишь в случаях, предусмотренных ст. 196 УПК РФ и задержание подозреваемого лица в порядке ст. 91, 92 УПК РФ, исходя из чего срок расследования предлагается установить в 48 часов с последующим направлением уголовного дела прокурору, а последним в суд.

С учетом изложенного задача перед научным сообществом и правоприменителями заключается в том, чтобы побудить законодателя к разработке концепции совершенствования уголовно-процессуального законодательства, реально отражающей произошедшие изменения с учетом опыта построения уголовно-процессуального законодательства в зарубежных государствах, в том числе бывшего постсоветского пространства.

Список литературы:

1. Божьев В. П. «Тихая революция» Конституционного Суда в уголовном процессе Российской Федерации // Российская юстиция. 2000. № 10. С. 9–11.

2. Гаврилов Б. Я. XX лет российскому уголовно-процессуальному закону: соответствует ли он научным воззрениям и требованиям правоприменителя // Законы России: опыт, анализ, практика. 2021. № 6. С. 7–14.

3. Гаврилов Б. Я. О современном состоянии уголовно-процессуального законодательства и его роли в повышении эффективности отдельных институтов уголовного судопроизводства // Вестник Волгоградской академии МВД. 2024. № 1 (68). С. 29–38.

4. Гаврилов Б. Я., Красильников А. В. Институт привлечения в качестве обвиняемого // Труды Академии управления МВД России. 2023. № 4. С. 88–96.

5. Божьев В. П., Гаврилов Б. Я. Соответствует ли отказ в возбуждении уголовного дела идеологии современной уголовно-правовой политики России // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2018. № 2 (78). С. 74–78.

Гаврилов Борис Яковлевич,
доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры управления
органами расследования преступлений,
Академия управления МВД России
E-mail: profgavrilov@mail.ru

Муратова Надежда Георгиевна,
доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики,
Казанский (Приволжский) федеральный университет
E-mail: muratowan@mail.ru

УДК 343.1

Предъявление обвинения: проблемы и видение идей их разрешения

Аннотация. Законодательные позиции об акте привлечения лица в качестве обвиняемого на протяжении многих лет вызывают многочисленные вопросы, сопровождающиеся широкой научной дискуссией, с учетом которой сформированная авторами научная позиция базируется на историко-правовом и сравнительно-правовом анализе мнений о системе норм права, регламентирующих процессуальные правила привлечения лица в качестве обвиняемого. Сущность, значение и правовые последствия института предъявления обвинения обусловили решение ряда задач исследования: выявление механизма разъяснения существа обвинения, анализ порядка исправления квалификационных ошибок, анализ прав сторон при предъявлении обвинения. Выводы исследования затрагивают наиболее дискуссионные вопросы темы исследования о совершенствовании процессуальных процедур предъявления обвинения, которые позволяют совершенствовать вариативность реализацию прав сторон. Предлагается установить единые правила реализации прав стороны и обвинения, и защиты с позиций объективной правовой позиции и возможности исправления квалификационных ошибок и защиты прав обвиняемого. С этой целью предлагается дальнейшие направления исследования правового регулирования процедур предъявления обвинения и прав сторон.

Ключевые слова: существо обвинения; тактика защиты; права сторон; квалификационная ошибка; система полномочий; процессуальные решения.

Ведя речь об актуальности рассматриваемого вопроса, авторы публикации исходят из того, что формулируемое в ходе предварительного расследования обвинение может изменяться, прекращаться как в полном объеме, так и частично. В этой связи стоит говорить о значении единства фактических обстоятельств, первоначальной квалификации и юридической формулировки существа преступления для достижения назначения (задач) уголовного судопроизводства, сформулированных в ст. 6 УПК РФ? Как оптимально исправлять квалификационные ошибки непосредственно сразу же после предъявления ошибочного обвинения?

При этом исторические предпосылки современных ответов на эти вопросы можно предвосхитить во многих рассуждениях русских юристов-правоведов. Идеи о единстве процессуальных форм хорошо известны и исследованы [1, с. 123]. Формы и обряды судопроизводства, перечень нарушений и их многообразие, позволили Н.А. Буцковскому обобщить ошибки и предложить основания для отмены судебных решений [2, с. 49-56, 63-65, 118-123]. О правовых последствиях ошибочного обвинения характерно и четко говорил И.Я. Фойницкий, призывавший рассмотреть факт вреда с правовой точки зрения двух идей: идея *предупреждения* и идея *вознаграждения* [3, с. 9, 26]. Нет той ценности, пишет И.Я. Фойницкий, которая могла бы выкупить душевные страдания, начавшиеся для человека после того, как за ним закрылись тюремные запоры; позор судимости, отчаяние семьи привлеченного к суду, душевные тревоги его близких и его самого, никогда и ничем не могут быть искуплены [3, с. 9-10]. «И не только окончательный судебный приговор имеет способность причинять вред, - говорил И.Я. Фойницкий, – то же свойство принадлежит и более ранним актам судебного-уголовной деятельности».

Ведя речь об институте обвинения, следует исходить из того, что если обвинение – «утверждение о совершении определенным лицом деяния, запрещенного уголовным законом» (п. 22 ст. 5 УПК РФ), то оно (утверждение) должно быть последовательно, обосновано, сформулировано в постановлении, существо обвинения должно быть разъяснено и письменный документ вручается стороне защиты (глава 23 УПК РФ). Возникает вполне логичный вопрос о правилах «утверждения» и правила «выдвижения» или иными

словами о процедурах, с помощью которых реализуются эти процессуальные понятия?

В главе 23 УПК РФ, казалось бы, описаны и содержание постановления, и действия стороны обвинения (следователя и в ряде предусмотренных законом случаях дознавателем), а полномочия стороны защиты предусматриваются только в виде участия при предъявлении обвинения и получение копии постановления (ч. 6 и ч. 89 ст. 172 УПК РФ). При этом допускается изменение и дополнение предъявленного обвинения и, в этом случае, следователь, дознаватель выносит новое постановление о привлечении лица в качестве обвиняемого. Возможно и вынесение постановления о прекращении уголовного преследования в какой-либо части (ст. 175 УПК РФ). К числу факторов, свидетельствующих о несовершенстве исследуемого института, следует отнести такие, как описание в ряде случаев фактических обстоятельств обвинения только предположительно с использованием широко известных «юридических словесных конструкций-штампов»: «посвящен. в преступный план»; «возник преступный умысел на хищение», «он согласился на предложение, и тем самым вступил в преступный сговор»; «согласно разработанному преступному плану»; «для введения в заблуждение должен был представляться родственником высокопоставленного должностного лица» «истинные преступные намерения»; «во исполнение единого преступного умысла»; «распорядились ими в дальнейшем по своему усмотрению».

В этой связи представляется, что процесс «утверждения» и процесс «выдвижения» должен быть законодательно сформулирован в едином формате реализации прав сторон при «выдвижении», «утверждении» и предъявлении обвинения. О гносеологической сущности познания фактических данных и её значении при квалификации деяния неоднократно говорили ученые. Так, А.А. Давлетов, считает, что процесс уголовно-процессуального познания устанавливает виды юридических обстоятельств и, прежде всего, факт (событие) преступления и уголовно-правовую квалификацию (состав преступления) [4, с. 84-85]. При этом вопросы квалификации традиционно исследуются уголовно-правовой наукой, которая не может не учитывать, как общетеоретические основы уголовного права, так и его институты [5, 6, 7, 8] и характеристику отдельных составов преступлений [9, 10, 11]. Например, академик В.Н. Кудрявцев, поддерживая Г.А. Левицкого, отмечал, что процесс квалификации носит не статический, а динамический характер, квалификация – и процесс и результат [5, с. 5]. В свою очередь, А.Д. Прошляков писал о том, что юридическая квалификация – это динамический

комплексный процесс применения материально-правовых и процессуальных норм на различных стадиях уголовного судопроизводства, который не заканчивается даже после вступления в силу приговора суда, т.к. это может быть связано с принятием нового уголовного закона, имеющего обратную силу [12, с. 111].

В многочисленных обвинительных актах предварительного расследования (постановление о возбуждении уголовного дела, о продлении срока расследования, о розыске, о применении меры пресечения и иных мер принуждения и др.) приводится квалификация, исходя из положений конкретных уголовно-правовых норм. Так, в досудебном производстве при возбуждении уголовного дела квалификация деяния охватывается основанием для возбуждения уголовного дела (ч. 2 ст. 140 УПК РФ), где закон позволяет правоприменителю использовать юридическую терминологию «наличие достаточных данных, указывающих на признаки преступления» и в пределах компетенции принять решение (ч. 1 ст. 144 УПК РФ). В данном случае материально-правовая структура возбуждения уголовного дела обязывает: обосновать возбуждение уголовного дела (ч. 4 ст. 146 УПК РФ). В УПК РФ не запрещено и отказать в приеме сообщения о преступлении, который может быть обжалован прокурору или в суд (ч. 5 ст. 144 УПК РФ).

Таким образом, закон предусмотрел дифференцированное отношение к обвинению: с одной стороны – это утверждение о преступном деянии конкретному лицу, а с другой стороны – возможность его изменения, дополнения или прекращения без указания причин и правовых последствий, которые также существуют, но в других разделах УПК РФ (основания, реабилитация, примирение, судебный штраф и т.д.). В этой связи в самом широком смысле понимания объективной оценки деяния, можно предположить, что в основе всего лежит квалификационная ошибка, и соответственно необходим единый регламент исправления ошибочной квалификации. Необходимость применения правового механизма исправления квалификационных ошибок в уголовном судопроизводстве обосновали П.А. Лупинская [13], И.Д. Перлов [14], Э.Ф. Куцова [15].

Ведя речь о вкладе в теорию исправления процессуальных и квалификационных ошибок один из авторов настоящей публикации Н.Г. Муратова [16, с. 50-54] выделяет работы профессора Ф.Н. Фаткуллина. Его идеи о комплексности института обвинения, о правовых признаках и свойствах приговора, о формах реабилитации невиновного, о возможностях апелляционного пересмотра приговора, о социально-правовой природе установления достоверных фактов в процессуальном доказывании звучат весьма современно.

Так, в работе «Обвинение и изменение его в суде» была обоснована концепция принципов обвинения и общих условий его изменения. В ней Ф.Н. Фаткуллин отмечал, что пересмотр вышестоящими судами ряда дел завершается установлением ошибочности выводов суда первой инстанции в части предъявленного обвинения и принятием мер к исправлению этой ошибки. При проверке законности и обоснованности оправдательного приговора какие-либо изменения обвинения, отвергнутого судом первой инстанции, вообще немыслимы, поскольку в советском уголовном процессе апелляция не допускается [17, с. 144]. Однако далее в работе профессор считает возможной отмену оправдательного приговора, например, по жалобе потерпевшего, и тогда обвинение рассматривается повторно по существу судом первой инстанции на общих основаниях – опровержение обвинения. Представляется, что речь шла о возможности применения по уголовным делам пересмотра дела по существу (будущая апелляция в современном УПК) [18, с. 94-98].

В работе «Обвинение и судебный приговор» профессор Ф.Н. Фаткуллин в середине 60-х гг. XX века говорит о современных проблемах: оправдательный приговор – важнейшее средство реабилитации невиновного, законная сила приговора, опровержение обвинения в вышестоящем суде, изменение обвинения в суде. В основе его утверждений лежит блестящее знание теории права, уголовного права и процесса, что позволило ему концептуально обосновать значимость судебного приговора в уголовном судопроизводстве и его роль в защите прав участников уголовного процесса [17, с. 342, 475–496].

Предметом пристального внимания профессора Ф.Н. Фаткулина была и проблема формулирования первоначального обвинения, озвученная им в работе «Изменение обвинения», в которой отмечалось, что при формулировании обвинения факты, входящие в конструктивные признаки данного конкретного состава преступления, должны быть достоверными. Современный законодатель воспринял эту формулу и в соответствии с п. 2 ч. 2 ст. 75 УПК РФ показания потерпевшего, свидетеля, основанные на догадке, предположении, слухе относятся к недопустимым доказательствам.

В середине 80-х годов в условиях действия УПК РСФСР 1960 года существовали правовые условия возвращения уголовного дела для дополнительного расследования. Известный ученый – процессуалист С.А. Шейфер выявил причины следственных ошибок и обосновал необходимость их устранения на любом этапе уголовного судопроизводства [19]. В связи с этим исследователями была предложена необходимость теоретического обоснования вос-

полных и невосполнимых пробелов предварительного расследования и возможности их восполнения в суде первой инстанции [20].

В начале XXI века исследования в области уголовно-процессуального права концептуально обосновали влияние следственных ошибок на ошибки суда. Так, А.Д. Назаров констатирует, что в структуре следственных ошибок неправильное применение уголовного закона составляет 15,6% [21, с. 23]. На основе системного анализа допущенных ошибок, повлекших вынесение неправосудных приговоров, Н.Н. Китаев обосновывает вывод о необходимости комплексного исследования проблемы [22, с. 17]. В свою очередь, профессор Г.П. Химичева обосновала концепцию совершенствования уголовно-процессуальной деятельности при устранении нарушений уголовно-процессуальных норм при возбуждении и прекращении уголовных дел. Так, отмечается, что незаконное и необоснованное возбуждение уголовного дела происходит в 9,1% случаев (от общего количества выявленных характерных нарушений на стадии возбуждения уголовного дела), в 16,2% случаев - незаконен и необоснован отказ в возбуждении уголовного дела [23, с. 110]. Причины нарушений в уголовно-процессуальной деятельности могут иметь объективный и субъективный характер, о чем свидетельствовал опрос респондентов [24, с. 218].

Более радикальная позиция в части процессуальной регламентации института привлечения в качестве обвиняемого и возможности его исключения из УПК РФ высказывается, как отмечает Н.Г. Муратова, соавтором данной статьи профессором Б.Я. Гавриловым [25]. Последовательно отстаиваемый им тезис: «Требуется реорганизации процессуальный институт предъявления обвинения путем замены его на институт уведомления о подозрении» [26, 27, 28] убеждает в своевременности постановки данного вопроса. Видение Б.Я. Гавриловым пути решения данной проблемы, высказанное им еще в 2000-2001 гг. в период подготовки и принятия УПК РФ во втором и третьем чтениях, законодателем было реализовано в ст. 2231 УПК РФ «Уведомление о подозрении в совершении преступления» (введена Федеральным законом от 06.06.2007 № 90-ФЗ). Применительно к форме предварительного расследования в виде дознания, казалось бы, четкости в правовом регулировании в правоотношениях субъектов права стало больше. Существование ст. 172 УПК РФ «Порядок предъявления обвинения», представляется надо сопоставить с (другими терминами в УПК РФ, которые применяются в связи с этим: а) обвинение – утверждение о совершении определенным лицом преступного деяния, выдвинутое в установленном порядке (п. 22 ст. 5 УПК РФ). Но порядок

– это следующие термины: «постановление», «предъявление обвинения», «день предъявления обвинения», «разъяснение существа обвинения», «допрос обвиняемого – немедленно после предъявления обвинения» (ст. ст. 172, 173 УПК РФ). В УПК Республики Беларусь существует такое же определение, но еще дополняется термином «процессуальная деятельность, осуществляемая стороной обвинения» (п. 18 ч. 1 ст. 6 УПК РБ)¹.

В указанных выше публикациях Б.Я. Гаврилова приводятся аргументы, обосновывающие востребованность и пути решения принципиального изменения привлечения лица в качестве обвиняемого на институт уведомления о подозрении в совершении преступления, в числе которых отсутствие данного института в Уставе уголовного судопроизводства 1864 г., нормы которого в качестве обвиняемого рассматривали лицо, задержанное на месте совершения преступления; лицо, заключенное судебным следователем под стражу (ст. 283 Устава), а также лицо, вызванное повесткой к судебному следователю (ст. 377 Устава)².

В период действия УПК РСФСР 1922, 1923 гг., УПК РСФСР 1960 г. и УПК РФ 2001 г. с момента привлечения лица в качестве обвиняемого к участию в уголовном деле привлекался защитник. Однако сегодня участие адвоката с принятием Федерального закона от 04.03.2013 №23-ФЗ³ допускается уже на этапе проверки сообщения о преступлении. Кроме того, введение указанным Федеральным законом № 23-ФЗ института уведомления о подозрении в совершении преступлений обеспечили направление в суд без «классического» предъявления обвинения нескольких миллионов уголовных дел, расследованных в форме дознания. И никто из осужденных не обратился в суд о нарушении их конституционного права знать, в чем они обвиняются.

При этом следует исходить из того, что конституционное понятие «обвиняемый» (ч. 2 ст. 47 Конституции Российской Федерации) должно включать в себя лицо, в отношении которого должностными

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь от 16 июля 1999 г. № 295-З (принят Палатой представителей 24 июня 1999 г., одобрен Советом Республики 30 июня 1999 г.; с изм. и доп.) // ЭТАЛОН-ONLINE: информационно-поисковая система Национального центра правовой информации Республики Беларусь. URL: <https://etalonline.by/document/?regnum=НК9900295> (дата обращения: 20.08.2024).

² Устав уголовного судопроизводства от 20 ноября 1864 г. URL: <http://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/3137/> (дата обращения: 23.08.2024).

³ О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_142908/ (дата обращения: 23.08.2024).

лицами органов предварительного расследования и органов дознания начато уголовное преследование, которое сегодня фактически осуществляется с момента получения объяснения с заподозренного лица или начала производства следственных или иных процессуальных действий в отношении данного лица.

Выводы. Необходим единый законодательный регламент формирования, изменения и дополнения обвинения, который может быть реализован в следующих процессуальных правилах: во-первых, определить термины, связанных с характеристикой обвинения, его выдвижении и утверждения об уголовно-наказуемом деянии и о его правовых последствиях; во-вторых, сформировать более четкий перечень обстоятельств, свидетельствующих о квалификационной ошибке при выдвижении обвинения; в-третьих, четко определить перечень прав сторон при реализации полномочий при предъявлении обвинения и, в-четвертых, принципиальный пересмотр процедуры выдвижения обвинения.

Список литературы:

1. Рязановский В. А. Единство процесса // Административная юстиция. Конец XIX – начало XX века. Хрестоматия. Часть 2. Воронеж, 2004. 367 с.
2. Буцковский Н. А. Очерки судебных порядков по Уставам 20 ноября 1864 года. (Очерк кассационного порядка отмены решений). СПб.: Типография Скарятин, на углу Фонарного переулк, дома Франка, 1874. 616 с.
3. Фойницкий И. Я. О вознаграждении невинно к суду уголовному привлекаемых // СПб.: Тип. Правительствующего Сената, 1884. 110 с.
4. Давлетов А. А. Основы уголовно-процессуального познания // Свердловск: Уральский университет, 1991. 152 с.
5. Кудрявцев В. Н. Общая теория квалификации преступлений. 2. изд., перераб. и доп. М.: Юрист, 2004. 304 с.
6. Волков Б. С. Мотив и квалификация преступления // Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1968. 166 с.
7. Незнамова З. А. Коллизии в уголовном праве: дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 1995. 372 с.
8. Рарог А. И. Вина и квалификация преступлений: учебное пособие. М.: ВЮЗИ, 1982. 63 с.
9. Талан М. В. Преступления в сфере экономической деятельности: вопросы теории, законодательного регулирования и судебной практики: дис. ... д-ра юрид. наук. Казань, 2002. 479 с.

10. Хабибуллин М. Х. Ответственность за заведомо ложный донос и заведомо ложное показание по советскому уголовному праву: уголовно-правовое и криминологическое исследование): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 1972. 22 с.

11. Севрюков А. П. Хищение имущества: криминологические и уголовно-правовые аспекты. М.: Экзамен, 2004. 350 с.

12. Прошляков А. Д. Взаимосвязь материального и процессуального уголовного права: дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 1997. 271 с.

13. Лупинская П. А. Пересмотр приговоров, определений и постановлений, вступивших в законную силу, в порядке судебного надзора: учебное пособие. М.: ВЮЗИ, 1978. 52 с.

14. Перлов И. Д. Кассационное производство в советском уголовном процессе // Всесоюз. ин-т по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности. М.: Юрид. лит., 1968. 395 с.

15. Куцова Э. Ф. Советская кассация как гарантия законности в правосудии // М.: Госюриздат, 1957. 227 с.

16. Муратова Н. Г. Проблемы обвинения в трудах профессора Ф. Н. Фаткуллина // Уголовный процесс: проблемы и идеи: монография / под ред. Б. Я. Гаврилова. М.: Юрлитинформ. 2021. 464 с.

17. Фаткуллин Ф. Н. Обвинение и судебный приговор // Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1965. 531 с.

18. Муратова Н. Г. Апелляционный процесс и его перспективы в России // Ученые записки Казанского государственного университета. 1996. Т. 132. С. 94–98.

19. Шейфер С. А., Исмакаев Л. П., Лазарева В. А. Следственные ошибки и их причины // Проблемы дальнейшего укрепления социалистической законности при расследовании преступлений органами внутренних дел. Киев, 1988. 198 с.

20. Веретехин Е. Г. Пробелы предварительного расследования и их восполнение в суде 1 инстанции. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1988. 86 с.

21. Назаров А. Д. Влияние следственных ошибок на ошибки суда // СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2003. 323 с.

22. Китаев Н. Н. Неправосудные приговоры к смертной казни: Системный анализ допущенных ошибок. СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2004. 384 с.

23. Химичева Г. П., Мичурина О. В., Химичева О. В., Мичурин В. С. Проблемы нарушений уголовно-процессуальных норм при возбуждении и прекращении уголовных дел, способы их устранения. М.: Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации им. В.Я. Кикотя, 2004. 191 с.

24. Химичева Г. П. Досудебное производство по уголовным делам: концепция совершенствования уголовно-процессуальной деятельности. М.: Изд-во «Экзамен», 2003. 399 с.

25. Муратова Н. Г. Что, кому и когда предъявляется в досудебном производстве по уголовному делу (предвидение профессора Бориса Яковлевича Гаврилова) // Уголовный процесс и криминалистика: правовые основы, теория, практика, дидактика (к 75-летию со дня рождения профессора Б. Я. Гаврилова): сборник научных статей по материалам международной научно-практической конференции (Москва, 3 ноября 2023г.): в 2 ч. / под ред. Б. Я. Гаврилова, Ю. Е. Салеевой, Ю. В. Шпагиной. Москва: Академия управления МВД России, 2023, ч. 1. С. 55–59.

26. Гаврилов Б. Я. 20 лет российскому уголовно-процессуальному закону: соответствует ли он научным воззрениям и требованиям правоприменителя // Законы России: опыт, анализ, практика. 2021. № 6. С. 7–14.

27. Гаврилов Б. Я., Красильников А. В. Институт привлечения лица в качестве обвиняемого: соответствует ли он реалиям сегодняшнего дня? // Труды Академии управления МВД России. № 4 (68), 2023. С. 88–96.

28. Бурмагин С. В., Барабанов П. К. Правовые модели изменения обвинения в суде: сравнительно-правовой анализ процедур российского и зарубежного судопроизводства // Государство и право. 2022. № 12. С. 45–53.

Иванов Пётр Иванович,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Российской Федерации,
главный научный сотрудник
научно-исследовательского центра,
Академия управления МВД России
E-mail: IvanovPI1952@yandex.ru

УДК 343

Проблемы и перспективы формирования оперативно-розыскной политики в условиях цифровизации

Аннотация. Автор настоящей статьи на основе изучения монографических работ, современного состояния оперативно-розыскного законодательства и правоприменительной практики предпринял попытку сформулировать отдельные проблемы, которые отчасти препятствуют формированию оперативно-розыскной политики¹, которая правоведами рассматривается как неотъемлемая часть уголовной политики. Обозначив проблемы, мы высказали свое видение, как можно их разрешить. Одновременно хотим подчеркнуть, что нами не ставится цель - охватить все стороны рассматриваемой общей проблемы², связанной с формированием оперативно-розыскной политики, поскольку она многогранна и многоаспектна и поэтому в одной отдельно взятой научной статье вряд ли удастся их осветить.

¹ Политика от греч. Politike – искусство управления государством (Экономический и юридический словарь / под ред. А. Н. Азриляна. М.: Ин-т новой экономики, 2004. С. 593). Иными словами, политика выражает функции государства по руководству, управлению определенными сферами общественной жизни. Применительно к оперативно-розыскной политики государственное управление, на наш взгляд, означает: поддержание соответствующего режима деятельности оперативных подразделений полиции, скоординированность их действий (согласованность, упорядоченность совместных действий).

² Для нас проблема формирования оперативно-розыскной политики не нова, поскольку к ней мы обращались неоднократно. См.: Иванов П. И. Концептуальные основы формирования оперативно-розыскной политики: понятие, сущность и содержание // Вестник Владимирского юридического института. 2022. № 2 (63). – С. 26-33; он же. О соотношении понятий «уголовно-правовая политика» и «оперативно-розыскная политика» // Закон и право. 2022. № 8. С.149–151.

Ключевые слова: уголовная политика; оперативно-розыскная политика, ее сущность и содержание; оперативно-розыскное законодательство; оперативно-розыскная наука; оперативные подразделения полиции.

Проведенное нами выборочное изучение показывает, что стадия формирования оперативно-розыскной политики идет на фоне множества проблем, суть которых заключается в поэтапном преодолении существующих противоречий между современным состоянием теоретико-методологического осмысления структурно-содержательных элементов разрабатываемой системы оперативно-розыскной политики и научным представлением о них, выступающих объектно-предметной ее частью.

Одной из проблем выступает недостаточная разработанность понятийно-категориального аппарата, с помощью которых представляется возможным пояснить сам механизм действия всех компонентов, составляющих содержание анализируемого вида политики. Давайте на примере определения понятия «оперативно-розыскная политика» рассмотрим, насколько на сегодня среди специалистов теории ОРД (как наука) существует различное мнение, что, безусловно, создает определенную трудность в определении ее стрежня (ядра), чтобы затем распутать и изучить каждое звено в цепи.

Еще раз хотим подчеркнуть, что среди указанных специалистов нет единого мнения в плане определения понятия «оперативно-розыскная политика». Одни из них, основываясь, прежде всего, на словарный запас ее рассматривают как искусство управления государством сферой ОРД. Такое общее понимание не раскрывает суть и особенности ее управления. Не совсем известен его замысел, формы и методы. Другие авторы придерживаются к мнению о том, что указанный вид политики есть деятельность органов государственной власти и государственного управления, отражающая комплексный характер правоохранительной деятельности по борьбе с преступностью [1, С.95]. Отметим, что мы имеем понятие «оперативно-розыскная политика» в широком смысле слова, поскольку затрагивает федеральный уровень власти и управления как субъекты контроля широкими полномочиями.

Интересы и цели правоохранительной деятельности подчинены упрочнению правового государства в стране во всех его сферах. Авторами, предложившими анализируемую точку зрения, особо подчеркивается целенаправленность деятельности (в лице оперативных подразделений полиции), ее гибкость (социально-эконо-

мические условия, цифровая экономика, криминогенная ситуация лежат в основе существенных ее изменений). Оперативно-розыскная политика – составное звено внутренней политики в области противодействия преступности и укрепления правопорядка в стране. В этом плане данный вид политики – комплексное понятие, включающее в себя государственную внутреннюю политику в аспекте противодействия преступности, уголовно-правовую политику.

Оперативно-розыскная политика – часть уголовной политики¹, направленная на решение вопроса национальной безопасности [2 С.11] – защиты, прежде всего, прав и свобод человека и гражданина, собственности от преступных посягательств. Есть и иная точка зрения, сторонники которой утверждают, что политика предполагает комплекс взаимосвязанных мероприятий, осуществляемых специально созданными для их реализации оперативными подразделениями полиции [3 С.176]. Следует заметить, что авторы этой группы не исключают в структурно-содержательной ее части совокупность правовых, организационных, координационных, информационных и иных мер, направленных на успешное решение вышеуказанных задач.

А в контексте теории ОРД (как наука) под оперативно-розыскной политикой, по нашему мнению, следует понимать систему мер (прежде всего, правотворческих и правоприменительных), проводимую государством в области оперативно-розыскной деятельности². Как нам представляется, она должна в первую очередь включать в себя круг субъектов ее осуществления и объектов воздействия, видов применяемых мер, включая оперативно-розыскных мероприятий, форм, методов, сил и средств при этом используемых.

Заметим, что на формирование данного вида политики накладывает свой отпечаток комплекс факторов. Для удобства последующего анализа мы решили его разбить на две группы:

¹ Составными частями уголовной политики как целостной системы помимо оперативно-розыскной политики выступают: уголовно-правовая, уголовно-процессуальная, уголовно-исполнительная политика.

² Совокупность признаков характеризует оперативно-розыскную политику. Базовыми среди них, на наш взгляд, являются: ее легитимность; признание государством принимаемых специальных мер; публичность; представление определенных гарантий от произвола и беззакония; направленность на то, чтобы свести к минимуму возможные ошибки при проведении оперативно-розыскных мероприятий, предусмотрев систему сдержек и противовесов; комплексность использования негласных сил, средств, методов и мероприятий в борьбе с преступностью.

1) положительно, сказывающие на процесс формирования оперативно-розыскной политики¹. Без преувеличения можно утверждать, что эта группа доминирует на сегодня, поскольку помимо других плюсов, научная общественность особенно среди специалистов ОРД плотно занимается над решением затронутого вопроса.

2) отчасти сдерживающие (препятствующие) скорейшее ее формирование. К числу такого рода факторов, на наш взгляд, следует отнести:

отсутствие стройно выстроенных организационно-управленческих мер, в том числе созданной межведомственной рабочей группы из числа наиболее подготовленных (квалифицированных) работников оперативных подразделений органов, осуществляющих ОРД, по разработке проекта концепции оперативно-розыскной политики. В эту группу должны входить помимо практических работников и научные сотрудники образовательных и научных учреждений. В основу ее работы должен быть положен тщательно проработанный (продуманный) план совместных действий с указанием мероприятий, их исполнителей и сроков выполнения;

возможные трудности в сбалансированном финансовом и материально-техническом обеспечении. Такая конструкция должна быть подготовлена на основе заранее произведенных расчетов с учетом метода риск-ориентированного подхода. Издержки, затраты заблаговременно должны быть определены (просчитаны), чтобы максимально исключить случаи непредвиденных расходов;

включение в систему формирования подсистему «экспериментальное испытание». Как нам представляется, одним из вариантов апробации пилотного варианта на уже избранном для исследования в базовом органе.

Наконец, обсуждение результатов внедрения, их корректировка при необходимости, а также уточнение допущенных просчетов, недостатков и меры по их устранению. Эти названные виды работ – непременный ее атрибут.

¹ Создание нормативно-правовой основы является ключевым фактором, благоприятствующим формированию оперативно-розыскной политики. Об этом см.: Стратегия экономической безопасности Российской Федерации до 2030 г., принятая Указом Президента Рос. Федерации от 13 мая 2017 г. № 208; Государственная программа Российской Федерации «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности» (с изм. и доп.), утвержденная постановлением Правительства Рос. Федерации от 15 апреля 2014 г. № 345; Концепция реализации в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации государственной политики по обеспечению экономической безопасности Российской Федерации, принятая приказом МВД России от 14 октября 2021 г. № 760. Уже приведенный небольшой перечень актов во многом свидетельствует о востребованности названной разновидности политики.

Приведенные нами промежуточные этапы работы, безусловно, носят как примерный вариант, авторское видение. Возможны на этом этапе иные предложения и рекомендации, которые должны подвергаться обязательной «экспертизе» со стороны научной общественности. Как нам представляется, чем больше вариантов, тем легче отобрать «лучший» - приемлемый всеми членами рабочей группы. Может даже понадобиться создание согласительной комиссии при обсуждении, опираясь на метод «мозговой атаки».

Представляется, что факторы негативного свойства, к сожалению, усугубляют процесс скорейшего формирования оперативно-розыскной политики, отвечающей сегодняшним реалиям. А это обязывает представителей научной общественности присоединиться к углубленному изучению на предмет выяснения природы их возникновения, установления закономерностей развития с тем, чтобы найти оптимальные методы воздействия на них.

Другой не менее важной проблемой, на наш взгляд, является поиск наиболее приемлемой формы всестороннего изучения составных звеньев объектно-предметной составляющей оперативно-розыскной политики через призму системообразующих признаков, совокупность которых обеспечивает познание ее сущности и содержания.

В настоящей статье мы решили условно их поделить в целях облегчения восприятия и научно-теоретического осмысления на несколько *блок-модулей*. Каждый из них несет в себе смысловую нагрузку. В частности, ими выступают следующие:

Блок-модуль 1 «Совокупность признаков, характеризующих степень научной разработанности оперативно-розыскной политики». В рамках настоящей статьи мы не планируем раскрыть их содержание, ибо этот вопрос в силу его насущности и недостаточной разработанности вполне может быть темой отдельного рассмотрения. Забегая вперед, хотим между тем подчеркнуть, что на сегодня теоретико-методологические основы указанной разновидности политики слабо изучены, термины, понятия, категории, концепции и другие атрибуты нуждаются в фундаментальном исследовании.

С указанным блок-модулем тесно связано следующее звено системы формирования. Это *блок-модуль 2* «Системообразующие признаки, раскрывающие современное состояние нормативно-правовой основы для формирования искомой политики». Данный вопрос весьма сложный и «долгоиграющий», что не создает необходимую предпосылку для интенсивной кропотливой работы в названном направлении. К примеру, действующий Федераль-

ный закон «Об оперативно-розыскной деятельности»¹ почему-то вообще умалчивает, что касается политики, хотя без нее вряд ли он состоялся бы. Органы, осуществляющие ОРД, по мнению автора, должны функционировать в рамках единой оперативно-розыскной политики независимо от ведомственной принадлежности. Как нам представляется, процесс ее формирования предполагает разработку и принятие не одного нормативно-правового акта. К этому следует готовиться. Мы считаем, что анализируемый раздел – ключевой. От него зависит темп формирования политики.

Наконец, *блок-модуль 3* «Признаки, характеризующие организационно-тактические основы». Он последний по счету, но не последний по его значимости. Как видно из названия, речь идет о прикладной (практической) деятельности оперативных подразделений полиции, которые ежедневно руководствуются и претворяют в жизнь основополагающие начала формирующейся политики, выполняя оперативно-служебные задачи по борьбе с преступностью.

Подводя итог, автор приходит к следующим выводам:

Во-первых, без политики оперативно-розыскное противодействие налоговым преступлениям в сфере потребительского рынка может приобретать хаотический характер ввиду отсутствия механизма упорядоченности и целенаправленности.

Во-вторых, добиться надлежащей организации оперативно-розыскного противодействия налоговым преступлениям в сфере потребительского рынка, соответствующей современным реалиям, можно добиться лишь с учетом наработок теории и практики ОРД в аспекте формирующейся оперативно-розыскной политики в условиях всеобщей цифровизации. Противодействие указанным деяниям в силу большой общественной значимости выступает в числе множества других одним из ее направлений.

В-третьих, формирующаяся оперативно-розыскная политика есть некая теоретическая модель, состоящая из совокупности концептуальных идей развития теории ОРД, ее законодательства и описывающая (определяющая) стратегические направления дальнейшего их развития на ближайший и отдаленный периоды. В этом ключе политика может быть представлена как инструмент, действенное средство и путеводитель. Указанные направления воздействия политики должны быть интегрированы и представлены как

¹ Об оперативно-розыскной деятельности: Федер. закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1995. № 33. Ст. 3349.

единое целое, а потому не следует их расчленять и рассматривать по-отдельности.

В-четвертых, оперативно-розыскное противодействие налоговым преступлениям в сфере потребительского рынка как основное направление среди множества функций (видов деятельности) формирующейся оперативно-розыскной политики основывается на системе принципов. Базовыми из которых являются следующие: инновационность (разработка и внедрение прогрессивных научных технологий); профессионализация управления (повышение профессиональной компетенции); практическая направленность (подчиненность названной политики целям и задачам деятельности).

В-пятых, в настоящее время специалистами теории ОРД высказано множество проблем, связанных с формированием оперативно-розыскной политики, ими одновременно изложены авторское видение их разрешения. Между тем существует и разногласия, и единое понимание, что настоятельно диктует необходимость более глубокого их изучения и обоснования (аргументации). Мы придерживаемся к мнению отдельных авторов в части учета при проработке затронутых вопросов риск-ориентированного подхода.

Список литературы:

1. Горяинова К. К., Овчинского В. С., Синилова Г. К., Теория оперативно-розыскной деятельности: учебник. 3-е изд., перераб. и доп. / под ред. М.: ИНФРА-М, 2014. – С. 95.
2. Катков С. В. Оперативно-розыскная политика в системе обеспечения национальной безопасности России: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Волгоград, 2021. – С.11.
3. Горяинов К. К. Оперативно-розыскная политика и развитие законодательства // Уголовно-исполнительная система на современном этапе: взаимодействие науки и практики. Самара: СЮИ ФСИН России, 2016. С. 179.

Кубасов Игорь Анатольевич,
доктор технических наук, доцент,
профессор кафедры информационных технологий,
Академия управления МВД России
E-mail: igorak@list.ru

УДК 004.9

Роль современных цифровых технологий в предупреждении преступлений

Аннотация. Предупреждение преступлений, как направление реализации уголовной политики, приобретает особую важность и актуальность в современных условиях цифровой трансформации МВД России. Цифровые технологии играют значимую роль в предупреждении преступлений, предоставляя органам внутренних дел эффективные инструменты для наблюдения, обнаружения и анализа больших структурированных и не структурированных данных из множества различных источников. На основе исследования применения современных и развития перспективных цифровых технологий в оперативно-служебной деятельности органов внутренних дел обоснован вывод о необходимости дальнейшего проведения научных исследований и разработок в области цифровых технологий по предупреждению преступлений в целях опережения развивающейся криминальной тактики и купирования возникающих новых угроз.

Ключевые слова: преступность; цифровые технологии; предупреждение преступлений; профилактика преступлений; органы внутренних дел.

Преступность, как массовое негативное социально-правовое явление, остается одной из главных проблем современного информационного (цифрового) общества. При этом в силу бурного развития цифровых технологий количество способов совершения преступлений, с одной стороны, так и количество способов противодействия этим преступлениям, с другой стороны, постоянно возрастают. Одной из проблем профилактики преступлений, совершаемыми с помощью цифровых технологий, заключается в том, что некоторые граждане не считают это серьезным, если никто не пострадал физически или это не было явно видно. На самом

деле люди могут потерять миллионы в цифровом виде в мгновение ока. Их также могут запугать, пристыдить или шантажировать, и они никогда не сообщат о преступлении. Но независимо от того, совершались ли подобные преступления десятилетиями или только в последние несколько лет, их следует искоренять и, прежде всего, своевременно предупреждать.

Предупреждение преступлений – это установленный режим функционирования государственных органов (общественных организаций), предусматривающий наступательную деятельность по реализации комплексных, взаимосвязанных и взаимообусловленных правоприменительных, организационно-управленческих, оперативно-розыскных, режимных (ограничительных) мер, направленных на нейтрализацию противоправного (преступного) поведения личности в конкретно сложившейся криминальной обстановке [1]. Именно цифровые технологии играют важную роль в предупреждении преступлений, предоставляя органам внутренних дел эффективные инструменты для наблюдения, обнаружения и анализа больших структурированных и не структурированных данных из различных источников [2, 3, 4]. Например, широкое внедрение интеллектуальных систем видеонаблюдения, постоянный мониторинг и анализ социальных сетей, сети интернет, анализ «цифровых» следов преступлений и т.д. обеспечивают профилактику разных видов преступлений, а также сдерживание преступной деятельности, повышая для потенциальных нарушителей риск их идентификации и поимки.

Поэтому предупреждение преступлений, как направление реализации уголовной политики, приобретает особую важность и актуальность в современных условиях цифровой трансформации МВД России.

В предупредительной деятельности органов внутренних дел уже используются, а также в дальнейшем будут внедряться и развиваться следующие цифровые технологии, указанные в Концепции технологического развития на период до 2030 года¹.

1) Искусственный интеллект, включая технологии машинного обучения и когнитивные технологии.

В информационном обществе по мере увеличения объема генерируемых данных способность искусственного интеллекта (ИИ) обрабатывать данные становится весьма востребованной в предупреждении преступности. Создаваемые модели машинного обу-

¹ Об утверждении Концепции технологического развития на период до 2030 года: распоряжение Правительства Рос. Федерации от 20 мая 2023 г. № 1315-р.

чения позволяют глубоко изучать статистику преступности с учетом сезонности, демографии и социально-экономических условий, предсказывать криминальные события и указать методы и способы, которые могут быть эффективными для противодействия преступлениям. Алгоритмы ИИ могут идентифицировать закономерности и аномалии, раскрывая скрытые связи и предсказывать потенциальные «горячие точки» преступности, что обеспечивает упреждающее развертывание ресурсов в районах высокого риска.

Технологии ИИ также применяются и для оценки различных угроз безопасности. Так, например, искусственный интеллект может оценить физическое и психологическое состояние задержанного, помочь обнаружить ложь и определить, склонен ли человек к вспышкам насилия.

Модифицированная версия технологии распознавания номерных знаков автомобилей используется уже давно. Распознавание лиц используется в стратегически важных местах, таких как аэропорт, для выявления потенциальных подозрительных элементов. Например, технология распознавания лиц может помочь в определении подозреваемых из кадров наблюдения или толпы. Чат-боты с ИИ могут анализировать онлайн-разговоры и сообщения в социальных сетях, чтобы выявить потенциальные угрозы или преступную деятельность.

Камеры видеонаблюдения, программное обеспечение для распознавания лиц и дроны, оснащенные камерами с высоким разрешением, позволяют контролировать общественные пространства в реальном времени, сдерживая преступность.

2) Технологии хранения и анализа больших данных.

В настоящее время органам внутренних дел осуществляют сбор и анализ больших объемов информации из различных источников, включая посты в социальных сетях, отчеты о преступности, погодные условия, экономические показатели, данные о трафике и т. п. [4].

Хотя технологии анализа ДНК¹ человека в основном используется для раскрытия преступлений, они также предотвращают преступления [5, 6]. Согласно исследованию 2017 года, у насильственных преступников с известным профилем ДНК на 17% меньше шансов совершить повторное преступление. У нарушителей закона о собственности на 6% меньше шансов повторить преступле-

¹ ДНК – дезоксирибонуклеиновая кислота – макромолекула, обеспечивающая хранение, передачу из поколения в поколение и реализацию генетической программы развития и функционирования живых организмов. Размер генома составляет 3 миллиарда пар нуклеотидов.

ние. Самое главное, что разработка быстрых ДНК-машин снижает потребность в лабораториях, сотрудниках и инфраструктуре, а также удешевляет расширение и объединение баз данных ДНК.

3) Технологии распределенных реестров (блокчейн).

Эти технологии обеспечивают профилактику различных преступлений в финансовой сфере, а также расчетов криптовалютой за террористические и экстремистские акты¹. Распределенный реестр – это реплицированная база данных, работающая на основе децентрализованных сетей. Ярким примером использования технологии распределенных реестров является технология блокчейн. Защита данных от подмены при использовании распределенных реестров обеспечивается использованием последовательного хеширования, асимметричной криптографии, децентрализованной сети [7].

4) Технологии виртуальной (VR) и дополненной реальностей (AR) [8].

3D-технология “замораживает” место преступления во времени путем сканирования местности во всех направлениях (360 °) и визуализации ее в 3D с высокой точностью. Затем импортирование и визуализация с помощью технологий виртуальной реальности или дополненной реальности позволяют выработать меры для предотвращения преступления на основе анализа предыдущих преступлений.

Недавно органы внутренних дел начали использовать технологии виртуальной и дополненной реальности в обучении сотрудников для приобретения умений и навыков в предупреждении преступлений.

5) Квантовые вычисления.

Достижения в области квантовых вычислений помогут органам внутренних дел более эффективно использовать большие данные для предотвращения и раскрытия преступлений. Необходимость развития квантовых вычислений обусловлена невозможностью бесконечно увеличивать производительность обычных компьютеров традиционными способами за счёт увеличения плотности и частоты работы транзисторов [9]. Скорость квантовых вычислений позволит построить «интеллектуальную цифровую сеть», как интернет будущего, характеризуемого интеллектуальными устройствами, предоставляющими персонализированные и предсказательные

¹9 марта 2023 года глава Федеральной службы по финансовому мониторингу (Росфинмониторинг) Юрий Чиханчин на встрече с президентом РФ Владимиром Путиным рассказал о запуске «прозрачного блокчейна» в российских правоохранительных органах. Система «Прозрачный блокчейн» позволяет отслеживать операции с использованием более 30 криптовалют.

цифровые услуги, в том числе в предупредительной деятельности органов внутренних дел.

6) Квантовые коммуникации.

Квантовые коммуникации позволяют повысить стойкость канала передачи данных при обмене защищенными данными за счет свойств одиночных фотонов, передаваемых по линии связи. Концепция квантовых коммуникаций строится на том, что стойкость канала не зависит от вычислительных возможностей нарушителя. Как бы много ресурсов или мощных вычислителей или времени для анализа канала у нарушителя не было, это не является преимуществом.

7) Новое общесистемное программное обеспечение.

Согласно источнику, Минцифры одобрило около 70 проектов нового общесистемного программного обеспечения, которое должно заместить зарубежные аналоги. В числе разработчиков указаны «Ростелеком», «Лаборатория Касперского», 1С, VK и другие компании.

8) Геоданные и геоинформационные технологии.

Местоположение личности (нарушителей) можно отследить с помощью SIM-карт и технологии GPS, используя интеллектуальные устройства и интернет-соединения.

Дистанционное зондирование, приложения для составления карт данных и географические информационные системы – это картографические технологии, использующие ИИ. Они анализируют информацию в режиме реального времени из множества источников - сводки погоды, каналы социальных сетей, карты общественного транспорта, системы видеонаблюдения, спутники и т.д. После этого они определяют «горячие точки» преступности на карте.

Применение дронов, которые могут быть оснащены технологией 3D-картографирования, программным обеспечением для тепловизионной съемки или даже GPS и камерой для предоставления разведанных в режиме реального времени в ситуациях высокого риска.

9) Технологии доверенного взаимодействия – технологический пакет, обеспечивающий базовые сервисы информационной безопасности и надёжного хранения данных.

10) Современные и перспективные сети мобильной связи.

Беспроводная технология 5G предназначена для обеспечения максимальной пиковой скорости передачи данных со скоростью нескольких Гбит/с, сверхнизкой задержки, большей надежности, огромной пропускной способности сети, повышенной доступности

и более единообразного пользовательского взаимодействия для большего количества пользователей.

Таким образом, цифровые технологии предлагают мощный набор инструментов для проактивных стратегий, способствующих повышению обеспечения общественной безопасности и охране общественного порядка. Понимая возникающие тенденции и выявляя области высокого риска, органы внутренних дел могут более эффективно распределять ресурсы и реализовать целевые мероприятия для предупреждения преступности. При этом целесообразно дальнейшее проведение научных исследований и разработок в области цифровых технологий для профилактики преступлений, чтобы опережать развивающуюся криминальную тактику и купировать возникающие новые угрозы.

Список литературы:

1. Филиппова Е. О. Предупреждение преступности: учебное пособие / Оренбург: ОГУ, 2019. 127 с.
2. Рогожкин В. А, Кубасов И. А. Актуальные проблемные вопросы в профилактической работе с несовершеннолетними // Вопросы российского и международного права. 2023. Т. 13. № 9-1. С. 403–409.
3. Кубасов И. А. Информационные технологии в следственной и судебно-экспертной деятельности // Развитие учения о противодействии расследованию преступлений и мерах по его преодолению в условиях цифровой трансформации: сборник научных статей по материалам международной научно-практической конференции (Москва, 21 мая 2021 г.) / под ред. Ю. В. Гаврилина, Ю. В. Шпагин. М.: Академия управления МВД России, 2021. С. 171–177.
4. Кубасов И. А., Лекарь Л. А. Внедрение перспективных систем мониторинга и анализа больших данных, полученных в сети Интернет, для обеспечения деятельности оперативных подразделений МВД России // Труды Академии управления МВД России. 2023. № 3 (67). С. 154–161.
5. Кубасов И. А. Разработка методов ДНК-фенотипирования для расследования и раскрытия преступлений // Вестник Воронежского института МВД России. 2022. № 2. С. 166–172.
6. Кубасов И. А. Алгоритмизация установления криминалистически важных фенотипических признаков человека на основе анализа его биологического материала, изъятого с места преступления // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2023. №1 (39). С. 124-131.

7. Борисова С. Н. Технология распределенных реестров как способ защиты данных от подмены // Инжиниринг и технологии. 2018. Vol. 3 (2).
8. Кубасов И. А. Виртуальная и дополненная реальность: технологии, революционизирующие методы работы предприятий // Первая миля. 2023. № 5 (113). С. 68–71.
9. Кубасов И. А. Перспективы развития квантовых вычислений // Информационные системы и технологии. 2023. № 2 (136). С. 66–74.

Малышева Ольга Анатольевна,
доктор юридических наук, доцент,
Московский государственный юридический университет
имени О. Е. Кутафина

Салеева Юлия Евгеньевна,
кандидат юридических наук,
заместитель начальника кафедры
управления органами расследования преступлений,
Академия управления МВД России

УДК 343.13

**Приостановление предварительного расследования
в случае участия обвиняемого в СВО:
проблемы следственной практики и их нивелирование**

Аннотация. В статье рассматриваются юридические и этические вопросы приостановления предварительного расследования в связи с участием обвиняемого в специальной военной операции (далее – СВО), акцентируется внимание на проблемных аспектах, возникающих в судебно-следственной практике, а также обосновывается необходимость тщательного процессуального и ведомственного контроля субъектов контрольно-надзорной деятельности в рамках предварительного расследования по уголовным делам.

Ключевые слова: приостановление предварительного расследования; расследование уголовных дел в условиях СВО; контрольно-надзорная деятельность; процессуальный и ведомственный контроль.

Для предварительного расследования в современных социально-правовых условиях характерно двуединство задач. Первая – всестороннее, полное, объективное установление следователем (дознавателем) обстоятельств совершенного или подготавливаемого преступления, изобличение лица, совершившего уголовно наказуемое деяние. Вторая – соблюдение властным субъектом уголовно-процессуальной деятельности прав, законных интересов личности, вовлеченной в сферу уголовно-процессуальной деятельности. В развитие указанного следователь (дознаватель) обязан оперативно раскрывать преступления, качественно и в разумный срок

расследовать уголовные о преступлениях, обеспечивая тем самым надлежащие результаты следственной работы, характеризующие эффективность его процессуальной деятельности.

Достижение последнего осложняется в случаях правовой неопределенности, неполноты правового регулирования институтов уголовно-процессуального права, особенно наиболее часто применяемых в досудебном производстве и, как свидетельствует правоприменительная практика, характеризующихся повышенным риском принятия следователем (дознавателем) незаконного и необоснованного решения при их применении. Вследствие указанного возникают негативные последствия в виде нарушения права на доступ к правосудию в разумный срок, принципа неотвратимости уголовной ответственности за совершенное преступление.

Среди обозначенных институтов повышенный интерес в данной связи вызывает приостановление предварительного расследования в случае участия обвиняемого (подозреваемого) в СВО. Изменение уголовно-процессуального законодательства с целью оптимизации правового регулирования данного института не сняли остроту обозначенной проблемы, более двух лет существующей в досудебном производстве.

Подчеркнем, что что ежегодно предварительное расследование приостанавливается по порядку 900 тыс. уголовным делам о преступлениях. В 2018 г. были приостановлены 862 844 уголовные дела о преступлениях, в 2019 г. – 917 476, в 2020 г. – 965 295, в 2021 г. – 935 295, в 2022 г. – 905 676, а в 2023 г. – 912 394 [8]. При этом перспектива направления следователям таких дел в суд является крайне низкой, о чем свидетельствуют официальные статистические данные. Отмеченная ситуация усугубляется вследствие появления в уголовно-процессуальном законе нового основания приостановлении предварительного расследования, предусмотренного п. 3.1 ч. 1 ст. 208 УПК РФ [7]. Обозначенное основание, по сути, содержит три самостоятельных оснований, взаимосвязанных единым фактом – прохождение обвиняемым (подозреваемым) военной службы. Оно было включено в уголовно-процессуальный закон ввиду возникших в следственной практике (как и в судебной) проблем, демонстрирующих отступление правоприменителя от принципов законности, справедливости, презумпции невиновности, которые были обусловлены предписаниями Федерального закона от 24.06.2023 № 270-ФЗ «Об особенностях уголовной ответственности лиц, привлекаемых к участию в специальной военной операции». В частности, в Республике Татарстан за период 2022 год – первое полугодие 2023 года судами из рассматриваемых 58 уголовных дел 71% (41)

уголовное дело было приостановлено по превалирующей причине – подсудимый участвовал или участвует в СВО, местонахождение его неизвестно и реальная возможность участия этого подсудимого в судебном разбирательстве отсутствует [1].

В следственной практике до принятия ФЗ № 64–2024 г. при наличии сведений о местонахождении убывшего на военную службу в зону СВО подозреваемого, предварительное расследование было приостановлено по тому же основание – отсутствует реальная возможность участия в уголовном деле. Несмотря на получение дознавателем, расследующим уголовное дело, информации от военного комиссара об убытии данного лица на военную службу в зону СВО по контракту, заключенному с Министерством обороны России, надзирающей прокурор признал решение дознавателя незаконным ввиду отсутствия в материалах уголовного дела документов, подтверждающих заключение указанного контракта и реальное прохождение подозреваемым службы по контракту в зоне СВО [5].

На сложности применения в следственной практике обозначенного федерального закона указывали и многие ученые. В частности, Л.В. Головкин не исключал возникновение в практической деятельности вынужденных интерпретаций Федерального закона № 270–2023 г., означающих нарушение принципа законности [2]. Ю.А. Цветков обращал внимание на существовавшую коллизию между рассматриваемым федеральным законом и УПК РФ, обладающими равной юридической силой. По мнению указанного автора, следователь должен был применять нормы закона, наиболее благоприятные для обвиняемого (подозреваемого) [10].

Однако конкретизация в 2024 году законодателем анализируемого основания приостановления предварительного расследования – участие в СВО не только не устранила существующее в следственной практике проблемы, но и породила новые. Во-первых, следует указать на необоснованное сужение законодателем круга субъектов, уполномоченных на приостановление предварительного расследования при прохождении военной службы в зоне СВО. Таковыми являются только следователи СК России согласно системному толкованию пп. «в» п. 1 ч. 2 ст. 151, п. 3 ч. 2, ч. 9 ст. 208 УПК РФ. В контексте изложенного заслуживает внимания мнение И.С. Дикарева относительно периода, в течение которого лицо имеет статус военнослужащего, в целях верного определения последственности – момент совершения преступления, связанного с исполнением обязанностей военной службы [3]. Представляется, что при определении последственности по уголовному делу о преступлении, совершенным лицом, заключившим контракт о прохождении

военной службы в зоне СВО, нет оснований руководствоваться предписаниями ст. 2 Федерального закона от 28.03.1998 № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе». Верно отмечает И.Н. Нуриев, что следователь и дознаватель органов внутренних дел также имеют право принимать решение о приостановлении предварительного расследования по рассматриваемой категории уголовных дел. «Основания для передачи уголовного дела по последственности в специальные военные органы СК РФ для принятия решения о приостановлении или прекращения уголовного преследования в данном случае отсутствуют» [6].

Во-вторых, правовое положение следователя, дознавателя становится неопределенным при применении анализируемого института. При поступлении ходатайства командования воинской части о приостановлении предварительного расследования у следователя появляется процессуальная обязанность выполнить указанное процессуальное действие или для него это дискреционное полномочие? Такое правовое регулирование, характеризующееся неясностью, как ожидается, повлечет разнородную следственную практику, что скажете на степени обеспечения прав обвиняемого (подозреваемого) в зависимости от волеизъявления властного субъекта, сложившейся практики в отдельном субъекте Российской Федерации.

Кроме того, как верно отмечает В.В. Суров, реальная возможность участия обвиняемого в уголовном деле отсутствует, но командование воинской части не направляет ходатайство о приостановлении предварительного расследования [9]. Законом не возлагается на обозначенного субъекта обязанность направлять следователю указанное ходатайство. На данный факт обращает внимание и К.Б. Калиновский [4]. Нормы УПК РФ в рассматриваемых ситуациях не гарантируют равного положения лица, совершившего преступление, перед законом, равных возможностей осуществления своих процессуальных прав независимо от воли специального субъекта уголовного судопроизводства – командира воинской части.

Представляется, что для нивелирования возникающих в следственной практике проблем УПК РФ должен содержать требование – во всех случаях сразу же по прибытии на военную службу обвиняемого (подозреваемого) командование воинской части обязано направлять либо соответствующие ходатайство, либо уведомление следователю об отказе в его направлении с указанием причин.

Относительно различного положения обвиняемого (подозреваемого), заключившего контракт о прохождении военной службы, следует признать, что публичные интересы (защита государства, укрепление обороноспособности страны) являются приоритетными

в сравнении с частными интересами обвиняемого (подозреваемого). Усилить гарантии последних возможно посредством реализации права на защиту, получения квалифицированной юридической помощи. Способствовать этому также будет разработка нормативного акта, конкретизирующего Порядок взаимодействия командования воинских частей (учреждений) и следственных органов по вопросам приостановления предварительного расследования в связи с участием в СВО, содержащего решения на возникающие в сложившейся к настоящему времени следственный практики вопросы.

Приостановление производства предварительного следствия в этом случае с уголовно-процессуальной точки зрения несомненно выступает вынужденной мерой, а следствие в виде прекращения уголовного дела предстает необходимым актом прагматизма.

Нормы института приостановления предварительного следствия определяют круг взаимодействующих субъектов, их права и обязанности, алгоритм действий в той или иной ситуации. И несомненно, деятельность органов предварительного расследования при возникновении обстоятельств, которые предопределяют необходимость приостановления уголовного дела в обязательном порядке должна подвергаться тщательному анализу со стороны контролирующих субъектов в целях своевременного предупреждения и устранения нарушений законности. Выполнение этих задач возможно только при правильной организации и системности процессуального и ведомственного контроля, который в рамках затронутой тематики приобретает особое значение.

Процессуальный и ведомственный контроль осуществляется сотрудниками организационно-зональных и контрольно-методических подразделений в соответствии с закрепленными направлениями оперативно-служебной деятельности. Обобщение и анализ эффективности работы возлагается на сотрудника информационно-аналитического подразделения или сотрудника аппарата (с учетом организационно-штатного построения) и ведется дифференцированно.

В рамках контроля необходима организация регулярных заслушиваний расследуемых уголовных дел и ежеквартальных заслушиваний уголовных дел, по которым приостановлено производство предварительного следствия, также бесспорно необходима реализация системы упреждающего контроля, которая включает порядок предварительного согласования решений о приостановлении предварительного следствия по основаниям, предусмотренным

п.п. 2–4 ч. 1 ст. 208 УПК РФ, с аппаратами управления по предметно-зональному принципу.

Необходимым является и уточнение полномочий надзирающего прокурора в приказах Генпрокурора России при осуществлении им надзора за законностью и обоснованностью процессуальных решений следователя (дознателя) по анализируемому основанию в целях исключения с его стороны поверхностного подхода к перспективе процессуального положения лица, выразившего желание выполнять гражданский долг по защите страны в период проведения СВО.

Список литературы:

1. Беляев М. В., Качалова О. В. Особенности рассмотрения уголовных дел в отношении участников СВО: практика Республики Татарстан // Уголовный процесс. 2024. № 2. С. 73–75.
2. Головкин Л. В. Применение закона об освобождении от уголовной ответственности участников СВО. Законодательные вопросы // Уголовный процесс. 2023. № 11. С. 26–28.
3. Дикарев И. С. Специальная подследственность военных следственных органов // Вестник военного права. 2020. № 1. С. 44–49.
4. Калиновский К. Б. Что учесть при освобождении от ответственности участников СВО // Уголовный процесс. 2023. № 11. С. 32.
5. Лисицына А. В. Возобновление производства по уголовному делу на стадии предварительного расследования: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2024. С. 111–112.
6. Нуриев И. Н. Новые правила прекращения уголовного преследования в отношении подозреваемого (обвиняемого), участвующего в специальной военной операции: теоретические и практические аспекты // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2024. № 2 (55). С. 124–130.
7. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 23 марта 2024 г. № 64-ФЗ // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 20.08.2024).
8. Сводный отчет «О состоянии преступности и результатах расследования преступлений» за 2018–2023 гг. М.: ГИАЦ МВД России, 2019–2024.
9. Суров В. В. Принципы и цели прекращения уголовного преследования и уголовного дела в отношении лиц, принимающих уча-

ствие в Специальной военной операции // Закон и право. 2024. № 5. С. 284–87.

10. Цветков Ю. А. Прекращение уголовного преследования в отношении участника СВО. Рекомендации следователю // Уголовный процесс. 2023. № 11. С. 29–31.

Мартыненко Наталия Эдуардовна,
доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры уголовной политики,
Академия управления МВД России
E-mail: kafedra_up_au@mail.ru

УДК 343.2

Могут ли уголовно-правовые меры быть средствами государственного социального управления?

Аннотация. О том, что право является средством социального управления написано немало работ теоретиками права. Но может ли уголовное право быть средством социального управления, поскольку существует точка зрения о том, что уголовное право вообще не имеет своего предмета и лишено регулятивной функции. Попытка ответить на вопрос привела автора к выводу о том, что уголовно-правовые меры, сами по себе, не являются средствами государственного социального управления, а таковым является их законодательное закрепление и применение. Кроме того, термин «государственное социальное управление» подменяет собой давно устоявшийся в уголовном праве термин «уголовная политика», не внося в его содержание ничего нового, а уголовно-правовые средства используются как средства борьбы с преступностью.

Ключевые слова: государственное социальное управление; уголовно-правовое воздействие; уголовно-правовые средства; средства государственного социального управления.

25 апреля 2024 г. в РАНХИГС¹ прошла ежегодная Международная научно-практическая конференция «Уголовно-правовые средства государственного социального управления». Прежде всего, заинтересовало название конференции. Для человека более тридцати лет изучающего уголовное право и преподающего дисциплину «Уголовная политика Российской Федерации», привыкшего к тому, что уголовное право охраняет общественные отношения от преступных посягательств, что закреплено в ст. 2 Уголовного кодекса Рос-

¹ Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ.

сийской Федерации (далее – УК РФ) такое название показалось несколько странным или, по крайней мере, не традиционным.

В теории права давно обсуждается вопрос о том, является ли право инструментом социального управления [2; 14; 17]. И большая часть специалистов дает положительный ответ на этот вопрос. Но могут ли уголовно-правовые средства быть средствами государственного управления?

Но необычное название конференции заставило задуматься над вопросом о том, а чем еще кроме средств (мер) охраны общественных отношений могут быть уголовно-правовые средства, какую роль они играют в обществе? Тем более, что в уголовном праве давно идут споры о том, имеет ли вообще оно свой предмет или уголовное право охраняет общественные отношения, урегулированные другими отраслями права. Еще представитель советской школы уголовного права А.А. Пионтковский писал, что уголовный закон «придает особую силу и значение уже существующим нормам других областей права и тем самым участвует в установлении соответствующих правоотношений...» [8, с. 12, 13].

Некоторые современные исследователи считают, что «регулирование общественных отношений не является задачей уголовного права. Конечным результатом регулирования общественных отношений является их улучшение, развитие. Напрямую, непосредственно уголовное право не может развивать общественные отношения, это прерогатива правовых отраслей с регулятивно-дозволительными функциями» [13]. Сразу оговоримся, что считаем уголовное право самостоятельной отраслью права, имеющей свой предмет и именно с этой позицией будем пытаться проблему.

В науке уголовного права вопрос о том, могут ли уголовно-правовые меры быть средствами государственного социального управления, находится в «тени» научных исследований. Нет ни одного диссертационного исследования, научных статей с подобным названием, да и научных публикаций, содержащих информацию о том, что уголовно-правовые средства являются средствами государственного социального управления, вряд ли наберется более десятка.

К рассмотрению вышеназванной проблемы, хотя и редко, обращаются криминологи, как правило, рассматривая проблемы социальной обусловленности криминализации и декриминализации деяний [4].

Прежде чем ответить на поставленный вопрос, определимся с понятиями «уголовно-правовые средства» и «государственное социальное управление».

Уголовно-правовые средства. Прежде всего, что представляют собой уголовно-правовые средства. В науке уголовного права словосочетание «уголовно-правовые средства» не является устоявшейся терминологией. Говоря об уголовно-правовых средствах, в их называют «меры уголовно-правового воздействия, уголовно-правовые меры (при этом, термины «меры» и «средства» используются как синонимы). В уголовном законе такой термин вообще не используется. Глава 15.1 УК РФ носит название «Иные меры уголовно-правового характера».

Существует большое количество определений уголовно-правовых средств, мер, уголовно-правового воздействия, иных мер уголовно-правового характера, их классификации. И если первые три названия, по сути, являются «синонимичными», то «иные меры уголовно-правового характера» обозначены законодательно и существенным образом отличаются от уголовно-правовых средств.

Термин уголовно-правовое воздействие в большей степени охватывает сразу и уголовное право, и уголовное законодательство, и уголовно-правовую политику как основополагающие элементы, аккумулирующие в себе понятия преступного и наказуемого, и всего, что с ними связано [9, с. 7].

К уголовно-правовым средствам относят установленные уголовным законом существенно ограничивающие права и свободы человека принудительные меры карательного, исправительного и воспитательного воздействия, применяемые к лицам за совершение преступления, в целях охраны общественных отношений и предупреждения преступной деятельности [12, с. 293].

К уголовно-правовым мерам – меры, направленные на предупреждение, пресечение и реализацию уголовной ответственности правонарушителей [6, с. 35].

Иные меры уголовно-правового характера, отличаются от мер уголовно-правового воздействия, мер уголовно-правового характера тем, что не имеют карательного свойства. «Они являются принудительными мерами, назначаются только судом, применяются к лицам, совершившим преступление, не имеют карательного свойства, направлены на восстановление нарушенных общественных отношений и предупреждение совершения новых преступлений» [10, с. 69].

Основное отличие при характеристике мер уголовно-правового воздействия, уголовно-правовых средств состоит в том, что авторы по-разному определяют их местоположение. Большинство специалистов уголовного права считают, что эти средства содержатся только в УК РФ [7, с. 287]. Меньшая часть авторов [6, 35] (этой точ-

ки зрения придерживается и автор статьи) относят к ним и меры, которые находятся и вне рамок УК РФ (например, официальное предостережение, административный надзор).

Несмотря на разницу в определении понятия «уголовно-правовые средства» их объединяет одно – эти средства применяются только к лицам, совершившим преступление. К этим средствам, прежде всего, относится наказание, но не исчерпывается им. Потенциал уголовного закона позволяет применять к лицам, совершившим преступление, и иные меры уголовно-правового характера, не являющиеся наказанием и не влекущими его правового последствия – судимости.

Государственное социальное управление. Самостоятельной науки, которая бы изучала государственное социальное управление нет. Этот термин используют не только юристы, но и социологи, экономисты, философы, политологи, специалисты других наук. Особенно много научных и учебных публикаций связано с административным правом. И каждый автор этих публикаций вкладывает в определение социального управления то, что составляет предмет той или иной науки.

Прежде всего, управление это процесс целенаправленного воздействия субъекта на объект для перевода последнего в новое состояние [15, с. 38–39], руководство чем-либо (или кем-либо) [1, с. 17].

Не ставя перед собой, цели исследовать все предложенные понятия социального управления, скажем только, что это определенный вид деятельности, направленный на «достижение целей, задач общества, с помощью определенных методов действий, направленных на получение конечного результата» [19]. Для управления характерно то, что с его помощью осуществляется воздействие на тот или иной объект. Соответственно социальное управление характеризует процесс воздействия на общество или его отдельные звенья с целью обеспечения нормального функционирования, совершенствования и развития».

По сути, социальное управление представляет собой государственное воздействие на определенные объекты в интересах народа, осуществляемое посредством принятия определенных нормативных правовых актов и последующей их реализации.

Изучение научной и учебной литературы по проблемам социального управления, позволяет прийти к выводу о том, что существует две точки зрения на определение социального управления. Одна состоит в том, что ее авторы предлагают считать социальное управление государственным воздействием на общественные отношения.

Согласно другой – это исполнительно-распорядительное воздействие по реализации государственных предписаний.

Возвращаясь к уголовно-правовым средствам как средствам государственного социального управления, можно сказать, что они действительно являются таковыми. Устанавливая уголовно-правовой запрет и наказание за его нарушение, государство, тем самым, воздействует на лиц, как уже совершивших преступление, так и на лиц, от которых можно ожидать его совершения, в целях, как это закреплено в ст. 2 УК РФ, охраны интересов личности, общества и государства. А это есть ни что иное, как уголовная политика государства, о которой Г.М. Миньковский сказал: «...как бы ни именовались направления деятельности государства и общества, связанные с борьбой с преступностью, - речь идет о важнейшей составной части внутренней политики, обеспечивающей эффективное функционирование экономической, идеологической и социальной политики» [11, с. 7]. Уголовно-правовые средства являются лишь частью средств (причем не самой главной), которые государство использует для предупреждения, пресечения преступлений, реализации ответственности и восстановления нарушенных прав и законных интересов потерпевших.

Стоит ли менять устоявшийся термин уголовная политика на уголовно-правовые средства социального управления, хотя О.Н. Бибикич и предлагает отказаться от термина уголовная политика и для обозначения всего комплекса отношений, связанных «с деятельностью государства по профилактике, предупреждению, пресечению преступлений, а также восстановлению нарушенных прав и законных интересов потерпевших», использовать не привычный термин «уголовная политика», а словосочетание «государственное управление в сфере противодействия преступности» [5, с. 15]?

Мой ответ на поставленный вопрос отрицательный. Вряд ли стоит менять устоявшуюся терминологию и вместо уголовной политики использовать термин государственное социальное управление в сфере противодействия преступности, так как изменение названия не влечет за собой изменения сущности деятельности по борьбе с преступностью, тем более, что термин «уголовная политика» использовался еще в середине XIX в. - начале XX вв. [16].

Подводя итог, можно сделать следующий вывод: уголовно-правовые средства могут быть средствами государственного управления, так как уголовное право является самостоятельной отраслью права, имеющей свой предмет. Уголовно-правовые средства, как средства государственного управления входят в более широкое понятие – уголовная политика, так как именно это понятие связано

с одним из направлений деятельности государства, а именно, борьбой с преступностью. Сами по себе, уголовно-правовые средства не являются средствами социального управления, а вот их законодательное закрепление и применение действительно являются элементами социального управления в борьбе с преступностью.

Список литературы:

1. Административное право: учебник / под ред. Л. Л. Попова. М., 2002.
2. Алексеев С. С. Право и управление в социалистическом обществе (Общетеоретические проблемы) // Советское государство и право. 1973. № 6. С. 13–21.
3. Бабаев М. М. Криминологические основы уголовной политики // Современная уголовная политика: поиск оптимальной модели: материалы Рос. конгресса уголовного права (31 мая – 1 июня 2012 г.). – М.: Проспект, 2012. – С. 319–340.
4. Бабаев М. М., Пудовочкин Ю. Е. Репрессивное решение социальных проблем: причины и последствия // Всероссийский криминологический журнал. 2016. Т. 10, № 3. С. 419–430.
5. Бибик О. Н. Концепция развития уголовного законодательства РФ как основа для формирования новой модели государственного управления в сфере противодействия преступности // Современная уголовная политика: поиск оптимальной модели: материалы VII Рос. конгресса уголовного права. – М.: Проспект, 2012. – С. 14–18.
6. Гришанин П. Ф. Современные проблемы уголовной политики и уголовно-правовой практики. – М., 1994.
7. Келина С. Г. «Иные меры уголовно-правового характера» как институт уголовного права // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы IV 4 междунар. конф. – М., 2007. С. 287.
8. Курс советского уголовного права: Часть Общая: в 6 т. – М.: Наука. – Т. 1: Уголовный закон. – 1970.
9. Лопашенко Н. А. Основы уголовно-правового воздействия. – СПб, 2004.
10. Мартыненко Э. В. Конфискация имущества как иная мера уголовно-правового характера. – М., 2010.
11. Миньковский Г. М. Политология борьбы с преступностью (вместо предисловия) // Исмаилов И. А Преступность и уголовная политика (актуальные проблемы борьбы с преступностью). – Баку, 1990.

12. Пунигов А. С. К вопросу о понятии «меры уголовно-правового характера» // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы IV междунар. конф. – М., 2007. С. 293.
13. Разгильдиев Б. Т. Задачи уголовного права Российской Федерации и их реализация: дис. ... д-ра юрид. наук. – М. С. 94.
14. Солдатов А. С. Право как инструмент социального управления: Информационный аспект: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2001.
15. Тихомиров Ю. А. Курс административного права и процесса. М., 1998. С. 38–39.
16. Уголовная политика и ее реализация органами внутренних дел: учебник: в 2 ч. – М.: Академия МВД России, 2014.
17. Халфина Р. О. Право как средство социального управления. М.: Наука, 1988.
18. Щедрин Н. В. Новый Уголовный кодекс России в контексте социального управления // Lex Russica. 2015. № 3. С. 48–62.
19. Иванов В. А. Социальные технологии в современном мире. М., 1997.

Мерецкий Николай Евгеньевич,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Российской Федерации,
профессор кафедры криминалистики,
Дальневосточный юридический институт МВД России;
заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин,
Дальневосточный государственный университет путей сообще-
ния
E-mail: ugpd@rambler.ru

УДК 343.1

Информационное поле в системе раскрытия и расследования преступления

Аннотация. Раскрытие и расследование преступлений невозможно успешно осуществлять без достаточной информированности работников правоохранительных органов и способности оперативно использовать имеющиеся доказательства. В этом случае эффективно управлять расследованием, обеспечивать его оптимальное функционирование и выполнение задач уголовного судопроизводства возможно при достаточном оперировании всей имеющейся информацией. В статье рассматриваются вопросы, касающиеся информационных аспектов расследования преступлений, которые позволяют сделать вывод о необходимости углубленных исследований. Знание всех постулатов позволяет оперировать ими и использовать их при изобличении субъекта, совершившего противоправное деяние в рамках информационного поля расследования преступления.

Ключевые слова: расследование преступлений; уголовное судопроизводство; доказательства; следователь; информационное поле.

В период раскрытия и расследования преступлений к следователю последовательно поступает различная информация, которая со временем путем проведения различных следственных действий обличается в процессуальную. В силу этого, работниками правоохранительных органов она объединяется в единое информационное поле, обеспечивая последовательность действий, направленных на раскрытие и расследование преступления. Но для обозначенной цели следователь, владея информацией при анализе следов и объ-

ектов, отраженными в результате преступных действий субъекта, оставленными на месте преступления, придает ей определенное процессуальное значение. Считаем, что нам следует согласиться с Н. Н. Егоровым, который указывает: «...в настоящее время преобладает мнение, что окружающий нас мир представляет собой информационную систему, в которой циркулирует и преобразуется различная по природе информация» [1, с. 6]. Дело в том, что сведения, находящиеся в оставленных следах в период совершенного преступного деяния, концентрируются в определенном месте и тем самым создают информационное поле, которое используется в целях изобличения субъекта, совершившего противоправное деяние. По нашему мнению, информационное поле создается определенными потоками, включающими, во-первых, дифференцированно поступающие сведения; во-вторых, криминалистическую характеристику преступления; в-третьих, механизм (последовательность) преступления.

Следует отметить, что системное восприятие объектов преступления может позволить целостно понять результаты наступивших последствий в целях дальнейшего выдвижения версий при планировании расследования [3, с. 252]. Следовательно, в информационном поле находятся процессуально фиксированные обнаруженные объекты, позволяющие целостно отличить достоверную информацию от ложной или недостаточной для предъявления обвиняемому. Дифференцированно поступающие сведения о событии преступления исследуются в структуре информационного поля о событии преступления, т.е. в механизме его совершения, и являются объектом изучения следователем. В период работы по уголовному делу следователь, обладая знаниями, может успешно осуществлять деятельность, направленную на раскрытие и расследование преступления. Эта работа достаточно многогранна, и в ней происходит познание взаимосвязанных элементов в измененном объекте или явлении.

Так, по мнению Н. Г. Шурухнова «...расследование любого преступления – это наиболее сложный вид юридической деятельности, в которой, кроме следователя, выступающего ледоколом, задействовано значительное количество уполномоченных должностных лиц, как правило, состоящих на государственной службе и принимающих решения от имени государства» [4, с. 465]. В силу этого, проводя следственные действия, оперативно-розыскные, регистрационные и иные мероприятия, работники правоохранительных органов изучают полученную информацию и далее объединяют ее в многогранном правовом пространстве в одно целое, которое находится в информационном поле, где обозначенные сведения смогут

и в дальнейшем будут представлять единую доказательственную базу, реализуемую в обвинительном заключении. Это позволит в кратчайшее время проанализировать всю имеющуюся информацию, соединить ее в единое целое, не допуская искажения фактов. Закрепление и последующее сопоставление поступивших сведений в информационном поле даст возможность исключить медлительность функционирования правосудия, вызванное увеличением количества исследуемых в уголовном деле объектов.

Существующие связи, находящиеся в информационное поле между образующими элементами криминалистической характеристики, способны установить не только преступника, но и субъектов, случайно оказавшихся участниками события, при тщательном анализе их действий или бездействия в момент совершения противоправного деяния. Используя в период раскрытия и расследования преступления разработанные криминалистикой методы по собиранию доказательств, нельзя не отметить, что они необходимы, во-первых, для квалификации конкретного деяния; во-вторых, при разработке рекомендаций по применению тактических приемов; в-третьих, с целью разработки профилактических мероприятий; в-четвертых, для устранения недочетов (недостатков) в дальнейшей деятельности работников правоохранительных органов.

В связи с этим можно констатировать, что между перечисленными методами образуются и существуют определенные причинно-следственные и пространственно-временные связи, которые необходимы при исследовании имеющихся доказательств. При таком положении вещей (объектов) находящиеся в информационном поле связи могут быть исследованы и доступны для каждого задействованного в расследовании лица, будь то следователь или оперативный работник. Кроме того, осуществление, актуализация латентной и потенциальной доказательственной информации, имеющей в распоряжении следователя, может представлять важный этап в расследовании и объединяться в едином информационном поле.

Апробированные в результате исследования данные свидетельствуют, что в последние годы, в связи объективным развитием, достижениями других наук (в том числе не юридического профиля), резко увеличилось количество преступлений, которые не регламентированы уголовно-процессуальным законодательством. Однако следователи, сталкиваясь с негативными проявлениями преступной среды, предпринимают и используют методы, разработанные иными науками и внедряемые в криминалистику методами по собиранию информации для более глубокого проникновения в сущность познаваемого противоправного явления. Информационное

поле, в котором находятся носители доказательственной информации, позволит системно и целенаправленно использовать сведения, получаемые в результате проведения следственных действий, оперативно-розыскных и регистрационных мероприятий, проводимых в период раскрытия и расследования преступления.

Следует отметить, что в процессе доказывания происходит выделение некоторых существенных элементов, например, установление опорных точек (объектов) при проведении проверки показаний на месте. Они необходимы не только для проведения следственного действия, но и в целях объединения имеющейся информации в единое целое, которая существует в структуре информационного поля, создавая возможность установить ее функциональное значение. Это позволит следователю, во-первых, проверить сведения, предъявленные субъектом, показания которого проверяются, то есть дает возможность установить правдивость или ложность показаний; во-вторых, выявить замысел субъекта, направленного на побег или иное противоправное действие во время проведения следственного или оперативного мероприятия; в-третьих, предотвратить возможность установления связи с соучастниками преступления.

В связи с этим можно с определенной достоверностью утверждать, что исследуемая информация в механизме преступления отражается в объективных или субъективных признаках и сможет нейтрализовать действия субъектов, противодействующих расследованию. В этом случае неоспоримым доказательством может служить установление объектов, находящихся в зоне противоправного деяния, и их отношение или связь с личностью подозреваемого или обвиняемого. Обозначенной теории придерживается и А. М. Ишин, который указывает, что «раскрытие и расследование преступлений неразрывно связано с информацией, с течением информационных процессов. Без информации невозможно эффективно управлять системой расследования, обеспечивать ее оптимальное функционирование и выполнение задач уголовного судопроизводства» [2, с. 277]. Кроме того, мы считаем, что при исследовании поступающих сведений следователь в информационном поле может провести структурный анализ конкретных противоправных действий субъекта, который коренным образом повлияет на задержание и изобличение лица, совершившего преступление.

Наши исследования показали, что информационное поле способно объединять в единое целое все криминалистически значимые объекты, втянутые в процесс исследования и обнаруженные при исследовании поступающих данных. Обозначенная информация, находящаяся в нем, способна опровергнуть или подтвердить

дить обнаруженные факты, которые смогут повлиять: во-первых, на результаты расследования; во-вторых, на получение дополнительной информации; в-третьих, на познание сущности закономерностей, которым подчиняются преступники и следователь в период расследования; в-четвертых, на происходящие процессы и явления; в-пятых, на получение неопровержимых доказательств по уголовному делу. В силу этого передача, обработка и предоставление информации в логико-структурной целостности на разных этапах расследования в достаточной степени необходимы.

На протяжении всей работы по уголовному делу постоянно осуществляется преобразование информации, извлекаемой из различных носителей, объединенной и находящейся в информационном поле, в котором происходит изучение и познание взаимосвязи, во-первых, между доказательственными элементами и, во-вторых, между элементами, определяющими зависимость механизма преступления от механизма слеодообразования. Обозначенное явление, происходящее в информационном поле, поможет работникам правоохранительных органов и суду раскрыть сущность и содержание преступного события.

Так, в период доказывания происходит выделение некоторых существенных элементов, например, в период проведения обыска – это наблюдение за поведением субъекта или при опознании – восприятие объекта, который субъект наблюдал ранее и т.д. Обозначенные мероприятия необходимы не только для реализации разработанных ранее тактических приемов в следственном действии, но и в целях объединения имеющейся информации в единое целое, которая существует в структуре информационного поля. Тем самым создается возможность установления его функционального значения исследуемого нами предложения, которое даст возможность работникам правоохранительных органов пересмотреть в положительную сторону свое отношение к обозначенной проблеме. В связи с этим можно с определенной достоверностью утверждать, что исследуемая информация в механизме преступления отражается в объективных или субъективных признаках и может нейтрализовать действия субъектов, противодействующих расследованию.

Однако, чтобы в информационном поле обозначенная система исследования доказательств могла выполнять названные и иные функции, она должна отвечать ряду требований: во-первых, располагать таким набором взаимосвязанных средств, которые способствовали бы поступлению дополнительной информации; во-вторых, обладать свойством универсальности, т.е. быть пригодной к использованию для раскрытия и расследования любого преступления неза-

висимо от объективных или субъективных признаков; в-третьих, могла бы прогнозировать любое преступное явление или противоправное действие; в-четвертых, позволяла бы строго и однозначно характеризовать не только общие, но и частные признаки преступного события в целях изобличения лица, совершившего противоправное деяние.

В этом состоит суть трактовки информационного поля, которая является основой определения качественных и количественных критериев оценки имеющихся в нем доказательств.

Список литературы:

1. Егоров Н. Н. Вещественные доказательства: уголовно-процессуальный и криминалистический аспекты: монография / Н. Н. Егоров. – М.: Из-во «Юрлитинформ», 2007. – 304 с.

2. Ишин М. А. О месте и значении информационного обеспечения расследования преступлений / М. А. Ишин // Ученые-криминалисты и их роль в совершенствовании научных основ уголовного судопроизводства: материалы вузов. юбил. науч.-практ. конф. (к 85-летию со дня рождения Р. С. Белкина): в 2-х ч. Ч. 2. – М.: Академия управления МВД России, 2007. – С. 276–281.

3. Мерецкий Н. Е. Влияние информации на первоначальный этап расследования убийств, совершаемых членами организованных преступных сообществ / Н. Е. Мерецкий // Современное уголовно-процессуальное право России – уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования: сб. мат. междунар. науч.-практ. конф. (18–19 октября 2018 г.) / Орловский юрид. ин-т МВД России им. В.В. Лукьянова. – Орел: ОрЮИ МВД России им. В. В. Лукьянова, 2018.–С. 251–255.

4. Шурухнов Н. Г. От деформации уголовного судопроизводства к интенсификации досудебного производства: месседж профессора Б.Я. Гаврилова // Уголовный процесс и криминалистика: правовые основы, теория, практика, дидактика (к 75-летию со дня рождения Б. Я. Гаврилова): сб. науч. стат. по мат. междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 3 ноября 2023 г.): в 2-х ч. – М.: Академия управления МВД России, 2023. Ч. 1. – С. 464–473.

Меркурьев Виктор Викторович,
доктор юридических наук, профессор,
заведующий отделом НИИ,
Университет прокуратуры Российской Федерации
E-mail: merkuriev-vui@mail.ru

Закомолдин Руслан Валериевич,
кандидат юридических наук, доцент,
научный сотрудник НИИ,
Университет прокуратуры Российской Федерации
E-mail: rus.zackomoldin@yandex.ru

УДК 343.3+343.9

**Борьба с посягательствами на основы конституционного строя
и безопасность государства в свете уголовной политики России:
состояние, тенденции и прогнозы**

Аннотация. Статья посвящена вопросам предупреждения, профилактики и противодействия посягательствам на основы конституционного строя и безопасности государства в современных условиях. Отмечается, что сегодня угрозы национальной безопасности трансформируются, что требует трансформации государственной политики противодействия им. Отдельное внимание уделяется таким угрозам как экстремизм, терроризм, этническая преступность и преступность мигрантов. Анализируются предпринимаемые государством меры организационного и законодательного характера. Делается вывод, что уголовная политика государства в данной части должна быть ориентирована на усиление уголовно-правового воздействия.

Ключевые слова: национальная безопасность; конституционные основы; государственный суверенитет; экстремизм; терроризм; преступность мигрантов; этническая преступность; анклав; уголовная политика; уголовно-правовое воздействие; противодействие.

В современных условиях с учетом долгосрочных тенденций развития ситуации в мире и в России в числе ее национальных интересов необходимо отдавать приоритет охране и защите конституционного строя, суверенитета, независимости, государственной и территориальной целостности Российской Федерации.

Обеспечение и защита обозначенных общенациональных благ должны осуществляться за счет концентрации усилий и ресурсов органов публичной власти, организаций и институтов гражданского общества на реализации таких стратегических национальных приоритетов, как военная (оборонная), государственная, общественная, информационная и экономическая безопасность.

Уголовно-правовые средства охраны внешней безопасности России: конституционного строя, суверенитета, обороноспособности, территориальной целостности и других конституционно значимых интересов от внешних и внутренних угроз закреплены в главе 29 УК РФ [4].

Наблюдения за преступностью против основ конституционного строя и безопасности государства свидетельствуют о том, что до 2021 г. включительно в общей структуре зарегистрированных преступлений, предусмотренных главой 29 УК РФ, удельный вес количества экстремистских преступлений (ст. 280, 2801, 282, 2821, 2822, 2823 УК РФ) в среднем составлял более 85%. С 2022 г. произошли существенные трансформации, которые привели к снижению данного показателя до 55,5%. Это произошло за счет значительного увеличения количества преступлений, которые формально не относятся к перечню экстремистских. Так, в 2022 г. было зарегистрировано 47 преступлений, предусмотренных ст. 275 УК РФ (Государственная измена), 23 – ст. 281 УК РФ (Диверсия), 112 – ст. 283 УК РФ (Разглашение государственной тайны). Для сравнения, в 2021 г. их количество составляло 12, 1 и 74 преступления соответственно. Кроме того, зарегистрировано 62 факта публичных действий, направленных на дискредитацию использования Вооруженных Сил РФ, ответственность за которые предусмотрена ст. 2803 УК РФ, введенной в марте 2022 г.

Указанная тенденция укрепились в 2023 г. После увеличения в 1,5 раза в предыдущих отчетных периодах (2021 и 2022 гг.) число экстремистских преступлений в 2023 г. снизилось на 14,4% и составило 1340 (в 2021 г. – 1057, +26,9%, в 2022 г. – 1566, +48,2%)¹.

Доля преступлений, совершенных с использованием сети «Интернет», составила 56% (751 из 1340), что несколько выше показателя 2022 г. (в 2021 г. – 62,5%, 661 из 1057, в 2022 г. – 52,3%, 819 из 1566).

¹ Здесь и далее выборочные данные из формы федерального статистического наблюдения № 1-ФЭТ «Сведения о преступлениях террористического характера и экстремистской направленности».

Одновременно с этим анализ структуры учтенной экстремистской преступности и сведений о возбужденных уголовных делах свидетельствует об интенсивном повышении степени ее общественной опасности. Количество убийств, совершенных по мотивам ненависти и вражды (п. «л» ч. 2 ст. 105 УК РФ), составило 12 преступлений (в 2021 г. – 2, в 2022 г. – 191), которые зарегистрированы в Москве (5), Краснодарском крае (2), Нижегородской (1) и Тверской (1) областях.

Замедлились темпы прироста показателей преступлений, предусмотренных ст. 280 (Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности) и 282 (Возбуждение ненависти либо вражды) УК РФ. В 2023 г. количество первых снизилось на 25,8% (в 2021 г. – 486, +32,4%, в 2022 г. – 531, +9,3, в 2023 г. – 394), вторых – на 18,5% (в 2021 г. – 86, +36,5%, в 2022 г. – 108, +25,6%, в 2023 г. – 88).

Таким образом, подтверждается вывод о том, что количественные показатели данных преступлений перестали оказывать определяющее влияние на общую динамику экстремистской преступности¹.

Между тем в 2022 г. и 2023 г. был существенно расширен перечень иных преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства, совершенных по экстремистским мотивам. В 2023 г. зарегистрировано 38 фактов публичных действий, направленных на дискредитацию использования Вооруженных Сил РФ в целях защиты интересов Российской Федерации (ст. 2803 УК РФ), 7 фактов публичных призывов к осуществлению деятельности, направленной против безопасности государства (ст. 2804 УК РФ), 101 факт неоднократных пропаганды либо публичного демонстрирования нацистской атрибутики или символики (ст. 2824 УК РФ).

Выявленные факты организации деятельности экстремистской организации (ст. 2822 УК РФ) составили всех экстремистских преступлений (в 2021 г. – 278, +27,5%, в 2022 г. – 344, +23,7%, в 2023 г. – 356, +3,5%). Из них значительно число зарегистрированных фактов участия в деятельности экстремистской организации – 216. Количество фактов организации деятельности экстремистской организации возросло на 50,7% и составило 113 преступлений.

¹ Состояние законности и правопорядка в Российской Федерации и работа органов прокуратуры. 2022 год: информ.–аналит. записка / под общ. ред. И. М. Мацкевича. М.: Ун-т прокуратуры Рос. Федерации, 2023. С. 135.

Выявлено 57 фактов финансирования экстремистской деятельности (ст. 2823 УК РФ), что на 58,3% выше показателя 2022 г. (в 2022 г. – 36, в 2021 г. – 23).

Зарегистрировано одно преступление, предусмотренное ст. 357 УК РФ (Геноцид), имеющее исключительную общественную опасность (в 2021 г. – 1, в 2022 г. – 9).

Прирост количественных показателей экстремистской преступности в 2023 г. наблюдался в Уральском (84, +50%) Дальневосточном (131, +13,9%) и Северо-Западном (88, +1,1%) федеральных округах. В остальных округах было отмечено их снижение. Среди субъектов Российской Федерации наиболее высокие показатели отмечены в Москве (121), Республике Крым (63) и Курганской области (42).

Заметно увеличился удельный вес иностранных граждан, совершивших преступления экстремистского характера, до 7,3% (76 из 1035) всех выявленных лиц (в 2021 г. – 3,8%, 35 из 925, в 2022 г. – 3,1%, 33 из 1078). Данная категория составляет почти половину выявленных лиц, совершивших квалифицированные убийства по п. «л» ч. 2 ст. 105 УК РФ (18 из 40) и 10,7% совершивших организацию деятельности экстремистской организации по ст. 2822 УК РФ (36 из 337).

Одним из инструментов реагирования государства на угрозы в отношении основ конституционного строя и государственной безопасности является уголовная политика, включающая ряд элементов (уголовно-правовая, уголовно-процессуальная, уголовно-исполнительная, оперативно-розыскная и др.). Ключевой или системообразующей в этом механизме является уголовно-правовая политика [1].

В свете охраны основ конституционного строя и безопасности государства уголовно-правовая политика есть деятельность уполномоченных органов публичной власти, выражающуюся в использовании средств уголовно-правового воздействия для защиты конституционного строя, суверенитета, независимости, обороноспособности, государственной и территориальной целостности Российской Федерации [5].

В настоящее время на фоне кардинального изменения геополитической ситуации, распространения неонацизма и русофобии, вооруженного противостояния изменения политико-правовой действительности стали очевидны, что привело к трансформации уголовно-правовой политики в рассматриваемой сфере.

Исследовательский интерес в рассматриваемом контексте представляют некоторые законодательные решения.

Так, в соответствии с «новой» ст. 2804 УК РФ (Публичные призывы к осуществлению деятельности, направленной против безопасности государства) установлена ответственность за публичные призывы к осуществлению деятельности, направленной против безопасности Российской Федерации, либо к воспрепятствованию исполнения органами власти и их должностными лицами своих полномочий по обеспечению безопасности Российской Федерации (при отсутствии признаков преступлений, предусмотренных ст. 2052, 280, 2801, 2842 и 354 УК РФ). Максимальное наказание за это преступление составляет от 2 до 4 лет лишения свободы. Однако те же действия, совершенные группой лиц по предварительному сговору, лицом с использованием своего служебного положения, с использованием СМИ либо электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет», подлежат наказанию на срок от 3 до 6 лет лишения свободы, а совершенные организованной группой – от 5 до 7 лет лишения свободы с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до 15 лет.

Заслуживает внимания перечень преступлений, которые теперь законодатель отнес к категории преступлений против безопасности. Что также является отражением уголовно-правовой политики в сфере противодействия посягательствам на безопасность России. Так, примечание к ст. 2804 УК РФ раскрывает содержание деятельности, направленной против безопасности Российской Федерации: совершение хотя бы одного из преступлений, предусмотренных ст. 189, 2001, 209, 210, 222–2231, 226, 2261, 2291, 2741, 275–276, 281, 283, 2831, 2841, 290, 291, 322, 3221, 323, 332, 338, 355–357, 359 УК РФ. Представляется, что логику законодателя в этой части еще предстоит оценить и проанализировать, а содержание понятия «деятельность, направленная против безопасности Российской Федерации» определить не только перечневым способом, но и сформулировать его, обозначив ключевые признаки.

Отражением уголовно-правовой политики в исследуемой сфере стало дополнение УК РФ еще одной статьей – 2824 (Неоднократные пропаганда либо публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики экстремистских организаций, либо иных атрибутики или символики, пропаганда либо публичное демонстрирование которых запрещены федеральными законами), предусматривающей наказание за названные действия, если они совершены лицом, подвергнутым административному наказанию за любое из административных правонарушений, предусмотренных ст. 20.3 КоАП РФ, в виде лишения свободы сроком до 4 лет.

В ч. 2 ст. 2824 УК РФ предусмотрена ответственность за изготовление или сбыт в целях пропаганды либо приобретение в целях сбыта или пропаганды нацистской атрибутики или символики, либо атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутики или символики до степени смешения, либо атрибутики или символики экстремистских организаций, либо иных атрибутики или символики, пропаганда либо публичное демонстрирование которых запрещены федеральными законами, если эти деяния совершены лицом, подвергнутым административному наказанию за любое из административных правонарушений, предусмотренных ст. 20.3 КоАП РФ. Максимальное наказание за это преступление также составляет до 4 лет лишения свободы.

Мы уже ранее отмечали, что «рост и обострение угроз в отношении социальной стабильности и общественного спокойствия, суверенитета и обороноспособности страны дают основания для повышения концентрации уголовной репрессии на сфере охраны основ конституционного строя и государственной безопасности, выражающегося, как это было показано выше, в расширении круга преступных деяний и усиления уголовно-правового воздействия путем применения соответствующих методов уголовно-правовой политики – криминализации и пенализации» [6, с. 72]. И такой подход, на наш взгляд, вполне оправдан.

Об этом свидетельствует состояние законности, характеризующееся широкомасштабной антироссийской деятельностью недружественных стран в политической, экономической, информационной и военной областях, подрывными действиями иностранных спецслужб и подконтрольного им некоммерческого сектора, пропагандистской и вербовочной деятельностью международных террористических и экстремистских организаций, диверсионно-террористическими посягательствами.

Так, количество преступлений террористической направленности в 2023 г. увеличилось на 7% и составило 2 382. При этом втрое (с 127 до 410) возросло число террористических актов (ст. 205 УК РФ). Преимущественно они совершены путем обстрелов приграничной территории России с применением различных видов артиллерийских систем и высокоточного оружия, нападений с использованием БПЛА, подрывов объектов транспортной инфраструктуры, поджогов зданий органов публичной власти, в том числе военных комиссариатов. Отмечаются многочисленные попытки совершения терактов в целях нанесения ущерба объектам военной инфраструктуры. Продолжаются атаки на стратегические объекты оборонно-промышленного и топливно-энергетического комплексов.

Помимо этого, в отдельных случаях не удается предотвратить теракты на социальных объектах. Трагические примеры – теракт 22 марта 2024 г. в городе Красногорске Московской области в концертном зале «КрокусСитиХолл» (144 погибших мирных жителей), 23 июня 2024 г. в городе Севастополе на городском пляже (4 погибших, в том числе 2 ребенка), террористические атаки в Махачкале и Дербенте на православный храм и синагогу (4 погибших мирных жителя).

В 2023 г. на стадии приготовления и покушения предотвращено совершение 221 преступления террористической и экстремистской направленности, в том числе 140 террористических актов, планировавшихся в основном в отношении объектов критически важной инфраструктуры и жизнеобеспечения, а также военнослужащих и сотрудников правоохранительных органов. За три месяца 2024 г. предотвращено 27 таких преступлений. Вместе с тем, 23 июня 2024 г. террористы атаковали посты ДПС в Дагестане (погибли 15 сотрудников полиции).

В 2023 г. было выявлено 1 995 лиц, совершивших преступления указанной категории, в суды с обвинительным заключением направлены уголовные дела о 2 289 преступлениях, постановлены обвинительные приговоры в отношении 1 771 лица.

Вместе с тем отмечается недостаточная эффективность работы по выявлению и пресечению фактов вовлечения российских граждан в диверсионно-террористическую деятельность. Так, на фоне шестикратного роста числа совершенных диверсий (в 2023 г. – 154) в большинстве случаев вопросы склонения россиян к преступным действиям не исследовались. Зарегистрировано лишь 24 уголовно наказуемых факта вовлечения в диверсионную деятельность.

Еще одна проблема связана с активизацией недружественных по отношению к России стран и их пособников. Прежде всего, это деструктивная деятельность зарубежных и международных неправительственных организаций. Так, по решению Генерального прокурора Российской Федерации и его заместителей нежелательной на территории России признана деятельность 167 иностранных неправительственных организаций¹, созданных на территориях недружественных стран. Только в 2023 г. 58 зарубежных неправительственных организаций были признаны нежелательными на территории России (в 2022 г. – 22). С начала 2024 г. их число уже

¹ Перечень иностранных и международных неправительственных организаций, деятельность которых признана нежелательной на территории Российской Федерации. URL: <https://minjust.gov.ru/ru/documents/7756/> (дата обращения: 20.05.2024).

возросло на 37. География практически мало меняется – это те же страны, с которыми связано их происхождение: Франция, Испания, Япония, Швейцария, Великобритания, Чехия, Польша, Канада, Германия, Турция, США, Эстония, Литва, Украина.

11 июня 2024 г. депутаты Госдумы Российской Федерации подержали в первом чтении пакет законопроектов, направленных на защиту суверенитета страны. В случае окончательного принятия закона нежелательными в России смогут признавать организации, учрежденные государственными органами зарубежных государств, а за участие в их деятельности будет введена уголовная и административная ответственность. Глава Комитета по безопасности и противодействию коррупции В.И. Пискарев в интервью «Дума ТВ» рассказал о результатах работы комиссии по расследованию фактов иностранного вмешательства, которая выявила целый ряд зарубежных неправительственных организаций, ведущих подрывную антигосударственную деятельность в России. «Например, Британский совет, основанный еще 90 лет тому назад правительством Великобритании, призван развивать сотрудничество в области образования, культуры и искусства с другими странами. А на самом деле это прикрытие для деятельности британских спецслужб... Еще пример – Ассоциация по вопросам северных территорий, созданная по решению правительства Японии под кураторством кабинета министров. У них задача добиться передачи части «северных территорий» – так они называют наши острова Кунашир, Итуруп. Ассоциация продолжает эту экстремистскую деятельность, связанную с посягательством на территориальную целостность Российской Федерации»¹.

Еще одной проблемой, приобретающей характер угрозы национальной безопасности, является рост социальной напряженности и конфликты на этнической и религиозной почве. Эти факторы также используются для эскалации протестных и сепаратистских настроений в обществе, провоцирования экстремистских проявлений. Примером таких деструктивных процессов стали конфликтные ситуации на межнациональной почве, переросшие в массовые беспорядки, в республиках Башкортостан, Дагестан, Саха (Якутия), а также межнациональные столкновения в ряде других регионов, вызвавшие широкий общественный резонанс.

Весьма актуальной проблемой на фоне миграционного прироста населения стало образование в российских городах миграционных и религиозных анклавов [2], что вызывает большой резо-

¹ В Госдуме выявили факты деструктивной деятельности трех организаций. URL: <https://ria.ru/20240611/organizatsii-1952097084.html> (дата обращения: 20.06.2024).

нанс, как в средствах массовой информации, так и среди населения (например, в городе Котельники Московской области, где жители жалуются на организацию молевых домов в жилых многоквартирных домах, «резинные квартиры», систематическое нарушение мигрантами общественного порядка¹).

Директор Института демографических исследований И.И. Белобородов отмечает: «Если так пойдет и дальше, то лет через десять такие районы окончательно оформятся и заживут своей жизнью. Эти территории станут неуправляемыми извне, и их население будет расти. Как следствие, они начнут изменять Москву: столичный культурный фон, уклад жизни и традиции. Это обычная практика для городов, где доля мигрантов превышает 10–12 процентов, а в Москве уже сегодня мигрантов более 20 процентов»².

По мнению В.В. Соболевникова, составившего матрицу системы угроз криминологической безопасности в контексте миграционной преступности, чрезмерная концентрация мигрантов в пределах конкретной территории приводит к маргинализации населения, конфликтам, вовлечению части мигрантов в противоправную деятельность [8].

Следует отметить, что при формировании мусульманских анклавов на российских территориях конфликты с местным населением зачастую приобретают черты религиозной артикуляции, что влечет вероятность радикализации исламского сообщества. Создание «параллельной» инфраструктуры (этнические кафе, барбершопы, кальянные и пр.), «параллельного» этнического бизнеса позволяют анклав становиться самодостаточным, неуправляемым для принимающего государства. Так «параллельное общество» постепенно становится контробществом внутри города, региона, а затем и государства [7].

Следует признать, что основной проблемой управления миграционными процессами в государстве является системное отставание законодательной базы от современных реалий. Пока законодатель предпринимает попытки решить проблему на уровне изменения миграционного режима, рассматривая предложения о введении цифровых профилей мигрантов, сокращении срока временного пребывания иностранцев, внесудебном ограничении прав некото-

¹ Официальный сайт информационного агентства News.ru. URL: <https://news.ru/society/tam-russkie-ne-smogut-zhit-kto-ustroil-v-kotelnikah-migrantskoe-getto/> (дата обращения: 26.05.2024).

² Образованием этнических анклавов наиболее обеспокоены в Москве. URL: <https://posredi.ru/etnicheskie-anklavy-v-gorodax-i-syolaxrossii.html><https://posredi.ru/etnicheskie-anklavy-v-gorodax-i-syolax-rossii.html> (дата обращения: 07.06.2024).

рых категорий мигрантов, правоохранительные органы вынуждены решать проблемы формирования «параллельных обществ» здесь и сейчас.

Данная проблематика продолжает оставаться в зоне пристального внимания на самом высоком уровне. Так, 4 апреля 2024 г. состоялось заседание Совета Безопасности Российской Федерации по вопросам противодействия этнической организованной преступности, а 23 мая 2024 г. – коллегии Генеральной прокуратуры Российской Федерации по вопросам состояния законности и практики прокурорского надзора за исполнением миграционного законодательства и законодательства о противодействии экстремизму и терроризму.

Полагаем, что по обозначенным направлениям в ближайшее время и в кратчайшие сроки предстоит большая организационная и нормативная работа, обязательным условием которой должно стать объединение усилий и ресурсов всех участников системы обеспечения национальной безопасности. Кроме того, уместно вести речь о значительно более масштабном явлении – антикриминальной государственной политике [3].

Список литературы:

1. Дуюнов В. К., Закомолдин Р. В. Уголовно-правовое воздействие в механизме национальной безопасности: монография. М.: РИОР, 2020.
2. Жубрин Р. В., Ашиткова Т. В. Противодействие созданию в Российской Федерации мест массового проживания иностранных граждан (анклавы) // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2024. № 2 (100). С. 53–60.
3. Кондратюк С. В. Антикриминальная политика государства: уровни, ориентиры, перспективы // Вестник Академии права и управления. 2023. № 4 (74). С. 13–19.
4. Меркурьев В. В., Агапов П. В., Закомолдин Р. В. Охрана государственного суверенитета Российской Федерации уголовно-правовыми средствами // Вестник Владимирского юридического института. 2024. № 2 (71). С. 50–56.
5. Меркурьев В. В., Агапов П. В. Криминологическая обусловленность уголовной политики борьбы с преступлениями против основ конституционного строя и безопасности государства // Наука на службе Закону (к 60-летию НИИ Ун-та прокуратуры Рос. Федерации): сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. (г. Москва, 30 мая 2023 г.) / под общ. ред. И.М. Мацкевича; [под науч. ред.

А. Ю. Винокурова; сост. К. И. Амирбеков, А. С. Семенов и др.]; Ун-т прокуратуры Рос. Федерации. М., 2023. С. 187–198.

6. Меркурьев В. В. Уголовная политика в сфере борьбы с преступлениями против основ конституционного строя и государственной безопасности // Уголовная политика России на современном этапе: состояние, тенденции, перспективы (к 100-летию со дня рождения Г.М. Миньковского): сб. материалов Междунар. науч. конф. / редкол.: Победкин А. В., Титушкина Е. Ю., Лелетова М. В., Ищук Я. Г., Моргун Д. О., Саркисян Г. Г. М.: Академия управления МВД России, 2023. С. 62–74.

7. Пронина Т. С. Миграция в современной России и религиозный фактор // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2020. № 3. С. 225–240.

8. Собольников В. В. Миграционные процессы и преступность. Система противодействия: учебное пособие для вузов. – 2-е изд., перераб. и доп. М.: Изд. Юрайт, 2024.

Парфенов Александр Вадимович,
доктор юридических наук, профессор,
начальник кафедры организации
оперативно-разыскной деятельности,
Академия управления МВД России
E-mail: tischagin@yandex.ru

УДК 343.102:57:087

**Роль кафедры организации оперативно-разыскной деятельности
Академии управления МВД России
в оперативно-розыскной политике Российской Федерации:
положительный опыт творческих связей**

Аннотация. Актуальность рассмотрения данной темы связана с рассмотрением концептуального подхода использования положительного опыта кафедры организации оперативно-разыскной деятельности Академии управления МВД России с позиции рассмотрения важности данного направления в условиях интенсивного развития оперативно-розыскной политики Российской Федерации. В статье обозначены проблемные вопросы рассматриваемого направления и даются соответствующие предложения. На основе имеющегося положительного опыта, автором статьи проведена работа по соотношению структуры мнений, взглядов и требований современности для решения задач оперативных кафедр образовательных учреждений МВД России.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность; кафедра организации оперативно-разыскной деятельности; творческие связи; оперативные подразделения органов внутренних дел.

Вопросы, связанные с оперативно-розыскной политикой, занимают центральное место в современной теории оперативно-розыскной деятельности. Одним из обязательных условий успешного решения сложных задач борьбы с преступностью в современный период является высокий профессионализм сотрудников оперативных подразделений органов внутренних дел. В конечном счете он приобретает в процессе осуществления практической деятельности этих лиц, но его «азы» закладываются на более раннем этапе – при обучении слушателей в высших учебных учреждениях системы МВД России. Именно там им дают необходимые знания, при-

вивают первоначальные практические умения и навыки, составляющие основу для дальнейшего «развития» оперативного мастерства и формирования высококвалифицированного специалиста. Поэтому без преувеличения можно сказать, что уровень преподавания курсов по дисциплинам «Оперативно-розыскная деятельность», «Организация оперативно-розыскная деятельность» и т.д. опосредованно влияет на состояние борьбы с преступностью.

Проблема творческих связей кафедр высших учебных заведений системы МВД России между собой и с оперативными подразделениями органов внутренних дел многогранна и многоаспектна. Поэтому, не претендуя на исчерпывающее изложение всех ее сторон. Остановимся лишь на некоторых из них. Считаем возможным начать такое рассмотрение с разбора отдельных положений, касающихся названных контактов между кафедрами в осуществлении ими учебной, учебно-методической и научно-исследовательской работы.

Вопрос о творческих контактах кафедр оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел высших учебных заведений системы МВД России не новый. Он не раз поднимался и обсуждался на различных уровнях, но до настоящего времени должным образом пока не решен. Причем имеется положительный пример создания и организации работы учебно-методической секции по учебным дисциплинам (модулям) оперативно-розыскного профиля, созданной на базе Омской академии МВД России.¹

Ученая, учебно-методическая и научно-исследовательская работа кафедр самым тесным образом связаны между собой и зачастую не могут быть изолированы друг от друга². Хотелось бы представить основные направления, по которым следует осуществлять контакты применительно к каждому из названных направлений деятельности кафедр.

1. Контакты в области учебно-методической и учебной работы.

1.1. Подготовка фондовых лекций. а) Взаимный обмен фондовыми лекциями. б) Взаимное рецензирование фондовых лекций.

1.2. Разработка иных учебно-методических материалов.

1.3. Непосредственное участие в учебном процессе.

¹ Об утверждении Положения об учебно-методических секциях, осуществляющих методическую деятельность в области подготовки кадров в интересах обеспечения законности и правопорядка: приказ МВД России от 26 декабря 2018 г. № 869.

² Об утверждении состава учебно-методической секции по учебным дисциплинам (модулям) оперативно-розыскного профиля: приказ ФГКОУ ВО «Омская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации» от 7 февраля 2023 г. № 58.

² Как положительный пример можно указать на совместную с Уфимским юридическим институтом МВД России научно-исследовательскую работу [6, 7].

2. Контакты в области научно-исследовательской работы.

2.1. Совместные исследования проблем (отдельных их вопросов).

2.2. Участие сотрудников кафедр других ВУЗов в издании отдельных работ. Так, за последнее время кафедрой организации оперативно-розыскной деятельности Академии управления МВД России совместно с оперативными кафедрами ВУЗов системы МВД России подготовлены и изданы: Комментарий к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности» [9], учебное пособие «Деятельность органов внутренних дел по борьбе с преступлениями, совершенными с использованием информационных, коммуникационных и высоких технологий» [8], совместно ГУУР МВД России подготовлен «Справочник начальника отдела (отделения) уголовного розыска территориального органа МВД России» [3], совместно с ГУНК МВД России издан Хронологический справочник памятных дат и событий, посвященный истории подразделений по контролю за оборотом наркотиков [10] и т.п.

2.3. Научное рецензирование материалов, подготавливаемых для издания.

2.4. Взаимное информирование кафедр о результатах проведенных научных исследований.

Автором обозначены и коротко рассмотрены лишь основные направления, по которым, на наш взгляд, должны строиться творческие контакты кафедр оперативно-розыскной деятельности ВУЗов системы МВД России. Как показывает опыт, по многим и них как раз и осуществляются связи кафедральных коллективов. Однако в их реализации имеют место определенные проблемы, обусловливаемые рядом причин. Их устранение позволило бы укрепить контакты кафедр, что в конечном счете положительно сказалось бы на активизации их деятельности.

3. Как уже отмечалось, для успешного решения стоящих перед кафедрами задач они должны поддерживать тесные контакты не только между собой, но и с оперативными подразделениями органов внутренних дел. Эта связь может осуществляться на различных уровнях. В процессе таких общений взаимодействующие стороны оказывают друг другу обоюдную помощь.

Рассмотрим коротко основные направления этих контактов. К ним относятся следующие.

3.1. Содействие кафедр оперативным подразделениям органов внутренних дел. Как показывает опыт, такое содействие проявляется в следующих основных формах.

3.1.1. Изучение кафедрами отдельных проблем борьбы с преступностью.

3.1.2. Совместные командировки сотрудников оперативных подразделений МВД и представителей кафедр в территориальные органы внутренних дел для проверки их деятельности и оказания им практической помощи. В качестве положительного примера, можно привести командировку в ИК-18 УФСИН России «Полярная сова» (пос. Харп, Ямало-Ненецкого автономного округа) и подготовку по материалам командировки учебно-практического пособия [2].

3.1.3. Участие сотрудников кафедр в подготовке материалов, разрабатываемых оперативными подразделениями МВД (проекты нормативно-правовых актов, обзоры, методические рекомендации и т.д.).

3.1.4. Подготовка сотрудниками кафедр совместно с практическими работниками органов внутренних дел материалов для их опубликования в научно-практических изданиях. На кафедре ООРД имеется положительный опыт совместного с сотрудниками оперативных Главков МВД России написания и опубликования статей, что имеет, как практическую, так и научную ориентацию [1, 4, 5, 11, 12, 13, 14].

3.2. Содействие оперативных подразделений органов внутренних дел кафедрам ВУЗов системы МВД России.

В заключение считаем возможным высказать суждения, что, реализация высказанных в статье предложений, на наш взгляд, позволит укрепить творческие связи кафедр оперативно-розыскной деятельности и на этой основе поднять их работу на более высокий уровень. Что будет способствовать успешному решению задач, поставленных перед кафедрами Министерством внутренних дел Российской Федерации.

Список литературы:

1. Бачурин С. С. Использование психологической информации в организации оперативно-розыскной деятельности по раскрытию серийных преступлений прошлых лет против жизни, половой неприкосновенности и половой свободы личности / Закон и право. – 2022. – № 8. – С. 128–131.

2. Владимиров С. И. Использование психологической информации в организации оперативно-розыскной деятельности по раскрытию преступлений против жизни, половой неприкосновенности и половой свободы личности: учебно-методическое пособие / С. И. Владимиров и др. – М.: Академия управления МВД России, 2017. 63 с.

3. Воронцов А. В. Справочник начальника отдела (отделения) уголовного розыска территориального органа МВД России: учебно-практическое пособие / А. В. Воронцов, Ю. В. Гаврилин, В. Б. Княжев, и др. – М.: Академия управления МВД России, 2021. – 288 с.
4. Гридасов Н. В. Организационно-структурное обеспечение оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел по борьбе с организованными группами бандитской направленности // Закон и право. 2022. – № 9. – С. 157–159.
5. Дамдинов Б. В. Применение специальных познаний в организации оперативно-розыскной, розыскной и идентификационной деятельности по борьбе с организованной преступностью и привлечению к уголовной ответственности лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии // Закон и право. 2021. – № 5. – С. 176–178.
6. Деятельность подразделений по обеспечению безопасности лиц, подлежащих государственной защите: учебник: в 3 ч. Ч. 1 / под общ. ред. С. В. Михалёва. – Уфа: Уфимский ЮИ МВД России, 2023. – 208 с.
7. Деятельность подразделений по обеспечению безопасности лиц, подлежащих государственной защите: учебник: в 3 ч. Ч. 2 / под общ. ред. С. В. Михалёва. – Уфа: Уфимский ЮИ МВД России, 2023. – 208 с.
8. Деятельность органов внутренних дел по борьбе с преступлениями, совершенными с использованием информационных, коммуникационных и высоких технологий: учебное пособие в 2 ч. / Аносов А. В., Баранов В. В., Васильченко Д. А. и др. – М.: Академия управления МВД России, 2019. – Ч. 1. – 208 с.
9. Комментарий к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности»: учебное пособие / под ред. Н. В. Павличенко. – М.: Академия управления МВД России, 2022. – 280 с.
10. История подразделений по контролю за оборотом наркотиков / А. В. Морозов, Ю. А. Лапунова, М. Н. Тимонин и др. // Хронологический справочник памятных дат и событий. М., 2021. – 164 с.
11. Парфенов А. В., Зубков И. М. Основные формы и направления деятельности органов внутренних дел в борьбе с организованной преступностью // Актуальные вопросы теории и практики привлечения к уголовной ответственности лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии: сборник трудов межведомственной научно-практической конференции. – М.: Академия управления МВД России, 2023. С. 141–146.
12. Шпрингер А. А. О методическом обеспечении оперативно-розыскной деятельности при решении задач по борьбе с организо-

ванной преступностью // Актуальные вопросы теории и практики привлечения к уголовной ответственности лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии: сборник трудов межведомственной научно-практической конференции. – М.: Академия управления МВД России, 2023. С. 147–151.

13. Пупынин С. Особенности розыска лиц, пропавших без вести // Закон и право. 2021. – № 4. – С. 156–158.

14. Пустовалов А. В. Организация оперативно-розыскной, розыскной и идентификационной деятельности по раскрытию серийных особо тяжких преступлений против личности // Вестник экономической безопасности. 2021. – № 5. – С. 216–218.

Пинкевич Татьяна Валентиновна,
доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры уголовной политики,
Академия управления МВД России
E-mail: pinkevich@yandex.ru

УДК 343.9

Прогнозирование цифровой преступности в современной России

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению проблемных вопросов прогнозирования цифровой преступности в современных условиях, представлен краткий анализ особенностей прогнозирования с учетом результатов наблюдения, изучения законодательной базы и определения наступления состояний, детерминирующих преступные проявления. Особое внимание уделено исследованию тенденций цифровой преступности в прошлом и настоящем, установлению общих закономерностей ее развития, состоянию социальных процессов. Автор приходит к выводу о том, что результаты исследования являются основой прогнозирования названного вида преступности и являются важным этапом планомерного противодействия ей.

Ключевые слова: криминологическое прогнозирование; цифровая преступность; предвидения тенденций преступности; экстраполяция; системный метод; метод экспертных оценок и моделирования.

Рассуждая о прогнозировании цифровой преступности на современном этапе развития общества нельзя не отметить роль криминологических исследований, проведенных Геннадием Арташесовичем Аванесовым в начале 70-х двадцатого столетия. Именно им разработаны теоретические и организационные основы криминологического прогнозирования, теория и практика криминологического предупреждения и прогностики. Являясь основоположником учения о криминологическом прогнозировании [1; 2; 3], он предлагает рассматривать криминологическое прогнозирование как творческий процесс предвидения возможного состояния, уровня, структуры, характера и динамики преступности в будущем. При этом имеется в виду предвидение не только самих возможностей изменения преступности, но и путей такого изменения [2, С 30-32;

4, С. 12]. Позже раскрывая особенности криминологического прогнозирования профессор В. В. Лунеев опираясь на учение Г.А. Аванесова дает более широкое его понятие и рассматривает как научное предсказание основных изменений (тенденций) развития преступности или вероятности совершения уголовно-наказуемых деяний конкретными лицами в обозримом будущем, базирующееся на исследованиях, проводимых научными и практическими сотрудниками[5, С 244]. При этом автор считает, что такое прогнозирование основывается на знании тенденций преступности, а также на разнообразных и взаимосвязанных процессах, оказывающих непосредственное влияние на криминальную и антиобщественную среду. С учетом научных подходов к данному понятию, высказанных авторами, можно заключить, что прогностическая функция криминологии представляет собой научное предвидение в сфере противодействия как в целом преступности, так и отдельных ее видов, в том числе и цифровой преступности.

Учитывая устойчивую тенденцию к росту цифровой преступности, прирост которой за последние девять лет составивший 1 098,9 %, разработка общей концепции планирования деятельности по противодействию этому виду преступности, ее оптимальному совершенствованию, качественному функционированию органов внутренних дел в названной сфере требует особого внимания. Основой такой деятельности должны стать исследования тенденций цифровой преступности в прошлом и настоящем, установление общих закономерностей ее развития, состояния социальных процессов, что может свидетельствовать либо о складывающейся положительной ситуации, либо прогноз цифровой преступности на ближайшие годы может носить неблагоприятный характер. Полученные результаты позволят установить возможности изменений в состоянии, динамике, уровне и структуре преступности в будущем, причин и условий, способствующих таким изменениям и пр.

В этом процессе большую роль играют результаты проведенного мониторинга. Выявление тенденций и закономерностей возможного роста цифровой преступности, изучение поведения конкретных лиц должны стать основой криминологического прогнозирования цифровой преступности. Полученные результаты позволят установить возможные изменения в состоянии, динамике, уровне и структуре преступности в будущем, причины и условия, способствующие таким изменениям и пр., а анализ количественных и качественных характеристик преступности в прошлом и настоящем позволит установить общие закономерности развития этого социально-негативного (общественно-опасного) явления в будущем.

Особая значимость в прогнозировании отводится исследованию и определению криминальных угроз и криминогенных рисков, результаты исследования которых должны быть положены в основу планирования деятельности органов внутренних дел. Значение в этой связи будет иметь и в целом исследование рисков современного общества, в котором проявления человеческой активности либо «сознательно генерируют, либо допускают возможность наступления неких опасных и вредных последствий» [6, С. 104–110].

На современном этапе развития криминологии используется ряд общих и специальных методов познания, которые применимы для предвидения тенденций преступности и в целом ее прогноза. К ним следует отнести экстраполяцию, системный метод, метод экспертных оценок и моделирования. Так, например, использование метода экстраполяции позволит спрогнозировать будущие тенденции цифровой преступности на основе данных прошлых лет о ее состоянии.

Системный метод даст возможность определить взаимосвязь роста этого вида преступности, ее причин и условий с различными социальными факторами. В такой деятельности необходимо использовать современные методы контроля и анализа, включая технологии интеллектуального анализа структурированных и неструктурированных больших данных для практического перехода к вычислительной криминологии. Известно, что задача правоохранительных органов, предупредить, предотвратить, пресечь любую преступную деятельность. Следовательно, необходимо проводить мониторинг на более ранней стадии, возможно на стадии подготовки преступной деятельности.

При осуществлении сбора требуемой информации путем анкетирования или интервьюирования компетентных в соответствующей области лиц, получении экспертных прогностических заключений применяется метод экспертной оценки. При этом возможно применение таких способов как свободное интервью – мнение специалиста по определенной проблеме; аналитическая экспертная оценка – это письменные заключения определенных специалистов по криминогенной ситуации; метод Дельфи – многократный анкетный опрос одной и той же группы экспертов с применением шкалированных оценок.

Метод моделирования применяется при необходимости исследования будущего криминального явления посредством построения модели реально существующего процесса для изучения его будущих качественных и количественных характеристик с целью получения новых знаний о предмете. В криминологии используется метод ими-

тационного моделирования, когда качественная и количественная информация об исследуемом объекте искажается в минимальной степени, с сохранением возможности точного отображения динамики изменений состояния объекта на некотором временном периоде. В этом случае в целях прогнозирования цифровой преступности одним из наиболее важных направлений применения технологий ИИ в деятельности правоохранительных органов является моделирование цифровой преступности, личности преступника, складывающимися в будущем социально-экономических и политических процессов и т.д. Так, например, особый интерес представляют технологии моделирования целенаправленного поведения личности в динамических условиях, которые характерны для ситуаций, влияющих на совершение преступлений, а также на те которые призваны контролировать конкретные правоохранительные органы. Метод математического моделирования – это один из способов упреждающего анализа криминальной ситуации на любой территории.

Следующим механизмом обеспечения криминологической безопасности является прогнозирование социально-экономического, социально-политического развития общества и социальных последствий, с учетом факторов и процессов, угрожающих криминологической безопасности государства. В их числе речь должна идти и о научном предвидении в сфере противодействия преступности. Она позволяет на основе результатов наблюдений, изучения закономерностей и тенденций, особенно криминологических закономерностей общественных отношений и результатов научно обоснованного криминологического прогноза, изучения законодательной базы и определения наступления состояний, детерминирующих преступные проявления, прогнозировать свойства преступных проявлений в будущем. Особое внимание должно уделяться при прогнозировании исследование социальных последствий цифровой экономики и внедрения цифровых технологий. В этих условиях большое значение будет иметь использование технологий и методов обработки и анализа больших данных, позволяющая не только изучить, но и обобщить полученные в виртуальном пространстве данные, а также осуществить их классификацию по заданным параметрам.

Процесс прогнозирования невозможен без информационного обеспечения. В связи с этим используется весь имеющийся арсенал данных не только МВД РФ, но и иных правоохранительных органов, государственных учреждений для получения полной и всеобъемлющей информации, необходимой для прогнозирования криминальных угроз и криминогенных рисках. И здесь, как представляется необходимым, формирование информационно полной базы

данных, регламентирующих деятельность и характеризующих итоги деятельности правоохранительных органов. Возможно создание проблемно-ориентированных интерактивных экспертных систем для практического использования таких баз данных при комплексном информационном обеспечении управленческих решений руководителями или уполномоченными сотрудниками правоохранительных органов [7].

Интересным представляется внедрение и использование в ходе сбора данных для прогнозирования соответствующих систем искусственного интеллекта в системе комплексного информационного обеспечения правоохранительных органов. Более того, возможна автоматическая классификация полученной информации по заданным параметрам, а также извлечение конкретной информации так необходимой для процесса прогнозирования. Это позволяет осуществлять поиск таких данных в сети Интернет и других глобальных и локальных сетях, их семантического анализа с учетом специфики не только деятельности правоохранительного органа [8], но и особенностей цифровой преступности. При этом могут активно применяться и нейросетевые алгоритмы различного вида.

При осуществлении такой деятельности необходимы: сбор прогностически значимых показателей цифровой преступности, включая информацию о развитии и внедрении цифровых технологий, о влиянии их внедрения на социальные процессы в обществе (миграция, безработица и пр.), о развитии законодательства и пр. Вся полученная информация должна быть собрана, структурирована и систематизирована по показателям будущей преступности; разработана методика криминологического прогнозирования названной преступности, которая может использоваться в практической работе правоохранительных органов; предсказание вероятности трансформации показателей преступности в зависимости от текущих изменений причин и условий, детерминирующих криминальные явления (социально-политических, социально-экономических и пр.). Анализируются различные факторы, которые могут быть связаны с преступностью в цифровой сфере, включая технические, социальные, экономические и психологические аспекты, что позволит определить факторы риска и установить связи между ними и совершенным преступлением; разработка математического и технического инструментария, с помощью которого возможно предсказать вероятность массового совершения преступных деяний на определенной территории за определенный период времени; на основе собранных данных и идентифицированных факторов риска разрабатываются модели прогнозирования цифровой пре-

ступности. Эти модели могут использовать различные статистические и аналитические методы для оценки вероятности совершения преступлений и предсказания их характеристик.

Для составления криминологического прогноза необходимо обращение к нормативному материалу, статистической информации, результатам оперативно-служебной деятельности правоохранительных органов, материалам контрольных мероприятий надзорных органов, научным исследованиям и иным сведениям. Результатом прогноза может стать суждение о вероятном изменении преступности, о возможности совершения преступления отдельными группами лиц, ухудшение криминогенной ситуации, предположительное появление новых орудий, средств, способов совершения преступлений и иных новых форм преступного поведения.

На основе полученных прогнозных показателей цифровой преступности разрабатываются стратегические направления и меры по ее предупреждению.

Прежде всего определяется координация взаимодействия всех субъектов профилактики, осуществляется разработка мероприятий по взаимодействию органов внутренних дел с иными органами государственной власти, общественными организациями и гражданами в сфере предупреждения цифровой преступности. Представляется разработка стратегии предупреждения цифровой преступности, включающей определение целей и приоритетов, задач, выбор подходящих методов и средств предупреждения, установление необходимых ресурсов и планирование мероприятий по устранению или нейтрализации причин и условий, способствующих совершению названных преступлений на определенной территории за конкретный промежуток времени, а также ожидаемые конечные результаты, к которым должна привести реализация данных целей и задач [9, С. 76-78].

Криминологическое прогнозирование обеспечивает не только определение оптимального варианта научно обоснованной стратегии и мер повышения уровня организаторской деятельности государственных и общественных органов, но и выработку тактики и методики противодействия цифровой преступности. Названные мероприятия в деятельности правоохранительных органов являются важным этапом планомерного противодействия преступности, ибо только на основе прогноза преступности можно решать вопросы принятия заблаговременных решений относительно воздействия на нее. Следовательно, криминологическое прогнозирование имеет важное значение для эффективного противодействия и разработки мер безопасности, направленных на предотвращение этого негативного социально-правового явления.

Список литературы:

1. Аванесов Г. А. Основы криминологического прогнозирования (Теоретические и организационные основы): дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 1972.
2. Аванесов Г. А. Теория и методология криминологического прогнозирования: монография. – М.: Юрид. литература. 1972. – 334 с.
3. Аванесов Г. А. Криминология. Прогностика. Управление: учебное пособие. – Горький, 1975. – 510 с.
4. Аванесов Г. А. Криминологическое прогнозирование и планирование борьбы с преступностью: учебное пособие / Г. А. Аванесов. М.: Высшая школа МВД СССР, 1972. С. 12.
5. Лунеев В. В. Криминология: учебник / В. В. Лунеев. М.: Изд-во Юрайт, 2014. – С. 244.
6. Бабаев М. М. Риски как компонент детерминационного комплекса преступности / М. М. Бабаев // Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2018. – № 1 (41). – С. 104–110.
7. Осипов Г. С. Приобретение знаний интеллектуальными системами. М., 1997.
8. Хорошевский В. Ф. Обработка естественно-языковых текстов: от моделей понимания языка к технологиям извлечения знаний // Новости искусственного интеллекта. 2002. № 6; Достоверный и правдоподобный вывод в интеллектуальных системах. М., 2004.
9. Пинкевич Т. В., Ищук Я. Г., Смолянинов Е. С. Цифровая криминология. – М., 2021. С. 76–78.

Победкин Александр Викторович,
доктор юридических наук, профессор,
начальник кафедры уголовной политики,
Академия управления МВД России
E-mail: apobedkin71@mail.ru

УДК 343.1

Обеспечение единого процессуального статуса обвиняемого в разных формах привлечения в качестве обвиняемого

Аннотация. В статье привлечение в качестве обвиняемого рассматривается в узком и широком смысле. Поднимается проблема различного процессуального статуса обвиняемого в зависимости от разных вариантов привлечения в качестве обвиняемого. Доказывается, что разные варианты придания процессуального статуса обвиняемого основаны на различных основаниях, препятствуют реализации права на защиту, размывают понятие привлечения к уголовной ответственности. Критически оцениваются предложения о ликвидации института привлечения в качестве обвиняемого (в узком смысле). Обосновывается идея о максимально едином процессуальном статусе обвиняемого.

Ключевые слова: привлечение в качестве обвиняемого; обвиняемый; подозреваемый; внутреннее убеждение; дознание.

В реформировании уголовно-процессуального законодательства России наблюдается парадокс. С одной стороны Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК) – один из самых нестабильных законов, он сегодня уже далеко не тот, что был принят в 2021 году. В то же время УПК остается явно консервативным в части восприятия новомодных тенденций, ярко проявившихся в некоторых государствах-участниках СНГ или иных отечественных процессуальных отраслях. Законодатель не спешит придать нормативный статус массовым разномастным предложениям по «разбюрократизации», «деформализации» уголовного процесса. Таковую неспешность следует приветствовать. Одной из ее основных причин, как представляется, выступает традиционное доктринальное внимание к уголовно-процессуальным гарантиям, четкое осознание представителями как дореволюционных, так и советских научных школ (здесь преемственность прослеживается) важности

уголовно-процессуальных процедур, пренебрежение которыми ввиду нецелесообразности или неудобства способно привести к полному забвению ценности истины и человека.

С такой доктринальной платформы сквозь призму процессуального положения лица, в отношении которого осуществляется уголовное преследование, посмотрим на сегодняшнее соотношение предварительного следствия с дознанием и некоторыми предлагаемыми вариантами упрощения судопроизводства.

Слабость любых предложений по дифференциации досудебного производства известна: объективные критерии дифференциации не выработаны и вряд ли могут быть выработаны. В самом деле, разве некоторое (иногда незначительное) различие в грозящем наказании, отношение лица к предъявленному обвинению может являться критерием для разграничения производства на предварительное следствие и дознание в его различных формах? Разве такой критерий определяет сложность доказывания? Что касается признания подозреваемым (обвиняемым) своей вины, то такое признание и должно проверяться в ходе судопроизводства, а никак не определять особенности процессуальных процедур. Будем, однако, реалистами (обращение заимствовано из трудов профессора О.Я. Баева), несмотря на невозможность найти объективные процессуальные основания для упрощения процессуальной формы по отдельным категориям уголовных дел, такие производства не только не исчезнут, но имеются все основания полагать, что их спектр будет только расширяться [6, с. 59]. Учитывая, такую тенденцию, задача минимум – сохранить важнейшие процессуальные гарантии, обеспечивающие единство процессуальной формы, составляющие ее основу.

В действующей редакции УПК лицо приобретает процессуальный статус обвиняемого в различных формах: 1) вынесение постановления о привлечении в качестве обвиняемого (предварительное следствие и отдельные случаи при производстве дознания в общем порядке); 2) вынесение обвинительного акта (дознание в общем порядке), вынесение обвинительного постановления (дознание в сокращенной форме); 3) принятие судом к производству заявления о привлечении к ответственности в частном порядке уголовно-го преследования¹.

¹ В ч. 3 ст. 319 УПК речь идет не об обвиняемом, что было бы правильно, а о лице, в отношении которого подано заявление, которое сразу после ознакомления с материалами уголовного дела, становится подсудимым. Надо полагать, что с материалами уголовного дела у мирового судьи знакомится уже обвиняемый.

Акцентируем внимание читателя, что во всех перечисленных случаях имеет место привлечение лица в качестве обвиняемого, хотя соответствующая терминология используется только для процедуры, предусмотренной гл. 23 УПК. В силу традиции специалисты склонны трактовать акт привлечения в качестве обвиняемого в его узком смысле – только как процедуру, характерную для предварительного следствия. По поводу именно этой процедуры и ее различных сторон дискуссии велись в советское время, продолжают сегодня, вплоть до предложений полностью отказаться от института привлечения в качестве обвиняемого.

Однако в условиях современной процессуальной регламентации привлечение в качестве обвиняемого – это все вышеперечисленные варианты приобретения процессуального статуса обвиняемого и только с учетом этого необходимо оценивать достаточность процессуальных гарантий обеспечения прав лица, в отношении которого осуществляется уголовное преследование.

Юридический акт привлечения в качестве обвиняемого имеет глубоко сущностное значение, аргументация которого классиками советского уголовного процесса совершенно не утратила актуальности, хотя по понятным причинам (в то время других форм привлечения в качестве обвиняемого не существовало, за исключением производства по уголовным делам частного обвинения) была связана только с вынесением постановления о привлечении в качестве обвиняемого.

В целом существенных разночтений относительно значения привлечения в качестве обвиняемого среди советских ученых не наблюдалось. В уголовном процессе появляется центральная фигура – обвиняемый, которая не только подвергается уголовному преследованию как возможный преступник, но и защищается. Следователь получает полноценную возможность применения мер пресечения. Трансформируется направление дальнейшего расследования, определяются пределы последующего исследования фактов [3, с.11,16]. В целом это, действительно, «наивысшая, кульминационная точка предварительного расследования», воплощающая его смысл [8, с.62]. Кроме того, подавляющее большинство специалистов придерживалось правильного мнения, согласно которому привлечение в качестве обвиняемого и есть привлечение к уголовной ответственности¹ (невзирая даже на разное отношение к понятию

¹ Реализация уголовной ответственности или (согласно некоторым точкам зрения) ее наступление связывается, конечно, не с привлечением в качестве обвиняемого, а только с обвинительным приговором суда.

уголовной ответственности: как к обязанности лица совершившего преступление, подвергнуться воздаянию от имени государства; как претерпевание возложенных судом обязанностей; как осуждение судом такого лица от имени государства) [4, с. 51–54].

Сегодня, однако, разная процессуальная форма постановки лица в процессуальный статус обвиняемого для различных вариантов предварительного расследования (не пишем «форм», поскольку и в рамках одной формы расследования процедура привлечения в качестве обвиняемого может быть разной) порождает правовую неопределенность, нарушает принцип справедливости, ограничивает возможности обвиняемого защищаться от предъявленного обвинения, влечет последствия, имеющие не только процессуальное, но и уголовно-правовое значение.

Приведем аргументы:

1. Обвиняемые, поставленные в это положение посредством вынесения обвинительного акта (обвинительного постановления), лишаются права на дачу показаний по предъявленному обвинению в ходе предварительного расследования, что ограничивает их право на защиту по сравнению с обвиняемыми, в отношении которых осуществляется предварительное следствие. При этом статус обвиняемого един и предусмотрен ст. 47 УПК. Единство этого статуса не может быть формальным, а должно быть сущностным, что означает равные возможности реализовать права, предоставленные ст. 47 УПК, на всех этапах уголовного судопроизводства. В части дачи показаний для обвиняемых, приобретших процессуальный статус в разных формах, процессуальные возможности не равны.

Существует мнение, что лицо может полноценно защищаться и в статусе подозреваемого, в связи с чем предлагается исключить из УПК институт привлечения в качестве обвиняемого, как отживший рудимент. При этом зарождение института привлечения в качестве обвиняемого авторами такого предложения связывается большей частью с определением момента допуска защитника к участию в деле в советском уголовном процессе, а существенных различий в процессуальном статусе подозреваемого (в том числе при производстве дознания), обвиняемого и их возможностях в его реализации сторонниками такой точки зрения не усматривается [1, с.90].

Дело, однако, в том, что сравнивать процессуальные статусы обвиняемого и подозреваемого исключительно формально было бы неправильно. Они, действительно, в большинстве элементов совпадают. Вопрос в реалистичности реализации прав, предоставленных обвиняемому (подозреваемому), в частности права знать, в чем лицо обвиняется (подозревается), возражать против обвине-

ния (подозрения), давать показания по предъявленному обвинению (подозрению).

Вряд ли найдутся весомые аргументы, опровергающие очевидный тезис: эффективно защищаться от обвинения (подозрения) можно лишь будучи детально информированным о содержании деяния, цели, мотивах, последствиях деяния, совершение которого вменяется в вину. Согласимся, что подозрение, в отличие от обвинения, может быть сформулировано без исчерпывающей конкретики, но лишь при условии, что за ним при наличии соответствующих оснований последует конкретизированное обвинение с предоставлением реальной возможности защищаться от него. Детальность обвинения – необходимое условие реальной возможности защищаться. «Это большое благо, значение которого зачастую недооценивается» [2, с.12].

В этой связи ставить вопрос об отказе от привлечения в качестве обвиняемого (в порядке, предусмотренном гл. 23 УПК) можно лишь при условии, что законодатель предусмотрит обязанность следователя (дознателя) формулировать подозрение так, как сегодня формулируется обвинение. Именно такие требования предъявляются к уведомлению о подозрении в совершении преступления (ст. 2231 УПК), которым лицо фактически ставится в положение обвиняемого, в отличие от подозреваемых при производстве дознания в иных вариантах. Ю.А. Цветков называет уведомление о подозрении в совершении преступления «процессуальным субинститутом обвинения», которым законодатель попытался «залатать брешь в правовом корпусе дознания» [11, с.19]. Залатал, однако, только одну брешь.

В самом деле, есть ли для лица, привлекаемого к уголовной ответственности, разница как возбуждалось уголовное дело: по факту или конкретно в отношении него? Можно ли убедительно объяснить такому лицу, почему в последнем случае конкретное, детальное подозрение не формулируется и он лишен права высказаться в ходе расследования относительно обвинения, которое формулируется только в итоговом документе предварительного расследования?

Заметим, что право на защиту лица, которому вручено уведомление о подозрении в совершении преступления, обеспечено все же в меньшей степени, чем для обвиняемого в ходе предварительного следствия, поскольку дознаватель не лишен возможности сформулировать в обвинительном акте обвинение, отличающееся как по фактическим обстоятельствам дела, так и по квалификации от подозрения, сформулированного в уведомлении о подозрении в совершении преступления.

Нельзя не отметить, что привлечение в качестве обвиняемого, современная форма которого регламентирована гл. 23 УПК, появилось в советском уголовном процессе не вдруг и не в связи с необходимостью обозначить момент допуска в уголовное дело защитника. Практика привлечения в качестве обвиняемого сформировалась еще в период действия Устава уголовного судопроизводства Российской Империи 1864 года (далее – Устав). Хотя в самом Уставе нормы, предусматривающие вынесение об этом специального постановления, отсутствовали, однако как отмечают специалисты потребность них вскоре возникла. «Теория и практика были едины во мнении, что ни жалобы потерпевших, ни тем более другие поводы для начала следствия нельзя рассматривать в качестве предъявления обвинения» [7, с. 304]. В 1876 г. Сенат указал судебным органам на то, что поводы к началу следствия и основания к возбуждению уголовного преследования против определенного лица нужно различать. Особым указом Санкт-Петербургского окружного суда в 1887 г. судебный следователь обязывался выносить специальное постановление о привлечении к следствию в качестве обвиняемого, а в 1898 г. вынесение судебным следователем постановления о привлечении в качестве обвиняемого уже предписывалось определением Высшего дисциплинарного присутствия Сената [7, с. 304–305]. Необходимость вынесения постановления о привлечении в качестве обвиняемого осмысливалась более 20 лет.

В этой связи трудно согласиться, что «ретроспективный анализ российского уголовно-процессуального законодательства дореволюционного периода также не дает нам оснований говорить о неких исторически обоснованных предпосылках современного института привлечения в качестве обвиняемого» [1, с. 93]. Решение Сената, конечно, не было волюнтаристским, а основывалось на судебно-следственной практике, поскольку ущербность положения лица, которое узнавало окончательную формулировку обвинения только из обвинительного акта прокурора при предании суду, стала очевидной.

Таким образом, институт привлечения в качестве обвиняемого в советском уголовном процессе – пример преемственности положительно зарекомендовавших себя идей.

2. Нельзя не учитывать, что судебное разбирательство по уголовным делам, расследованным в форме дознания в общем порядке, при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением может осуществляться в особом порядке, не предполагающем исследова-

ние доказательств в части предъявленного обвинения¹. В таком случае обвинительный приговор постановляется вообще без единого допроса обвиняемого. Это процессуальный нонсенс. Реальное отношение лица к предъявленному ему обвинению может быть установлено только в результате его допроса. Известно, что ответ на вопрос об отношении к предъявленному обвинению, который согласно ч. 2 ст. 173 УПК ставится перед обвиняемым в начале его допроса, может быть продиктован психологическими процессами и нередко противоречит содержанию дальнейших показаний, которые, собственно, и содержат доказательства.

Поэтому ориентироваться на согласие обвиняемого с обвинением, предъявленным в форме обвинительного акта, вряд ли верно, как и на результаты допроса лица в качестве подозреваемого, которые и этот процессуальный статус приобретают в результате ознакомления с документами, которые принципиально по разному конкретизируют вменяемые в вину действия и их последствия.

3. Различный порядок приобретения процессуального статуса обвиняемого обостряет вопрос о характере внутреннего убеждения следователя (дознателя) по вопросу доказанности вины привлекаемого к уголовной ответственности. Этот вопрос вызывал острые дискуссии и в период действия УПК РСФСР 1960 г., предусматривавшего только один порядок привлечения в качестве обвиняемого. Вопрос и до настоящего времени остается крайне сложным. Мнения по нему даже признанных специалистов не всегда определены. Так, В.З. Лукашевич настаивал на достоверном, истинном знании о виновности на момент привлечения в качестве обвиняемого, признавая, что это знание все же опровержимо и в отдельных случаях может измениться по результатам процессуальной деятельности после привлечения в качестве обвиняемого [4, с.58-59]. Суждение весьма противоречивое, поскольку истинное не может быть опровержимым. Я.О. Мотовиловкер полагал, что от следователя нельзя требовать убежденности в виновности лица на момент привлечения его в качестве обвиняемого, поскольку необходимо собирать и оценивать не только обвинительные, но и оправдательные доказательства, которыми могут стать показания обвиняемого, а также исследовать обстоятельства уголовного дела всесторонне, полно и объективно, что невозможно без осуществления процессуальной

¹ Законодатель более логичен в части регламентации порядка судебного разбирательства по уголовным делам, по которым производилось дознание в сокращенной форме. В данном случае судебное разбирательство включает исследование доказательств, пусть даже только тех, которые указаны в обвинительном постановлении (ч. 2 ст. 226 УПК).

деятельности после предъявления обвинения [5, с.62-64]. Л.М. Карнеева разделяла гносеологический и психологический аспекты внутреннего убеждения, отмечая, что внутреннее убеждение может возникнуть у следователя, даже осознающего, что его знания неполны, поэтому внутреннее убеждение не всегда выражает достоверность вывода [3, с. 118, 123]. В этой связи внутреннее убеждение следователя на момент привлечения в качестве обвиняемого, по мнению Л.М. Карнеевой, надо связывать с убежденностью не в виновности лица, а с достаточностью доказательств именно для принятия такого решения. Иначе говоря, следователь должен быть убежден, что «все эти доказательства собраны, исследованы, оценены в точном соответствии с требованием закона и проверены в максимальной мере, возможной до допроса обвиняемого» [3, с.127]. Так же полагают и некоторые современные авторы, обращающиеся к этой проблеме [2, с.124].

Все приведенные рассуждения без оговорок могут быть отнесены только к привлечению в качестве обвиняемого в порядке, установленном гл. 23 УПК. Однако какое внутреннее убеждение должно сложиться у дознавателя на момент привлечения в качестве обвиняемого путем вынесения обвинительного акта (обвинительного постановления), которым расследование завершается, а последующего досудебного процессуального доказывания не предполагается?

По логике к моменту вынесения обвинительного акта (обвинительного постановления) дознаватель должен быть убежден именно в виновности лица, однако такое убеждение не может соответствовать его гносеологическому основанию, поскольку не получены показания обвиняемого – доказательства, которые могут быть оправдательными и требовать проверки. Таким образом, приходим к выводу, что дознаватель вынужден направлять уголовное дело прокурору, будучи убежденным только в том, что имеются основания для привлечения в качестве обвиняемого.

Очевидно, что критерий разграничения предварительного следствия и дознания (тяжесть преступления) не может быть критерием разграничения характера и содержания внутреннего убеждения следователя (дознавателя) при принятии важнейших процессуальных решений.

4. Не вдаваясь в дискуссию по вопросу о соотношении привлечения в качестве обвиняемого и привлечения к уголовной ответственности, отметим, что преобладающая точка зрения состоит в их отождествлении. Так же считает и законодатель, разграничивший преступные деяния в виде привлечения заведомо невиновного к уголовной ответственности или незаконного возбуждения уго-

ловного дела (ст. 299 Уголовного кодекса Российской Федерации, деле – УК) и вынесение заведомо неправосудных приговора, решения или иного судебного акта (ст. 305 УК).

Отсюда следует, что привлечение к уголовной ответственности происходит в ходе предварительного расследования и не при возбуждении уголовного дела. Нельзя считать привлечением к уголовной ответственности и постановку лица в процессуальное положение подозреваемого хотя бы ввиду того, что четкого механизма формирования подозрения в уголовном судопроизводстве России, как верно отмечает И.В. Смолькова, не существует [10, с.204].

В то же время лицо может находиться в положении подозреваемого длительное время. В ходе предварительного следствия – в случае возбуждения уголовного дела в отношении конкретного лица, а при производстве дознания также и в случае вручения уведомления о подозрении в совершении преступления (ст. 2231 УПК). Сам факт того, что производство расследования в полном объеме (применительно к производству дознания) допускается в отношении лица, не привлеченного к уголовной ответственности, вызывает недоумение. Нельзя считать таковым и вручение уведомления о совершении преступления, хотя эта процедура по сути своей аналогична привлечению в качестве обвиняемого.

С этих позиций следует оценивать и предложения, согласно которым основным статусом лица, в отношении которого осуществляется уголовное преследование, должен стать статус подозреваемого. Так, С.Б. Россинский, критикуя зависимость избрания меры пресечения от привлечения в качестве обвиняемого, пишет, что она влечет предъявление скоропалительных «пилотных» обвинений, которые зачастую не являются достаточно обоснованными и, по сути, представляют собой объявление о подозрении [9, с.87,89]. Вывод делается следующий: «В конце концов, ни в самом уголовно-процессуальном законе, ни в разработанных на его основе прикладных ...рекомендациях, нельзя усмотреть ни единого намека на возможность ограничения, тем более – нарушения прав подозреваемого ввиду несформированности в отношении него уголовно-правовой претензии» [9, с.94].

Заметим, что идея о возможности применения мер пресечения без каких-либо ограничений в отношении подозреваемого, кроме весьма распространенной негативной практики затягивания момента привлечения в качестве обвиняемого, с которой приходится бороться давно и не всегда успешно, спорна и по причине разрыва связи между актом привлечения к уголовной ответственности и применением мер пресечения, в том числе самых жестких. Созда-

ется парадоксальная ситуация: эти меры применяются к лицу, которое к уголовной ответственности формально не привлекается, хотя на деле он к ней уже привлечен.

Сделаем вывод. Процессуальное положение лица, привлекаемого к уголовной ответственности, в ходе предварительного расследования необходимо максимально унифицировать. Это приведет к единству оснований привлечения в качестве обвиняемого, позволит обеспечить единые стандарты реализации права на защиту, оптимально соотносить момент привлечения к уголовной ответственности с применением мер процессуального принуждения в отношении привлекаемого лица и создать необходимые условия для реализации уголовного закона, предусматривающего ответственность за привлечение к уголовной ответственности заведомо невиновного.

Список литературы:

1. Гаврилов Б. Я., Красильников А. В. Институт привлечения в качестве обвиняемого: соответствует ли он реалиям сегодняшнего дня? // Труды Академии управления МВД России. 2023. № 4 (68).
2. Ефремова Н. П., Кальницкий В. В., Привлечение в качестве обвиняемого: учебно-практическое пособие. Омск: Омская академия МВД России, 2007.
3. Карнеева Л. М. Привлечение к уголовной ответственности. Законность и обоснованность. М.: «Юридическая литература», 1971.
4. Лукашевич В. З. Установление уголовной ответственности в советском уголовном процессе. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1985.
5. Мотовиловкер Я. О. Установление истины в советском уголовном процессе. Ярославль, 1974.
6. Победкин А. В. Основные положения УПК России как система гарантий публичности уголовного судопроизводства. М.: Юрлитинформ, 2024.
7. Российское законодательство X – XX веков / под общ. ред. О. И. Чистякова. Т. 8: Судебная реформа; отв. ред. Б. Б. Виленский. 1991.
8. Россинский С. Б. Привлечение в качестве обвиняемого как автономная следственная процедура: явный пережиток прошлого или закономерно существующий правовой инструмент? // Государство и право. 2022. № 3.
9. Россинский С. Б. Статус обвиняемого и меры уголовно-процессуального пресечения: что первично, а что вторично? // Право-

вые и гуманитарные проблемы уголовно-процессуального принуждения: мат-лы междун. науч.-практ. конф., посвящ. 70-летию Б. Б. Булатова / пред. ред. кол. А. В. Павлов. – Омск: Омская академия МВД России, 2024.

10. Смолькова И. В. Понятие оснований признания лица подозреваемым в российском уголовном судопроизводстве // Правовые и гуманитарные проблемы уголовно-процессуального принуждения: мат-лы междун. науч.-практ. конф., посвящ. 70-летию Б. Б. Булатова / пред. ред. кол. А. В. Павлов. – Омск: Омская академия МВД России, 2024.

11. Цветков Ю. А. Привлечение в качестве обвиняемого – кульминация следственной идеи // Уголовное судопроизводство. 2022. № 1.

Поздняков Александр Николаевич,
доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры организации
оперативно-розыскной деятельности,
Академия управления МВД России
E-mail: Sonino51@mail.ru

УДК 343

Уголовная политика и её реализация в сфере борьбы с преступностью иностранцев

Аннотация. В данной статье рассматривается современное состояние противодействия правоохранительных органов преступности иностранных граждан, её правовая основа, которой руководствуются правоохранительные органы при противодействии ей и факторы, продуцирующие данную преступность, в этом контексте рассмотрены геополитический и глобалистский факторы. Обозначено участие в преступной деятельности на территории России граждан Средне - Азиатских государств: Таджикистана, Кыргызстана, Узбекистана, приведена статистика их министерств труда, миграции и занятости, касающаяся числа въехавших в Россию граждан этих стран. Рассмотрен комплекс нормативных правовых актов, относящихся в «антимигрантской» политики, являющийся правовой основой для реализации деятельности правоохранительных органов, реализующих задачи уголовной политики Российской Федерации и её составляющей – оперативно-розыскной политики.

Ключевые слова: уголовная политика; общественный порядок и общественная безопасность; преступность иностранных граждан и факторы, её продуцирующие; нормативная правовая основа.

Уголовная политика Российской Федерации, как и её составляющая – оперативно-розыскная политика разрабатываются и формируются с целью обеспечения общественного порядка и общественной безопасности не только на основе анализа современного состояния правопорядка и его правовой основы, но и на перспективу, просчитывая и учитывая как возможные положительные, так и отрицательные тенденции её развития, при этом оставляя за собой право корректировки предлагаемых ранее предложений и рекомендаций включая и нормативную правовую основу. Данная позиция

в полной мере относится и к сфере противодействия преступности иностранных граждан в контексте её влияния на общественный порядок и общественную безопасность. В этом контексте в данной статье рассматривается и данная позиция, и факторы, продуцирующие данную преступность, и нормативная правовая основа, которой руководствуются правоохранительные органы при противодействии ей.

Геополитический фактор¹, дефицит рабочей силы – факторы явившиеся основанием к тому, чтобы с рядом Средне – Азиатских государств – основными поставщиками рабочей силы Россия подписала договоры о безвизовом режиме въезда граждан этих стран в Российскую Федерацию. В сфере борьбы с преступностью иностранцев нельзя сбрасывать со счетов и глобалистский фактор.

По мнению некоторых учёных, в условиях глобализации действия государственных институтов, в том числе и сфере правоохранительной деятельности существенно суживаются, а по некоторым направлениям вообще не поддаются контролю. В числе последних, миграция. В.В. Лунеев приходит к выводу, что в условиях глобализации особо результативны действия организованных преступных структур и представляются исключительные возможности для транснациональной преступности [1].

Известно, что политику определяет экономика, а согласно прогнозу экономического развития Российской Федерации к 2025 г. экономика страны без «замещающей миграции» не может эффективно функционировать². И, в этой связи массовый заезд в Россию иностранцев из этих стран в качестве «рабочей силы» до 2023 г. имел чёткую тенденцию к увеличению – например, в 2022 г. въехало 13 млн. иностранных граждан и лиц без гражданства (поставлено на учёт свыше 16 млн человек), в 2021 г. въехало 7,3 млн., в 2020 г.: 5,8 млн.³. Число въехавших в страну в 2023 г. иностранцев с заявленной целью: работа, частная деятельность, учеба, туризм несколь-

¹ Проведение специальной военной операции на Украине прямо показало, насколько эффективно руководители ряда иностранных государств на высшем уровне поддерживают сепаратистское движение на территории России, финансируют на государственном уровне организации, целями которых является создание демографического дисбаланса внутри Российской Федерации. В этой связи необходимость контроля за процессами, происходящими в соседних регионах становится актуальной проблемой – автор.

² Стратегия социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2025 года (проект) // Рос. газ. 2005. № 108.

³ Информация ГУВМ МВД России с официального сайта. URL: http://мвд.рф/mvd/structure1/Glavnie_upravlenija/guvvm Ответ на вопрос – откуда появились 3 млн поставленных в 2022 г. на учёт иностранцев остается за скобками.

ко снизилось и составило 12 млн. чел., из которых 9 млн - граждане СНГ [2]. Основной поток был из: Киргизии – 408 тыс.; Таджикистана – 627 000; Узбекистана – около 1 млн человек¹. За шесть месяцев 2024 года в РФ въехали 5,4 млн иностранных граждан, и это на 8,4% меньше, чем за аналогичный период прошлого года². Причины миграции исследовали в Госдуме и пришли к следующему выводу, озвученному депутатом Михаил Матвеевым, который назвал Международную организацию по миграции (МОМ) виновником массового завоза мигрантов в Россию. Ее спонсором выступает Великобритания, а представители продвигают «разрушительные идеи», заявил он в беседе с Tsargrad.tv. По мнению депутата, ответственность за ситуацию с мигрантами несут западные страны, которые действуют по плану путём создания коридора из Центральной Азии в Россию. За счет привлечения в страну нелегалов, они стремятся сократить бедность в регионе, ну а Россия находит выгоду в возможном решении демографических проблем за счет приезжих [3].

Однако для решения этой проблемы исключительно мигрантами не обойтись. Эксперты ВШЭ вычислили, что для сохранения численности населения России может понадобиться 1,1 млн мигрантов в год [4]. Но пока мы имеем следующую статистику: в 2022 г. гражданами России стали 595,3 тыс., в 2023 г. 378,5 тыс. человек [5], что явно недостаточно и априори, не решает демографические проблемы России.

И если в предыдущие годы параллельно с ростом числа въехавших иностранцев прослеживалась чёткая тенденция к росту числа совершаемых ими преступлений, то 2023 год явился исключением – при относительно незначительном снижении числа въехавших иностранцев число осуждённых в России по уголовным преступлениям увеличилось значительно: в 2023 г. составило 22,3 тыс. – рост на 2,6% (по сравнению с 2022 г. в котором было осуждено 21,8 тыс. иностранцев). Из общего числа осужденных в 2023 году немногим более 555 тыс. человек их доля составила около 4% (3,8% в 2022 году). Основная их часть была осуждена за подделку документов, кражи и наркоторговлю. Одновременно был отмечен прирост осужденных за преступления, связанные с наркотиками, и убийствами (рост в 2023г. на 24,6% - осуждено 238 иностранцев). В прошлом,

¹ Статистика из данных Министерств труда, миграции и занятости этих государств, которые никак не «стыкуются» с данными Российской Государственной информационной системы миграционного и регистрационного учета. URL: <http://digital.gov.ru> Деятельность>govservices/infosystems/6 (дата обращения: 19.08.2024).

² Корня А. Интервью первого замминистра внутренних дел Александра Горowego // РБК (дата обращения: 19.08.2024).

2023 году **за пособничество террористической деятельности (ст. 205.1 УК)** были осуждены 84 иностранца (2022 г. – 70) , по ст. 205 УК РФ – теракт – 9 иностранцев (2022 г. – 3), об организации и деятельности экстремистского сообщества – 14 чел. (2022 г. – 7). За 6 мес. 2024 г. рост экстремистских преступлений иностранцев на 55%, изнасилований – на 5%, – на это негативное явление в своём интервью обратил особое внимание глава СК России Александр Бастрыкин[6] . Число осуждённых граждан стран СНГ в 2023 г. составило 20,5 тыс. При том, что в 2022 было осуждено 19,9 тыс. мигрантов, уроженцев этих стран[2] .

Большая часть мигрантов прибывает из соседних республик Средней Азии, в основном из Киргизии, Таджикистана и Узбекистана, которые, как следует из анализа статистических данных, представленных Государственной информационной системой миграционного и регистрационного учета являются основными поставщиками рабочей силы в Россию. Как было отмечено, основные виды совершаемых ими преступлений связаны с подделкой документов и кражами. Однако, как следует из приведённой выше статистики в настоящее время мы имеем более криминогенную статистику – в общей структуре преступлений значительно увеличилось преступлений категории тяжких и особо тяжких. Причём число последних превысило 50%.

В значительной степени она отражается и в количестве иностранных граждан и лиц без гражданства, осуждённых в Российской Федерации и содержащихся в местах лишения свободы стран – основных поставщиков рабочей силы и криминальных элементов в Россию: граждан Киргизии – содержится – 1400 человек¹; Таджикистан – ежегодно задерживают и осуждают в России от 3 800 до 4 200 человек, 30 тысяч граждан Таджикистана содержатся в местах лишения свободы ²; Узбекистан – в местах лишения свободы содержится 6 362 человек³. При этом Федеральная служба исполнения наказаний Российской Федерации обеспокоена ситуацией в колониях, где преобладают осужденные мигранты, – там по национальному признаку начинают образовываться землячества, такие группы сидельцев диктуют свои правила поведения, идущие в разрез не только с административным регламентом мест лишения свободы, но и с воровскими понятиями[7] .

¹ URL: <http://news.rambler.ru>СНГ. Эл Версия> (дата обращения: 19.08.2024).

² URL: <http://stanradar.com>news/full/2762-30-tysjach-...>(дата обращения: 19.08.2024).

³ URL: <http://russian7.ru>post/predstaviteli-kakoy-...> (дата обращения: 19.08.2024).

Таким образом, если брать за основу официальную статистику, то её анализ приводит к неожиданному выводу: существенное уменьшение числа иностранных мигрантов из стран Средней Азии не привело к существенному и ожидаемому оздоровлению оперативной обстановки в стране – количество совершённых ими в 2023 г. преступлений уменьшилось незначительно. И эта тенденция сохраняется в текущем году. Немаловажное замечание – по степени криминальной активности лидируют не граждане Узбекистана, численность которых превышает общую численность граждан Кыргызстана и Таджикистана вместе взятых, а граждане Таджикистана, занимающие первое место в этом списке.

В этом плане обращает на себя внимание значительный криминальный потенциал большинства осуждённых иностранцев – в массе своей это лица до 35-ти лет значительное число которых не имеет постоянной работы и постоянного источника доходов. Таким образом, можно сделать вывод, что одним из факторов, влияющих на динамику, а также на некоторые качественные показатели преступности иностранных граждан в России, является преобладание среди мигрантов-иностранцев наиболее криминально активных возрастных групп. Например, среди иностранцев, причинивших тяжкие телесные повреждения, выше доля лиц, относящихся к категории «лица без постоянного источника дохода» – 68,2%. В результате мы имеем иностранцев молодых, религиозно ангажированных отечественными религиозными деятелями и политически мотивированными усилиями иностранных спецслужб на негативное восприятие России и её общества¹. Причём, в массе своей не знающие русского языка и зачастую, не имеющей профессиональных навыков, т. е. приезжают не ожидаемые «высококвалифицированные специалисты», а нищие малограмотные безработные» [9]², но при всём при этом, желающие заработать как можно больше денег неважно каким способом.

Основываясь на результатах приведённой выше статистики, Министр внутренних дел Владимир Колокольцев на коллегии

¹ Стратегия Соединённых штатов в Центральной Азии на 2019–2025 годы: укрепление суверенитета и экономического процветания. Доклад бюро по делам Южной и Центральной Азии. 5 февраля 2020 г. // Сайт Посольства США в Таджикистане. URL: <https://tj.usembassy.gov/ru/pr-02052020-ru/>

² Цитата из интервью депутат Госдумы Михаила Матвеева. Он же подчеркнул, что в России проекты по совершенствованию миграционной политики часто не реализуются по вине виновников, поддерживающих интересы МОМ. Розалия Заманова: в Госдуме нашли виновников массового завоза мигрантов в Россию. URL: <http://Tsargrad.tv>. 06 августа 2024. Религиозный фактор раздора; РБК. URL: [http://russian7.ru>post/predstaviteli-kakoy-...\(дата обращения: 19.08.2024\)](http://russian7.ru>post/predstaviteli-kakoy-...(дата обращения: 19.08.2024)).

ведомства в апреле 2024 г. назвал контроль за правонарушениями иностранных граждан и соблюдением миграционного законодательства приоритетом в работе ведомства. Он же в интервью 1 июля 2024 заявил, что более чем в два раза увеличилось число преступлений, связанных с незаконной миграцией. Он назвал вопросы противодействия нелегальной миграции стратегически важными [9]. Изменений в миграционной политике потребовал на коллегии президент Владимир Путин, который назвал нелегальную миграцию питательной средой для экстремистской деятельности и «откровенной уголовщины» [9].

Действительно, главная опасность заключается не только в количестве зарегистрированных деяний, к которым причастны иностранцы, а в том, что даже их единичный факт вызывает широкий негативный общественный резонанс и может повлечь и зачастую влечёт за собой как массовые беспорядки, так и межнациональные конфликты, преступления экстремистской направленности и другие подобные явления. В большинстве своём их инициаторами и активными участниками являлись молодые граждане указанных выше государств, менталитет которых сформировался по канонам радикального ислама. Этому способствует то, что на территории Средне-Азиатских государств расширяется сеть медресе, в которые, несмотря на платное обучение стараются поступить молодые люди из провинции, желающие получить начальное религиозное образование. В некоторых странах, таких как Таджикистан, Киргизия и Узбекистан имеются мусульманские университеты. Предполагается, что система образования в них жёстко контролируется государством. После их окончания студентам национального Духовного управления мусульман (далее – ДУМ) или уполномоченным государственным органом выдаётся соответствующий документ об окончании и разрешение на проведение религиозных мероприятий в мечетях страны. Причём такие разрешения выдаются только тем, которые окончили национальные религиозные учебные заведения. Но при этом никто не может гарантировать, что такой выпускник не будет являться сторонником деструктивных течений в исламе. Например, до недавнего времени ДУМ Республики Кыргызстан возглавлял религиозный деятель сторонник организации «Таблиги джамаат», признанной в России и ещё в некоторых странах экстремистской, который не скрывал к этой организации своих симпатий.

В большинстве своём выпускники во время религиозных проповедей руководствуются положениями так называемого «мягкого» ислама не препятствующего «светской» организации государственного управления страны, что полностью соответствует требованиям её городского «просвещённого» населения. Однако в провинциях – основных

поставщиках в Россию трудовых мигрантов наблюдаются иные тенденции, формируемые под воздействием процессов, происходящих в Афганистане при финансовой поддержке ряда арабских государств. Особенно этот процесс наблюдается в тех, которые граничат с Афганистаном и находятся под влиянием живущих в его северных регионах родственников. Среди этой части молодёжи быть мусульманином стало модным и популярным. Их отношение к официальному исламу более толерантному к другим религиям, однозначно противоположное¹. Все они, включая и «неправильных» соотечественников и, естественно представителей иной религии - «неверные» со всеми вытекающими отсюда последствиями, выражающими в совершении указанных выше преступлений экстремистской направленности и террористического характера. Как было отмечено – это в большей степени присуще молодёжи, желающей носить как в Афганистане религиозную мусульманскую одежду, как мужчинам, так и женщинам, ревностно отправлять религиозные обряды и т.д. [10] ². При этом, на государственном уровне возраст населения, с которого можно было приобщаться к исламу в этих странах снизился с 18-ти до 16-ти лет и теперь молодёжь этого возраста может безпритязательно посещать мечеть, когда как ранее за это полагался немалый штраф[10]. В этой части молодёжного населения бытует мнение, что в России, в её религиозных заведениях – двухуровневых медресе и Исламском Университете, изучение ислама осуществляется более детально с изучением всех его направлений и течений и этот процесс в меньшей степени контролируется государством[11]. Не исключаем, что приток молодёжи из этих стран, желающих в них обучаться вызван частично и этим обстоятельством. И не является секретом то, что их родное государство не только не препятствует, но и поощряет их выезд в другие страны, включая Россию.

Нельзя сказать, что в России не принимаются меры, позволяющие контролировать ситуацию в миграционной среде и ограничивать въезд иностранцев, потенциальных нарушителей общественного порядка. Исходя из анализа статистических материалов, документов стратегического характера, выступлений руководства страны и руководителей правоохранительных структур вектор уголовной политики страны в рассматриваемой сфере правоохра-

¹ Следует отметить, что эта религия на первоначальном этапе была преобладающей в ордах Чингиз хана и до настоящего времени один из горных пиков Кыргызстана носит имя «Хан Тенгри». Идеи тенгрианства нашли своё отражение и эпосе «Манас», который призывает жить со всеми в мире, а насилием отвечать только на насилие – автор. URL: https://www.manas_otr. (дата обращения: 31.07.2024).

² То, что Афганистан после прихода «Талибана» из-за религиозного гнёта массово покидают его жители, эта информация до них не доводится – автор.

нительной деятельности значительно изменился. Оценивая сложившуюся оперативную обстановку по данной линии и, возможно негативный прогноз её развития в будущем руководством страны предпринимается ряд мер, реализация которых может способствовать если не существенному снижению градусу напряжённости, то обеспечить над ней имеющими силами и средствами реальный контроль. При этом, ранее, определяя положение России в современном мире, Стратегия национальной безопасности Российской Федерации указывает на то, что действия некоторых стран направлены на инспирирование в Содружестве Независимых Государств дезинтеграционных процессов в целях разрушения связей России с ее традиционными союзниками¹.

В данном контексте следует рассматривать меры, направленные на увеличение числа иностранцев, подвергаемых дактилоскопированию², увеличилось число выявленных иностранцев, имеющих запрет на въезд. Как результат – рост числа принудительно выдворенных - в 2023 году к выдворению за пределы России (ст. 3.10 Кодекса об административных правонарушениях) были приговорены 584 иностранца [2]. Госдума приняла сразу во втором и третьем чтениях законопроект, наделяющий полицейских полномочиями самостоятельно выдворять из страны иностранцев за ряд административных правонарушений без решения судов [13]. Одним пакетом Госдума приняла поправки тех же авторов, вносящие изменения в закон «О правовом положении иностранных граждан в РФ». Документ вводит новый правовой «режим высылки» из страны: иностранца-нарушителя предлагается включить в «реестр контролируемых лиц», существенно ограничив его права. Например, попавшему в такой реестр запрещается регистрировать юрлица и ИП, заключать брак, приобретать и регистрировать имущество, ему отказывается в открытии банковского счета и замене водительских прав. Авторы документа характеризовали пакет поправок как «самые серьезные за последнее время» изменения в миграционной сфере [13].

При этом, активная работа российских законодателей и правоохранительных органов вызывает негативную реакцию руководи-

¹ О Стратегии национальной безопасности российской Федерации: Указ Президента Рос. Федерации от 2 июля 2021 г. № 400. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271.

² Дактилоскопическая регистрация иностранцев делается 1 раз. В 2023 году обязательно должны пройти ее следующие категории иностранцев: иностранные граждане с рабочей целью приезда в РФ, в том числе из стран ЕАЭС; все остальные иностранцы старше 6 лет, остающиеся в РФ более чем на 90 дней // Альянс – Трудовая миграция: сайт (дата обращения: 19.08.2024).

лей некоторых стран. В частности, во многом неожиданным явился демарш министра иностранных дел Республики Таджикистан о недопустимости жёсткого обращения с арестованными таджиками, которые участвовали в теракте в «Крокус сити» [14]. Реакция руководства Республики Кыргызстан на рассматриваемый в Госдуме проект закон, предусматривающий ограничения на работу мигрантов в России была резко отрицательной - Вице-премьер страны пригрозил выходом из ЕАЭС – международной организации региональной экономической интеграции [15], хотя предполагается ограничить работу иностранцев только в здравоохранении и образовании.

Внесение изменений в Федеральный закон «О гражданстве Российской Федерации» от 28 апреля 2023 года № 138 (в котором указано: основанием для лишения приобретенного гражданства может стать: участие в террористической и экстремистской деятельности, совершение преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков) в части обязанности МВД обязано военкоматам данные о мигрантах-мужчинах, намеревающихся принять присягу гражданина РФ, при этом новых россиян смогут лишать приобретенного статуса за непостановку на воинский учет. Об этом говорится в законопроекте, разработанном всеми парламентскими фракциями и принятом Госдумой сразу в трех чтениях [16]. Отметим, по российским законам лишение гражданства возможно только в отношении иностранцев, получивших паспорт, но не в отношении родившихся в стране. Кроме того, представители ведомства выступают и за усиление контроля за пребыванием иностранцев на территории РФ: необходимо обязать всех мигрантов проходить биометрию, дактилоскопию и геномную регистрацию [17].

В заключение следует отметить, что, как следует из сообщения пресс-службы Министерства труда, миграции и занятости Таджикистана, поток трудовых мигрантов из республики в Российскую Федерацию за шесть месяцев текущего года снизился на 16%, и это можно считать тенденцией [18]. В этой связи ужесточение рассмотренного выше миграционного законодательства Российской Федерации можно назвать и антимигрантской кампанией. В настоящее время это ещё никак в положительном плане не отразилось на состоянии оперативной обстановки в рассматриваемой сфере правоохранительной деятельности, но в ближайшей перспективе её стабилизация должна произойти.

Список литературы:

1. Лунеев В. В. Эпоха глобализации и преступность. М.: Изд-во Норма, 2007. С. 26–27.
2. Корня А. Интервью первого замминистра внутренних дел Александра Горowego // РБК : сайт. (дата обращения: 19.08.2024).
3. Заманова Р. В Госдуме нашли виновников массового завоза мигрантов в Россию. URL: <http://Tsargrad.tv>. от 6 августа 2024. (дата обращения: 19.08.2024).
4. Газета.ру. (дата обращения 19.08.2024).
5. Газета «Коммерсантъ». № 136 от 1 августа 2024. С. 5.
6. Колаш Д. Бастрыкин бьет тревогу: мигранты взорвали преступную статистику // РИА Новости: сайт.
7. Религиозный фактор раздора // РБК: сайт. URL: <http://russian7.ru>post/predstaviteli-kakouy-...>(дата обращения: 19.08.2024).
8. Корня А. Интервью главы МВД России Владимира Колокольцева 1 июля 2024 // Известия: сайт. URL: <http://russian7.ru>post/predstaviteli-kakouy-...>(дата обращения: 19.08.2024).
9. Путин на расширенной коллегии обозначил ключевые приоритеты работы МВД. URL: <http://russian7.ru>post/predstaviteli-kakouy-...>(дата обращения: 19.08.2024).
10. Зотов Г. Осторожно, лица закрываются. URL: <http://www.aif. № 28, 2024.> (дата обращения: 31.07.2024).
11. Саркорова А. Русская служба Би-би-си, Душанбе. URL: <http://news. Ru. msn. Com/наука и техника> (дата обращения: 31.07.2024).
12. Воронов А. Полиция укажет мигрантам на дверь // Газета «Коммерсантъ». № 130 от 24.07.2024. С. 5.
13. Воронов А. Владимир Путин 8 августа подписал и этот пакет поправок: (см. “Ъ” от 23 июля). Эл. Версия (дата обращения 19.08.2024).
14. URL: https://vk.com>wall-6136139_5980985 (дата обращения: 19.08.2024).
15. Киргизия намекнула на выход из ЕАЭС. URL: <https://vedomosti.ru>politics/news/2024/08/02/1053666-...> (дата обращения: 19.08.2024).
16. Дризе Д. Мы же не хотим, как в толерантной Европе?» URL: <https://news.myseldon.com>ru/news/index/316020598> (дата обращения: 19.08.2024).
17. Иностранцев решили обязать сдавать биометрию: Новые законы России // Известия: сайт. URL: <https://RBC. ru>politics/15/08/2024/...>(дата обращения: 19.08.2024).
18. Дризе Д. О борьбе с миграцией в РФ. URL: <https://Telegram-канал «Ъ FM»> (дата обращения: 19.08.2024).

Рахмаджонзода Рифат Рахмаджон,
доктор юридических наук, доцент,
заместитель начальника
Академии МВД Республики Таджикистан по науке
E-mail: reefat@yandex.ru

УДК 343.1

Реструктуризация некоторых частей УПК Республики Таджикистан

Аннотация. В статье автором рассматриваются различные направления совершенствования уголовно-процессуального закона Республики Таджикистан. Акцентируется внимание на те новшества и соответствующие правки в УПК Республики Таджикистан, которые подтверждают отсутствие системного подхода в процессе разработки отдельных норм закона. В результате таких действий появилась новая часть, озаглавленная как реструктуризация. В качестве ориентира, предлагается анализировать и учитывать последовательную законотворческую деятельность конкретных развитых стран. Предлагается в последующей законотворческой деятельности максимально устранять противоречия в нормах уголовно-процессуального законодательства с учетом специфических особенностей отечественного законодательства. Как один из возможных путей комплексного подхода в решении назревших проблем уголовно-процессуальной деятельности судебных и правоохранительных органов предлагается авторская концепция совершенствования уголовно-процессуального законодательства.

Ключевые слова: уголовно-процессуальный закон; законодательство; изменение; дополнение; совершенствование; реструктуризация.

В настоящее время уголовно-процессуальное законодательство Таджикистана переживает период качественного обновления. Интенсивность изменений и дополнений действующего уголовно-процессуального законодательства и варианты оптимизации, которые осуществляют законодательный корпус и инициаторы некоторых законопроектов, дополнительно подтверждают о необходимости совершенствования отдельных норм и положений закона.

Необходимо отметить, что за годы действия уголовно-процессуального закона правоприменительная практика в достаточной мере освоила новые нормы закона, хотя в повседневной уголовно-процессуальной деятельности встречаются затруднения в уяснении и применении некоторых уголовно-процессуальных норм, которые диктуют необходимость формирования единых подходов в их толковании с целью последующего их применения.

С момента принятия (с 03 декабря 2009 г. по настоящее время) в УПК Республики Таджикистан были внесены изменения и дополнения 31 законами Республики Таджикистан, которые существенно обновили порядка 232 уголовно-процессуальных норм. В основном изменения и дополнения носят редакционно-содержательный и орфографический характер. Также среди них встречаются и существенные нововведения, о которых речь пойдёт дальше.

Следует также отметить, что количество изменений, вносимых каждым из принятых законов в УПК Республики Таджикистан, различно по содержанию и не имеет однозначной связи с численностью последних. Изменения и дополнения текста УПК Республики Таджикистан, которые касаются как содержания, так и отдельных недостатков, не всегда имеют цель систематизации и конкретизации его основных норм.

Концептуальные основы в реформировании того или иного законодательства порой, а то и часто законодателем не учитываются и разрабатываются проекты законов без их учета и общего согласования однородных норм. К этой категории законодательных актов можно отнести Закон Республики Таджикистан от 23.07.2016 г. № 1332¹ который, как нам представляется, в некоторой степени стер границы между делами частного и частно-публичного обвинения. На этот момент также обращают внимание отечественные авторы [7, с. 109]. Единственным отличием стала норма, которая также указывает на тот шаблонный подход, где в случае примирения пострадавшего лица с обвиняемым и в последующем возмещения нанесенного вреда пострадавшему, производство по уголовному делу прекращается. Также здесь остается открытым вопрос о временном пределе примирения и процессуальном порядке примирения. Подобные требования также были включены в полномочия следователя. Как нам представляется, приведенный фрагмент нуждается в комплексном исследовании.

¹ О внесении изменений и дополнений в УПК Республики Таджикистан: закон Республики Таджикистан от 23.07.2016 г. № 1332 // Джумхурият. – 2016. – № 146–149. – 28 июля.

Частично проанализированные новшества и соответствующие правки в УПК Республики Таджикистан подтверждают отсутствие системного подхода в процессе разработки отдельных норм закона. Редакционная правка УПК Республики Таджикистан еще раз доказывает, что в спешке принимаемые законы в скором времени нуждаются в совершенствовании. Здесь же уместно привести определенную информацию о рабочих группах, которые разрабатывали уголовно-процессуальный закон. В Таджикистане вопрос принятия уголовно-процессуального кодекса долгое время находился в поиске оптимального решения. Начиная с 1995 г. до 2008 г. в соответствии с распоряжениями Президента Республики Таджикистан были организованы четыре рабочие группы¹, куда входили представители профильных министерств, комитетов, других госструктур, адвокатуры, и академических кругов. В декабре 2009 г.² один из проектов УПК Республики Таджикистан с доработками и изменениями был принят и вступил в силу с 1 апреля 2010 г.

Необходимо заметить, что процесс кодификации уголовно-процессуального закона в Таджикистане прошел довольно сложный этап. Процесс кодификации уголовно-процессуального законодательства, профессор Л. В. Головкин характеризует с нескольких позиций. Так им отмечается, что с одной стороны, речь также идет о достаточно умеренной кодификации, которую в определенном духе можно назвать консервативной и которая выдержана в определенном духе постсоветских УПК «первой волны» (1990-х годов). С другой стороны, при разработке нового УПК Таджикистан в значительно большей мере, нежели, допустим Туркменистан, следовал реформаторским тенденциям, прислушивался к мнению зарубежных экспертов и стремился отказаться от советской уголовно-про-

¹ Об утверждении составов рабочих групп по разработке кодексов : распоряжение Президента Республики Таджикистан от 9 июня 1995 г. № РП-56; Об утверждении составов рабочих групп по разработке и дополнительной доработке кодексов : распоряжение Президента Республики Таджикистан от 17 марта 1998 г. № РП-589; Об утверждении составов рабочих групп по разработке Уголовно-процессуального кодекса Республики Таджикистан : распоряжение Президента Республики Таджикистан от 19 мая 2000 г. № РП-130; Об утверждении состава рабочей группы по разработке и представлению Уголовно-процессуального кодекса Республики Таджикистан : распоряжение Президента Республики Таджикистан от 5 февраля 2008 г. № РП-499 // Доступ из ЦБПИ Республики Таджикистан «Адлия. Версия 7.0».

² О принятии и введении в действие УПК Республики Таджикистан : закон Республики Таджикистан от 3.12.2009 г. № 564 // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. – 2009. – № 12 (1409). – Ст. 816.

цессуальной инфраструктуры [6, с. 195]. С приведенными обобщенными суждениями приходится согласиться.

Как нам видится, в качестве ориентира, национальным экспертам следует анализировать и учитывать последовательную законодательческую деятельность конкретных развитых стран, где при выявлении подобных проблем акцентируют свое внимание на мировую практику и освоению необходимых знаний для координации и оптимизации правотворческой деятельности в сфере уголовно-процессуального законодательства. Все это делается в целях недопущения максимального противоречия в нормах уголовно-процессуального законодательства, но с учетом специфических особенностей отечественного законодательства и дальнейшей ее гармонизации и унификации.

Усилиями государства и проводимыми отраслевыми реформами добиться желаемых результатов не всегда удастся, но достигнутые результаты уже говорят сами за себя. Необходимо здесь отметить, что законодательная база в данном направлении находится в актуальном состоянии, чего не сказать про тщательную и повсеместную их реализацию. Исходя из установок о разработке соответствующих документов, нам кажется, что тем самым постепенно должна модернизироваться сама система уголовной политики, требующая пристального внимания при дальнейшей ее корректировке, направленной на приведение отечественного уголовно-процессуального законодательства в соответствие с требованиями международных стандартов.

В рамках приведения уголовно-процессуального законодательства в соответствие с общепризнанными нормами и принципами международного права, Правительством Республики Таджикистан были пересмотрены ряд нормативных правовых актов, регламентирующих уголовно-процессуальную деятельность правоохранительных органов и судов [15, с. 170–176]. Выполнение и приведение в соответствие с требованиями и стандартами в области соблюдения прав и свобод человека и гражданина прав обсуждалось в рамках нескольких анализов, подготовленных независимыми экспертами и организациями [10, 5, 12], которые выявили ряд конкретных направлений в рамках совершенствования уголовно-процессуального и отраслевого законодательства.

Очередной волной изменений и дополнений стал разработанный независимыми экспертами и учеными исследовательский проект о совершенствовании уголовно-процессуального кодекса, который был представлен в качестве крупного законопроекта [8, 11], прошедший согласование и получивший одобрение соответствующим

ших министерств и комитетов. Парламентом страны данный законопроект был поддержан и далее принят¹.

Следует особо отметить, что на современном этапе кардинального развития общественных отношений в республике, очевидна разработка комплексной программы совершенствования уголовно-процессуального законодательства. Нами в этом направлении разработана концепция совершенствования уголовно-процессуального законодательства [9, с. 70–76]. Проект Концепции направлен на разработку законодательных основ совершенствования уголовно-процессуальной деятельности органов уголовного преследования и судов, учет состояния криминогенной обстановки, структуру и динамику преступности в стране, качество законодательства уголовно-процессуального комплекса, а также уровень социально-экономического и политического развития в республике. Мы также надеемся, что разработанный и представленный на обсуждение проект Концепции докажет свою необходимость, диктуемый современным состоянием и тенденциями развития науки и практики отечественного уголовного судопроизводства.

Следующим пакетом правок стал большой законопроект, который внёс неопределенность в структуру действующего уголовно-процессуального закона. Так, в 2023 году по инициативе Генеральной прокуратуры Республики Таджикистан всем министерствам, комитетам и государственным учреждениям для обсуждения и согласования направлен большой пакет изменений и дополнений в УПК Республики Таджикистан, который предполагал расширение закона отдельным разделом, регламентирующим вопросы международного сотрудничества в уголовном судопроизводстве². Таким образом, инициаторы предложили внедрить в уголовно-процессуальный кодекс четвертую часть, содержащий 5 глав и 56 статей, требующий кардинального пересмотра и согласования всех основополагающих положений закона, регламентирующих вопросы международного сотрудничества по уголовным делам.

В предлагаемом законопроекте многие поднимаемые нашими коллегами спорные вопросы (принцип взаимности, принцип

¹ Нижняя палата парламента одобрила данный законопроект // Садои мардум. – 2020. – 19 декабря. – № 152 (4258). См. : Закон Республики Таджикистан «О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан» от 29 января 2021 г. № 1755 // Джумхурият. – 2021. – № 22–23. – 2 февраля.

² Проект Закона Республики Таджикистан «О внесении изменений и дополнений в УПК Республики Таджикистан» (Письмо Генеральной прокуратуры Республики Таджикистан от 08.02.2021 г. № 5 и ОИУ МВД Республики Таджикистан от 13.02.2021 г. № 4/19-319; Ответ Академии МВД от 27.02.2021 г. № 32/188 исх. в ОИУ МВД).

равенства (паритет), дисбаланс между нормами Конституции и общепризнанными принципами и нормами международного права, компетентный / центральный орган) [13, 14, 1, 2, 3, 4] решены положительно, что свидетельствует о соответствующей разработке законопроекта.

После принятия данного законопроекта, оно включает в себя 5 глав и 55 статей (Глава 48. Взаимодействие судов, прокуроров, следователей и органов дознания с соответствующими органами и должностными лицами иностранных государств в порядке оказания правовой помощи по уголовным делам (ст.ст. 470–477); Глава 49. Оказание правовой помощи (ст.ст. 478–491); Глава 50. Продолжение уголовного преследования (ст.ст. 492–497); Глава 51. Выдача лица (ст.ст. 498–516); Глава 52. Признание и исполнение приговоров, постановлений судов иностранных государств (ст.ст. 517–525))¹.

Проведенная реструктуризация УПК Республики Таджикистан свидетельствует о том, что, по сути, и официально текст закона состоит в настоящее время и 4-х самостоятельных частей, т.е. это 1. Общая часть (ст.ст. 1–139); 2. Особенная часть (ст.ст. 140–250); 3. Судебное производство (ст.ст. 251–469); 4. Международное сотрудничество в сфере уголовного процесса (ст.ст. 470–525). Как нам кажется, перенасыщение текста уголовно-процессуального закона также чревато своими последствиями в виде заметок или напоминаний о производстве тех или иных процессуальных действий, которые не всегда могут быть полезными правоприменителям.

Независимо от получившейся реструктуризации уголовно-процессуального закона, вместо планируемого совершенствования института международного сотрудничества, правоприменительная практика, представители науки уголовного процесса об этом нововведении отраслевого законодательства находятся в раздумьях, даже не нашлось ни одной публикации в средствах массовой информации, не говоря о научных публикациях. По-видимому, представители правоприменительной практики прорабатывают вопросы реализации новых норм и институтов, а другие отраслевые специалисты пока раздумывают как же с этими новыми институтами работать, а комментировать создавшуюся ситуацию пока никто не осмеливается. Так нам видится первое полугодие уходящего года.

Произошедшая реструктуризация помимо других обоснований, напомнила нам о другой ее составляющей. Этой составляю-

¹ О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан : закон Республики Таджикистан от 03 января 2024 г. № 2017 // ЦБПИ Республики Таджикистан «Адлия. Версия 7.0».

щей является влияние международных организаций посредством финансирования различных проектов и запланированных реформ, которые не всегда положительно оцениваются. В этой связи, прав профессор Л. В. Головкин, который отмечает, что нельзя сбрасывать со счета и далеко не одинаковый международный контекст, в котором оказались постсоветские государства, что, в частности, проявилось в разной степени интенсивности зависимости их уголовно-процессуальной эволюции от потенциального членства в европейских организациях (Совет Европы и Евросоюз), а также заинтересованности в соответствующих реформах со стороны международных организаций (ООН, ОБСЕ, БДИПЧ ОБСЕ) и крупнейших иностранных держав, прежде всего США. В этом смысле уже можно говорить о нескольких вариантах развития постсоветского уголовного процесса, проявившихся в тех или иных странах (группах стран) [6, с. 195]. Развитие нашего уголовно-процессуального закона также свидетельствует о своеобразном направлении ее развития, если исходить из контекста изменений и дополнений.

Надеемся, что пролоббированная позиция относительно модернизации международного сотрудничества в сфере уголовного процесса положительно повлияет на качество предварительного расследования и судебного рассмотрения уголовных дел. Остальные проблемы будут предметом отдельного исследования.

Список литературы:

1. Абдуллоев П. С. Международно-правовая помощь при собирании и проверке доказательств по уголовным делам (по материалам Республики Таджикистан и Российской Федерации). – М., 2016. – 224 с.
2. Абдуллоев П. С. Международное сотрудничество по уголовным делам на постсоветском пространстве : монография. – Душанбе : ЭР-граф, 2018. – 392 с.
3. Абдуллоев П. С. Международное сотрудничество в сфере уголовного процесса в постсоветских государствах. – М., 2021. – 464 с.
4. Абдуллозода П. С. Теоретические и практические подходы к международному сотрудничеству в сфере уголовного процесса в постсоветских государствах : дис. ... д-ра юрид. наук. – Душанбе, 2023. – 581 с.
5. Анализ выполнения рекомендаций государств-членов Совета ООН по правам человека Правительством Республики Таджи-

кистан в рамках Универсального периодического обзора с 2012–2015 годы. – Душанбе, 2015. – 304 с.

6. Головки Л. В. Современное развитие уголовного процесса в странах бывшего СССР (на постсоветском пространстве) // Курс уголовного процесса / под ред. Л. В. Головки. – М., 2016. – С. 194–208.

7. Искандаров З. Х., Салимзода Т. Н. Некоторые процессуальные правила участия прокурора в судебном рассмотрении уголовных дел // Правовая жизнь. – 2018. – № 4 (24). – С. 109.

8. Практика применения Уголовно-процессуального законодательства Республики Таджикистан и рекомендации по его совершенствованию / под ред. Маджитова А. М., Камоловой Е. Д. – Душанбе, 2012. – 228 с.

9. Приложение № 7. Проект Указа Президента Республики Таджикистан «О Концепции совершенствования уголовно-процессуального законодательства Республики Таджикистан до 2028 года» // Рахмаджонзода, Р. Р. Учение об уголовном преследовании в уголовном судопроизводстве Республики Таджикистан: дис. ... д-ра юрид. наук. – Душанбе, 2023. В 2-х томах. Том. 2. – С. 70–76.

10. Программа судебно-правовой реформы на 2011–2013 годы: предварительные результаты и дальнейшие шаги. – Душанбе, 2013. – 85 с.

11. Рекомендации по совершенствованию положений Уголовно-процессуального кодекса Республики Таджикистан (на тадж. яз.). – Душанбе, 2019. – 82 с.

12. Универсальный периодический обзор по правам человека, подготовленный общественными организациями Республики Таджикистан. Отчет № 1 «Гражданские и политические права». – Душанбе, 2015. – 32 с.

13. Халифаев М. Н. Некоторые вопросы международного сотрудничества в сфере борьбы с преступностью // Труды Академии МВД Республики Таджикистан. – 2011. – № 2 (16). – С. 63–68.

14. Халифаев М. Н. Политическое убежище как основание отказа в выдачи лиц, совершивших преступления (экстрадиции) // Вестник Таджикского национального университета. – 2014. – № 3/8 (150). – Ч. 1. – С. 127–131.

15. Юлдошев Р. Р. Международные обязательства Таджикистана в контексте изменений и дополнений уголовно-процессуального законодательства // Современные проблемы уголовного судопроизводства: вопросы теории и практики: Материалы VII Международной научно-практической конференции 5 апреля 2018 г. (г. Москва) / под ред. В. В. Ершова. – М., 2018 – С. 170–176.

Фильченко Андрей Петрович,
доктор юридических наук, профессор,
заместитель начальника кафедры уголовной политики,
Академия управления МВД России
E-mail: apfilchenko@yandex.ru

УДК 343.851

К вопросу о классификации актов локального регулирования антикоррупционного комплаенса в организациях

Аннотация. Статья посвящена решению проблемы построения оптимальной внутренней организационно-правовой антикоррупционного комплаенса в организациях. На основе изучения и обобщения российского опыта предлагается перечень и классификация локальных актов, принятие которых организациями позволяет выстроить и обеспечить функционирование полноценной системы противодействия коррупции, включая взаимодействие в этой сфере с органами внутренних дел.

Ключевые слова: комплаенс; коррупция; антикоррупционная политика; антикоррупционный мониторинг; корпоративная культура; предупреждение взяточничества.

Формирование внутрикорпоративной модели комплаенса зависит от выбранного компанией стандарта. На сегодняшний день международными межправительственными и неправительственными организациями, ведущими международными консультантами и международными предпринимательскими объединениями разработано несколько десятков стандартов и руководств в сфере антикоррупционного комплаенса. Однако ни один из стандартов не получил всеобщего признания и влияния, сравнимого с Рекомендациями ФАТФ. Поэтому выбор стандарта многовариантен и зависит от требований законодательства страны, на территории которой работает компания, установившихся межгосударственных коммерческих связей и предпочтений самих корпораций.

Идеологическая основа комплаенса провозглашена подписанной на XI Инвестиционном форуме 20 сентября 2012 года четырьмя крупнейшими бизнес-союзами России¹ при участии Председателя Прави-

¹ Российским союзом промышленников и предпринимателей, Торгово-промышленной палатой Российской Федерации, Общероссийской общественной организацией

тельства РФ Д.А. Медведева *Антикоррупционной хартией российского бизнеса*¹ (далее – Антикоррупционная хартия). Цель документа – продвижение среди российских предпринимателей практики корпоративного управления на основе антикоррупционных программ и иных мер антикоррупционной корпоративной политики, содержащий процедуры внутреннего контроля, основанных на исключении преимуществ, регламентирующих закупочный процесс на принципах открытых торгов, информирование сотрудников, а также оказание содействия органам внутренних дел и другим правоохранительным органам. Участие в Антикоррупционной хартии является добровольным и определяется престижем присоединившиеся компании, тем самым подтверждающей принятие на себя высоких стандартов предупреждения коррупции. Российский союз промышленников и предпринимателей, Торгово-промышленная палата Российской Федерации администрируют Реестра включенных участников. С периодичность в два года компания-участник представляет Декларацию о принятых антикоррупционных мерах, которую может предварительно заверить в аккредитованном экспертном центре. Предусмотрена также процедура общественного подтверждения, при прохождении которой компания может в течение 5 лет оставаться в реестре.

Национальная модель комплаенс представлена нашей страной в разработанных Минтрудом России Методических рекомендациях по разработке и принятию организациями мер по предупреждению и противодействию коррупции от 12 ноября 2013 года, которые предлагают примерный перечень актов локального регулирования комплаенс. Накопленный в России опыт внутрикорпоративного регулирования показал, что организации используют в своей деятельности следующие группы локальных актов:

1. Адресованные работникам (сотрудникам) организации для использования в повседневной деятельности.

Кодекс этики и служебного поведения работников организации (м.б. корпоративной этики, поведения и т.п., далее – Кодекс) – свод принципов, норм и правил профессиональной этики и внутрикорпоративного индивидуального и коллективного поведения, предназначенный для соблюдения всеми работниками организации как в рабочее, так и нерабочее время, когда они воспринимаются как ее представители. Ознакомление с Кодексом позволяет облегчить

малого и среднего предпринимательства «ОПОРА РОССИИ» Общероссийской общественной организацией «Деловая Россия».

¹ Антикоррупционная хартия российского бизнеса от 21.12.2012. – URL: <https://media.rsprr.ru/document/1/9/8/986d98739b822163a95bda405afe6e36.pdf> (дата обращения 15.05.2023).

новому работнику стать членом коллектива и предостеречь от возможных ошибок.

Политика по оповещению о нарушении законодательства и этических норм, предназначенная для развития культуры открытости в компании, внедрения высоких стандартов честности и ответственности. Действенность политики обеспечивается поощрением работников, заявляющих о своей обеспокоенности в отношении аморальных или противоправных действиях других сотрудников, проведением тщательной проверки фактов и последующим принятием адекватных мер, а также недопущением какого-либо преследования или наказания в отношении обратившихся.

Антикоррупционные положения в трудовых договорах работников возлагают на работника обязанность соблюдать антикоррупционную политику компании. Наиболее часто в трудовые договоры включаются обязанности: воздерживаться от совершения и (или) участия в совершении коррупционных правонарушений (а равно от поведения, которое может быть истолковано окружающими как готовность совершить или участвовать в совершении коррупционного правонарушения) в интересах или от имени организации; незамедлительно информировать руководителя (ответственное лицо) о случаях склонения к совершению коррупционных правонарушений, а равно о ставшей известной работнику информации о случаях совершения коррупционных правонарушений другими работниками, контрагентами организации или иными лицами; сообщить непосредственному начальнику или иному ответственному лицу о возможности возникновения либо возникновении у работника конфликта интересов;

II. Регулирующие систему внутреннего контроля организации.

Политика внутреннего контроля охватывает все направления деятельности компании, содержит формализованную информацию об используемых в организации системе процедур, обеспечивающих продуктивность операций, истинность формируемой отчетности, соответствие деятельности установленным нормам и документам, а также распределяет полномочия ответственных субъектов (от Совета директоров до руководителя структурного подразделения).

Политика противодействия мошенничеству, коррупции и легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем разрабатывается для решения задач внутреннего контроля коммерческих операций в целях предотвращения создания неофициальной (двойной) отчетности, отсутствия первичных учетных документов, проведения неучтенных или неправильно учтенных операций, ведения учета несуществующих расходов, отражения обязательств,

объект которых неправильно идентифицирован, использования поддельных документов, намеренного уничтожения документов и отчетности ранее предусмотренных законодательством сроков;

Положение о конфликте интересов утверждает принципы предотвращения и разрешения ситуаций конфликта интересов в организации, описывает типичные ситуации, подпадающие под признаки конфликта интересов, закрепляет меры по минимизации их негативных последствий;

Положение о премировании регламентирует систему оплаты труда работников и тем самым служит упрочению трудовой и исполнительской дисциплины, утверждает рамки материального стимулирования сотрудников, гарантирует выполнение четких правил системы оплаты труда. Положение регламентирует основания, порядок материального стимулирования и лишения премий;

III. Определяющие информационную политику.

Положение об информационной политике регулирует Получение, обработку, хранение и передачу компанией информации, включая коммерческую тайну, служит цели эффективного информационного взаимодействия с акционерами, инвесторами, другими заинтересованными лицами, обеспечивает соблюдение положений законодательства Российской Федерации о распространении и использовании инсайдерской информации, максимальную степень доверия к компании и повышает ее стоимость.

Политика конфиденциальности разрабатывается в соответствии с законодательством России о персональных данных и предназначена для защиты от разглашения данных о клиентах и об их операциях, которую заинтересованные лица могут получить во время использования ими сайтов, сервисов, служб, программ, продуктов или услуг компании.

III. Устанавливающие правила взаимоотношений с контрагентами.

Положение по проверке контрагента регулирует порядок сбора документов и информации о поставщиках, исполнителях, подрядчиках и других контрагентах компании. Закрепленный сотрудник в процессе изучения сведений истребует у контрагентов необходимые документы, обращается с запросами в органы государственной власти, осуществляет поиск данных по открытым источникам. В отсутствие проверки контрагента исключается возможность работы с ним, включая заключение/продлонгацию договоров, транзакции платежей, приемку товаров, выполненных работ или оказанных услуг.

Антикоррупционная оговорка в заключаемых договорах с контрагентами – условие договора, которое включается в целях обеспечения исполнения сторонами положений антикоррупционного законодательства. Оговорка позволяет предотвращать правонарушения коррупционной направленности при исполнении договора. Невыполнение антикоррупционной оговорки может повлечь расторжение договора или применение мер ответственности.

Положение о порядке проведения регламентированных закупок товаров, работ, услуг для нужд организации определяет закупочную деятельность компании в целях развития добросовестной конкуренции, обеспечения гласности и прозрачности закупки, предотвращения коррупции и других злоупотреблений. Обеспечивает реализацию таких принципов закупочной деятельности, как: информационная открытость закупки; отсутствие дискриминации и необоснованных ограничений конкуренции по отношению к участникам закупки; целевое и экономически эффективное расходование денежных средств на приобретение товаров, работ, услуг; исключение ограничения допуска к участию в закупке путем установления неизмеряемых требований к участникам закупки.

Правила обмена деловыми подарками и знаками делового гостеприимства устанавливают основные принципы и условия оборота подарков как в пользу конкретного представителя организации, так и третьих лиц, а также организации для заинтересованных субъектов деловых встреч и развлекательных мероприятий.

Политика в отношении благотворительной помощи служит формированию общего подхода к порядку пользования выделяемых на благотворительную деятельность средствами, устанавливает принципы благотворительной работы, ее формы, а также источники, условия и контроль над средствами. Как правило, в соответствующее положение о порядке формирования и использования фонда благотворительности исключает направление денежных и другие материальных средств, оказание помощи в иных формах коммерческим организациям, а также осуществление поддержки политических партий, движений, групп и кампаний;

IV. Определяющие взаимодействие с регулирующими и правоохранительными органами.

Политика взаимодействия с регулирующими органами обеспечивает реализацию деятельности компаний в рамках двух направлений – (1) регулярного представления отчетных документов или документов, необходимых для ведения деятельности (например, получение лицензии) и (2) направления документов в ответ

на запрос органа исполнительной власти (например, контрольные мероприятия).

Положение о сотрудничестве с правоохранительными органами как правило, предусматривает взятие на себя публичных обязательств сообщать о ставших известными случаях совершения коррупционных и иных правонарушений, воздерживаться от преследования своих работников, сообщивших в правоохранительные органы о коррупционном правонарушении; не допускать вмешательства в деятельность правоохранительных органов при проведении антикоррупционных мероприятий; оказывать содействие уполномоченным представителям правоохранительных органов при проведении мероприятий по пресечению или расследованию коррупционных преступлений, включая оперативно-розыскные мероприятия.

Помимо декларативных норм, организация взаимодействия с правоохранительными органами предполагает включение в политику организации перечня должностей и лиц, ответственных за контакты с правоохранительными органами, а также регламента их действий, включающего составление и передачу в правоохранительные органы необходимых документов и информации, сроки такой передачи, составления отчетности для руководителя.

Внутренне регулирование комплаенс может включать и другие документы, регулирующие внутрикорпоративные отношения в сфере предупреждения коррупции.

Аносов Александр Викторович,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовной политики,
Академия управления МВД России
E-mail: pdnrme@yandex.ru

УДК 343.9.01

Перспективы использования искусственного интеллекта в криминологии

Аннотация. В статье рассматриваются возможные варианты применения технологии искусственного интеллекта при проведении криминологических исследований и решении практических задач по предупреждению преступлений правоохранительными органами.

Ключевые слова: искусственный интеллект; нейросеть; криминологическое исследование; предупреждение преступлений; цифровые технологии.

В настоящее время технологии искусственный интеллект (далее – ИИ) стремительно проникают во все сферы жизни, позволяя значительно увеличить эффективность различных видов деятельности. Поначалу воспринятые обществом и рядом специалистов с известной долей скепсиса, данные технологии показали бурный рост своих возможностей, что побудило инвесторов со всего мира вкладывать миллиарды долларов на их развитие. Из забавной игрушки, способной сгенерировать множество красивых или абсурдных картинок, а также в упрощенном виде отвечать на незамысловатые вопросы, ИИ превратился в мощный аналитический инструмент, способный решать задачи, ранее недоступные ни человеку, ни компьютеру. Потребность в использовании нейросетевых решений проявилась в самых разных направлениях, в основном связанных с необходимостью обработки больших массивов цифровой информации или онлайн мониторинга множества источников поступающей информации. ИИ анализирует большие объемы данных, выявляет закономерности, тренды, предсказывает события, помогая принимать более обоснованные решения в бизнесе, науке, здравоохранении и других областях. Особую ценность составляет возможность использования ИИ для прогнозирования

событий и явлений, что помогает оптимизировать планирование и принимать эффективные решения, при этом ИИ способен выявлять потенциальные риски, помогать в разработке стратегий управления рисками в финансовой сфере, системе обеспечения безопасности, государственном управлении и т. д. Поскольку возможности ИИ развиваются высокими темпами, необходимо своевременно определять возможные способы использования нейросети для решения прикладных задач в различных сферах, включая правоохранительную деятельность. В частности, А.А. Шапошников в качестве приоритетного направления развития ИИ называет распознавание угроз и последующую оценку вытекающих рисков [4, с. 32]. Исследователи из Сибирского юридического института МВД России основное внимание уделяют использованию ИИ в уголовном процессе [2, с. 22]. Д.В. Суздаев базовый потенциал ИИ видит в обеспечении мониторинга оперативной обстановки через системы удаленной визуализации [3, с. 76].

Не является исключением в данном аспекте и криминология. В частности, применение ИИ в криминологии открывает новые возможности для повышения результативности борьбы с преступностью, а также улучшения понимания детерминации данного негативного явления и разработки наиболее эффективных стратегий борьбы с ним. Преимущественно индуктивный метод проведения криминологических исследований предполагает обработку определенного количества единичного материала, причем, как правило, чем больше объем первичных данных, тем точнее вывод. Однако просто суммировать и обработать первичную информацию по некоему алгоритму бывает недостаточно, поскольку криминологические явления непосредственно связаны с социальными взаимосвязями в обществе, допускают значительный разброс качественных характеристик ввиду разнообразия и сложной системы взаимовлияния самих общественных процессов, сочетают в себе социальные и биологические факторы, психологические особенности поведения отдельных категорий людей. Анализируя данную тематику, О. И. Алпеева, и А. В. Бушуева справедливо отмечают, что криминология сейчас, как никогда, нуждается во внедрении новейших методов предупреждения преступности [1, с. 61].

Преимущество ИИ перед анализом по традиционной системе алгоритмов заключается в его способности к адаптации, обучению и определенной гибкости. Анализ по алгоритму предполагает жестко заданную последовательность шагов для обработки данных, где каждый шаг определен заранее. Такие алгоритмы могут быть эффективными для решения конкретных прикладных задач,

но они слишком линейны и не могут адаптироваться к разнообразию и динамике социальных явлений. В отличие от алгоритмизированных систем, ИИ может обучаться на основе новых данных, учитывать свои ошибки, а также корректировать выводы в зависимости от ситуации и предыдущих результатов. Это позволяет таким системам адаптироваться к изменяющимся условиям, делает их более гибкими и способными решать задачи с нестандартными входными данными. Следует еще учесть, что постановка задачи для ИИ, осуществляемая путем обычных языковых запросов, не требует специальной квалификации и доступна рядовому пользователю, т.е. ИИ может автоматизировать процессы, которые раньше требовали квалифицированного человеческого вмешательства, что позволяет значительно сэкономить время и ресурсы.

Использование ИИ для анализа преступности становится всё более распространённым и эффективным инструментом в руках криминологов и правоохранительных органов.

Наиболее очевидной сферой применения ИИ в криминологии является прогнозирование преступности. Этому способствует возможность:

- осуществления анализа больших данных, в частности, переработка сведений о преступлениях, включая время, место, тип преступления, поведение жертвы, социально-экономические факторы и т. д.; выявление тенденций и закономерностей развития криминальной ситуации и установление причинно-следственных или корреляционных связей между анализируемыми явлениями; построение абстрактных моделей поведения отдельных лиц или группы при том или ином развитии событий;

- выявления незаметных для простого наблюдателя закономерных элементов в динамике и структуре преступности с возможностью их теоретической экстраполяции в будущее. Достаточно сложные для обычного криминолога или правоприменителя математические методы сглаживания и выравнивания статистических рядов экстраполируемых явлений не представляют затруднений для ИИ, что значительно повышает достоверность прогноза. Кроме того, для обычного метода экстраполяции в криминологическом прогнозировании одним из условий является сохранность и неизменность текущей экономической, социальной, демографической и собственно криминологической обстановки в будущем, поскольку любое значимое изменение перечисленных условий существенно затрудняет экстраполирование предыдущих значений. ИИ способен учитывать множество сопутствующих факторов и прогнозировать результат при различных вариантах развития событий;

– анализа связей между социальными и демографическими характеристиками с учетом географических, национальных, культурных, исторических и иных значимых факторов, на основе которых ИИ способен обозначать территории и временной период возможного осложнения криминогенной ситуации, предсказать появление новых ранее не характерных для данного региона видов преступлений, указать на вероятные изменения в структуре преступности и пр. Обладание подобным прогнозом позволяет заблаговременно проработать и подготовить ряд профилактических мероприятий, осуществить маневр силами и средствами и предотвратить наиболее неблагоприятный исход событий.

Специфической задачей, способной использовать возможности нейросети, является выявление детерминант совершения преступлений. Детерминация преступности является одним из основных разделов криминологии, поскольку именно на основе выявленных факторов, обуславливающих совершение преступлений, возможна разработка и реализация предупредительных мер, включая раннюю и виктимологическую профилактику. В частности, ИИ может анализировать социально-экономические данные, такие как уровень бедности, безработицы, социального неравенства; обстоятельства совершения конкретных преступлений и закономерности преступного поведения, учитывать поведения жертв совершения преступлений и конкретные обстоятельства преступного посягательства, на основе которых вырабатывать рекомендации по устранению причин и условий, способствующих совершению преступлений. Подобные рекомендации могут иметь характер специальных превентивных программ, разработанных на основе идентификации факторов риска и направленных на решение стратегических и оперативных задач по различным направлениям борьбы с преступностью.

Еще одним элементом предмета криминологии как науки является изучение личности преступника, механизма индивидуального преступного поведения и составление обобщенного криминологического портрета лица, совершающего те или иные виды преступлений. Основной для качественного анализа личности преступника и обстоятельств совершения преступления является большой массив данных, переработка которого занимает длительное время и допускает большую вероятность субъективных ошибок в зависимости от квалификации криминолога (влияние стереотипов, переоценка личного опыта и пр.) В этом плане ИИ представляет собой идеальный инструмент для проведения подобного анализа, поскольку лишен эмоциональных факторов, личностных предпочтений или излишних амбиций, способен охватить максимальный объем

информации, учесть множество факторов (таких как биография преступника, информация о нем в социальных сетях, этапы подготовки и совершения преступления, выявление преступных связей и пр.). Также отметим возможность оценки поведения преступника в дальнейшем, включая вероятность совершения им повторных преступлений, и разработки на этой основе индивидуальной программы ресоциализации в отношении конкретного лица или категории лиц.

Отдельно следует упомянуть ИИ как инструмент, способный оказать помощь в организации виктимологической профилактики населения. Точно также, как при выявлении особенностей личности преступника, нейросеть на основе фактического материала способна:

- установить факторы, влияющие на виктимизацию различных категорий граждан;
- осуществить выявление уязвимых групп населения по социальному, профессиональному, гендерному или иному признаку;
- провести анализ данных о типичном поведении жертв совершения различных видов преступления и подготовить обобщенные сведения. Это особенно актуально для виктимологической профилактики преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий;
- помочь правоохранительным органам идентифицировать потенциальных потерпевших, особенно в случаях домашнего насилия, торговли людьми и цифровой преступности;
- автоматизировать анализ обращений в службы помощи в целях выявления тенденции и особенностей поведения жертв, обеспечить улучшение качества и эффективности оказываемой помощи.

Из числа реализованных в настоящее время мер в данном направлении отметим создание нейросетевых чат-ботов и виртуальных помощников, которые предоставляют информацию и поддержку жертвам преступлений, а также помогают им получить доступ к соответствующим ресурсам.

Разработка мер предупреждения преступлений составляет отдельный раздел криминологии и представляет собой заключительный этап криминологического исследования, основанный на ранее произведенном анализе преступлений, личности преступника, детерминационного комплекса и в целом механизма совершения противоправных деяний. В этой части ИИ может использоваться для анализа данных о результатах ранее осуществленных профилактических мероприятий и подготовки предложений по их корректировке или разработке новых; составления индивидуальных программ профилактики в отношении конкретных

лиц, состоящих на профилактическом учете или нуждающихся в ресоциализации с учетом индивидуальных криминальных рисков и потребностей конкретного лица; подготовки проектов комплексных программ профилактики правонарушений на различных уровнях на основе анализа текущей криминогенной ситуации и результатов ранее принятых подобных документов в различных регионах.

Несмотря на все преимущества, использование ИИ в криминологии может вызвать определенные проблемы. В частности, точность и достоверность прогноза, сделанного нейросетью, во многом зависит от объема и качества материала, на котором он был обучен. В отличие от традиционных информационных систем, которые начинают работать сразу после подготовки соответствующего алгоритма, нейросеть должна обучиться на множестве конкретных источников, причем процесс обучения представляет собой достаточно сложную процедуру. Также следует учитывать, что отбор данных для обучения нейросети осуществляет человек, поэтому от его квалификации, опыта, непредвзятости и ответственности во многом зависит то, как ИИ будет решать поставленные задачи. Попутно встают вопросы, связанные с обработкой персональных данных, служебной информации, без которой реализовать в полной мере потенциал ИИ в системе борьбы с преступностью затруднительно. Поэтому для полноценного внедрения ИИ в правоохранительную деятельность требуется комплекс мероприятий правового, технического и административного характера, которые обеспечили бы надежную защиту данных ограниченного распространения. В этой же плоскости находятся вопросы, связанные с ответственностью за ошибки и искажения данных, сделанные нейросетью в процессе ее работы.

Таким образом, использование ИИ для решения криминологических задач имеет большой потенциал для повышения эффективности системы противодействия преступности, однако важно подходить к этой технологии ответственно и учитывать ее риски и ограничения.

Список литературы:

1. Алпеева О. И., Бушуева А. В. Применение цифровых технологий и искусственного разума при предупреждении преступности // Вестник Пензенского государственного университета. – 2021. – № 3 (35). – С. 54-62.
2. Кадач В. А., Михалева Е. А., Тепляшин П. В. Эффективность использования искусственного интеллекта в криминологии и уго-

ловном процессе // Актуальные вопросы российского судопроизводства : Сборник научных трудов. – Красноярск: Красноярский государственный аграрный университет, 2023. – С. 18–24.

3. Суздалев Д. В. Искусственный интеллект как новый подход предупреждения преступности в криминологии // Юриспруденция, закон и порядок: актуальные вопросы теории и практики: сборник статей IV Международной научно-практической конференции. – Пенза: Международный центр научного сотрудничества «Наука и Просвещение», 2024. – С. 73–77.

4. Шапошников А. А. Перспективы применения технологии искусственного интеллекта и нейронных сетей в криминологическом прогнозировании преступного поведения // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. – 2022. – № 2(19). – С. 30–33.

Артюхов Юрий Сергеевич,
кандидат юридических наук,
слушатель 2-го факультета,
Академия управления МВД России
E-mail: yuryartyukhov@rambler.ru

УДК 342

Парламентский контроль в системе противодействия коррупции в полиции в России и Индии: сравнительный анализ

Аннотация. Актуальность исследования связана с необходимостью постоянного совершенствования органов государственной власти и отдельных их структур, в частности, органов полиции, деятельность которой, как и многих государственных органов, подвержена коррупционным рискам как в России, так и в Индии. Парламентский контроль в системе противодействия коррупции в полиции в России и Индии имеет как общие, так и отличительные черты, но системные проблемы остаются, что обуславливает актуальность данного исследования как с теоретической, так и с практической точки зрения.

Ключевые слова: парламентский контроль; коррупция; Россия; Индия; законодательство; парламент; противодействие коррупции.

Главным направлением развития государственной службы в полиции и повышением ее эффективности является борьба с коррупцией и наделение парламента контрольными полномочиями над исполнительной властью.

Понятие «коррупция» разрабатывалось многими ученым, которые дают различные определения данного понятия.

По мнению К.В. Севрюгина «коррупция – это социальное явление, заключающееся в разложении власти, когда государственные служащие, уполномоченные на выполнение государственных функций, используют свое служебное положение, статус и авторитет занимаемой должности в корыстных целях для личного обогащения или в групповых интересах» [4].

По мнению В.Д. Коваль «под коррупцией следует понимать незаконное использование должностным лицом своего статуса или вытекающих из него возможностей влиять на других лиц с целью получения личной выгоды (как корыстной, так и иной)» [2].

По мнению С.Ю. Щукина «коррупция – это системное преступление, зависящее от многих факторов – экономического, организационного, социального, духовного, политического и законодательного характера» [6].

Коррупция – это превышение должностными лицами своих служебных полномочий совершаемое в корыстных целях в ущерб интересам третьей стороны (общества, государства, юридического или физического лица), которое разрушает строй внутри страны и подрывает доверие населения к органам публичной власти.

В.С. Сазонова отмечает, что «опасность нынешней российской коррупции заключается в ее массовости, распространении во все возможные сферы общественной жизни и подрыве доверия общества к органам государственной власти»[5].

В России правовую основу противодействия коррупции составляют: международные акты¹; Конституция Российской Федерации² (далее – Конституции РФ), в том числе статьи 2, 3, 15, 18, пункты «г», «о», «т» ст. 71, пункты «л» и «н» ст.72, ст. 77, ч. 5 ст. 78, ч. 2 ст. 80, ч. 4 ст. 95, ч. 1 ст. 97, ч. 4 ст. 110, ст. 119, ч. 2 ст. 129, п. «е» ст. 103 и др.; Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции»³ (далее – Федеральный закон № 273-ФЗ) и иные федеральные законы⁴; нормативные правовые акты Президента Российской Федерации⁵, Правительства Рос-

¹ Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции (принята в г. Нью-Йорке 31 октября 2003 г. Резолюцией 58/4 на 51-ом пленарном заседании 58-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. № 26. Ст. 2780.

² Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // Российская газета. 1993. № 237.

³ О противодействии коррупции: Федер. закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ: в ред. от 19 декабря 2023 г. // Российская газета. 2008. № 266.

⁴ Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов: Федер. закон от 17 июля 2009 г. № 172-ФЗ: в ред. от 5 декабря 2022 г. // Российская газета. 2009. № 133; О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их дохода: Федер. закон от 3 декабря 2012 г. № 230-ФЗ: в ред. от 10 июля 2023 г. // Российская газета. 2012. № 280; О запрете отдельным категориям лиц открывать и иметь счета (вклады), хранить наличные денежные средства и ценности в иностранных банках, расположенных за пределами территории Российской Федерации, владеть и (или) пользоваться иностранными финансовыми инструментами: Федер. закон от 7 мая 2013 г. № 79-ФЗ: в ред. от 10 июля 2023 г. // Российская газета. 2013. № 100.

⁵ Об утверждении общих принципов служебного поведения государственных служащих: Указ Президента Рос. Федерации от 12 августа 2002 г. № 885: в ред. от 25 августа 2021 г. // Российская газета. 2002. № 152; О мерах по противодействию коррупции:

сийской Федерации¹, иные акты. Антикоррупционные запреты в отношении сотрудников полиции включены также в Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции»², Федеральный закон от 30.11.2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»³.

Из системного анализа подпунктов «б» и «в» п. 2 ст. 1 Федерального закона № 273-ФЗ следует, что противодействие коррупции осуществляется в рамках противодействия коррупционным правонарушениям, но не указывают на коррупционные преступления, о которых прямо предусматривает п. 1 ст. 1 данного закона, где перечисляются уголовно-наказуемые деяния, в частности, «злоупотребление служебным полномочиями, дача взятки, получение взятки» и др. Таким образом, положения подпунктов «б» и «в» п. 2 ст. 1 Федерального закона № 273-ФЗ необходимо дополнить после слов «коррупционных правонарушений» словами и «преступлений» и далее по тексту.

Парламентский контроль – вид конституционного контроля имеющий целевую направленность, обозначаемую как «обеспечение наивысшей юридической силы и прямого действия конституционных норм права» [3]. Правовую основу парламентского контроля в России составляет Конституция РФ, Федеральный закон от 07.05.2013 № 77-ФЗ «О парламентском контроле»⁴ (далее – Федеральный закон о парламентском контроле), Федеральный закон от 27.12.2005 № 196-ФЗ «О парламентском расследовании Федерального Собрания Российской Федерации»⁵ (далее – Феде-

Указ Президента Рос. Федерации от 19 мая 2008 г. № 815: в ред. от 25 января 2024 г. // Российская газета. 2008. № 108 и др.

¹ Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» (вместе с «Правилами проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов», «Методикой проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов»); Постановление Правительства Рос. Федерации от 26 февраля 2010 г. № 96: в ред. от 20 апреля 2024 г. // Российская газета. 2010. № 46.

² О полиции: Федер. закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ: в ред. от 4 августа 2023 г. // Российская газета. 2011. № 28.

³ О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федер. закон от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ: в ред. от 26 февраля 2024 г. // Российская газета. 2011. № 275.

⁴ О парламентском контроле: Федер. закон от 7 мая 2013 г. № 77-ФЗ: в ред. от 25 декабря 2023 г. // Российская газета. 2013. № 100.

⁵ О парламентском расследовании Федерального Собрания Российской Федерации: Федер. закон от 27 декабря 2005 г. № 196-ФЗ: в ред. от 3 апреля 2023 г. // Россий-

ральный закон о парламентском расследовании), регламенты палат¹ и пр.

В соответствии с ч. 2 ст. 5 Федерального закона № 273-ФЗ парламент обеспечивает разработку и принятие федеральных законов по вопросам противодействия коррупции, а также контролирует деятельность органов исполнительной власти. Исходя из ст. 1 данного закона вопросы противодействия коррупции в полиции парламент реализует по следующим направлениям: а) предупреждения и профилактики коррупции; б) борьбе с коррупцией; в) минимизации ущерба от коррупционных правонарушений.

На первый взгляд, законодательство содержит все механизмы противодействия коррупции, однако применительно к парламентскому контролю вопросы его реализации нуждаются в толковании.

Во-первых, Федеральный закон № 273-ФЗ содержит положения, в соответствии с которыми контроль может осуществляться «в пределах полномочий» (ч. 2 ст. 5).

Во-вторых, в Федеральном законе о парламентском контроле конкретные полномочия по противодействию коррупции не закреплены, имеется лишь одна статья, где указано на «противодействие коррупции» (п. 5 ст. 2), однако в ней она выступает в качестве «цели парламентского контроля».

В-третьих, по коррупционным правонарушениям возможно проводить парламентские расследования только если имеется связь коррупции с предметом парламентского расследования, перечисленного в ст. 4 Федерального закона о парламентском расследовании.

В-четвертых, решения парламента носят лишь рекомендательный характер, что следует из ст. 15 Федерального закона о парламентском контроле.

Таким образом, для России, несмотря на законодательное закрепление противодействия коррупции в полиции посредством парламентского контроля, данный контроль можно охарактеризовать как проводимый в пределах компетенции, носящий рекомендательный характер, не подкрепленный мерами какой-либо ответственности,

ская газета. 2005. № 294.

¹ О Регламенте Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации: Постановление Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации от 30 января 2002 г. № 33-СФ; в ред. от 28 июля 2023 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 7. Ст. 635; О Регламенте Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации: Постановление Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 22 января 1998 г. № 2134-П ГД; в ред. от 2 апреля 2024 г. // Российская газета. 1998. № 37.

не содержащий механизмы устранения причин и ущерба по выявленным фактам коррупции.

Особенности противодействия коррупции в полиции в Индии

Правовые основы парламентского контроля Индии, так же как и в Российской Федерации, базируются на нормах международного права, Конституции Индия 1950 г.¹ (ст. 248 и др.), Законе о предупреждении коррупции Республики Индия 1988 г. (РСА) и иных актах.

К иным актам в области противодействия коррупции относятся Закон о запрете сделок Бенами 1988 г. (имуществом, передаваемым по фиктивным сделкам на третье лицо), Закон о предотвращении отмывания денег 2002 года.

С юридической точки зрения коррупцию в полиции в Индии идентифицируют когда «сотрудник полиции преднамеренно нарушает нормы права, осуществляя действия для получения финансовой и материальной выгоды»[1].

Коррупция в полиции Индии рассматривается как особая форма неправомерных действий полиции, направленная на получение финансовых выгод, другой личной выгоды или карьерного роста для сотрудника полиции или должностных лиц в обмен на отказ от проведения расследования, или ареста, или выборочное проведение расследования.

Закон о предупреждении коррупции Республики Индия 1988 г. (РСА) криминализирует получение любого «неправомерного преимущества» государственными служащими, предоставление неправомерного преимущества другими лицами, в том числе через посредников. В РСА говорится, что «неправомерным преимуществом» является любое вознаграждение (не ограничиваясь денежным характером или оценкой в деньгах), отличное от законного вознаграждения такого государственного служащего.

Закон о предупреждении коррупции Республики Индия 1988 г. является важнейшим законодательным актом, принятым парламентом в целях борьбы с коррупцией и содействия добросовестности в государственном управлении. До 1988 г. в Республики Индия не было всеобъемлющего закона, специально направленного против коррупции. Отсутствие надежной правовой базы препятствовало эффективному судебному преследованию коррумпированных лиц и способствовало культуре безнаказанности. Закон определяет коррупцию и ее различные формы, включая взяточничество, злоупо-

¹ Конституция Индии от 1950 года (принята 24 января 1950 г.). URL: <https://indiankanoon.org/doc/237570/> (дата обращения: 18.05.2024).

ребление властью и незаконное обогащение. Он распространяется на государственных служащих как в правительстве, так и на работников предприятий государственного сектора.

Назначение специальных судей в соответствии с Законом о предупреждении коррупции Республики Индия 1988 г. является важным аспектом обеспечения эффективного рассмотрения дел о коррупции. Закон признает необходимость оперативного рассмотрения дел о коррупции и учреждает специальные суды или назначает конкретных судей для рассмотрения таких дел. Раздел 3 Закона регулирует «Полномочия назначать специальных судей». В нем говорится: «Центральное правительство или правительство штата может путем уведомления в «официальном вестнике» назначить столько специальных судей, сколько может потребоваться для такого района или областей или для такого дела или группы дел, которые могут быть указаны в уведомлении, для рассмотрения следующих преступлений, а именно: (а) любого преступления, наказуемого в соответствии с настоящим Законом; и (б) любого сговора с целью совершения, или любой попытки совершения, или любого подстрекательства к совершению любого из преступлений, указанных в пункте (а)»¹.

В Индии среди основных видов практики коррупции в полиции, существует несколько типологий, которые выделяют девять видов деятельности (они также пересекаются с отклонениями от правил и неправомерными действиями полиции):

1) коррупция власти – получение льгот без нарушения закона, таких как бесплатное питание, напитки и услуги;

2) откаты – деньги, услуги или товары, полученные за рекомендации по бизнесу, способствующие продвижению компании или частного лица;

3) оппортунистическое воровство – воровство у людей, которые были арестованы, попали в несчастные случаи, или у жертв или умерших лиц;

4) «закрывать глаза» – взятки, полученные за непроведение уголовного преступления, ареста или конфискации имущества;

5) защита незаконной деятельности – защита преступных групп или отдельных лиц, занимающихся незаконной практикой, такой как крышевание рэкета (наркотики, азартные игры и проституция) в зонах, асоциальных зонах;

¹ Закон о предупреждении коррупции 1988 года URL: <https://www.freelaw.in/legalarticles/Prevention-of-Corruption-Act-1988> (дата обращения: 19.03.2024).

6) подрыв уголовного расследования или преднамеренная утрата штрафов за нарушение правил дорожного движения или превышение скорости;

7) прямая преступная деятельность – совершение преступления против личности или собственности с целью получения личной выгоды;

8) внутренние выплаты – когда продвижение по службе, ежегодный отпуск и распределение смен покупаются, обмениваются и расходуются;

9) добавление или подбрасывание доказательств – когда подбрасываются доказательства, чтобы подставить человека или группу, что обычно происходит в рамках дел о наркотиках.

Следует отметить, что коррупция в полиции является явлением перенимаемым, так пришедший новобранец полностью копирует действия наставника, сначала принимая мелкие подарки, а в последующем они вовлекаются в более коррумпированные схемы.

Главная причина коррупции в полиции в Индии – слабая подотчетность. Когда сотрудников полиции не наказывают за коррупцию, коррупционная активность возрастает и внедряется в полицейские силы.

За последнее десятилетие в Индии произошел рост коррупционных проявлений, что требует создание некоего механизма, по борьбе с коррупцией. Необходимым для борьбы с коррупцией является открытость данных по фактам коррупции в полиции.

Верховенство закона в Индии подрывается имеющими фактами политической коррупции. Должностные лица, допускающие коррупционные проявления, иногда проскальзывают через политические, юридические или процедурные лазейки и не подвергаются эффективному преследованию. Коррупционные правонарушения, выявляемые на всех уровнях, продолжают влиять на граждан во многих их взаимодействиях с такими учреждениями, как полиция, государственные службы, а также при государственных закупках. В 2011 году массовое антикоррупционное движение в Индии привлекло совершенно новое внимание населения, впервые открыто бросив вызов широко распространенной культуре коррупции и приведя ко все более негативной огласке политиков, замешанных в коррупционных делах.

Постоянный парламентский комитет по внутренним делам Индии (SCOHA) является постоянным комитетом, связанным с департаментом (DRSC), из избранных членов парламента, образованный Парламентом Индии, с целью законодательного надзора за внутренней политикой, внутренней безопасностью и принятием

решений в Министерстве внутренних дел. Это один из 24 DRSC, на которые возложена обременительная задача надзора за деятельностью конкретного министерства.

Нормативные положения о судебных полномочиях парламента республики Индия, являясь конституционными, основаны на ст. 247 Конституции Республики Индия, согласно которой «Парламент может по закону предусмотреть создание любых дополнительных судов для лучшего исполнения законов, принятых Парламентом, или любых существующих законов по вопросам, перечисленным в Союзном списке», другими словами создание специализированных коррупционных судов относится к полномочиям парламента Республики Индии.

Анализ судебных полномочий парламента Республики Индии показывает, что парламент создаёт специализированный суд по коррупционным делам, включённых в общую систему судов по вертикали (раздел 43 Закона Республики Индия о предотвращении отмывания денег 2002 г. (PMLA)).

При Правительстве Индии действует Центральная комиссия бдительности (CVC). Ранее Центральное правительство, обращаясь к необходимости борьбы с коррупцией, по рекомендации Комитета по надзору, создало Центральную комиссию по надзору, действующую на основании Закона о Комиссии 2003 года. В его полномочия входит предоставление консультации и рекомендаций центральному правительству. Оно уполномочено самостоятельно проводить расследования при рассмотрении жалоб, раскрывающих любые неправомерные действия или злоупотребления властными полномочиями со стороны любого отдела полиции, или любой жалобы на коррупцию, или любые другие правонарушения, совершенные в соответствии с Законом о предотвращении коррупции 1988 года. Субъектами правонарушений, согласно этому Закону, являются не только государственные служащие, но и компании, а также корпорации, находящиеся под управлением коррумпированных лиц.

Разделом 3 (2) Закона установлено, что «лицо не может быть квалифицировано для назначения судьей специального назначения в соответствии с настоящим Законом, если оно не является или было сессионным судьей, судьей дополнительных сессий или помощником сессионного судьи в соответствии с Уголовно-процессуальным кодексом».

Центральная комиссия бдительности (CVC) получает письменные жалобы на раскрывающую информацию по любым обвинениям в коррупции или злоупотребление служебным положением и рекомендует принятие ряда мер для устранения коррупции. Данная

комиссия (CVC) является автономным и независимым надзорным органом, она свободна от какого-либо административного контроля.

Обязанности Центральной комиссии бдительности (CVC) заключаются в следующем:

- 1) расследовать или инициировать расследование любой сделки, по которой правительство Индии имеет административный контроль;
- 2) проводить ведомственное расследование в отношении государственного служащего, который готовит уголовное преступление, проступок. С этой целью Центральная комиссия бдительности (CVC) осуществляет полномочия гражданских судов;
- 3) расследовать любую операцию общественной организации в соответствии с контрольными полномочиями правительства;
- 4) организовать курсы обучения для CVO и других сотрудников бдительности центральных органов власти;
- 5) Центральной комиссии по надзору также предоставлены дополнительные полномочия по надзору за специальным полицейским управлением Дели, связанным с расследованием преступлений, совершенных в соответствии с Законом о предотвращении коррупции 1988 г.

Центральная комиссия по надзору осуществляет консультативную юрисдикцию по вопросам, связанным с чиновниками центрального правительства и другими государственными служащими. Однако в этот список не включены сотрудники IAS (секретарь кабинета – самая высокая должность в федеральном правительстве UPSC), IPS (сотрудник IPS в ранге генерального директора полиции (DGP)) или IFS (дипломаты), если они виновны в каком-либо преступном проступке в связи с государственными делами. При этом сам Закон о предотвращении коррупции 1988 года уполномочивает CVC проводить расследование жалоб на любое лицо, обвиняемое в совершении какого-либо преступления, предусмотренного данным актом.

Правительством Индии учреждено Центральное бюро расследований в качестве следственного органа (CBI), которое сотрудничает с Центральной комиссией бдительности (CVC).

Государственные органы обращают внимание на Центральное бюро расследований в качестве экспертного агентства для руководства в вопросах, связанных с расследованием и судебным преследованием коррупционных дел. Сотрудничество между двумя этими органами «является весьма удовлетворительным».

Несмотря на то, что Центральное бюро расследований в качестве следственного органа (CBI) считается главным агентством по антикоррупционным расследованиям, оно подотчетно. Бюро является автономным органом и находится прямо или косвенно

под контролем исполнительного органа. Политика имеет значительное влияние на Центральное бюро расследований в качестве следственного органа (СВР) и его должностные лица подлежат назначению в установленном порядке. Поскольку Центральное бюро расследований в качестве следственного органа (СВР) находится под контролем центрального правительства, оно косвенно контролируется премьер-министром Индии[8].

Общественность Индии высказываются мнения о необходимости внесения изменений в Закон о предупреждении коррупции 1988 года, внесший значительный вклад в борьбу Индии с коррупцией и к привлечению коррумпированных лиц к ответственности, в том числе:

- сделать Центральное бюро расследований в качестве следственного органа (СВР), «свободного от любого политического влияния для более независимого и прозрачного функционирования»;

- предусмотреть независимость данного органа от парламента с возложением контроля на главного судью Индии;

- улучшить координацию между следственными органами, сокращая при этом задержки в судебных процессах, а также решить проблемы политического вмешательства в дела о коррупции;

- признать важность превентивных мер и этичного поведения в дополнение к «карательным действиям»;

- продвигать культуру честности и прозрачности в дополнение к правовым мерам и «способствовать созданию общества, свободного от коррупции».

К положительным моментам в законодательстве Индии, которое изучается в России, следует отметить наличие «Закона о черных деньгах» («ВМА»).

Данный закон действует в Индии с 2016 г. и направлен на противодействие утечки финансовых ресурсов из страны при помощи мер налогового администрирования и уголовной ответственности за «нераскрытие доходов и активов, находящихся за рубежом». Он предусматривает взимание налогов и другие неблагоприятные последствия, связанные с так называемыми «нераскрытыми иностранными доходами и активами».

Единого определения «черных денег» нет. Из положений следует, что «это деньги, которые были приобретены незаконным путем, или деньги, которые не учтены, то есть за которые правительству не уплачивается налог».

«ВМА дополнительно» определяет этот термин в разделе 2 (12), чтобы включить два компонента: а) нераскрытый доход из источника, расположенного за пределами Индии, и б) стоимость нераскрытого актива, расположенного за пределами Индии.

Первый компонент подразумевает, что, если у человека есть какой-либо доход из источника, расположенного за пределами Индии, и он не раскрывает его в своей декларации о доходах, будет применяться ВМА.

Второй компонент, который охватывает нераскрытые активы, находящиеся за пределами Индии, был дополнительно определен в разделе 2 (11) и означает актив, расположенный за пределами Индии, для которого у владельца нет «удовлетворительного объяснения». Это означает, что активы, в отношении которых у владельца есть «удовлетворительное объяснение средств, использованных для их приобретения», будут вне компетенции «ВМА».

«ВМА» применяется к нераскрытым доходам из источников, расположенных за пределами Индии, или к необъяснимым активам, расположенным за пределами Индии¹.

Центральная комиссия бдительности к способам формирования «черных денег» относит незаконную деятельность, в форме преступности, коррупции, отмывания денег, контрабанды и пр.

«ВМА» налагает штрафные налоги на нераскрытые иностранные доходы и активы (30%). «ВМА» предусматривает полную процедуру взимания этого налога на черные деньги путем оценки. Раздел 41 «ВМА» предусматривает взимание штрафа, эквивалентного трехкратному размеру налога на черные деньги. Таким образом в случае, если будет установлено, что в результате этого закона пострадала определенная сумма, в общей сложности будет выплачено 120 % от такой суммы (в виде 30% налога плюс штраф, эквивалентный 3-кратной сумме налога).

Раздел 50 «ВМА» предусматривает уголовное преследование за неразглашение иностранных активов в налоговой декларации о доходах (в то же время раздел 49 «ВМА» предусматривает судебное преследование в случае, если сама декларация не будет подана). Это судебное преследование может быть возбуждено независимо от процедуры взимания налога на черные деньги. Кроме того, раздел 51 «ВМА» предусматривает уголовное преследование за уклонение от уплаты налога на черные деньги – это судебное преследование будет возбуждено после завершения разбирательства по взиманию налога на черные деньги в соответствии с разделом 10 «ВМА» [7].

Указанное свидетельствует, что правовые основы парламентского контроля за полицией (в части противодействия коррупции) в России и в Индии базируются на конституционных нормах. Они

¹ Следует отметить, что в течение рассматриваемых лет ВМА применяется только к лицам, которые являются налоговыми резидентами Индии.

включают нормы международного и национального права, а решение возникающих вопросов, направленных на доработку правовой базы, на недопущение коррумпированности высших должностных лиц, на самостоятельность органов, расследующих факты коррупции, на исключение скрытого политического влияния, будут способствовать повышению эффективности противодействия коррупционным проявлениям в полиции в России и в Индии.

Список литературы:

1. Дэнни Сингх. Причины коррупции в полиции и работа по предотвращению в государствах, пострадавших от конфликта. URL: <https://www.mdpi.com/2075-471X/11/5/69> (дата обращения: 18.05.2024).
2. Коваль В. Д. Понятие коррупции в российском законодательстве и его влияние на функционирование таможенной системы / В. Д. Коваль // Административное право и процесс. 2018. № 8. С. 62–65.
3. Овсепян Ж. И., Овсепян А. Г. Президентский и парламентский контроль как формы конституционного контроля в Российской Федерации / Ж. И. Овсепян, А. Г. Овсепян // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. 2016. № 4. С. 89.
4. Севрюгин К. В. Противодействие коррупции в системе государственной гражданской службы Российской Федерации: административно-правовое исследование: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. 202 с.
5. Созонова В. С. Коррупция в органах государственной власти // Молодой ученый. 2019. № 40 (278). С. 75–77.
6. Щукин С. Ю. Проблема коррупции в правоохранительных органах (сравнительный анализ) // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2016. № 6. С. 23–25.
7. An illustrative inquiry under the Black Money Act (11.10.2022). URL: https://www.metalegal.in/post/an-illustrative-inquiry-under-the-black-money-act?utm_source=mondaq&utm_medium=syndication&utm_content=articleoriginal&utm_campaign=article (дата обращения: 08.06.2024).
8. Shiksha Dahiya, Karan Kataria. Agencies involved in investigating and controlling corruption // The Haryana Police Jourhal. 2020. Vol. 3. С. 24–30.

Баранов Александр Александрович,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры криминологии,
Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя
E-mail: baranoff75@mail.ru

Соломатина Елена Александровна,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры криминологии,
Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя
E-mail: kadarka777@mail.ru

УДК 343.9

К вопросу о причинах существования и распространения молодежного экстремизма в современной России

Аннотация. В статье рассмотрены и проанализированы основные причины существования и распространения молодежного экстремизма в современной России, раскрыты криминологические проблемы его влияния на общество.

Ключевые слова: молодежный экстремизм; экстремизм в России; детерминанты молодежного экстремизма.

В настоящее время молодежный экстремизм следует отнести в ряд наиболее серьезных угроз, представляющих опасность, в том числе для национальной безопасности и социальной стабильности.

В Российской Федерации данное явление вызывает особую тревогу и беспокойство. Это связано в первую очередь с масштабностью проблемы распространения экстремизма в молодежной среде и фиксируемым ростом преступлений данного вида.

Только за последние три года с 2021 г. по 2023 г. количество преступлений экстремистской направленности возросло на треть с 1057 преступлений в 2021 году до 1340 преступлений в 2023 году. И это с учетом того, что за последний год их количество в относительных величинах снизилось на 14,4 %. Значительная часть данных преступлений (порядка 80 процентов) совершается лицами, относящимися к категории молодежи.[1]

Наблюдаемый рост числа случаев радикализации среди молодежи и их приверженность экстремистским идеологиям требует

комплексного и всеобъемлющего анализа в целях изучения причин данного явления для дальнейшего успешного противодействия.

Молодежный экстремизм в России обусловлен множеством детерминант, включая социально-экономические, политические, идеологические, культурные и другие. Существующая безработица в рассматриваемой среде, неравенство в доходах из-за отсутствия достаточного опыта работы, в отсутствии перспектив на будущее в совокупности ставят молодежь в наиболее уязвимое положение, стимулируя поиск альтернативных идентичностей и социальных принадлежностей. Как итог экономическая несостоятельность и нестабильность в доходах, недовольство своим положением в обществе, проникающая пропаганда радикальных идей через социальные сети и средства массовой информации играют сегодня значительную роль в формировании экстремистских убеждений в среде молодежи.[2]

Однако проблема молодежного экстремизма не ограничивается только внешними обстоятельствами. Важную роль играют и внутренние проблемы, существующие в воспитании в семье, образовательной среде. Не последнюю роль оказывает влияние культурных и религиозных общностей. В связи с чем, идеологическая манипуляция и радикализация среди молодежи сегодня не должны быть недооценены. Причинный комплекс данного явления достаточно многогранен и многоаспектен и на наш взгляд, следует сосредоточить внимание на наиболее распространенных причинах существования и распространения молодежного экстремизма в России.

Среди причин существования молодежного экстремизма в России, в первую очередь следует выделить социально-экономические детерминанты, к наиболее значимым из которых можно отнести следующие:

– *Безработица в молодежной среде.* Достаточно высокий уровень безработицы относится к одной из основных причин молодежного экстремизма в России. Завышенные потребности и желания при отсутствии возможности найти хорошо оплачиваемую работу довольно часто приводят молодых лиц к разочарованию и отчаянию, что в последствие делает их более уязвимыми для радикальных идей и пропаганды;

– *Социальное неравенство.* Неравенство и социальная дискриминация в силу возраста также оказывают влияние на формирование экстремистских идей в молодежной среде. Ощущение несправедливости и ущемления прав и возможностей является благоприятной средой для роста антигосударственного настроения среди молодежи, а также создает плацдарм для разделения радикальных идей;

– *Отсутствие перспектив в будущем.* Значительная часть молодых людей сталкиваются в начале жизненного (трудового)

пути с отсутствием перспектив на будущее из-за экономических проблем, ограниченных возможностей при получении высшего образования, развития карьерного роста. Это создает определенное чувство беспомощности и отчаяния среди молодежи, что приводит их к поиску выхода, которые они находят, в том числе и в экстремистских организациях и движениях, которые обещают им изменить текущую ситуацию;

– *Экономическая нестабильность.* Являясь экономически достаточно зависимой категорией населения молодежь в периоды нестабильности, часто становится особенно уязвимой к процессам радикализации. Сокращение доходов и увеличение цен на значительную часть товаров и услуг при неблагоприятном развитии событий вызывают чувство беспокойства и недовольства среди молодежи, что приводит их определенную часть к разделению и принятию экстремистских взглядов и идей, как способа изменения настоящего.

– *Социальная изоляция.* Часть молодежи ощущает себя в обществе социально изолированными, из-за наличия разнообразных причин, например, таких как отклонение от общепринятых стандартов, существующих в обществе, наличии неразрешенных национальных или этнических конфликтов, или даже гендерной идентификации. Эти обстоятельства способствуют созданию групп более подверженным радикализации, где экстремистские взгляды и убеждения находят плодородную почву.

– *Миграционные процессы и межэтнические конфликты.* В условиях наличия значительных миграционных потоков и непрекращающихся межэтнических конфликтов, молодежь, втягивается в происходящие процессы, что негативно сказывается на их взглядах и убеждениях, выражающихся отчасти усилением антигосударственных настроений, недоверием к государству в целом. Таким образом, отсутствие четкой стратегии, интеграции и социальной поддержки для молодежи из семей мигрантов приводит к увеличению числа случаев экстремизма среди данной группы лиц.

– *Потребительское общество и культурная асимметрия.* Рост потребительской культуры и культурной асимметрии между различными социальными группами создает недовольство среди молодежи. В поиске своего места в обществе, молодые люди приходят отчасти к разделению радикальных идей, как к способу установления своего собственного статуса и идентичности.

Вторую группу причин, на наш взгляд, составляют причины, связанные с устройством политической системы в обществе. Среди них, выделим:

– *Недовольство политической системой.* Одной из причин молодежного экстремизма, относящихся к разряду политических, является недовольство существующей политической системой. Определенная часть современной молодежи сомневается в том, что ее интересы и голоса учитываются в принятии решений, что также приводит к росту антигосударственных настроений в их среде. Неудовлетворенность решениями действующей власти со стороны молодежи стимулирует последних к поиску альтернативных политических идеологий, включая экстремистские;

– *Идеологическое влияние различных группировок.* Политические идеологии разного толка, пропагандируемые различными группировками и организациями, также оказывают значительное влияние на молодежь. Так, например, рост политической напряженности и агрессивной риторики между политическими силами может привести к радикализации части молодежи, которая видит в экстремизме способ выражения своих политических убеждений. При этом политические экстремистские группировки активно используют различные методы пропаганды и рекрутинга, чтобы привлечь молодежь в свои ряды, предлагая им идеологически привлекательные концепции и обещания перемен.

– *Пропаганда экстремистских идей через социальные сети и средства массовой информации.* Социальные сети и средства массовой информации играют ключевую роль в распространении экстремистских идей среди молодежи. Через интернет молодые люди относительно легко получают доступ к материалам, призывающим к экстремизму, путем пропаганды своих идеологий и убеждений, что делает молодежь более подверженной влиянию экстремистских идей;

– *Коррупция и неправосудие.* Высокий уровень коррупции и неправосудия в обществе вызывает у молодежи чувство беспомощности и негативного отношения к действующей власти. В условиях ощущения несправедливости и безнаказанности, молодежь может обращаться к радикальным идеям как одному из способов борьбы за справедливость и изменений в политической системе.

– *Зарубежное влияние и вмешательство.* Влияние иностранных государств и организаций (включая финансирование, обучение и идеологическую поддержку) на политические процессы, происходящие внутри страны, негативным образом сказывается на подрастающем поколении, способствуя усилению молодежного экстремизма путем привлечения молодежи к участию в протестных акциях, преследующих экстремистские цели.

Третью группу причин, на которую следует обратить внимание при анализе причин существования молодежного экстремизма

ма в современной России, составляют причины идеологического характера. Среди них, отметим:

– *Влияние радикальных идей и религиозных убеждений.* Одну из ключевых ролей в формировании молодежного экстремизма играют религиозные идеи и радикальные верования. Существующая радикальная среда в виде разнообразных общин, интерпретирует и искажает священные тексты и писания, оказывая тем самым деструктивное влияние на молодежь, вводя их в радикальные толки. Более того, существующие до сих пор крайние радикальные идеологии, такие как, например, фашизм, национализм и тому подобные, подталкивают молодежь, к действиям, связанным с изменением существующего политического и социального строя.

– *Идеологическая манипуляция и пропаганда.* Для привлечения в свои ряды молодежи экстремистскими группировками используется идеологическая манипуляция и пропаганда. Путем эмоционального и психологического воздействия, искажая факты и информацию, экстремистские организации во главе с их лидерами, используя при этом как традиционные средства массовой информации, так и более привычные для молодежи социальные сети и интернет втягивают последних в экстремистскую деятельность.

– *Культурные факторы и идентичность.* Влияние на молодежный экстремизм, вне всякого сомнения, оказывают как культурные факторы, так и формирование личной идентичности. Существующие сегодня культурные конфликты и противоречия, усилившиеся миграционные потоки, как внешние, так и внутренние, происходящие процессы глобализации являются одним из стимулов в поиске альтернативных идентичностей, многие из которых основаны на разделении радикальных идей или убеждений.

– *Идеологическая романтизация насилия и экстремизма.* Насилие и экстремизм в некоторых идеологических течениях является средством к достижению священных целей, защитой групповых интересов, что создает, по нашему мнению, атмосферу, в которой молодежь заражается экстремистскими идеями, пропагандирующими и допускающими использование насильственных методов в решении своих проблем при достижении своих целей.

– *Экстремистская риторика и мифология.* Экстремисты для того, чтобы создать свою уникальную идеологическую среду для продвижения своих идей довольно часто прибегают к использованию риторики и мифологии. Путем создания своих символов, героев формируют свои собственные версии исторических событий. Извращенная история (мифология), крайне опасна ввиду того, что, во-первых, является достаточно привлекательной для молодежи,

ищущей новых приключений и героических поступков, во-вторых, именно таким образом вовлекается молодежь в ряды экстремистских организаций, которые вдохновляют их на соответствующие действия.

– *Идеологическая индоктринация¹ и обучение.* Для привлечения новых членов, а также в целях удержания в своих рядах молодежи экстремисты используют различные методы обучения и индоктринации. Разрабатывая и создавая специальные образовательные программы, преследующие цели, направленные на формирование приверженности и преданности экстремистским идеям, проводя различные тренинги и обучения в своих лагерях, ее идеологи подвергают молодежь своей пропаганде и искусно манипулируют ими.

– *Эмоциональное воздействие и привлечение через идеологический фанатизм.* Для привлечения в свои ряды молодежи экстремистские организации искусственно создают образ врага, подстрекая тем самым к ненависти и агрессии в отношении этого врага. Использование эмоционального аспекта идеологии, затрагивает у молодежи обостренное чувство необходимости к действию в борьбе за «правду» и «справедливость». Особенно сильно воздействие через эмоции проявляется среди молодежи, которая находится в социальном либо экономическом неравенстве, или чувствует себя чужой, исключенной из общества.

Отдельно хотелось бы выделить причины, связанные с повсеместным использованием молодежью Интернет-пространства, социальных сетей. К ним можно отнести:

– *Распространение экстремистской пропаганды.* Интернет и социальные сети предоставляют собой удобную платформу для коммуникации молодежи. Зная данный факт, экстремистские группировки активно используют онлайн-ресурсы. Для публикации материалов, призывающих к насилию, распространению ненависти и терроризму, используются различные веб-сайты, блоги, видеохостинги и социальные медиа, которые способны охватить значительную часть целевой аудитории, оказывая на нее влияние, пропагандируя свою идеологию, призывая к принятию и разделению экстремистских идей и убеждений;

¹ Индоктринация упрощенно — это закладывание определенной идеи в голову человека. Индивиду внушают идеологию до тех пор, пока он не будет думать, что сам пришел к этой мысли. С латинского слово переводится как «учение». Термин придумали этологи, когда изучали проблемы человеческого поведения. Философская теория индоктринации заключается в том, чтобы внедрить в массы какую-либо важную идею, вокруг которой образуется группа единомышленников. Они верят в эту идеологию, поддерживают и распространяют ее дальше. Подробнее на: <https://teachline.ru> - Примечание авторов.

– *Манипуляция информацией и фейковые новости.* Огромное количество информации, включая фейковые новости, искаженные факты и недостоверная информация присутствует в сети интернета и социальных сетях. Используя их в корыстных целях экстремистские организации убеждают молодежь в правомерности своих действий. Путем проведения обучающих мероприятий и создания сетей единомышленников в онлайн-пространстве радикальные организации привлекают к себе новых членов, расширяя тем самым свое влияние и увеличивая свое число сторонников среди молодежи;

– *Алгоритмическая фильтрация и узконаправленная информационная подача.* Формированию информационного пузыря вокруг молодежи, ограничению ее экспозиции к разнообразным идеям и мнениям способствуют алгоритмы действия социальных сетей. Учитывая склонность молодежи к предпочтению контента, который соответствует их собственным убеждениям и предпочтениям, данное обстоятельство способно усиливать их убежденность в приверженности к разделению экстремистских идей и взглядов;

– *Организация экстремистских действий и их координация.* Для планирования и координации экстремистских действий среди молодежи используются различные механизмы, включая интернет и социальные сети. Обмен информацией, планирование протестных акций и организация мероприятий радикального толка происходят путем использования онлайн-платформ, увеличивая тем самым их эффективность и масштабность;

– *Виртуальные игры и альтернативная реальность.* Для молодежи свойственно в свободное время играть в виртуальные игры и погружаться в альтернативные реальности, которые иногда могут включать элементы экстремистской идеологии либо сценарии. Необходимо осознавать, что усиление радикальных убеждений молодых лиц и разделение данных ценностей, поддерживающих насилие и экстремизм происходит как раз в процессе участия в таких играх;

– *Радикальный онлайн-активизм.* Для выражения своих радикальных убеждений молодежи часто помогает интернет, путем участия в онлайн-активизме, таком как хактивизм¹, киберпротесты различного толка и т.п. Через онлайн-платформы, путем использо-

¹ Хактивизм (англ. hacktivism; словослияние от хакер и активизм) — использование незаконными способами компьютеров и компьютерных сетей для продвижения политических идей, свободы слова, защиты прав человека и обеспечения свободы информации. Философия хактивизма основывается на идее о высокой эффективности надлежającego использования технологий в протестном движении, в частности, акциях гражданского неповиновения. Подробнее на: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Хактивизм> - Примечание авторов.

вания этого вида активизма молодежь оказывает влияние на происходящие в обществе процессы и таким образом выражает свое несогласие с существующим порядком вещей. Искаженные представления молодежи о ценностях и нормах общества, манипуляции и дезинформация через СМИ и онлайн-платформы усложняют процесс формирования стойких идентичностей.

Таким образом, обобщая все вышеперечисленное отметим, что социально-экономические, политические, идеологические, социально-культурные детерминанты имеют значительное влияние на происходящие процессы формирования экстремистских взглядов и убеждений среди молодежи в современной России, представляют собой мощные инструменты для привлечения и мобилизации молодежи экстремистскими организациями, а влияние Интернет-пространства на формирование молодежного экстремизма, на наш взгляд, позволяет более эффективно использовать стратегии и меры, направленные на предотвращение и противодействие распространения молодежного экстремизма. Несомненно, развитие комплексных стратегий по контролю и противодействию экстремизма в онлайн-среде требует учета вышеназванных причин и внедрения соответствующих мер, препятствующих продолжающемуся процессу радикализации молодежи через использование интернета.

Представляя собой сложную и многогранную проблему, эффективное противодействие молодежному экстремизму, получившему столь широкое распространение в молодежной среде невозможно без комплексного подхода, включающего в себя совместные усилия государства, общественных организаций, образовательных учреждений и международного сообщества в целом. Понимание и анализ данных причин, на наш взгляд, позволит разработать более эффективные мероприятия по предотвращению экстремизма в молодежной среде.

Список литературы:

1. Информационный ресурс Интернет: Сайт <https://xn--b1aew.xn--p1ai/dejatelnost/statistics>.
2. Баранов А. А., Соломатина Е. А. Страунинг Ю. А. и др. Предупреждение преступлений и административных правонарушений органами внутренних дел: учебное пособие. – М.: Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, 2022.

Бунова Ирина Ивановна,
кандидат юридических наук,
докторант,
Академия управления МВД России
E-mail: bynva@rambler.ru

УДК 343.42

**О некоторых проблемных аспектах реализации уголовной
ответственности за нарушение права на свободу
совести и вероисповеданий**

Аннотация. В предложенной вниманию читателя статье отражены проблемные аспекты реализации уголовной ответственности за нарушение права на свободу совести и вероисповеданий. Проанализирована судебная практика по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных ст. 148 УК РФ. Отмечено различие в толкованиях составообразующих признаков нормы статьи, отсутствие отграничения деяний, предусмотренных ст. 148 УК РФ, от преступлений, смежных с ним по элементам и признакам составов.

Ключевые слова: информационно-телекоммуникационные сети; личные права человека; нарушение права на свободу совести и вероисповеданий; публичность; реализация уголовной ответственности; религиозные чувства верующих; экстремистские преступления.

Исследование научно-теоретических источников и судебной практики о преступлениях, предусмотренных ст. 148 УК РФ, позволили выделить ряд проблемных аспектов реализации уголовной ответственности за нарушение права на свободу совести и вероисповеданий.

Несмотря на международно-правовые гарантии свободы вероисповедания (ст. ст. 18, 19 Всеобщей декларации прав человека от 10 декабря 1948 г.)¹, мир не только не избавился от религиозных конфликтов, подпадающих под действие уголовного закона, напротив, их количество только увеличивается.

В этой связи высказываются соображения «о реализации ответственности за все виды посягательств, совершаемых на религиозной

¹ Всеобщая декларация прав человека от 10 декабря 1948 г. // Рос. газ. 1995. 5 апреля.

почве, – от незначительных правонарушений до особо тяжких преступлений экстремистской направленности» [4, 77].

Необходимо отметить, что схожесть преступлений экстремистской направленности и предусмотренных ч. 1 и ч. 2 ст. 148 УК РФ заключается не только в оскорблении религиозных чувств верующих, но, самое главное, в публичном характере их совершения.

Если ранее акцентировалось внимание на совершении преступных действий в общественном месте, прилюдно, то в последнее время на первый план выходит аспект обязательного «использования средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей (далее – ИТС), включая сеть «Интернет»¹.

По уголовным делам о преступлениях, предусмотренных частями 1 и 2 ст. 148 УК РФ (чаще всего совершаются), огромное значение имеет правильное установление признака публичности, что необходимо при квалификации действий лица, совершившего преступление. В случае отсутствия данного признака, действия лица не могут квалифицироваться по данной статье. Разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации относительно преступлений экстремистского характера аналогичным образом подчеркивают моменты, связанные с оценкой экспертного заключения².

Наличие признака публичности в диспозиции ч. 1 ст. 148 УК РФ в большей мере вызвано тем, что в основном такие действия совершаются с использованием ИТС «Интернет», а именно посредством публикации соответствующей информации в социальных сетях.

По мнению ряда ученых, «аналогичным образом складывается ситуация относительно и экстремистских преступлений, в конструкции объективной стороны которых наличествует подобный признак» [1, 69; 5, 5].

Важным представляется установление следующих обстоятельств:

– распространение информации на открытом ресурсе, который в реальности доступен для пользования неограниченному кругу лиц;

¹ Пункт 7 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2011 г. № 11 (ред. от 28.10.2021) «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» // Сайт Верховного Суда Российской Федерации. URL: <https://www.vsrfr.ru> (дата обращения: 18.05.2024).

² О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2011 г. № 11 (ред. от 28.10.2021) // Сайт Верховного Суда Российской Федерации. URL: <https://www.vsrfr.ru> (дата обращения: 18.05.2024).

– лицо, которое разместило соответствующие сведения, должно осознавать возможность пользования ресурсом широким кругом лиц.

Одной из негативных тенденций сегодняшнего дня, о которой следует сказать, является провокационная демонстрация отдельными личностями, имеющими свой блог или контент в сети «Интернет», не просто отрицательного, в большей степени оскорбительного, отношения к религии. Осуществление манипулятивной деятельности с целью формирования у внешней целевой аудитории канала одобрительного отношения к преступным действиями, поиск единомышленников.

Сегодня новостные источники все чаще освещают наиболее громкие дела, связанные с нарушением права на свободу совести и вероисповедания. Среди резонансных случаев можно отметить дело Полины Моругиной, которая в 2021 г. разместила в социальной сети открытого доступа собственную фотографию в обнаженном виде на фоне церкви Покрова Пресвятой Богородицы¹; в январе 2024 г. в сеть «Интернет» жительница Кубани выложила видео, на котором она на икону с изображением «Николая Чудотворца», раскрошила мел, придав сходство с наркотическим средством, и стала создавать видимость употребления данного средства. Съемку на камеру телефона осуществляла ее несовершеннолетняя подруга²; в июне Елене Суликовой (она же Алена Полюнь) было предъявлено обвинение по пункту «а» ч. 2 ст. 282, ч. 1 ст. 148 УК РФ за распространение экстремистской литературы, в которой содержались призывы к совершению насилия в отношении священнослужителей Русской православной церкви, а также за публикацию в сети «Интернет» видео с высказываниями, оскорбляющими чувства верующих³ и др.

В случае совершения лицом преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 148 УК РФ, необходимо принимать во внимание и другие обстоятельства – место, время и обстановку совершения преступления, а также характер действий лица, что прямо предписано соответствующей уголовно-правовой нормой.

¹ Суд назначил принудительное лечение блогерше из-за голого фото у храма // РБК: сайт. URL: <https://www.rbc.ru> (дата обращения: 01.06.2024).

² На Кубани несовершеннолетняя пойдет под суд за оскорбительный ролик с иконой // РАПСИ: сайт. URL: https://rapsinews.ru/judicial_news/20240528/309930474.html (дата обращения: 01.06.2024).

³ Следственный комитет обвиняет ведьму Алену Полюнь в экстремизме и оскорблении религиозных чувств // LIFE: сайт. URL: <https://life-ru.turbopages.org/life.ru/s/p/1663970> (дата обращения: 10.06.2024).

Исследование правоприменительной практики выявило наличие проблемы применения ст. 148 УК РФ в соотношении со смежными составами преступлений аналогичной направленности.

В частности, следует обратить внимание на диспозицию ст. 239 УК РФ, в которой речь идет о создании некоммерческих организаций, посягающих на личность и права граждан.

Так, действия, влекущие ответственность по ст. 148 УК РФ, могут быть совершены единолично и не обязательно в связи с деятельностью религиозного или общественного объединения либо иной некоммерческой организации, тогда как для преступлений, предусмотренных ст. 239 УК РФ, такая связь имеет обязательный характер.

Вместе с тем представляется, что противоправная деятельность организаций, названных в ч. 1 и ч. 2 ст. 239 УК РФ, а также пропаганда такой деятельности, предусмотренной ч. 3 ст. 239 УК РФ, способны унижить религиозные чувства верующих. Если же деятельность религиозной некоммерческой организации связана с принуждением граждан к участию в последних, то происходит нарушение права на свободу совести и вероисповедания.

По мнению ученых-криминалистов, объект преступлений, предусмотренных этими уголовно-правовыми нормами, является широким, что отражает сущность запрещаемых ими деяний [3, 43; 6, 17].

Изучение судебной практики по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных ст. ст. 148 и 239 УК РФ, позволяет говорить об отсутствии фактов совершения их по совокупности, не взирая на сопряженность неправомерной деятельности, направленной на оскорбление религиозных чувств верующих.

Тождество и разграничение указанных составов преступлений, необходимо производить по криминообразующим признакам.

В этой связи уместным считаем обозначить оценочность понятия «оскорбление религиозных чувств верующих», что несомненно осложняет правоприменение ч. 1 и ч. 2 ст. 148 УК РФ.

По данному вопросу правоприменителями высказываются различные суждения. Одни определяют религиозные чувства как высший продукт развития эмоциональных процессов... эмоциональное отношение верующих к гипостазированным существам, атрибутированным свойствам и связям, к сакральным вещам»¹, другие

¹ Приговор Верх-Исетского районного суда г. Екатеринбурга Свердловской области от 11 мая 2017 г. по делу 1-131/2017. URL: https://verhisetsky-svd.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&name_op=r_juid&vnkod=66RS0001&srv_num=2&delo_id=1540006&case_type=0&judicial_uid=66RS0001-02-2017-000060-25 (дата обращения: 20.05.2024).

утверждают, «религиозными чувствами являются только те, которые обусловлены отношением верующих к объекту религиозной веры — сверхъестественному во множестве его манифестаций. Эти чувства нельзя оскорбить» [2, 99].

Таким образом, формулирование экспертом выводов не ограничивается заключением о наличии или отсутствии публичности в действиях, оскорбляющих религиозные чувства верующих, способными вызвать у аудитории сильную эмоциональную реакцию в ответ на просмотр антиэстетического видеоряда.

Не менее важными аспектами, позволяющими квалифицировать действия лица по ст. 148 УК РФ, являются определение экспертом в ходе проведения судебной лингвистической экспертизы, наличие (отсутствие) объекта, непосредственно предназначенного для богослужений и проведения религиозных обрядов (церемоний), их конфессиональной принадлежности. И, главное, содержатся ли в действиях лица признаки оскорбления (осквернения), выражения явного неуважения по отношению к религии, культу или другому конфессиональному вероучению (доктрине).

Резюмируя изложенное, можно говорить о следующих проблемах, которые требуют теоретической проработки в целях оптимизации правоприменения ст. 148 УК РФ: обеспечение единообразного толкования составообразующих признаков нормы статьи, часть из которых имеет оценочный характер (публичность, религиозные чувства верующих); введение четких отграничений деяний, предусмотренных ст. 148 УК РФ, от преступлений, смежных с ним по элементам и признакам составов, в частности, имеющих экстремистскую направленность.

В практической плоскости, на законодательном уровне необходимо проработать вопрос о деанонимизации блогеров, имеющих свои интернет-каналы и регулярных подписчиков. Данная превентивная мера позволит не только в короткие сроки установить лиц, занимающихся пропагандой насилия в отношении священнослужителей, оскорбляющих чувства верующих, тем самым нарушая их право на вероисповедание, но и создать условия для блокировки их интернет-контента, предотвращая совершение этими лицами новых преступлений.

Список литературы:

1. Андрюхин Н. Г., Борисов С. В. Предпосылки, содержание и значение новых разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации о квалификации и доказывании преступлений

экстремистской направленности, совершаемых с использованием сети Интернет // Вестник Московского университета МВД России. 2019. № 4. С. 67–72.

2. Астапов С. Н. Религиоведческий аспект экспертизы по делам об оскорблении религиозных убеждений и чувств // Теория и практика судебной экспертизы. 2017. Т. 12. № 1. С. 98–103.

3. Беспалько В. Г. Уголовно-правовая охрана религиозных отношений // Журнал российского права. 2014. № 7. С. 41–50.

4. Борисов С. В. Преступления экстремистской направленности: проблемы законодательства и правоприменения: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2012. С. 484.

5. Борисов С. В. Современные проблемы квалификации преступлений экстремистской направленности / С. В. Борисов, А. В. Жеребченко / М.: Московский университет МВД России им. В. Я. Кикотя, 2018. 71 с.

6. Винокуров В. Н. Предмет уголовно-правового регулирования и границы объекта преступления // Уголовное право. 2019. № 3. С. 15–19.

Винокуров Сергей Иванович,
кандидат юридических наук, доцент,
заслуженный юрист Российской Федерации,
ведущий научный сотрудник НИИ,
Университет прокуратуры Российской Федерации
E-mail: vsi1944@yandex.ru

УДК 343.9

**Состояние и актуальные проблемы
совершенствования уголовной политики
в Российской Федерации в современный период**

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные теоретические вопросы, характеризующие состояние и актуальные проблемы совершенствования уголовной политики в Российской Федерации в современный период. Отмечается ненадлежащее качество обеспечения государством разумного баланса интересов, прав и обязанностей граждан, общества и публичной власти в процессе противодействия преступности.

Приводятся конкретные примеры нарушения указанного баланса интересов. Анализируются спорные решения российской власти, связанные с ускоренной либерализацией и псевдогуманизацией уголовной ответственности, необоснованной декриминализацией некоторых общественно опасных деяний, проведением уголовной политики, направленной на амнистию капиталов. ограничением внеплановых проверок со стороны контрольно-надзорных государственных органов в предпринимательской сфере и др.

Указывается на недостаточное внимание государства к защите прав и законных интересов законопослушных граждан, которые чаще всего становятся потерпевшими от преступлений. Обосновывается мысль о том, что законопослушный гражданин, потерпевший от преступления, должен выступать в качестве центральной фигуры правоохраны. Его потребности и интересы должны составлять смысл, содержание и приоритет уголовной политики любого разумного государства.

Предлагаются некоторые меры, направленные на совершенствование уголовной политики в России, имея в виду обеспечение приоритета прав и законных интересов потерпевших от преступлений, в роли которых чаще всего выступают законопослушные граждане.

Ключевые слова: уголовная политика; уголовно-правовая сфера; баланс интересов; противодействие преступности; законопослушный гражданин; потерпевший; правонарушитель.

1. Текущее развитие уголовной политики в России на современном этапе в значительной мере обусловлено спецификой криминализации новых общественно опасных деяний, возникших в экстремальных условиях проведения специальной военной операции на Украине, а также решением задач военно-политического и экономического противостояния нашей страны с агрессивным коллективным Западом. Это вынужденный, сложный период в истории развития Российской Федерации, продиктованный крайне сложными и напряженными обстоятельствами особого периода жизнедеятельности России.

Вместе с тем, проблемы совершенствования уголовной политики в перспективном, концептуальном плане возникли уже давно и их неотложное решение не может быть снято с научного обсуждения, поскольку вызвано насущными потребностями как современной, так и будущей практики противодействия преступности в целом. В этой связи совершенствование уголовной политики в Российской Федерации по-прежнему остается весьма актуальной задачей и должно стать предметом самого пристального, углубленного научного анализа.

2. Оценка эффективности проводимой в России уголовной политики во многом определяется качеством обеспечения государством разумного баланса интересов, прав и обязанностей граждан, общества и публичной власти в процессе противодействия преступности. При этом организация и осуществление данной политики на надлежащем уровне является одной из ключевых, сложных и трудно решаемых задач правового регулирования конфликтных правоотношений в уголовно-правовой сфере.

3. Важнейшим аспектом соблюдения указанного баланса интересов является демонстрация государством своего отношения к двум основным группам адресатов уголовного закона. Одна из них – это лица, исполняющие предписания уголовного закона (законопослушные граждане), другая – правонарушители (лица, склонные к совершению преступлений).

Причем, формально провозглашаемая ведущими правоведами позиция обеспечения равенства прав, свобод и законных интересов двух указанных групп адресатов уголовного закона фактически в России не соблюдается. При этом приоритет отдается, к сожалению, обеспечению, прежде всего, интересов лиц, склонных к совер-

шению либо совершивших преступления. Что касается обеспечения интересов законопослушных граждан, которые чаще всего оказываются потерпевшими от преступлений, то их реализация, как правило, осуществляется по остаточному принципу.

4. Свидетельством весьма толерантного отношения российского государства к лицам, склонным к совершению преступлений или их уже совершившим, может быть реализуемая в стране практика ускоренной либерализации и псевдогуманизации уголовной ответственности. Имеется в виду осуществляемая в стране декриминализация таких общественно опасных деяний в сфере экономики как обман потребителей, ложная реклама, контрабанда и др. Показательно также и то, что в ходе осуществляемой уголовной политики за последние десятилетия в России было проведено порядка двадцати широкомасштабных амнистий [1, 34].

Обращают на себя также внимание и нормы уголовного закона, предусматривающие освобождение от уголовной ответственности по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности¹, а также назначение судебного штрафа², применение которых на практике позволяет «законно» избежать адекватной, вполне заслуженной и справедливой кары за свои злоупотребления десяткам и даже сотням тысяч недобросовестных предпринимателей. При этом предоставленная законодателем возможность для данных лиц избежать уголовного наказания трактуется этой же властью как свидетельство незначительной вредоносности совершенных предпринимателями правонарушений, а, следовательно, якобы, необоснованности их уголовного преследования органами уголовной юстиции.

В свою очередь данная интерпретация явилась основанием для оправдания законодательных мер, направленных на максимальное ограничение контрольно-надзорных функций соответствующих государственных структур³. При этом не уделяется должного внимания опасному развитию в бизнес-структурах стойкого нигилизма в отношении соблюдения российских законов, духа наживы, жажды быстрого обогащения, пренебрежения к потребностям, интересам и безопасности потребителей (потенциальных потерпевших).

¹ Ст. 76.1 УК РФ (введена Федеральным законом от 07.12.2011 N 420-ФЗ).

² Ст. 76.2 УК РФ (введена Федеральным законом от 03.07.2016 N 323-ФЗ).

³ См.: Федеральный закон «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» от 26.12.2008, № 294.

Наглядным индикатором направленности уголовной политики в России является планомерно и поступательно проводимая легализация криминальных капиталов, т.е. ранее похищенной общенародной собственности и, в частности, выведенной за рубеж. Имеется в виду осуществляемая на протяжении длительного периода времени так называемая амнистия капиталов¹. И это происходит на фоне действующей в России уголовной ответственности за легализацию (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных в результате совершения преступления (ст. 174, 174.1 УК РФ).

Подобные законодательные решения представляют особую опасность для нравственно-психологического климата российского общества в целом, а также практики формирования рыночной экономики и, в частности, становления и развития здоровой предпринимательской среды. Кроме того, это объективно способствует укоренению коррупционного мышления среди должностных лиц правоохранительных и контрольно-надзорных органов.

5. Принципиально важно также отметить, что при совершении любого преступления в конечном счете реальным потерпевшим всегда выступает законопослушный индивид. В итоге именно он, как правило, страдает не только от преступлений против личности, но и от посягательств на иные уголовно-правовые объекты (общество, государство и др.).

Поэтому в любом случае законопослушный гражданин, потерпевший от преступления, должен выступать в качестве центральной фигуры правоохраны. Его потребности и интересы должны составлять смысл, содержание и приоритет уголовной политики любого разумного государства, поскольку правопослушание рядовых граждан цивилизованному государству есть для него бесценное благо, которым следует всемерно дорожить и которое необходимо всячески поощрять.

6. В пользу приоритетного обеспечения прав и законных интересов потерпевшего может свидетельствовать и то, что законодатель устанавливает определенные уголовно-правовые запреты, существенно ограничивающие права законопослушного гражданина на личную безопасность, охрану своей собственности и др. Отсюда, государство обязано обеспечить безопасность данного гражданина во всех ее аспектах, в том числе и от незаконных действий должностных лиц, реализующих уголовную политику.

¹ Федеральный закон «О добровольном декларировании физическими лицами активов и счетов (вкладов) в банках и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 08.06.2015, № 140-ФЗ.

Более того, обязанный характер государства по отношению к законопослушному гражданину (потенциальному потерпевшему) должен, как представляется, ограничивать необоснованное принятие властью законодательных решений, заведомо ставящих законопослушных граждан в уязвимое положение, ставящее под угрозу их права и законные интересы.

Отсюда, можно сделать вывод о том, что в уголовно-правовых отношениях приоритет обеспечения прав и законных интересов должен быть отдан законопослушным гражданам, и, прежде всего, потерпевшим, как естественным союзникам, надежной опоре разумного государства.

Данный вывод имеет важный превентивный смысл, поскольку реализация государством уголовной политики, приоритетно направленной на защиту прав потерпевших, может служить дополнительным стимулом склонения неустойчивых, колеблющихся лиц к осознанному выбору правомерных способов поведения, а равно удержания их от совершения уголовных деяний.

7. Негативно влияет на оценку эффективности проводимой уголовной политики в России также искаженное восприятие состояния преступности в стране. В частности, наблюдается значительное противоречие между регулярно снижающимся числом зарегистрированных преступлений в Российской Федерации и количеством обращений граждан, пострадавших от преступлений. Причем, последнее имеет тенденцию к существенному росту.

При этом регулярное снижения числа зарегистрированных преступлений официально трактуется властью как очевидный успех осуществляемой уголовной политики в стране. На самом же деле это может не соответствовать действительности, поскольку данные о зарегистрированной преступности отличаются значительной латентностью в отличие от заявлений граждан, пострадавших от преступлений. Именно обращения граждан по поводу совершенных против них посягательств должны быть положены в основу оценки состояния преступности и именно по ним следует, на наш взгляд, оценивать эффективность реализуемой в России уголовной политики.

8. Отрицательно влияют на качество осуществляемой в стране уголовной политики существенные недостатки в уголовно-правовой теории и законодательстве. В частности, лицо, совершившее преступление, рассматривается в качестве самостоятельного элемента (субъекта) состава преступления. Потерпевший же выступает лишь в качестве факультативного (необязательного) признака другого элемента состава – объекта преступления.

Кроме того, отрицательно сказывается на определении правового статуса потерпевшего господство в доктрине уголовного права двухсторонней модели охранительного уголовного правоотношения: между лицом, совершившим преступление, и государством. В действительности же здесь, по нашему мнению, складывается не двухсторонняя, а трехсторонняя конструкция уголовных правоотношений: потерпевший, государство и лицо, совершившее преступление.

9. Поскольку одним из важнейших элементов организации уголовной политики является правотворческая деятельность в уголовно-правовой сфере, то здесь государство должно четко определить в уголовном законе место, роль, правовой статус потерпевшего, гарантии обеспечения им своих прав, свобод и законных интересов и др. К сожалению, в Российской Федерации в этой части имеются существенные пробелы.

В частности, в УК РФ не дано материальное понятие потерпевшего, не определены его реальные место, роль и правовой статус, гарантии обеспечения прав, свобод и законных интересов и др. Помимо этого, давно разработанный и признанный в теории уголовного права принцип неотвратимости наказания так и не получил здесь прописки. Все эти и иные пробелы уголовного закона свидетельствуют о явной недооценке в нем прав потерпевшего. При этом исповедуемый российской властью гуманизм уголовной репрессии является односторонним, поскольку нередко учитывает интересы только лиц, совершивших преступление, и зачастую игнорирует насущные потребности, запросы, ожидания потерпевших.

10. С учетом изложенного представляется необходимым предложить в качестве безотлагательной, оперативной меры разработки и принятие Конституционного федерального закона «О гарантиях защиты прав потерпевших от преступлений в Российской Федерации», где предусмотреть:

- обязанность государства нести в полном объеме ответственность перед законопослушным (добросовестным) потерпевшим за вред, причиненный общественно опасным, запрещенным и наказуемым уголовным деянием, в том числе и в случаях, когда причинитель вреда не установлен или в соответствии с федеральным законом не является надлежащим субъектом уголовной ответственности;

- предоставление потерпевшему гарантированного, бесплатного права на защиту, поскольку он в ней реально нуждается не только от лица, совершившего преступление, но и от недобросовестного (непрофессионального) правоприменителя;

- создание при непосредственной организационной и финансовой помощи государства объединений потерпевших от преступлений для защиты своих прав и законных интересов;
- создание Государственного фонда защиты прав потерпевших от преступлений. Одним из аспектов деятельности этого фонда могло бы быть оказание финансовой помощи объединениям потерпевших;
- обязательный учет мнения объединений потерпевших в процессе разработки и осуществления уголовной политики, особенно в части декриминализации уголовного законодательства, а равно либерализации уголовной ответственности и наказания.

Список литературы:

1. Волков К. А. К вопросу об амнистии в связи с 70-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов // Российская юстиция. 2015. № 7. С. 34.

Воронцов Андрей Вячеславович,
кандидат юридических наук, доцент,
профессор кафедры организации
оперативно-разыскной деятельности,
Академия управления МВД России
E-mail: AVorontcov33@mvd.ru

УДК 343.9.02

Некоторые особенности транснациональной организованной преступности в России

Аннотация. Статья посвящена изучению и анализу особенностей транснациональной организованной преступности в России, содержит предложения по совершенствованию борьбы с ней.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность; оперативно-розыскные мероприятия; организованные группы и преступные сообщества; органы внутренних дел; транснациональная организованная преступность.

Борьба с организованной преступностью (далее – БОП) выступает одним из ключевых векторов оперативно-служебной деятельности органов внутренних дел (далее – ОВД) Российской Федерации (далее – РФ).

Число тяжких и особо тяжких преступлений, зарегистрированных на территории РФ участниками ОГ и ПС за последние пять лет возросло почти в два раза (2019 г. – 15,6 тыс., 2020 г. – 17,0 тыс., 2021 г. – 21,4 тыс., 2022 г. – 26,0 тыс., 2023 г. – 30,8 тыс.), а их удельный вес в общем числе расследованных преступлений этих категорий увеличился более чем в полтора раза (2019 г. – на 7,4%, 2020 г. – на 7,8%, 2021 г. – на 9,3%, 2022 г. – на 10,5%, 2023 г. – на 11,6%). [8] Также можно отметить динамику роста числа выявленных участников ОГ и ПС (2019 г. – 9 578, 2020 г. – 9 764, 2021 г. – 11 910, 11 месяцев 2022 г. – 13 270) [10].

Действующее законодательство нашей страны не содержит понятия «организованной преступности». Ст. 35 Уголовного кодекса РФ¹ (далее – УК РФ) содержит только понятия «организованной группы» (далее – ОГ), как устойчивой группы лиц, заранее объ-

¹ Уголовный кодекс РФ. URL: <http://www.consultant.ru/>.

единившихся для совершения одного или нескольких преступлений (ч. 3 ст. 35 УК РФ), и «преступного сообщества» (далее – ПС), как структурированной ОГ, т. е. состоящей из структурных подразделений с распределением между ними функций¹, или объединения ОГ, действующих под общим руководством, члены которых объединены в целях совместного совершения одного или нескольких тяжких или особо тяжких преступлений для получения прямо или косвенно финансовой или иной материальной выгоды (ч. 4 ст. 35 УК РФ).

На межведомственном уровне определены следующие виды ОГ и ПС²:

- межрегиональные ОГ и ПС, когда преступление совершается объединением ОГ, действующих на территории нескольких субъектов РФ;
- международные (транснациональные) ОГ и ПС, когда преступление совершено объединением ОГ, часть из числа которых находится на территории иностранного государства;
- этнические ОГ и ПС, как специфические преступные объединения, формирующиеся по национальному признаку, то есть объединяющие в своем составе лиц одной или нескольких родственных национальностей.

Однородность национального состава ОГ или ПС не определяет их отнесение к этническим, он может быть и смешанным. Этническую принадлежность ОГ или ПС определяют те лица, которые занимают в ней лидирующее положение.

Согласно нормам ч. 5 ст. 35 УК РФ лицо, создавшее ОГ или ПС или руководившее ими, подлежит уголовной ответственности за их организацию и руководство ими в случаях, предусмотренных ст. ст. 205.4, 208, 209, 210 и 282.1 УК РФ, а также за все совершенные ОГ и ПС преступления, если они охватывались его умыслом³. В 2019 г. в УК РФ были внесены изменения и появилась ст. 210.1, устанавливающая ответственность за занятие высшего положения в преступной иерархии⁴.

¹ Постановление Пленума Верховного суда РФ от 10.06.2010 г. № 12 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней)». URL: <http://www.consultant.ru/>.

² Приказ Генеральной прокуратуры РФ, МВД, МЧС, Минюста, ФСБ, Минэкономразвития, ФСКН России от 29.12.2005 г. № 39/1070/1021/253/780/353/399 «О едином учете преступлений». URL: <http://www.consultant.ru/>.

³ Уголовный кодекс РФ. URL: <http://www.consultant.ru/>.

⁴ Федеральный закон от 01.04.2019 г. № 46-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части противодействия организованной преступности». URL: <http://www.consultant.ru/>.

Указ Президента РФ от 21 декабря 2016 г. № 699 «Об утверждении положения о Министерстве внутренних дел Российской Федерации (далее – МВД России) и Типового положения о территориальном органе (далее – ТО) Министерства внутренних дел Российской Федерации по субъекту Российской Федерации» к числу полномочий ОВД РФ относит функцию борьбы с преступлениями, совершенными ОГ и ПС, носящими транснациональный или межрегиональный характер¹.

Указом Президента РФ от 6 сентября 2008 г. № 1316 «О некоторых вопросах Министерства внутренних дел Российской Федерации» были упразднены специализированные подразделения ОВД РФ по БОП, а функции БОП общеуголовной направленности были возложены на подразделения уголовного розыска (далее – ПУР), а БОП экономической направленности – на подразделения экономической безопасности и противодействия коррупции ОВД РФ².

В соответствии с п. п. 10.27, 10.32 Положения о Главном управлении уголовного розыска (далее – ГУУР) Министерства внутренних дел Российской Федерации, утверждённого приказом МВД России от 11 июля 2011 г. № 823³, к числу функций ГУУР МВД России отнесена борьба с транснациональными и межрегиональными ОГ и ПС общеуголовной направленности, в т. ч. сформированных по этническому признаку. Согласно п. 11.4 Типового положения о подразделении уголовного розыска (далее – ПУР) территориального органа Министерства внутренних дел Российской Федерации на региональном уровне, утверждённого приказом МВД России от 19 января 2018 г. № 25⁴, одной из функций ПУР является БОП общеуголовной направленности.

П. 10.27 Положения о Главном управлении экономической безопасности и противодействия коррупции Министерства внутренних дел Российской Федерации, утверждённого приказом МВД России

¹ Указ Президента РФ от 21.12.2016 г. № 699 «Об утверждении положения о Министерстве внутренних дел Российской Федерации и Типового положения о территориальном органе Министерства внутренних дел Российской Федерации по субъекту Российской Федерации». URL: <http://www.consultant.ru/>.

² Указ Президента РФ от 06.09.2008 г. № 1316 «О некоторых вопросах Министерства внутренних дел Российской Федерации». URL: <http://www.consultant.ru/>.

³ Приказ МВД России от 11.07.2011 г. № 823 «Об утверждении Положения о Главном управлении уголовного розыска Министерства внутренних дел Российской Федерации». URL: <http://www.consultant.ru/>.

⁴ Приказ МВД России от 19.01.2018 г. № 25 «Об утверждении Типового положения о подразделении уголовного розыска территориального органа Министерства внутренних дел Российской Федерации на региональном уровне». URL: <http://www.consultant.ru/>.

от 16 марта 2015 г. № 340¹, к числу функций указанного главного управления отнесена борьба с транснациональными и межрегиональными ОГ и ПС экономической направленности, в т. ч. сформированных по этническому признаку.

В соответствии с п. 11.10 Положения о Главном управлении на транспорте (далее – ГУТ) Министерства внутренних дел Российской Федерации, утверждённого приказом МВД России от 16 июня 2011 г. № 680², к числу функций ГУТ МВД России отнесена борьба с транснациональными и межрегиональными ОГ и ПС, совершающими тяжкие и особо тяжкие преступления на объектах транспорта.

В соответствии с Положением о Главном управлении по контролю за оборотом наркотиков Министерства внутренних дел Российской Федерации (далее – ГУНК МВД России), утверждённым приказом МВД России от 23 апреля 2016 г. № 209³, указанное главное управление выполняет функцию борьбы с транснациональными и межрегиональными ОГ и ПС, совершающими тяжкие и особо тяжкие преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков (далее – НОН). Согласно п. 10.4.1 Типового положения о подразделении по контролю за оборотом наркотиков территориального органа Министерства внутренних дел Российской Федерации на региональном уровне, утверждённого приказом МВД России от 30 апреля 2016 г. № 219⁴ указанное подразделение выполняет функцию борьбы с транснациональными и межрегиональными ОГ и ПС, совершающими преступления, связанные с НОН.

Взаимодействие ТО правоохранительных органов в сфере БОП должно осуществляться в рамках Координационного совещания руководителей правоохранительных органов по противодействию преступлениям, совершаемым ОГ и ПС, учреждённого приказом Генеральной прокуратуры РФ, МВД, Федеральной службы безопасности (далее – ФСБ) России, Следственного комитета РФ (далее –

¹ Приказ МВД России от 16.03.2015 г. № 340 «Об утверждении Положения о Главном управлении экономической безопасности и противодействия коррупции Министерства внутренних дел Российской Федерации». URL: <http://www.consultant.ru/>.

² Приказ МВД России от 16.06.2011 г. № 680 «Об утверждении Положения о Главном управлении на транспорте Министерства внутренних дел Российской Федерации». URL: <http://www.consultant.ru/>.

³ Приказ МВД России от 23.04.2016 г. № 209 «Об утверждении Положения о Главном управлении по контролю за оборотом наркотиков Министерства внутренних дел Российской Федерации». URL: <http://www.consultant.ru/>.

⁴ Приказ МВД России от 30.04.2016 г. № 219 «Об утверждении Типового положения о подразделении по контролю за оборотом наркотиков территориального органа Министерства внутренних дел Российской Федерации на региональном уровне». URL: <http://www.consultant.ru/>.

СК России), ФСКН, Федеральной таможенной службы (далее – ФТС), Федеральной службы исполнения наказаний (далее – ФСИН) от 14 мая 2013 г. № 192/420/279/15/229/1071/293¹, имеющегося в каждом регионе нашей страны.

Деятельность ОВД РФ в сфере оказания международной правовой помощи, в т. ч. по линии БОП регламентирована различными двух- и многосторонними международными договорами, заключенными, как на уровне глав государств или правительств, так и на уровне министров внутренних дел. В 2004 г. наша страна ратифицировала подписанную в 2000 г. в г. Палермо (Итальянская Республика) Конвенцию Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности², которая регламентирует международное сотрудничество по линиям: взаимной правовой помощи, выдачи преступников, защиты свидетелей, конфискации имущества, совместных расследований и др.

Инструкция по организации информационного взаимодействия по линии Интерпола, утверждённая приказом МВД, Министерства юстиции (далее – Минюста), ФСБ, Федеральной службы охраны (далее – ФСО), ФСКН России, ФТС от 6 октября 2006 г. № 786/310/470/454/333/971, определяет порядок совместной работы компетентных органов РФ, государств-членов Интерпола и Генерального секретариата Интерпола³.

17 февраля 1994 г. в г. Ашхабаде (Республика Туркменистан) на заседании Совета Министров внутренних дел (далее – СМВД) стран-участников Содружества Независимых государств (далее – СНГ) было заключено Соглашение о сотрудничестве между Министерствами внутренних дел в сфере борьбы с организованной преступностью, которое к числу форм сотрудничества относит проведение по письменным запросам оперативно-розыскных мероприятий

¹ Приказ Генеральной прокуратуры РФ, МВД, ФСБ, СК, ФСКН России, ФТС, ФСИН от 14.05.2013 г. № 192/420/279/15/229/1071/293 «Об утверждении Положения об организации межведомственного взаимодействия по противодействию преступлениям, совершаемым организованными группами и преступными сообществами (преступными организациями)». URL: <http://www.consultant.ru/>.

² Федеральный закон от 26 апреля 2004 г. № 26-ФЗ «О ратификации Конвенции Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности и дополняющих ее Протокола против незаконного ввоза мигрантов по суше, морю и воздуху и Протокола о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее». URL: <http://www.consultant.ru/>.

³ Приказ МВД, Минюста, ФСБ, ФСО, ФСКН России и ФТС от 06.10.2006 г. № 786/310/470/454/333/971 «Об утверждении Инструкции по организации информационного обеспечения сотрудничества по линии Интерпола». URL: <http://www.consultant.ru/>.

(далее – ОРМ) и процессуальных действий по уголовным делам в сфере БОП¹. В этой сфере исполнительным органом СМВД СНГ выступает Бюро по координации БОП и иными опасными видами преступлений на территории государств-участников СНГ (далее – БКБОП), одной из функций которого является пополнение массивов существующего на базе Главного информационно-аналитического центра (далее – ГИАЦ) МВД России Межгосударственного информационного банка (далее – МИБ) СНГ². К числу подучётных лиц МИБ СНГ относятся: особо опасные рецидивисты; уголовные авторитеты, организаторы преступных групп; преступники-гастролеры, но эти учёты фактически не содержат сведений о не имеющих гражданства стран-участников СНГ участниках действующих на его территории транснациональных ОГ и ПС.

Вопросы борьбы с ТНОП изучались рядом известных правоведов: А.И. Долговой, Н.П. Водько, В.Г. Грибом, А.И. Гуровым, И.В. Климовым, В.П. Кувалдиным, В.В. Лунеевым, В.С. Овчинским, А.Н. Поздняковым, В.И. Поповым, В.Е. Эминовым, Н.П. Яблоковым и др. Эту работу осложняет то, что в правовой системе международного права не выработано понятия ТНОП. На наш взгляд, в юриспруденции за основу можно взять понятие В.В. Меркушина, который считает, что ТНОП – это общесоциальное явление, заключающееся в крупномасштабной деятельности ОГ и ПС по предоставлению запрещенных товаров и услуг или не запрещенных товаров и услуг запрещенным способом, а также их иной преступной деятельности, систематически осуществляемой на территории нескольких государств со сосредоточением под своим контролем значительных финансовых ресурсов, использованием криминальной конкуренции и проникновением в национальную и международную экономику и политику [5].

По нашему мнению, на территории нашей страны действует ряд транснациональных преступных структур, которые по их местонахождению и гражданству их лидеров можно разделить на четыре группы:

- организованные гражданами РФ ОГ и ПС, имеющие структурные подразделения и (или) сферы преступных интересов в зарубежных странах;

¹ Решение СМВД СНГ (г. Ашхабад, 17.02.1994 г.) «Соглашение о сотрудничестве между министерствами внутренних дел в сфере борьбы с организованной преступностью» // БД «Законодательство стран СНГ».

² Решение СМВД СНГ (г. Чолпон-Ата, 03.08.1992 г.) «Соглашение о взаимоотношениях министерств внутренних дел в сфере обмена информацией». URL: <http://www.consultant.ru/>.

– совместно управляемые гражданами РФ, иностранными гражданами и лицами без гражданства ОГ и ПС, находящиеся в России, странах ближнего (государства, возникшие на постсоветском пространстве, и иные страны, непосредственно граничащие с РФ) и дальнего зарубежья, имеющие структурные подразделения и (или) сферы преступных интересов в РФ;

– созданные иностранными гражданами и лицами без гражданства ОГ и ПС, находящиеся в странах ближнего зарубежья, но имеющие структурные подразделения и (или) сферы преступных интересов в РФ;

– управляемые иностранными гражданами и лицами без гражданства ОГ и ПС, находящиеся в государствах дальнего зарубежья, но имеющие структурные подразделения и (или) сферы преступных интересов в РФ.

К первым можно отнести неоднократно употребляемые в средствах массовой информации (далее – СМИ) ПС («Братское», «Измайловское», «Казанское», «Общак», «Солнцевское», «Тамбовское», «Уралмашевское» и др.), имеющие структурные подразделения и преступные интересы в ряде зарубежных стран, а также банды и ОГ, совершающие общеуголовные, экономические и иные преступления не только в РФ, но и за рубежом. Так, например, согласно данным СМИ «Казанское» ПС имеет сферы преступных интересов в Греческой Республике, Республике Куба [3], ряде стран Ближнего Востока, «Солнцевское» ПС – в Израиле, Венгрии, Испании и ряде других стран Евросоюза [9].

В число вторых необходимо включить неформальное сообщество профессиональных преступников, возглавляемое «ворами в законе», во главе которого стоят, как граждане РФ, так и иностранные граждане и лица без гражданства. Указанное сообщество имеет сферы преступных интересов во многих странах мира. Так, например, в Федеральном бюро расследований США его структурное подразделение получило условное наименование «Братский круг» [4].

К третьим можно отнести известные международные ПС («Китайские триады», «Якудза»), действующие в странах Средней Азии наркокартели и террористические сообщества, базирующиеся в других странах ближнего зарубежья ОГ и ПС, совершающие различные преступления не только в странах своего гражданства, но и в нашей стране. Например, состоящие из граждан Средней Азии цыганской национальности («люли») ОГ, занимающиеся в РФ НОН, попрошайничеством и хищениями.

Сегодня в мире действует около 50 «китайских триад», некоторые из которых, например: «Фундзяньская», «Харбинская», «Шанхайская» имеют свои филиалы в тех регионах России, где имеются диаспоры, состоящие из граждан Китайской Народной Республики. «Китайские триады» освоили такие криминальные сферы, как: незаконные миграции, НОН, контрабанда из РФ биоресурсов, леса, полезных ископаемых, отмывание финансовых средств, торговля людьми, органами и тканями, сексуальное рабство и др. [1, 7].

Базирующаяся в Японии «якудза» включает ряд не объединенных общим руководством крупных преступных организаций («Ямагучи-гуми», «Инагава-кай», «Сумиешикай» и др.). Сферой криминальных интересов «якудза» в нашей стране выступают: контрабанда морепродуктов, НОН, криминальный автобизнес, порнобизнес, проституция и др. [2]. Хотя лидерами преступных организаций «якудза» могут быть только японцы, в качестве исполнителей в её филиалах на Дальнем Востоке РФ часто используются как корейцы, так и русские.

В число четвертых необходимо включить известные международные преступные организации («Вьетнамские змеи», «Каморра», «Ндрангетта», «Сакра корона униту», «Сицилийская мафия», «Колумбийские картели», «Мексиканские картели», «Нигерийская братва»), а также террористические сообщества, действующие в странах Ближнего Востока, ОГ и ПС, базирующиеся в странах дальнего зарубежья, но при этом совершающие различные преступления не только в своих странах, но и в России.

«Вьетнамские змеи» имеют структурные подразделения в тех регионах России, где имеются диаспоры, состоящие из граждан Социалистической Республики Вьетнам. В РФ они освоили такие криминальные сферы, как: киберпреступность, незаконный оборот драгоценных и цветных металлов, незаконные миграции, НОН, отмывание финансовых средств, подделка документов и др. [1].

Наиболее крупные преступные организации Итальянской Республики («Каморра», «Ндрангетта», «Сакра корона униту», «Сицилийская мафия») действуют на всей территории Европы и далеко за ее пределами, в том числе и в РФ [2]. В поле зрения правоохранительных органов нашей страны они попадали в связи с НОН и отмыванием финансовых средств, хотя сферы их криминальных интересов гораздо шире.

Наркокартели, действующие в Колумбии и Мексике, имеют филиалы во многих странах мира, в том числе и в России. Они занимаются НОН, в основном кокаина, и отмыванием финансовых средств от его продажи.

«Нигерийские» ОГ и ПС, управляемые гражданами Федеративной Республики Нигерии и состоящие из граждан ряда стран Африки, как правило, обучающихся (обучавшихся) в высших учебных заведениях нашей страны, занимаются в РФ компьютерными мошенничествами, НОН, торговлей людьми, сексуальное рабство и др. [6].

В качестве основных недостатков организации борьбы ОВД РФ с ТНОП, по нашему мнению, выступают:

- слабое информационно-аналитическое и методическое обеспечение оперативно-розыскной деятельности по линии борьбы с ТНОП;

- не продуманность миграционной политики, когда из-за отсутствия механизмов защиты государственной и общественной безопасности в Россию на официальных основаниях попадают лидеры и активные участники ТНОП;

- не проработанность механизма конфискации имущества иностранных граждан и лиц без гражданства, участвующих в преступной деятельности ТНОП;

- отсутствие в вузах высшего образования МВД России специальных учебных программ, специальной литературы для качественной подготовки специалистов со знанием иностранных языков представителей наиболее общественно опасных транснациональных преступных организаций.

Для устранения существующих проблем, на наш взгляд МВД России необходимо провести ряд организационных и правовых мероприятий.

Во-первых, провести и изучение и анализ оперативной обстановки на территории нашей страны по линии борьбы с ТНОП, определить перечень действующих транснациональных преступных организаций, их структуру, направления преступной деятельности, известный состав участников, за счет полученных сведений внести изменения в имеющиеся автоматизированные банки данных по БОП, как в рамках МВД России, так и СМВД стран-участников СНГ, заводить на всех известных лидеров и активных участников ОГ и ПС дела оперативного учёта, в рамках которых проводить комплекс необходимых ОРМ, продолжать который не только до возбуждения уголовного дела, но до выдворения заключенного из мест лишения свободы.

Во-вторых, включать в состав участников Координационных совещаний руководителей правоохранительных органов по противодействию преступлениям, совершаемым ОГ и ПС, на региональном уровне руководителей управлений паспортно-визовой службы,

разработать подробный механизм запроса необходимых сведений на мигрантов и их проверки, для чего создавать внештатные подразделения ТО МВД России на региональном уровне с включением в их состав представителей заинтересованных оперативных служб, включить в число функций указанных внештатных подразделений депортацию и выдворение мигрантов.

В-третьих, на межведомственном уровне проработать механизм конфискации имущества иностранных граждан и лиц без гражданства, участвующих в преступной деятельности ТНОП, с учётом особенностей легализации ими в нашей стране полученных преступным путём финансовых средств и имущества, в том числе запрещённых и изъятых товаров.

В-четвертых, внести необходимые изменения в учебные программы вузов высшего образования МВД России, создав специальные дисциплины для подготовке специалистов по борьбе с ТНОП со знанием иностранных языков представителей наиболее общественно опасных транснациональных преступных организаций, для чего привлечь к учебному процессу представителей заинтересованных оперативных служб ОВД РФ, подготовить необходимую справочную и методическую литературу, дополнить перечень изучаемых в учебном процессе иностранных языков с учетом особенностей оперативной обстановки регионов местонахождения учебных заведений.

Список литературы:

1. Баранов А. В Москве растёт подпольный Китай-город. Это государство в государстве имеет свои фабрики, рынки и мафию // Газета «Комсомольская правда» от 20.08.2002.

2. Боженко Р. Как поживает якудза? Уральский криминолог о мафии, ворах в законе и тюрьмах // Газета «Аргументы и факты» № 14 от 07.04.2021.

3. Комиссарова А. Жестокие войны уличных банд потрясли Казань. Чем запомнились главные городские группировки «казанского феномена» 1980-х? URL: <https://lenta.ru/news/2023/12/16/> (дата обращения: 31.08.2024).

4. Костарев Г. Обама рассекретил Лепса. Черный список русской мафии в Америке пополнился новыми именами // Газета «РБК» № 203 (1736) от 01.11.2013.

5. Лютых С. «Действовали дерзкие чёрные парни». Нигерийские девушки едут в Россию учиться, а попадают в секс-рабство. URL: <https://lenta.ru/news/2018/02/21/> (дата обращения: 31.08.2024).

6. Седов В. Затаившиеся драконы. В России арестовали гангстеров из легендарной Триады. Что делали китайские мафиози вдали от родины? URL: <https://lenta.ru/news/2021/02/19> (дата обращения: 31.08.2024).

7. Состояние преступности в России за 2019-2023 гг. / Официальный сайт МВД России. URL: <http://mvd/structur1/> (дата обращения: 31.08.2024).

8. Петров И. «Солнцевская» Испания. Что стоит за операцией Европола по задержанию российских ОПГ? // Газета «Известия» от 02.10.2017.

9. Показатели преступности в России, динамика / Портал правовой статистики Генеральной прокуратуры РФ. URL: http://crimestat.ru/offenses_chart (дата обращения: 31.08.2024).

Демичева Татьяна Сергеевна,
преподаватель-методист центра командно-штабных учений,
Академия управления МВД России
E-mail: tatyanaademicheva@yandex.ru

УДК 343.1

**Начальный этап уголовного производства
в условиях цифровизации: сравнительно-правовой анализ
законодательства Российской Федерации
и государств – участников СНГ**

Аннотация. В статье рассматриваются тенденции развития уголовно-процессуального законодательства государств – членов Содружества Независимых Государств и Российской Федерации в свете цифровой трансформации. В работе проанализированы некоторые общие и специфические направления правоприменительной практики зарубежных государств в вопросе использования информационных технологий на начальном этапе уголовного процесса. Автор приходит к выводу о том, что изучение опыта цифровизации уголовного процесса в зарубежных странах поможет определить основные направления для совершенствования отечественного законодательства и правоприменительной практики.

Ключевые слова: уголовный процесс; уголовно-процессуальная форма; информационные технологии; оптимизация уголовно-процессуальной деятельности; сравнительно-правовой анализ; рассмотрение сообщения о преступлении.

Начальным этапом уголовного производства является стадия возбуждения уголовного дела. Одним из дискуссионных вопросов теории российского уголовного процесса на протяжении длительного времени является целесообразность сохранения данной стадии. В результате разработки оптимальной модели начала уголовного судопроизводства мнения ученых-процессуалистов в этом вопросе разделились. Некоторые ученые, например, Б. Я. Гаврилов, В. В. Гордиенко, Л. М. Володина, В. В. Кожокарь считают необходимым упразднение стадии возбуждения уголовного дела. По мнению сторонников данной позиции, существование стадии возбуждения является «основной причиной низкой эффективности уголовного судопроизводства» [2, с.29]. М. С. Строгович, В. С. Шадрин,

А. А. Сумин, О. В. Химичева, напротив, отмечают особое значение стадии возбуждения уголовного дела в уголовном процессе как своеобразного «фильтра», позволяющего принимать меры только по преступлениям, кроме того, упразднение стадии не решит существующих проблем, а лишь оставит их «за рамками уголовно-процессуального регулирования, вне уголовно-процессуальных гарантий» [5, с.146].

Действительно, стадия возбуждения уголовного дела в настоящее время не лишена правоприменительных проблем, требующих решения. В связи с этим, сторонники представленных позиций едины во мнении о необходимости совершенствования начального этапа уголовного процесса.

Одним из направлений по совершенствованию уголовного судопроизводства является поэтапное внедрение информационных технологий в процессуальную деятельность. По нашему мнению, вопросы цифровой трансформации уголовного судопроизводства следует рассматривать последовательно, начиная с этапа рассмотрения сообщения о преступлении. Некоторые ученые в данном вопросе видят необходимость в системных изменениях уголовно-процессуального законодательства с учетом опыта зарубежных государств [1, с.112]. По нашему мнению, в рамках российской правовой системы целесообразно рассмотрение основных направлений цифровизации с учетом имплементации законодательства и тех ценностей, которые закреплены в модельном УПК государств - членов Содружества Независимых Государств (далее СНГ).

В странах СНГ начальный этап уголовного производства сформирован по двум направлениям. В некоторых государствах предусмотрена стадия возбуждения уголовного дела, например, в Республике Беларусь, Армении, Азербайджане, Таджикистане, Узбекистане и Кыргызстане. В других странах, таких как Республика Молдова и Казахстан, законодатель отказался от этой стадии в уголовном процессе.

В каждой стране уголовно-процессуальная форма формируется под влиянием исторических особенностей развития как уголовного процесса, так и государства в целом. Пути цифровизации предварительного расследования в разных странах могут различаться, однако можно выделить некоторые общие тенденции в оптимизации процессуальной деятельности.

Некоторые ученые, выступающие за отмену института возбуждения уголовного дела в российском законодательстве, в своих исследованиях ссылаются на успешный опыт Республики Казахстан в данном вопросе [1, с.110-111]. Однако стоит обратить вни-

мание на некоторые недостатки такого подхода. Анализ уголовно-процессуального законодательства Республики Казахстан показал, что, несмотря на отсутствие законодательного закрепления процедуры проверки сообщений о преступлениях, она всё же проводится. В течение 24 часов сотрудник органа предварительного расследования должен решить, есть ли в полученном сообщении признаки преступления, после чего зарегистрировать его в Едином реестре досудебных расследований. Однако, по нашему мнению, такая проверка не является достаточной гарантией обеспечения прав и интересов участников уголовного процесса.

Подтверждением позиции о ценности стадии возбуждения уголовного дела служит опыт Республики Кыргызстан. С 2017 года стадия возбуждения уголовного дела в уголовно-процессуальном кодексе Кыргызстана была упразднена. Однако этот опыт не принёс ожидаемых положительных результатов. По данным Национального статистического комитета Кыргызской Республики, за 2019 – 2021 годы (в период действия УПК Кыргызстана, предусматривающего нормы о начале предварительного расследования с момента получения сообщения о преступлении) количество зарегистрированных преступлений и возбуждённых уголовных дел возросло в сотни раз по сравнению с предыдущими годами¹. Нагрузка на органы предварительного расследования существенно возросла, а также увеличилось количество прекращённых уголовных дел, в том числе по реабилитирующим основаниям.

Опыт данных стран представляется интересным в вопросе использования информационных технологий при подаче и регистрации сообщений о преступлении. Так, в Республике Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Армения функционирует система подачи заявления о преступлении в электронном формате. Существует правовой механизм, препятствующий несвоевременной регистрации сообщений о преступлении, а также укрытия преступлений от учета за счет использования информационных систем.

Во многих странах СНГ функционируют онлайн-сервисы, позволяющие подать сообщение о преступлении дистанционно, которое в автоматическом режиме поступает в правоохранительные органы и регистрируется в электронной книге учета сообщений о преступлениях (Республика Казахстан, Кыргызстан, Молдова). Уголовно-процессуальное законодательство большинства стран

¹ Национальный статистический комитет Кыргызской Республики Официальный сайт. URL: <https://www.stat.kg/ru/statistics/prestupnost/> (дата обращения: 08.07.2024).

СНГ предусматривает электронную форму заявления о преступлении в качестве повода для начала уголовного производства.

В российской правоприменительной практике существует похожий механизм подачи сообщения о преступлении, однако существует ряд проблем, свидетельствующих об ограничении доступа граждан к правосудию на данном этапе уголовного процесса.

Например, при подаче сообщения о преступлении с использованием сайта МВД РФ данное сообщение рассматривается в соответствии с положениями, предусмотренными Федеральным законом «О порядке рассмотрения обращения граждан Российской Федерации»¹ и инструкцией об организации рассмотрения обращений граждан в системе МВД РФ², а не в соответствии с нормами УПК РФ.

Подача заявления о преступлении в электронном виде является перспективным направлением развития уголовного процесса как в отечественном, так и в зарубежном уголовно-процессуальном законодательстве. Однако внести такие дополнения недостаточно, необходимо обеспечить их реализацию с учетом ценности и значения существующей уголовно-процессуальной формы, предусмотрев систему аутентификации заявителя, а также его предупреждения об уголовной ответственности за заведомо ложный донос.

Следует отметить такой положительный аспект цифровизации, как возможность уведомления заявителя о ходе и результатах рассмотрения сообщения о преступлении в электронном виде. Так, например, использование персонального QR-кода, получаемого заявителем при регистрации сообщения о преступлении, позволяет гражданам республики Кыргызстан отслеживать статус своего заявления в дистанционном формате.

Российский законодатель, следуя тенденции цифровизации уголовного процесса, предусмотрел возможность использования электронных документов не только в ходе судебного производства, но и на досудебных стадиях уголовного процесса. В соответствии с п.6 ст. 474.2 УПК РФ закреплена возможность уведомления участника уголовного процесса в форме электронного документа. По нашему мнению, реализация данного положения должна быть осуществлена с момента получения заявления о преступлении. На данном этапе следует предусмотреть механизм получения согла-

¹ Федеральный закон от 02.05.2006 №59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» // Российская газета, №95, 05.05.2006

² Приказ МВД России от 12.09.2013 № 707 «Об утверждении Инструкции об организации рассмотрения обращений граждан в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации» // Российская газета, №9, 17.01.2014

сия заявителя на получение уведомления о принятом решении по результатам рассмотрения сообщения о преступлении в форме электронного документа, поскольку архаичные формы уведомления заявителя с использованием почтовых отправлений значительно устарели.

Многие ученые-процессуалисты, например В. Н. Григорьев, А. В. Ендольцева, Л. Н. Масленникова, О. В. Мичурина отмечают дискуссионность вопроса перевода материалов уголовного дела в электронную форму. В Республике Азербайджан функционирует информационная система «Электронное уголовное дело», переход на оцифровку бумажных материалов уголовного дела осуществляется также в Республике Армения, Молдова, Казахстан, Кыргызстан. С положительной стороны можно отметить возможность упростить решение ряда процессуальных вопросов, связанных с ознакомлением с материалами уголовного дела, взаимодействием участников уголовного процесса и сокращением временных затрат за счет автоматизации отдельных контрольно-надзорных процедур. Например, в Республике Кыргызстан благодаря электронной системе регистрации сообщений о преступлениях надзирающий прокурор уведомляется о зарегистрированном заявлении и имеет полный доступ к материалам проверки, находящимся в электронной системе.

Отрицательным аспектом использования электронного уголовного дела, по нашему мнению, является наличие угрозы информационной безопасности, связанной с возможностью неправомерного доступа к информации, имеющей значение для расследования преступления. При этом также следует учитывать различный уровень навыков работы граждан с информационными технологиями. В данном случае использование информационных технологий должно быть основано на принципе диспозитивности, заключающемся в выборе использования информационных технологий в уголовно-процессуальной деятельности в зависимости от наличия технической возможности, не исключая других альтернативных вариантов.

Пока не существует единого подхода к переходу на электронный формат уголовного дела: каждая страна разрабатывает свои методы ведения уголовного процесса с применением информационных технологий.

В настоящее время использование электронного уголовного дела в Российской Федерации недостаточно обосновано, поскольку при полном переходе от бумажного документооборота к электронному многие достижения российского уголовного судопроизвод-

ства, связанные с гарантиями обеспечения прав его участников, могут оказаться под угрозой [3, с. 188-189].

В уголовно-процессуальном законодательстве большинства государств-участников СНГ, несмотря на различное правовое регулирование начального этапа уголовного процесса, существуют общие тенденции цифровизации уголовно-процессуальной деятельности, способствующие оптимизации процесса реагирования государства на совершенное преступление.

Сравнительно-правовой анализ зарубежного законодательства помогает всесторонне изучить как положительный опыт, так и возникающие проблемы использования информационных технологий в уголовном процессе. Следует согласиться с позицией А. В. Победкина о том, что «Россия должна не копировать зарубежный опыт, а оценивать его применимость, формы возможного использования с учетом отечественных традиций и реалий» [4, с. 37]. Следует критически оценивать зарубежный опыт, определяя не только направления цифровизации уголовного процесса, но также ее пределы и объем возможных рисков с целью не только недопущения нарушения прав участников уголовного процесса, но и усиления гарантий правовой защищенности.

Список литературы:

1. Андреева О. И. О необходимости стадии возбуждения уголовного дела в современном уголовном процессе России // Вестник Томского гос. ун-та. – 2012. № 356. – С. 109-112.
2. Гаврилов Б. Я. К вопросу о стадии возбуждения уголовного дела: законодателю пора расставить точки // Лоббирование в законодательстве. – 2023. – Т. 2. № 2. – С. 28-34.
3. Мичурина О. В. От бумажного к электронному документообороту: российский уголовный процесс в русле современных мировых тенденций // Уголовное судопроизводство России и зарубежных государств: проблемы и перспективы развития : Материалы международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 24 ноября 2023 года. – СПб: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2023. – С. 184-189.
4. Победкин А. В. Заменит ли цифра «храм» или от каких задач уголовного процесса придется отказаться? // Legaltech: научные решения для профессиональной юридической деятельности : Сборник докладов IX Московского юридического форума: в 4 ч. XXI Международная научно-практическая конференция, Москва,

14–16 апреля 2022 года. Том Часть 3. – Москва: Издательский центр Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 2022. – С. 228–232.

5. Химичева О. В. Стадия возбуждения уголовного дела: семь раз отмерь, один - отрежь // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2017, № 4. – С. 146.

Ефимов Евгений Валентинович,
кандидат технических наук,
старший научный сотрудник, юрист,
Центральная Московская коллегия адвокатов;
соискатель сектора уголовного права,
уголовного процесса и криминологии,
Институт государства и права Российской академии наук
E-mail: yefi@yandex.ru

УДК 343.14

Процедура возбуждения уголовного дела по налоговому преступлению как процессуальная комбинация

Аннотация. Впервые показано, что процедура возбуждения уголовного дела по налоговому преступлению является процессуальной комбинацией. Приведены во взаимосвязи обосновывающие положения уголовного, уголовно-процессуального, налогового законодательства с указанием несоответствий, разъяснения высших судов и уполномоченных государственных органов и некоторая правоприменительная практика, подтверждающая сложность и комплексность процедуры возбуждения уголовного дела по налоговому преступлению. Обосновано отнесение сложных многоэтапных процессуальных процедур к предложенной Россинским С.Б. категории «процессуальная комбинация».

Ключевые слова: процессуальная комбинация; уклонение от уплаты налогов; налоговое преступление; возбуждение уголовного дела.

Новейшая история российского законодательства по делам о налоговых преступлениях характеризуется заметной подвижностью баланса частных и публичных интересов, заполнена возвратно-поступательными реформами, и подвержена критике ученых-процессуалистов и практиков. Диаметрально противоположные изменения в регламентации процесса обосновываются законодателем почти одинаково, а малая разница в аргументации подтверждает наличие иных реальных причин. Деформирование общих норм уголовного и уголовно-процессуального права воспринимается как обоснованная и необходимая дифференциация. Общий порядок возбуждения уголовного дела заменяется уникальным, специаль-

ным порядком. При этом специальный порядок вводится для пусть важных, но не массовых дел.

Публичная статистика судебного департамента ВС РФ показывает, что в 2020 г. по статьям 198–199.2 УК РФ было осуждено 346 лиц, в 2021 – 320 лиц, в 2022 г. – 329 лиц, в 2023 г. – 344. Для сравнения, ранее, в 2016 г. было осуждено 579 лиц, в 2017 г. – 583 лица, в 2018 г. – 605 лиц (данные приведены судьей ВС РФ В. Кулябиным на Пленуме ВС РФ 26.11.2019). Тренд на снижение количества осужденных подтверждается общим снижением количества выявленных налоговых преступлений, с 7630 в 2018 году до 5264 в 2022 году. Сумма установленного ущерба по оконченным или приостановленным налоговым уголовным делам в 2017 г. составляла 71,6 млрд руб., в 2018 г. – 94,9 млрд руб., в 2019 г. – 85,2 млрд руб., в 2020 г. – 82,5 млрд руб., в 2021 г. – 84,9 млрд руб. Удельный вес возмещённого ущерба в 2019 г. составлял 45 % от суммы причинённого ущерба налоговых преступлений, в 2020 г. – 52 %, в 2021 г. – 61 %, в 2022 г. – 62 % [1, с.13; 9, с.127, 11, с. 120,121].

Статистические данные подтверждают стабильность уклонений от уплаты налогов, чего нельзя сказать о сложности процедуры расследования налоговых преступлений и о динамике процессуальных норм.

Первоначально в новой России был установлен порядок защиты бюджета от уклонения уплаты налогов, основой которого была Федеральная служба налоговой полиции. С 20.05.1993 по 01.07.2003 поиск, обнаружение и раскрытие налоговых преступлений проводила налоговая полиция. Предшественником налоговой полиции с 18.03.1992 было ГУНР – Главное управление налоговых расследований, название которого говорит само за себя. В указанный период времени весь комплекс работ по установлению и расследованию налоговых преступлений проводился в одном ведомстве, что было положительным для уголовного процесса моментом. Этот момент был ликвидирован Указом Президента от 11.03.2003 № 306, в итоге которого функциональным преемником налоговой полиции стала группа ведомств – Федеральная налоговая служба и МВД России в лице Управления по борьбе с налоговыми преступлениями при ГУБЭП МВД, ныне ГУЭБиПК. Появилась сложность взаимодействия ведомств.

С 01.01.2011 функционал предварительного расследования налоговых преступлений был передан Следственному комитету РФ. Поиском и выявлением налоговых преступлений недолго было озадачено ГУБЭП, но по результатам реформы уже в декабре 2011 г. правильность исчисления, полноту и своевременность уплаты обя-

зательных платежей в бюджет стала контролировать исключительно Федеральная налоговая служба. Являясь уполномоченным органом, ответственным за контроль соблюдения налогоплательщиками отечественного налогового законодательства, ФНС несет обязанность осуществления налогового контроля и не ведет ОРД.

Ведомственные изменения, происходившие во времени очень плотно, не могли не отразиться на организации процесса возбуждения уголовных дел по налоговым преступлениям. Поиск, обнаружение, расследование преступлений, разделенные ведомственными границами, требовали соответствующих процессуальных установлений.

Первоначально законодатель в целях снижения правоохранительной и контрольной функций государства в сфере выявления налоговых преступлений принял Федеральный закон от 06.12.2011 № 407-ФЗ, указав в ст. 140 УПК РФ в качестве единственно возможного повода для возбуждения уголовного дела о налоговом преступлении поступление материалов налогового контроля из ФНС.

Предоставление правоохранителю материалов, выполненных профессиональным налоговым органом, должно было повысить уверенность следствия при решении задачи о возбуждении уголовного дела. Следовательно, будучи профессиональным участником уголовного процесса, по меткому выражению М.Т. Аширбековой, «должен был идти в своих действиях и решениях «в фарватере» деятельности административного органа, а не наоборот» [1, с.15].

Как отмечено Я.П. Ряполовой, «ни в законе, ни в ведомственных актах не раскрывалось понятие материалов налоговых органов, а также не был установлен перечень этих материалов; данное правило не согласовывалось с принципом публичности уголовного судопроизводства; эффективность противодействия налоговой преступности существенно снижалась, что подтверждалось значительным уменьшением фактов выявления налоговых преступлений; налоговые органы могли лишь выявить налоговые правонарушения, не уделяя достаточное внимание фиксированию и сохранению следов возможных преступлений, документированию умысла на совершение уклонения от уплаты налогов и т.д., перед ними не стояла задача противодействия налоговой преступности, срок давности уголовного преследования фактически был ограничен тремя годами, т.е. периодом, право проверить который предоставлено налоговым органам в соответствии с положениями НК РФ и др.» [9, с.128]. В результате количество возбужденных уголовных дел по налоговым преступлениям уменьшилось с 14,5 тыс. в 2010 г., до менее чем 6 тыс. в 2012 г. [11, с.124]. Причем это происходило на фоне увеличи-

вающейся эффективности налоговых органов по выявлению налоговых правонарушений. Если в начале своей деятельности налоговые инспекции проигрывали 73,5% налоговых споров в арбитраже, то к 2012 году процент проигрышей перешел за половину. К слову, сейчас менее 30% налоговых споров проигрывается ИФНС, и кроме того, абсолютное число таких споров, инициируемых налогоплательщиками, снизилось в десять раз, с 60 тыс. в 2005 г. до 6 тыс. в 2022 г. [11, с.127].

Власть посчитала такое положение дел неприемлемым. В 2014 г. налоговый порядок возбуждения дел был отменен. Но по прошествии восьми лет повод возбуждения дела практически слово в слово повторяющий прежнюю ч. 1.1 ст. 140 УПК РФ был воспроизведён в уже новой ч. 1.3. ст. 140 УПК РФ. Федеральным законом от 09.03.2022 № 51-ФЗ вновь введен исключительный повод для возбуждения дел о преступлениях, предусмотренных ст. 198–199.2 УК РФ, только на основании материалов, направленных налоговым органом, в соответствии с пунктом 3 статьи 32 Налогового кодекса РФ. Такими материалами является решение налогового органа о привлечении налогоплательщика к налоговой ответственности, вынесенное по результатам проведения налоговой проверки. Направлены они должны быть в следствие налоговыми органами именно для решения вопроса о возбуждении уголовного дела, при этом проверкой должен быть установлен факт налогового правонарушения. Следователь не имеет право возбуждать дела по налоговым преступлениям на основании каких-либо иных материалов, например - на основании прямого заявления о преступлении от физических и юридических лиц, или по рапорту сотрудников ГУЭБиПК.

Существует регламентация времени подачи материалов налогового контроля. Подавать материалы проверок налоговикам надлежит в строго определенное время. Ограничение состоит не только из 75 дней периода погашения недоимки налогоплательщиком со дня вступления в силу решения налогового органа о привлечении налогоплательщика к ответственности за налоговое правонарушение. Налоговому органу дается ещё 10 дней для направления материалов в следственные органы. Но это только в случае, если налогоплательщику не назначена отсрочка или рассрочка по доначисленным обязательным платежам. Так, письмом ФНС от 20.10.2023 № КЧ-4-8/13372 «О реализации полномочий налоговых органов», разъясняется, что: *«В случае вступления в силу решения налогового органа о предоставлении отсрочки (рассрочки) по уплате сумм, доначисленных по результатам налоговых проверок, материалы на*

основании пункта 3 статьи 32 Кодекса направлению в следственные органы не подлежат. В случае прекращения действия отсрочки (рассрочки) при нарушении заинтересованным лицом условий предоставления отсрочки (рассрочки) указанные материалы подлежат направлению в следственные органы».

Согласно ст. 101 НК РФ, решение о привлечении к ответственности вступает в силу по истечении одного месяца со дня вручения решения налогового органа привлекаемому налогоплательщику. В силу ст. 101.2 НК РФ, при обжаловании решения в ведомственном апелляционном порядке в вышестоящем налоговом органе, срок вступления решения в силу переносится до момента, когда свою позицию по нему выскажет вышестоящий налоговый орган.

Налоговые органы свои правовые позиции по контролю основывают на положениях Налогового кодекса, а также на многочисленных письменных разъяснениях должностных лиц ФНС и вышестоящего Минфина, наподобие приведенного выше. Подобные правовые позиции учитывают тренды практики судебных налоговых споров для стандартных ситуаций налогообложения, обязательны для всех региональных ИФНС, имеют лаконичный методический характер. Подготовленные практиками налогового контроля с учетом обобщённых правовых позиций, материалы налоговых органов как повод для возбуждения уголовного дела обладают существенно более высоким правовым качеством, глубиной и обоснованностью, чем документы с информацией от оперативно-разыскных органов внутренних дел.

На практике следственные органы используют всяческие лазейки для того, чтобы обойти законный порядок возбуждения уголовных дел. Появление изменений в уголовно-процессуальном законодательстве сразу породили в юридическом дискурсе полемику о том, что законодатель оставил возможность обходить установленный порядок. Так, следствие использует пункт 3 статьи 82 НК РФ, согласно которому налоговые и следственные органы информируют друг друга об имеющихся у них материалах о нарушениях законодательства о налогах и сборах. Как реакция на справедливое недовольство общественности явным пренебрежением закона, появился Приказ Генерального прокурора России от 24.10.2023 № 736 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства в налоговой сфере», в котором сказано: «в соответствии с частью 1.3 статьи 140 УПК РФ поводом для возбуждения уголовного дела о преступлениях, предусмотренных статьями 198–199.2 УК РФ, служат только материалы, которые направлены налоговыми органами в соответствии с законодательством о налогах и сбо-

рах для решения вопроса о возбуждении уголовного дела в порядке части 3 статьи 32 НК РФ».

Введенная федеральным законом от 09.03.2022 № 51-ФЗ процедура возбуждения уголовного дела содержит некую нечеткость в отношении дел о сокрытии денежных средств либо имущества, за счет которых должно производиться взыскание налоговых доначислений, предусмотренных ст. 199.2 УК РФ. В том числе и по этой причине, имеет место также некая реакция судов, которые первое время реагировали разнонаправленно - кто-то возвращал прокурорам в порядке ст. 237 УПК РФ дела, возбужденные по материалам, представленным в порядке ст. 82 НК РФ, а кто-то вел судопроизводство до приговора, опираясь на существо имеющихся в деле материалов, игнорируя нарушение процессуального порядка возбуждения уголовного дела, установленного ст. 32 НК РФ и п. 1.3 ст. 140 УПК РФ (например, апелляционное постановление Суда Ямало-Ненецкого автономного округа от 02.02.2023 по делу № 22-92/2023; постановление Четырнадцатого арбитражного апелляционного суда от 22.12.2022 № 14АП-9777/2022 по делу № А44-4876/2022; апелляционное постановление Псковского областного суда от 16.06.2023 по делу № 22К-381/2023).

В совокупности сложившаяся практика порождает много вопросов, имеющих выраженный процессуальный характер. Здесь рассмотрим вопрос, связанный с правовой категорией, к которой следует относить саму процедуру возбуждения дел о налоговых преступлениях.

Как показано выше, процедура возбуждения уголовного дела о налоговом преступлении имеет сложный, комплексный характер. Следственные органы не имеют возможности самостоятельно возбудить уголовное дело, по существу право инициирования принадлежит налоговому органу, проводившему проверку, или вышестоящему налоговому органу. Процедура не может быть инициирована на подозрении, не подтвержденном вошедшими в законную силу решениями о совершении налогоплательщиком налогового правонарушения. Последнее устанавливается по правилам налогового законодательства, включая процессуальные правила проведения мероприятий налогового контроля. Если участие в обнаружении преступления принимают органы, имеющие право осуществлять ОРД, то полученные ими материалы должны быть поданы в налоговый орган по месту налогового учета налогоплательщика, а не в следственный орган. Процедура не только распределена по осуществляющим её ведомствам, выполняется на основании кодексов и норм различных отраслей права, но также разнесена

по исполнению во времени, и допускает поэтапное обжалование в специальном ведомственном порядке и в арбитражном суде. При этом сам комплекс процессуальных мероприятий должен точно и неукоснительно соблюдаться во избежание отклонения дела судебным контролем. Процессуальные действия должностных лиц при возбуждении налогового уголовного дела строго формализованы и прямо предусмотрены уголовно-процессуальным и административным налоговым законодательством, взаимообусловлены, взаимосвязаны, направлены на решение частной задачи уголовного судопроизводства и завершаются одним обобщающим процессуальным решением, которое закрепляется итоговым постановлением.

Для описания таких действий С.Б. Россинский предложил категорию «процессуальная комбинация», последовательно обосновав её в ряде работ [3-8].

Под процессуальной комбинацией понимается предусмотренный уголовно-процессуальным законодательством комплекс определенных взаимообусловленных следственных действий и иных процессуальных мероприятий, направленных на решение частных (локальных) задач уголовного судопроизводства и производимых на основании общего процессуального решения.

С.Б. Россинский отнес к предложенной им категории процессуальной комбинации две комплексных процедуры, предусмотренных УПК РФ - наложение ареста на почтово-телеграфные отправления, их осмотр и выемку (ст. 185 УПК РФ), и контроль и запись переговоров (ст. 186 УПК РФ) [3, с.214], а позже – обосновал, что задержание подозреваемого также является процессуальной комбинацией [4, с.167]. Действительно, в целях наиболее эффективного решения задач уголовного судопроизводства в целом, и предварительного расследования в частности, действующее законодательство, кроме следственных действий одноэлементного характера, предусматривает ряд уголовно процессуальных мероприятий составного характера, имеющих комплексную структуру.

Полагаем, что комплексная процедура возбуждения уголовного дела по налоговым преступлениям, предусмотренная пунктом 1.3 статьи 140 УПК РФ, полностью соответствует определению процессуальной комбинации *в смысле Россинского*, и является таковой. Рассматриваемая процедура является сложной, составной, представляет собой комплекс определенных взаимообусловленных следственных действий и иных процессуальных мероприятий, которые последовательно осуществляются сначала налоговым органом в рамках налогового законодательства с возможным использованием материалов, полученных в рамках оперативно-розыскной

деятельности органов внутренних дел, затем предполагают возможность проведения налогового спора в рамках гражданского арбитражного законодательства, и завершаются в случае подтверждения всех признаков совершения преступления, предусмотренного ст. 198-199.2 УК РФ, в рамках уголовно-процессуальной процедуры постановлением о возбуждении уголовного дела. Направлены указанные комплексные действия на решение частных (локальных) задач уголовного судопроизводства именно по налоговым преступлениям, производятся на основании четырех отраслевых кодексов и завершаются на основании обобщающего процессуального решения.

Сама процедура возбуждения уголовного дела по налоговому преступлению, имеющая высокую сложность и состоящая из нескольких этапов, особенно с учетом своей спорности как по законодательному описанию нормы, так и по отдельным проявлениям в практике правоприменения, по нашему мнению, должна являться основанием к тому, чтобы признать как факт: в составе УПК РФ имеется еще одна *процессуальная комбинация*, в понимании, которое дал этой категории С.Б. Россинский в ряде своих вышеуказанных работ. По крайней мере, процедура возбуждения уголовного дела существенно сложнее признанных процессуальными комбинациями процедур наложения ареста на почтово-телеграфные отправления, их осмотр и выемку, и контроля и запись переговоров, в порядке ст.ст. 185, 186 УПК РФ соответственно, и полностью соответствует введенному Россинским С.Б. определению процессуальной комбинации по составу и характеру предписанных мероприятий. Отношение процедуры возбуждения уголовного дела к процессуальным комбинациям предложено в настоящей статье впервые.

Имеются и другие случаи отнесения комплекса мероприятий к категории процессуальной комбинации. Так, Зинченко И.А. вопрос о введении категории «процессуальная комбинация» не только приветствует с компаративистских позиций, но и дополняет тем, что относит к процессуальным комбинациям получение информации о соединениях между абонентами и/или абонентскими устройствами в порядке ст. 186.1 УПК РФ [2, с.316]. Им отмечено, что «нельзя игнорировать факт существования в УПК РФ и других стран группы следственных действий, часть рабочего этапа которых (можно сказать - основную, решающую часть) в силу специфики природы этих действий выполняет не сам следователь, а назначенное им учреждение. ... С.Б. Россинский именует эти действия «процессуальными комбинациями»». Следует заметить, что особенность про-

цессуальной комбинации, рассматриваемой в предлагаемой статье, заключается в том, что не следователь назначает учреждение для выполнения первого этапа комбинации – порядок ее проведения строго установлен законом. О возможности использования категории «процессуальная комбинация» пишет Хорошева А.И. [10, с.70].

Ход и исход уголовного процесса по налоговому преступлению зависит от того, насколько грамотно выверен и исполнен порядок установленной процессуальной комбинации возбуждения уголовного дела в порядке ст. 32 НК РФ, ст. 140 УПК РФ.

Список литературы:

1. Аширбекова М. Т. Специальные порядки возбуждения уголовного дела // Уголовное судопроизводство. 2015. № 1. С. 13 – 20.
2. Зинченко И.А., Попов А.А. Письменные показания как источники доказательств в досудебном производстве (компаративистский взгляд) // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2014. № 6 (17). С. 313 – 322.
3. Россинский С.Б. Процессуальные комбинации: понятие и сущность // 50 лет кафедре уголовного процесса УрГЮА (СЮИ): материалы международной научно-практической конференции. – Екатеринбург, Уральский университет, 2005. Ч. 2. – С. 211–218.
4. Россинский, С.Б. Задержание подозреваемого как процессуальная комбинация // Фундаментальные и прикладные проблемы управления расследованием преступлений: материалы межвузовской научно-практической конференции к 50-летию юбилею кафедры управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России (28-29 апреля 2005 г.). Т. 1. – М.: Академия управления МВД России, 2005. - С. 164-168.
5. Россинский С.Б. Механизм формирования результатов «невербальных» следственных и судебных действий в уголовном судопроизводстве. М.: Проспект, 2015. – С. 85–87.
6. Россинский С.Б. результатов «невербальных» следственных и судебных действий как вид доказательств по уголовному делу. М.: Юрлитинформ, 2015.
7. Россинский С.Б. Уголовно-процессуальная форма: сущность, проблемы, тенденции и перспективы развития // Актуальные проблемы российского права, № 9, сентябрь 2020 г., с. 67–79.
8. Россинский С.Б. К вопросу о сущности и правовой природе задержания подозреваемого в уголовном судопроизводстве // Актуальные проблемы российского права. 2017. N 1. С. 174–185.

9. Ряполова Я.П. Актуальные вопросы возбуждения уголовных дел о налоговых преступлениях // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2018. № 4 (47). С. 126—134.

10. Хорошева А.Е. Криминалистическая деятельность участников судебного разбирательства как научный концепт // Российский юридический журнал, № 1, январь-февраль 2019 г., с. 69—80.

11. Шарипова А.Р. Процессуальные особенности уголовного преследования по делам о налоговых преступлениях // Журнал российского права, № 4, апрель 2024 г., С. 119—131.

Жандров Владимир Юрьевич,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры оперативно-розыскной деятельности
и специальной техники,
Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя
E-mail: vaisvladimir74@gmail.com

УДК 343.852

Объекты оперативного внедрения в информационно-телекоммуникационной среде

Аннотация. Статья предлагает авторский взгляд на расширение объектов оперативного внедрения с учетом развития информационно-телекоммуникационных технологий и необходимостью перестройки оперативно-розыскной деятельности в новой электронной среде взаимодействия. Называются ключевые положения оценки возможной эффективности проведения оперативно-розыскных мероприятий при выборе объекта оперативного внедрения в информационно-телекоммуникационной среде и структура его характеристик, подлежащих установлению.

Ключевые слова: оперативное внедрение; информационно-телекоммуникационная среда; оперативно-розыскное мероприятие; электронные доказательства; киберпреступность.

Современная криминальная ситуация складывается под воздействием технологических достижений и растущей цифровизации. Использование злоумышленниками все более совершенных it-инструментов, для осуществления противоправных деяний, позволяет проводить эффективные целевые атаки на физические и юридические лица, в том числе на объекты критической инфраструктуры. Использование криминалитетом информационно-телекоммуникационных технологий (далее – ИТТ) переориентирует субъекты оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД) на владение новыми цифровыми инструментами и обязывает их учитывать особенности электронной среды.

Значимыми характеристиками такой среды, которые следует учитывать при планировании и правоведении оперативно-розыскных мероприятий (далее – ОРМ), являются:

– большой объем несистематизированных данных. Технологические процессы в информационно-телекоммуникационной среде (далее – ИТКС) сложны, а количество передаваемых и хранимых сведений значительно. Для эффективного проведения ОРМ требуется оборудование, которое не только соответствует тому, что используют злоумышленники, но и превосходит его;

– динамическая природа информационно-телекоммуникационной среды. Ее структура и наполнение быстро меняются, постоянно добавляются новые данные. Информационные объекты в этом пространстве зачастую недолговечны, что требует быстрых и эффективных действий по их документированию;

– преобладание социально-сетевой коммуникации. В настоящее время электронные устройства стали основным средством связи и коммуникации пользователей. В цифровой среде, в первую очередь, социальных сетях, хранится обширная персонифицированная оперативно-значимая информация. При этом традиционные методы ее получения, такие как личный сыск и оперативная комбинация, требуют, как постоянной адаптации и совершенствования использования, так и тщательной проверки.

Известно, что в особо сложных ситуациях, когда все другие методы показывают низкую эффективность, субъекты ОРД прибегают к использованию оперативного внедрения. Применение данного ОРМ в ИТКС имеет особенности на всех этапах, включая подготовительный, на котором решается задача определения объекта внедрения. Знание и правильный выбор объекта определяют эффективность реализации комплекса ОРМ и достижения поставленных целей.

Полагаем, что объектами оперативного внедрения в ИТКС могут быть:

1) *фишинговые веб-сайты* – сайты, предназначенные для обмана посетителей с целью разглашения конфиденциальной информации, такой как имена пользователей, пароли, логины, номера кредитных карт и т.д.;

2) *ресурсы распространения вредоносного программного обеспечения*, которые включают взломанные и контролируемые преступниками веб-сайты, вредоносную рекламу и рассылку по электронной почте, службу обмена файлами и платформы социальных сетей;

3) *ботнеты* – сети скомпрометированных устройств, к которым могут относиться компьютеры, серверы, мобильные устройства и устройства Интернета вещей, удаленно управляемые злоумышленниками для осуществления различных вредоносных действий, зачастую без ведома и согласия владельцев;

4) *торговые площадки даркнета* – онлайн-платформы, где покупаются и продаются, как правило, нелегальные товары и услуги. Доступ к этим торговым площадкам осуществляется через анонизирующие технологии, такие как Tor (The OnionRouter) или I2P (Invisible Internet Project), скрывающие личность и местонахождение пользователей. Торговые площадки даркнета функционируют аналогично законным сайтам электронной коммерции, но позволяя оставаться неустановленными лицами, осуществляют торговлю запрещенными товарами и услугами;

5) *серверы управления и контроля* – централизованные системы, используемые киберпреступниками для управления и связи с сетью взломанных устройств. Данные серверы выдают команды заражённым устройствам, такие как запуск атак распределенного «отказа в обслуживании» (DDoS), рассылка спама или майнинг криптовалюты, и получают от них данные – учетные записи, конфиденциальную и финансовую информацию;

6) *финансовые каналы* – системы, которые киберпреступники используют для перемещения, хранения и отмывания денег, полученных в результате незаконной деятельности. Эти каналы часто включают традиционные банковские системы, а также цифровые валюты и другие финансовые инструменты, как например, предоплаченные карты, услуги денежных переводов (Western Union или MoneyGram), системы онлайн-платежей;

7) *учетные записи в социальных сетях*. Проникновение преступников в социальные сети несет значительные риски, включая манипуляции социальной инженерии, распространение дезинформации и координацию кибератак. Злоумышленники используют социальные сети для сбора конфиденциальной информации о людях с целью дальнейшего создания убедительных фишинговых сообщений. Через созданные ими поддельные профили, имитирующие реальных людей, они путем обмана устанавливают доверительные отношения с выбранными жертвами с целью сбора чувствительной информации и последующего шантажа.

8) *адреса и домены электронной почты*. Электронная почта является повсеместной формой общения, используемой как отдельными лицами, так и организациями для различных целей, включая личную переписку, деловое общение и официальные уведомления. Широкое использование электронной почты делает ее приоритетным объектом для киберпреступников, с целью ее использования для фишинга, рассылки спама и других вредоносных действий. Массовые рассылки электронных писем, под видом законных источников, либо рекламы, зачастую содержат вредоносные ссылки или

вложения, способные привести электронное устройство получателя к заражению вредоносным программным обеспечением (далее – ПО), а также к предоставлению конфиденциальной информации в виде паролей, номеров кредитных карт и личных идентификационных данных.

9) *каналы онлайн-коммуникации* – платформы, на которых отдельные лица или профилированные сообщества, используя интернет-соединения, коммуницируются между собой. К данным каналам относятся чаты (платформы обмена сообщениями в реальном времени, такие как WhatsApp, Telegram и Signal) и форумы (доски обсуждений такие как Reddit, 4chan и специализированные форумы даркнета, как например - HackForums, RaidForums, The Hub, Dread, Exploit.in, Rutor, WayAway). Злоумышленники используют эти платформы для различных целей, включая планирование и координацию киберпреступлений, обмен информацией об уязвимостях операционных систем, инструментах и методах их взлома. Кроме этого, каналы используются для покупки и продажи нелегальных товаров и услуг, включая украденные базы данных, вредоносное программное обеспечение и инструменты. Там же происходит рекрутинг новых участников и сообщников как онлайн, так и офлайн преступлений.

Объект оперативного внедрения, находящегося в информационно-телекоммуникационной среде, выбирается исходя из текущей оперативной обстановки, целей и задач планируемой деятельности, сложности решаемых задач, уровня знаний оперативных подразделений о конкретных обстоятельствах преступной деятельности. Выбор объекта оперативного внедрения – критически важный процесс, который включает несколько ключевых положений оценки возможной эффективности выполняемых действий для достижения поставленных задач. Основными из них являются:

а) оперативная ситуация, оцениваемая на основе данных о серьезности и активности угрозы. Как правило, приоритет отдается активным и интенсивным угрозам, таким как продолжающиеся утечки данных или неизбежные распределенные атаки типа «отказ в обслуживании» (DDoS);

б) правильное определение конечной цели внедрения, согласованной с общими итогами оперативно-розыскной деятельности, такими как выявление лидеров преступных групп, ликвидация сетевых угроз или раскрытие конкретных преступлений;

в) надлежащая оценка технической сложности, связанной с мониторингом выбранной цели. Высокосложные объекты, исполь-

зующие передовые методы шифрования или обфускации¹, могут потребовать больше ресурсов и специализированных навыков, включая персонал, технологии и время, для решения поставленных задач, необходимых для проведения задуманного мероприятия;

г) правовое обеспечение оперативного внедрения, предполагающее соблюдение действующего законодательства при особом внимании конституционно гарантированному праву на неприкосновенность частной жизни и учет особенностей получения доказательств в ИТКС;

д) анализ состояния потенциальных рисков для сотрудников и лиц, оказывающих содействие в проведении оперативного внедрения. Сюда входят физические, кибер- и юридические риски. Кроме этого, необходимо рассмотреть наличие возможности проведения преступниками контрразведывательных мероприятий;

е) оценка объема и качества доступной оперативно-значимой информации об объекте. Помимо традиционных сведений особую ценность приобретает всесторонний обзор всех взаимодействий в ИТКС, раскрывающий важные сведения о поведении, известных уязвимостях и эксплуатируемых моделях. Для онлайн-операций это будет охватывать журналы чатов, электронные письма, взаимодействие в социальных сетях, сообщения на форумах и любую другую форму цифровой коммуникации. Кроме этого, важным источником информации могут быть виртуальные контакты, видеозвонки или любые случаи, когда цифровой след цели был замечен и записан.

Выбранный объект оперативного внедрения в ИТКС подлежит подробному изучению по характеристикам, необходимым для его правильной и всесторонней оценки. В частности, необходимо осуществить:

1) технический анализ онлайн-поведения объекта, включая его привычки просмотра определенного контента, предпочтительные платформы общения и взаимодействия, шаблонность действий и т.п.;

2) формирование психологического профиля с целью предугадывания реакции объекта на определенные действия и неожиданные контакты. Это включает в себя понимание его мотивации, эмоциональных триггеров и психологических уязвимостей;

¹ Обфускация (от лат. Obfuscare — затенять, затемнять; и англ. obfuscate — делать неочевидным, запутанным, сбивать с толку) или запутывание кода — приведение исходного кода или исполняемого кода программы к виду, сохраняющему её функциональность, но затрудняющему анализ, понимание алгоритмов работы и модификацию при декомпиляции.

3) установление схемы социальных связей объекта, предполагающей составление карты контактов. Представление о взаимодействии и влиянии участников коммуникации друг на друга может дать видение потенциальных точек входа субъекта оперативного внедрения;

4) обнаружение цифровых следов, включая адреса электронной почты, профилей в социальных сетях, IP-адреса и любых цифровых идентификаторов, которые можно выявить и отследить на различных онлайн-платформах;

5) идентификация используемых каналов связи – социальные сети, приложения для обмена сообщениями, форумы и веб-сайты. Знание специфики этих каналов, включая методы шифрования и безопасности, имеет решающее значение для информационного мониторинга;

6) оценка степени технологической компетентности объекта. Это включает в себя его способность использовать передовые меры безопасности, такие как VPN, шифрование и инструменты анонимности. Знание уровня решения инновационных задач, объектом оперативного внедрения, помогает в разработке соответствующих контрмер в условиях информационно-телекоммуникационной среды.

Одновременно с этим, предметом оперативной заинтересованности должно стать выявление слабых сторон объекта внедрения. Это могут быть эмоциональные, психологические, финансовые или социальные уязвимости, которые в случае необходимости возможно использовать в оперативной комбинации.

Анализируя коммуникации объекта, выявляя уязвимости и распознавая поведенческие модели, оперативные сотрудники могут разрабатывать точные и эффективные легенды внедрения, с возможностью проведения комплекса ОРМ и достижения поставленных целей.

Корниленко Александр Владимирович,
кандидат политических наук,
старший преподаватель кафедры
организации оперативно-розыскной деятельности,
Академия управления МВД России
E-mail: kornilenko74@mail.ru

УДК 343

Правотворческая функция Правительства Российской Федерации как субъекта оперативно-розыскной политики

Аннотация. В статье исследуются отдельные аспекты правотворческой деятельности субъектов оперативно-розыскной политики, в частности – Правительства Российской Федерации. Рассматриваются современное состояние нормотворческой деятельности российского Правительства в данной сфере, ее результативность. Отдельно приводятся различные взгляды отечественных исследователей на процесс формирования отечественной оперативно-розыскной политики.

Ключевые слова: оперативно-розыскная политика; оперативно-розыскная деятельность; законодательство; нормотворчество; правотворчество; Правительство Российской Федерации.

Как известно оперативно-розыскная политика (ОРП) включена в правовую (в узком смысле – уголовно-правовую, уголовную) политику, по сути является ее составной частью. Следовательно, она обладает аналогичными свойствами уголовной политики, присущими ей достоинствами и недостатками. В рамках настоящей статьи мы не будем рассматривать определения, данные оперативно-розыскной политике специалистами теории ОРД¹, так как единое мнение по этому вопросу в научной среде в окончательном виде не сформировано и является предметом иного исследования.

Как считает А. Александров, «Главная проблема состоит в том, что до сих пор не выработана и не принята на соответствующем государственном уровне концепция уголовной политики. В данном случае имеется в виду политика отношения к преступности и иным правонарушениям в целом, включающая в себя задачи, формы,

¹ ОРД – оперативно-розыскная деятельность.

средства, стратегию и тактику борьбы с крайними и наиболее опасными видами этих негативных явлений» [1, 9–10].

Об этом же, в контексте развития оперативно-розыскной политики, говорят С. Захарцев и В. Сальников: «В результате изучения всех субъектов ОРД, осмысления их статуса и предназначения на основе проводимой оперативно-розыскной политики должна быть разработана концепция развития оперативно-розыскной деятельности. Эта концепция, созданная на основе положений теории государства и права, философии права и других юридических наук, позволит руководству страны успешно реформировать оперативные подразделения и оптимизировать их структуру. ... В настоящее время работа над такой концепцией ведется недостаточно активно» [2, 105].

Отдельные исследователи считают, что «Завершением процесса формирования национальной оперативно-розыскной политики должно стать принятие Доктрины оперативно-розыскной политики Российской Федерации» [3, 48].

Как мы видим, вопрос формирования и развития оперативно-розыскной политики стоит достаточно остро. Разработка нормативных правовых актов в сфере развития, взаимодействия, обеспечения оперативно-розыскной деятельности, отвечающих интересам государства, общества и отдельной личности (при этом излишне не ограничивая их права) представляется весьма актуальным и своевременным.

С. Захарцев и В. Сальников обоснованно включают «в оперативно-розыскную политику ... четыре элемента: правотворчество, правоприменение, социально-экономический блок, правосознание» [2, 105].

Л. Беляева и Н. Павличенко говорят о формах реализации ОРП, несколько расширяя и видоизменяя их состав: «доктринальной, нормотворческой, правоприменительной, правообучающей, правос воспитательной» [4, 22–23].

Так кто же отвечает за правотворческую функцию в сфере ОРП? Все мы знаем, что «Субъектами оперативно-розыскной политики, определяющими направления ее развития, назначение и содержание оперативно-розыскной деятельности, обеспечивающими правовую основу и организующими реализацию в масштабе страны, являются: Президент РФ, Правительство РФ, Федеральное Собрание РФ» [5, 36]. Цели, задачи, основания издания Указов Президента Российской Федерации, Федеральных законов, принимаемых Государственной Думой и одобренных Советом Федера-

ции достаточно ясны, не вызывают сомнений в своей актуальности и постоянно находятся, что называется «на слуху».

Однако, как представляется, нормотворческая деятельность Правительства Российской Федерации в сфере ОРД остается несколько «в тени». В этой связи существует насущная необходимость рассмотрения вопросов эффективности, обоснованности, целеполагания такого рода деятельности российским Правительством.

Действующим законодательством определены полномочия Правительства Российской Федерации в области обеспечения законности, прав и свобод человека и гражданина, борьбы с преступностью. В них входят осуществления мер по формированию политики государства в данной сфере, безопасности самого государства, общества и граждан, в том числе в информационной сфере, подготовке кадрового состава правоохранительных органов.

Данные нормы напрямую обязывают Правительство России принимать меры по формированию и реализации ОРП в определенных направлениях. Очевидно, что оперативно-розыскная политика государства взаимосвязана с другими сферами государственной (уголовной) политики и должна гармонично развиваться в общей системе государственного управления. При этом, как отмечает А. Телков, ОРП – «это составная часть социальной и правовой политики, проводимой в государстве, определяющая задачи и возможности оперативно-розыскной деятельности вне рамок борьбы с преступностью» [6, 160–161].

Однако, как мы видим, исходя из положений действующего законодательства «Правительство Российской Федерации обеспечивает проведение в Российской Федерации единой социально ориентированной государственной политики в области культуры, науки, образования, здравоохранения, социального обеспечения, поддержки, укрепления и защиты семьи, сохранения традиционных семейных ценностей, а также в области охраны окружающей среды»¹.

Будучи субъектом ОРП, «определяющим направления ее развития, назначение и содержание оперативно-розыскной деятельности, обеспечивающими правовую основу и организующими реализацию в масштабе страны» [5, 36], Правительство Российской Федерации осуществляет контроль за ОРД, участвует, реализует и обеспечивает

¹ Федеральный конституционный закон от 6 ноября 2020 г. № 4-ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации от 9 ноября 2020 г. № 45. Ст.7061.

ет реализацию оперативно-розыскной политики, но за ее интеграцию в единую систему государственной политики не отвечает, что создает определенное противоречие.

В период с 1996 по 2023 год Правительством Российской Федерации принято около 20 постановлений, в той или иной степени касающихся реализации оперативно-розыскной политики. По большей части постановления, носящие нормативный характер, касались организации взаимодействия операторов связи, организаторов распространения информации в сети Интернет, собственников или иных владельцев технологических сетей связи с государственными органами, уполномоченными осуществлять ОРД.

Помимо этого, Правительством России разработаны и утверждены две Концепции на которые следует обратить внимание в контексте рассматриваемой темы исследования:

Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года, где одним из направлений развития человеческого потенциала России является «достижение результатов по снижению уровня преступности»¹;

Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года, где содержится требование «повышения эффективности осуществления оперативно-розыскной деятельности, в том числе в отношении лиц, осужденных за преступления экстремистской направленности и террористического характера»².

Содержащиеся в Концепциях положения подразумевают проведение определенных оперативно-розыскных мероприятий субъектами ОРД, а, следовательно, и реализацию отдельных аспектов оперативно-розыскной политики в данной сфере. Здесь следует пояснить, что данные Концепции имеют статус распоряжений Правительства и, соответственно, не имеют нормативного характера.

Отдельно стоит отметить утвержденные государственные программы Российской Федерации, где в их реализации наряду с ответственным исполнителем (в нашем случае – Министерством внутренних дел) задействованы и многие другие участники (федер-

¹ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 17 ноября 2008 г. № 1662-р «О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года» // Собрание законодательства Российской Федерации от 24 ноября 2008 г. № 47. Ст. 5489.

² Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29 апреля 2021 г. №1138-рп «Об утверждении Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года». URL: <http://government.ru/docs/all/134278/> (дата обращения: 17.08.2024).

ральные органы исполнительной власти). Так, в государственной программе Российской Федерации «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности» к ожидаемым результатам законодатель относит как «повышение результативности розыскной работы» и «повышение эффективности противодействия преступлениям экономической направленности», так и «сокращение подростковой преступности»¹.

Подводя итог можно констатировать, что Правительство Российской Федерации осуществляя исполнительную власть, полноценно участвует в формировании оперативно-розыскной политики государства посредством издания соответствующих постановлений, распоряжений и обеспечивает их исполнение. Однако здесь возникает вопрос осуществления контроля за ОРД со стороны российского Правительства (функция которого возложена на него действующим законодательством) – насколько он полноценен?

Во-первых, «силовые» ведомства, являющиеся субъектами ОРД, напрямую подчинены Президенту Российской Федерации, а не Правительству России. Во-вторых, как Генеральная прокуратура, так и Следственный комитет не относятся к ветви исполнительной власти являясь независимыми органами, что также исключает их подчинение российскому Правительству. Каким образом осуществляется контроль ОРД и насколько оперативно?

Возможно, это делается посредством направления запросов в органы, осуществляющие ОРД, тем более что в структуре Аппарата Правительства существует Департамент контроля, но здесь, как представляется, может идти речь скорее о надзоре, чем о контроле. Конечно же данная точка зрения автора сугубо субъективна, а обозначенная проблема – дискуссионна.

При этом, как уже говорилось выше, правоохранительная деятельность не включена в процесс обеспечения проведения в Российской Федерации единой социально ориентированной государственной политики российским Правительством, что требует своего дальнейшего осмысления, и, возможно – дополнения существующих законодательных норм.

¹ Постановление Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2014 г. № 345 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности» // Собрание законодательства Российской Федерации от 5 мая 2014 г. № 18 (часть IV). Ст.2188.

Список литературы:

1. Александров А.И. Уголовная политика и уголовный процесс в российской государственности: история, современность, перспективы, проблемы / Под ред. В.З. Лукашевича; Предисловие академика РАН, лауреата Государственной премии СССР, Заслуженного деятеля науки Российской Федерации, докт. юрид. наук В.Н. Кудрявцева. – СПб.: СПбГУ, 2003. – 562 с.
2. Захарцев С.И., Сальников В.П. Оперативно-розыскная политика: понятие и сущность // Юридическая наука: история и современность, 2016. – № 4. – С.95–110.
3. Фаттахова Р.Р. К вопросу о необходимости формирования национальной оперативно-розыскной политики // Государственная служба и кадры, 2017. – № 4. – С.45–48.
4. Беляева Л.И., Павличенко Н.В. Оперативно-розыскная политика: понятие и содержание // Труды Академии управления МВД России, 2021. – № 4 (60). – С.19–24.
5. Аتماжитов В.М. О сущности оперативно-розыскной политики Российской Федерации // Академическая мысль, 2020. – № 4 (13). – С.34–37.
6. Телков А.В. К вопросу о понятии, сущности и основных направлениях реализации оперативно-розыскной политики Российской Федерации // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки, 2022. – Вып. 2. – С.158–165.

Кохан Рустам Юрьевич,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры организации
оперативно-розыскной деятельности,
Академия управления МВД России
E-mail: rkokhan@mvd.ru

УДК 343.163 (075)

**К вопросу о сущности оперативно-розыскной политики,
роли принципа законности и оперативно-розыскных традиций
в ее формировании**

Аннотация. Проанализированы теоретические подходы к сущности, субъектам и принципу законности в оперативно-розыскной политике. Показано, что формирование оперативно-розыскной политики необходимо рассматривать как процесс выработки в ходе практической оперативно-розыскной деятельности новых средств и методов противодействия преступности, их последующее научное осмысление и теоретическое обоснование, дальнейшее внедрение и методическое обеспечение. Акцентируется внимание на роли сотрудников оперативных подразделений в формировании оперативно-розыскной политики не только в правоприменительном, но и в доктринальном ее содержании.

Подвергнуто критическому анализу содержание принципа законности в оперативно-розыскной политике, обращено внимание на целесообразность введения категории «оперативно-розыскные традиции» и показано влияние оперативно-розыскных традиций на формирование оперативно-розыскной политики.

Ключевые слова: оперативно-розыскная политика; принцип законности; оперативно-розыскные традиции.

Основные теоретические подходы к определению сущности, пониманию основополагающих принципов, целей и субъектов оперативно-розыскной политики достаточно устоялись в научной среде и хорошо известны. Во-первых, оперативно-розыскная политика это научно обоснованная крупномасштабная деятельность государства стратегического характера [1; 2]. Она включает в себя как теоретическую составляющую (систему концептуальных положений, идей, выводов определяющих цели, принципы, направления

и перспективы деятельности оперативно-розыскных аппаратов), так и практическую деятельность, направленную на их реализацию [4, с. 48]. Во-вторых, субъектами формирования и реализации оперативно-розыскной политики являются в доктринальной и законодательской формах Президент Российской Федерации, Государственная Дума и Федеральное Собрание Российской Федерации; в правоприменительной форме - органы, осуществляющие ОРД, органы прокуратуры и суды [1; 2]. В-третьих, одним из важнейших принципов оперативно-розыскной политики является законность [1; 2; 3, с.50].

Вместе с тем, теоретическое осмысление практики оперативно-розыскной деятельности говорит о необходимости дополнения данных основополагающих суждений. Достаточно внимательно взгляда на повседневную деятельность субъектов оперативно-розыскной политики - оперативных сотрудников, руководителей, уполномоченных на организацию ОРД, роль которых теорией традиционно ограничивается правоприменительной формой реализации политики, для того чтобы убедиться, что такая теоретическая рестрикция верна лишь отчасти. Практическая оперативно-розыскная деятельность, как и любая практическая правоприменительная деятельность лишь в большей или меньшей степени соотносится с правовыми моделями, отраженными в научных концепциях, и правовыми моделями, зафиксированными в нормативных правовых актах. Несоответствие тем заметнее, чем динамичнее развитие объективно существующих общественных отношений. Именно решая задачи оперативно-розыскной деятельности на грани и за пределами урегулированной нормативными правовыми актами области, руководители и сотрудники оперативных подразделений, опираясь на основополагающие положения Конституции, а в ряде случаев используя аналогию права и основываясь на общих началах и принципах теории оперативно-розыскной деятельности, создают правовые подходы, развивают методы ОРД, в ряде случаев изменяют представление о формах оперативно-розыскной деятельности и сущности оперативно-розыскных мероприятий, непосредственно формируя оперативно-розыскную политику не только в правоприменительном, но и в доктринальном содержании.

Рассматривая роль сотрудников оперативных подразделений как субъектов оперативно-розыскной политики (не умаляя в этом ряду роль следователей, сотрудников экспертно-криминалистических подразделений, прокуроров, судей), вполне обоснованно говорить о значительной доли их участия в доктринальной форме реализации оперативно-розыскной политики, подразумевая при этом,

что идеи, выводы и концептуальные положения, определяющие сущность, цели и принципы оперативно-розыскной деятельности формируются в ходе правоприменения на границе области урегулированных законодательством общественных отношений в сфере оперативно-розыскной борьбы с преступностью.

Далее рассматривая процесс формирования оперативно-розыскной политики необходимо остановиться на таком фундаментальном принципе как законность. Характеризуя принцип законности, исследователи указывают на то, что оперативно-розыскная политика осуществляется на основе права, в рамках права и в установленных правовых формах [1], имеет строго регламентированный законом характер [2], вся деятельность по обеспечению безопасности от криминальных посягательств (правотворческая, правоприменительная, правовоспитательная) строится в соответствии с правовыми предписаниями[3, с. 50].

Более пристальное рассмотрение правоприменения в такой сфере как оперативно-розыскная деятельность, как представляется, указывает на необходимость критического переосмысления и уточнения этого принципа. Во-первых, формирование оперативно-розыскной политики, как мы уже отмечали, активно происходит при возникновении разрыва между существующими в реальности общественными отношениями в сфере оперативно-розыскной деятельности и устаревшей правовой моделью, отраженной в нормативных правовых актах и сформулированной в доктрине. Характерным в такой ситуации является отсутствие как ведомственного, так и законодательного регулирования, а правоприменение формируется на основе понимания конкретными должностными лицами (руководителями оперативных подразделений, прокурорами, следователями, судьями) основных положений Конституции, принципов ОРД. Принимаемые решения, в том числе решения по принципиальным вопросам (таким как пределы ограничения конституционных прав, подходы к квалификации действий как провокации и пр.), существенно различаются в зависимости от конкретного региона. Это демонстрирует что, при формировании оперативно-розыскной политики в тех областях оперативно-розыскных правоотношений, которые в моменте времени оказываются не охваченными правовым регулированием, было бы странно говорить о том, что соблюдается принцип законности, уже лишь потому, что требования закона и подзаконных актов в этой области отношений еще не сформулированы.

В качестве иллюстрации данного тезиса, достаточно критически взглянуть на положения Федерального закона от 12.08.1995

№44-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности». Практика оперативно-розыскной деятельности, как известно, давно вышла за пределы тех оперативно-розыскных мероприятий, которые фигурируют в законе. В настоящее время только формируются предложения по законодательной регламентации ОРМ в сети Интернет, ОРМ на основе технологий OSINT, хотя практика их применения имеет многолетнюю историю.

Во-вторых, представляется, что в практике ОРД значительную роль играют оперативно-розыскные традиции, оказывая прямое влияние на оперативно-розыскную политику. Наличие такого влияния не должно удивлять, если принять во внимание тот факт, что оперативно-розыскная деятельность лишь относительно недавно оформлена законодательно и весьма лаконичным образом сформулирована в ведомственных нормативных актах. Оперативно-розыскную традицию можно определить как сложившееся и широко применяемое, не предусмотренное законодательством и подзаконными нормативными актами правило поведения оперативных сотрудников при осуществлении ОРД. Традиция не может противоречить законодательству, ее существование оправдано тем, что позволяет оперсотрудникам применять зарекомендовавшие себя модели деятельности в условиях пробелов нормативного правового регулирования оперативно-розыскных правоотношений.

Таким образом, утверждать, что при формировании оперативно-розыскной политики всегда реализуется принцип законности, можно лишь с определенной долей условности. В этой ситуации более точно говорить не о реализации принципа законности, а о реализации конституционных принципов при формировании оперативно-розыскной политики, подразумевая, что в условиях отсутствия законодательного и подзаконного регулирования, деятельность практических органов зачастую сопряжена с аналогией закона, при этом постоянными ориентирами при применении оперативно-розыскных сил и средств являются положения Конституции, а в ряде случаев и оперативно-розыскные традиции.

Резюмируя, необходимо подчеркнуть что, оперативно-розыскную политику не всегда можно рассматривать как идеализированную схему, как стратегическое, основанное на законе влияние государства на выработку мер борьбы с преступностью, связанную применением оперативно-розыскных методов. Практика, указывая на несоответствие такой упрощенной модели, реальным общественным отношениям, требует рассмотрения процесса формирования оперативно-розыскной политики как выработку оперативными подразделениями в ходе решения практических задач новых

средств и методов противодействия преступности, их последующее научное осмысление и теоретическое обоснование, дальнейшее внедрение и методическое обеспечение. Процесс формирования оперативно-розыскной политики более напоминает путь практических проб и правовых ошибок, противоборства и апробации правовых подходов. В этих условиях, деятельность практических органов зачастую сопряжена с аналогией закона, ориентирами при этом оказываются положения Конституции и оперативно-розыскные традиции. Руководители оперативных подразделений, (следователи, прокуроры, судьи) вырабатывают новые методики деятельности, зачастую корректируя и дополняя представление о формах и сущности оперативно-розыскной деятельности, непосредственно формируя оперативно-розыскную политику не только в правоприменительном, но и в доктринальном содержании.

Список литературы:

1. Атмажитов В. М. О сущности оперативно-розыскной политики // Академическая мысль. 2020. № 4. С.34–37.
2. Беляева Л. И., Павличенко Н. В. Оперативно-розыскная политика: понятие и содержание // Труды Академии управления МВД России. 2021. № 4. С. 19–24
3. Уголовная политика Российской Федерации: учебник: в 2-х ч. / под ред. заслуженного юриста Рос. Федерации, д-ра юрид. наук, проф. Л. И. Беляевой. – М.: Академия управления МВД России, 2018. – Ч. 1. – 184с.
4. Хомколов В. П. Организация управления оперативно-розыскной деятельностью: системный подход. М.: Закон и право, ЮНИТИ, 1999. – 191 с.

Курилов Сергей Иванович,
кандидат юридических наук,
заместитель начальника кафедры
управления органами расследования преступлений,
Академия управления МВД России
E-mail: skurilov5@mvd.ru

Неверович Ольга Викторовна,
слушатель 2-го факультета,
Академия управления МВД России
E-mail: oneverovich@mvd.ru

УДК 343.1

**К вопросу обеспечения возмещения
причиненного преступлением вреда
руководителями органов предварительного расследования
как одного из актуальных направлений развития
уголовно-процессуальной политики Российской Федерации**

Аннотация. В статье рассматриваются проблемные вопросы, связанные с обеспечением руководителями органов предварительного расследования работы следователей и дознавателей по возмещения причинного преступлением вреда. Предлагается совершенствование законодательства в рассматриваемой сфере.

Ключевые слова: возмещение ущерба; руководители; следователи; дознаватели; уголовно-процессуальная политика.

Одним из актуальным направлением развития уголовно-процессуальной политики Российской Федерации является обеспечение ее субъектами возмещения причинного преступлением вреда в деятельности органов предварительного расследования.

Субъектами реализации уголовно-процессуальной политики в данном направлении, деятельность которых связана с обеспечением возмещения причинного преступлением вреда при рассмотрении материалов доследственной проверки и расследовании уголовных дел органами предварительного следствия и подразделениями дознания, являются непосредственно руководители, а также их подчиненные сотрудники. Данное направление деятельности обеспечи-

вается посредством предоставленных рассматриваемым субъектам процессуальных и организационных полномочий.

Вопросы обеспечения прав потерпевших и компенсация причиненного ущерба регламентированы соответствующими межведомственными приказами¹.

Так субъектами организации, осуществляющими стратегическое управление уголовно-процессуальной политикой в сфере обеспечения возмещения причинного преступлением вреда для органов предварительного следствия является – Следственный департамент МВД России. Для подразделений дознания – Управление организации дознания МВД России и Главное управление на транспорте.

Субъектами организации, осуществляющими оперативное управление уголовно-процессуальной политикой в рассматриваемой сфере для подразделений следствия являются – следственные подразделения территориальных органов МВД России на окружном, межрегиональном и региональном уровне. Для подразделений дознания – на межрегиональном и региональном уровне.

К субъектам, решающим тактические задачи уголовно-процессуальной политики в данной сфере, относятся – подразделения следствия и дознания территориальных органов МВД России на районном уровне.

В этой связи уголовно-процессуальная политика в сфере обеспечения возмещения причинного преступлением вреда в деятельности органов предварительного следствия и подразделений дознания осуществляется на концептуальном, законодательном, управленческом, и правоприменительном уровне.

К обеспечению возмещения причинного преступлением вреда руководителями подразделений следствия и дознания относится: возмещение ущерба потерпевшим, установление имущества подозреваемых (обвиняемых, третьих лиц), запросы в компетентные государственные органы и коммерческие организации об истребовании соответствующих сведений, позволяющие установить имущественное положение лиц, привлекаемых к уголовной ответственности, и их близких родственников с целью наложения на имущество

¹приказ Генеральной прокуратуры Российской Федерации, МВД России, МЧС России, ФСБ России, СК России, ФСКН России, ФТС России, ФССП России, Росфинмониторинга от 29 марта 2016 г. № 182/189/153/243/33/129/800/220/105 «О порядке взаимодействия правоохранительных и иных государственных органов на досудебной стадии уголовного судопроизводства в сфере возмещения ущерба, причиненного государству преступлением» // СПС «Консультант Плюс» Консультант «Плюс» и др.

ареста, ведение учетов (накопительных производств) по вопросам возмещения причиненного преступлением ущерба, закрепление ответственных лиц из числа заместителей начальников подразделений следствия и дознания или старших следователей и дознавателей за организацию сбора соответствующих материалов, обобщения и анализа работы по данному направлению оперативно-служебной деятельности, ведения учетов (накопительных производств)¹, с участием оперативных подразделений проводятся заслушивания, практикуется проведение инструктажа заступающих на дежурство следственно-оперативных групп по рассматриваемому вопросу, при рассмотрении обращений с продлением сроков предварительного следствия изучаются находящиеся в производстве уголовные дела на предмет возмещения причиненного ущерба и др.

Руководители подразделений следствия и дознания при обеспечении возмещения причинного преступлением вреда в своей деятельности руководствуются целевыми² и оценочными показателями для подразделений следствия³ и дознания⁴.

Рассматриваемой в статье проблемой занимались такие специалисты, как Ашкатова К.В. [1], Герасименко А.С. [2], Ендольцева А.В. [3], Мартыненко Н.Э. [4], Тутьнин И.Б. [5] и другие ученые труды которых способствовали развитию теории и совершенствованию данной деятельности на практике.

Однако, следует отметить, что не смотря на, то что в 2023 году целевые показатели Государственной программы подразделениями следствия (24,10%) и дознания (52,9%) достигнуты и составили соответственно 41,8% (АППГ – 40,1%) и 58,4% (АППГ –

¹ Учёт проведенных обысков, в том числе неотложных (в накопительном производстве – копии протоколов обысков, решений судов о законности проведенных обысков, обобщенные данные о количестве проведенных обысков, их эффективности); учет дел, по которым не возмещен ущерб и принимались меры к установлению похищенного имущества (в накопительном производстве – сведения, какие конкретно меры принимались); учет дел, по которым наложен арест (в накопительном производстве – копии ходатайств следователей в суд.

² Государственная программа Российской Федерации утверждена постановлением Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2014 г. № 345. Далее – «Государственная программа». Паспорт комплекса процессных мероприятий «Предварительное следствие» Государственной программы, утвержденным Министром внутренних дел Российской Федерации 24 декабря 2021 г. № 1/14811 // СПС Страс «Юрист».

³ Распоряжение МВД России от 19.07.2021 № 1/8120 «Об утверждении системы изучения и оценки эффективности деятельности органов предварительного следствия территориальных органов МВД России» // СПС Страс «Юрист».

⁴ Распоряжение МВД России от 28.08.2023 № 1/10131 «Об оценке деятельности территориальных органов Министерства внутренних дел Российской Федерации по осуществлению дознания» // СПС Страс «Юрист».

45%), вместе с тем сократились объемы (-48,9%; с 27,2 млрд руб. до 13,9 млрд руб.) и удельный вес ущерба, возмещенного в результате действий следователей по изъятию и возвращению потерпевшим похищенного имущества (с 18,3% до 9,8%)¹, а дознавателями недостаточно применялся арест на транспортные средства, в этой связи необеспечение конфискации имущества повлекло в 2023 году применение мер прокурорского реагирования².

В отдельных случаях органами дознания допускаются факты формального отношения к исполнению поручений о розыске похищенного имущества, что влечет утрату возможности обеспечить полное возмещение

ущерба. В таких случаях одновременно с организацией вопросов налаживания взаимодействия на уровне руководителей подразделений, следователям и дознавателям необходимо самостоятельно в соответствии с процессуальными полномочиями своевременно принимать активные меры по изъятию похищенного имущества.

Так, например, по находившемуся в производстве в одном из СУ УМВД России уголовному делу о хищении двух автомобилей следователем с учетом информации об их продаже для разбора на запасные части направлено поручение в подразделение уголовного розыска об установлении их местонахождения, на которое поступил формальный отрицательный ответ. В этой связи следователем самостоятельно проведен осмотр места происшествия – одного из мест разбора автотранспорта, в ходе которого обнаружены и изъяты основные части одного из похищенных автомобилей на сумму 200 тыс. руб., установить местонахождение второго автомобиля не представилось возможным³.

При этом не могут быть признаны достаточно эффективными результаты работы в 2023 г. следственных подразделений по возмещению ущерба, установленного по уголовным делам, например, связанных с деятельностью финансовых пирамид – возмещено 9,7% (АППГ: 8,0%) ущерба (4,2% от общей суммы ущерба; АППГ: 4,0%); преступлениях, связанных с незаконной рубкой лесных насаждений – возмещено 23,3% (АППГ: 32,8%) ущерба (2,4% от общей суммы ущерба; АППГ: 1,8%) и других составов⁴.

¹ Письмо Следственного департамента МВД России от 27.04.2024 № 17/1-14602 «О направлении информационно-аналитических материалов»

² Письмо УОД МВД России от 15.02.2024 № 90/370 «О направлении обзора».

³ Письмо Следственного департамента МВД России от 27.04.2024 № 17/1-14602 «О направлении информационно-аналитических материалов».

⁴ Там же.

Данная ситуация свидетельствует о том, что руководителями следственных органов и подразделений дознания не в полной мере реализуются свои процессуальные и организационные полномочия.

В этой связи реализация ими функций по обеспечению оперативно служебной деятельности подчиненных подразделений следствия и дознания по линии возмещения ущерба не может быть оценена как соответствующая складывающейся оперативной обстановке.

Подводя итог рассматриваемой в статье теме, можно констатировать, что вышеуказанная ситуация говорит об имеющихся проблемных вопросах, связанных с обеспечением возмещения причинного преступлением вреда руководителями подразделений следствия и дознания, как одного из актуального направления развития уголовно-процессуальной политики Российской Федерации, а также необходимости совершенствования законодательства в данной сфере для обеспечения прав потерпевших и компенсация причиненного ущерба, а также совершенствования организационно-обеспечительных мер, которые позволят повысить эффективность работы в данной сфере.

Список литературы:

1. Ашкатова К. В. Уголовно-процессуальные возможности восстановления нарушенного имущественного права: дис. ...канд. юрид. наук: 12.00.09 / Ашкатова Кермен Викторовна. – Волгоград, 2014. – 255 с.
2. Герасименко А. С. Возмещение вреда, причиненного преступлением, как институт уголовно-процессуального права: дис. ...канд. юрид. наук: 12.00.09 / Герасименко Алексей Сергеевич. – М., 2008. – 202 с.
3. Ендольцева А. В., Подустова О. Л. Обеспечение в ходе предварительного следствия возмещения потерпевшему вреда, причиненного преступлением: монография. М., 2021.
4. Мартыненко Н. Э. Понятия «вред» и «ущерб», и их уголовно-правовая оценка // Труды Академии управления МВД России. 2020. № 2 (54). С. 103-109.
5. Тутьнин И. Б. Процессуальное принуждение имущественного характера в уголовном судопроизводстве: дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2023. – 529 с.

Курилов Сергей Иванович,
кандидат юридических наук,
заместитель начальника кафедры
управления органами расследования преступлений,
Академия управления МВД России
E-mail: skurilov5@mvd.ru

Таратыкин Александр Викторович,
слушатель 2-го факультета,
Академия управления МВД России
E-mail: ataratykin@mvd.ru

УДК 343.1

**К вопросу актуальности организации соблюдения законности
и служебной дисциплины в деятельности органов
предварительного следствия как одного из направлений развития
уголовно-процессуальной политики Российской Федерации**

Аннотация. В статье рассматриваются проблемные вопросы, связанные с организацией соблюдения законности и служебной дисциплины в деятельности органов предварительного следствия, как одного из направлений развития уголовно-процессуальной политики Российской Федерации. Предлагается совершенствование законодательства в данной сфере для соблюдения законности сотрудниками и совершенствования организационно-обеспечительных мер, которые позволят снизить показатели нарушения законности.

Ключевые слова: законность; служебная дисциплина; органы предварительного следствия.

Одним из актуальным направлением развития уголовно-процессуальной политики Российской Федерации является организация ее субъектами соблюдения законности и служебной дисциплины как в деятельности органов предварительного расследования в общем, так и предварительного следствия, в частности, т.к. их деятельность осуществляется в соответствии с принципом законности. Последствия нарушения данного принципа, влекут за собой нарушения конституционных прав граждан и служебной дисциплины сотрудников.

Субъектами реализации уголовно-процессуальной политики в данном направлении, деятельность которых связана с соблюдением законности и служебной дисциплины при рассмотрении материалов доследственной проверки и расследовании уголовных дел органами предварительного следствия, являются руководители и их подчиненные сотрудники, которые обеспечивают законность посредством предоставленных им процессуальных и организационных полномочий.

Так субъектами организации, осуществляющими стратегическое управление уголовно-процессуальной политикой в сфере соблюдения законности и служебной дисциплины для органов предварительного следствия, является – Следственный департамент МВД России.

Субъектами организации, осуществляющими оперативное управление уголовно-процессуальной политикой в рассматриваемой сфере для подразделений следствия являются – следственные подразделения территориальных органов МВД России на окружном, межрегиональном и региональном уровне.

К субъектам, решающим тактические задачи уголовно-процессуальной политики в данной сфере, относятся – подразделения следствия территориальных органов МВД России на районном уровне.

В этой связи уголовно-процессуальная политика в сфере организации соблюдения законности и служебной дисциплины в деятельности органов предварительного следствия осуществляется на концептуальном, законодательном, управленческом, и правоприменительном уровне.

К нарушениям законности следственными подразделениями относится: реабилитация лиц судом и в ходе предварительного следствия в результате прекращения уголовных дел, а также если лица незаконно содержались под стражей¹.

Рассматриваемой в статье проблемой занимались такие специалисты, как Афанасьев В.С. [1], Бойко Д.В. [2], Гранат Н.Л. [3], Лунев А.Е. [4], Пospelова Ю.С. [5] и другие ученые труды которых способствовали развитию теории и совершенствованию данной деятельности на практике.

Однако, следует отметить, что не смотря на снижение в 2023 году количества лиц, реабилитированных судами (в 2022 – 372 лиц,

¹ Распоряжение МВД России от 19.07.2021 № 1/8120 «Об утверждении системы изучения и оценки эффективности деятельности органов предварительного следствия территориальных органов МВД России» // СПС Страс «Юрист».

в 2023 – 308 лиц), количество реабилитированных лиц на стадии предварительного следствия увеличилось на 9,6% и составило 399 лиц (в 2022 – 364 лица).

Также несмотря на снижение на 35,2% (с 71 до 46) в 2023 году количества лиц, незаконно содержавшихся под стражей, количество реабилитированных лиц, содержавшихся под стражей, на 1000 лиц по направленным в суд уголовным делам, не изменилось и составило 0,2 лица (АППГ: 0,2)¹.

Следует отметить, что нарушения в рассматриваемом направлении реализации уголовно-процессуальной политики допускаются на всех этапах уголовного процесса, начиная со стадии процессуальной проверки и заканчивая неверной оценкой доказательств на предварительном следствии.

Отдельные руководители следственных подразделений по-прежнему самоустраиваются от осуществления ведомственного и процессуального контроля за обоснованностью принятия следователями решений по результатам рассмотрения заявлений (сообщений) о преступлениях, ежедневный анализ оперативной обстановки, мониторинг сводок о преступлениях и происшествиях не осуществляют.

Как итог, следователями принимаются незаконные решения о возбуждении уголовных дел при неисследовании в полном объеме обстоятельств произошедшего, исключающих преступность деяния по причине отсутствия события, состава преступления.

Так, например, по уголовному делу № ..., возбужденному одним из СУ УМВД России по п. «б, в» ч. 2 ст. 158 УК РФ, еще в ходе проведения процессуальной проверки по заявлению о хищении имущества из пристройки, расположенной на дачном участке, стало известно, что его вывез брат потерпевшей В. После этого заявитель настаивала на прекращении разбирательства, однако сотрудниками полиции ее просьба оставлена без внимания, что впоследствии привело к судебной реабилитации В.²

Также, в отношении большинства лиц, получивших право на реабилитацию по делам общеуголовной направленности, незаконно применялись меры пресечений в отсутствие оснований и условий, содержащихся в уголовно-процессуальном законодательстве.

¹ Письмо Следственного департамента МВД России от 31.03.2024 № 17/2 «О направлении обзора о состоянии законности в 2023 г».

² Там же.

Так, например, по уголовному делу № ..., возбужденному одним из СУ УМВД России в отношении Е. и Х. (п.п. «а», «г» ч. 2 ст. 161 УК РФ), в первый день расследования, до проведения допроса потерпевшего, обоим подозреваемым следователем избрана мера пресечения в виде подписки о невыезде и надлежащем поведении. Потерпевший допрошен только на следующий день и показал, что Х. в отношении него преступления не совершал.

За допущенные нарушения, послужившие основаниями для принятия 736 реабилитирующих решений (судом и предварительном следствии за 2022 г.), к дисциплинарной ответственности привлечен 351 сотрудник ОПС системы МВД России ¹.

Допущенные факты незаконного возбуждения, избрания незаконной меры пресечения, прекращения уголовных дел, не могли не повлиять на рост количества удовлетворенных судами исков о компенсации морального вреда в порядке, предусмотренном ст. 1070 ГК РФ.

Так по сравнению с 2022 г. количество удовлетворенных исков увеличилось на 1,9% (с 783 до 798), взысканная сумма возросла на 33,6% (с 144,1 млн рублей до 192,39 млн. рублей) ².

Подводя итог рассматриваемой в статье теме, можно констатировать, что вышеуказанная ситуация говорит об имеющихся проблемных вопросах, связанных с организацией соблюдения законности и служебной дисциплины в деятельности органов предварительного следствия, как одного из актуального направления развития уголовно-процессуальной политики Российской Федерации, а также необходимости совершенствования законодательства в данной сфере для соблюдения законности сотрудниками и совершенствования организационно-обеспечительных мер, которые позволят снизить показатели нарушения законности.

Список литературы:

1. Афанасьев В. С. Обеспечение законности: вопросы теории и практики: дис. ... д-ра юрид. наук в форме научного доклада, выполняющего также функции автореферата. М., 1993. – 40 с.

¹ Письмо Следственного департамента МВД России от 31.03.2023 № 17/2-10493 «О направлении обзора о состоянии законности».

² Письмо Следственного департамента МВД России от 31.03.2024 № 17/2 «О направлении обзора о состоянии законности в 2023 г».

2. Бойко Д. В. Законность и усмотрение в правоприменительной деятельности: вопросы теории: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2011. – 34 с.

3. Гранат Н. Л. Правовые и нравственно-психологические основы обеспечения законности на предварительном следствии: автореф. ... дис. д-ра юрид. наук. М., 1992. – 31 с.

4. Лунев А. Е. Обеспечение законности в советском государственном управлении. М., 1963. – 158 с.

5. Поспелова Ю. С. Обеспечение законности уголовно-процессуальными средствами при раскрытии и расследовании преступлений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2011. – 34 с.

Курманалиев Нурбек Жекшенович,
начальник сектора Центра средств и систем связи,
ФКУ НПО «СТиС» МВД России
E-mail: urbek0676@mail.ru

УДК 343

**К вопросу о реализации уголовной политики России
на дальних рубежах: оперативно-розыскной аспект**

Аннотация. В предлагаемой научной статье авторами рассмотрен вопрос противостояния тенгрианства и ислама на примере Кыргызской Республики в разрезе потенциальных угроз для России, которая коррелируется и с задачами ОРД по добыванию информации и предотвращению угроз. Поскольку страна с обретением независимости провозгласила свободу вероисповедания граждан на территории страны наблюдается плюрализм религиозных интересов. В частности, речь идет о конфронтации ислама и тенгрианства, которое не принимается частью общества и может стать «детонатором» для создания «пояса нестабильности» вокруг Российской Федерации.

Ключевые слова: Центральная Азия; Россия; США; Китай; кочевое общество; ислам; тенгрианство; возрождение; радикализм; мировоззрение; противостояние; ОРД.

Во все времена, начиная с Российской Империи, Советского Союза, Российской Федерации страну пытались развалить и колонизировать если не военным путём и путём экономических санкций, то путём внесения раскола в духовную и религиозную жизнь её населения. Причём, если два первых рычага использовались периодически и не всегда приносили желаемый успех, то внедрение нетрадиционных для страны религий могли бы способствовать отдалению части населения от активной общественной жизни и от решения стоящих перед ней проблем, принуждению к разрушению семьи – «ячейки государства», побуждению граждан к отказу от исполнения установленных законом гражданских обязанностей, отказ от исповедования традиционных для России религий, во все времена являвшихся одним из столпов государственного устройства. И надо сказать, что борьба с нетрадиционными религиями и миссионерами, их насаждавшими, ведется давно и с разным успе-

хом. В этой связи стоит вспомнить знаменитый Указ императрицы Екатерины II о создании в Духовном Департаменте Министерства внутренних дел специальное «Делопроизводство по иностранным вероисповеданиям» [1, с.138]¹, направленное, прежде всего, против иностранных миссионеров, проповедовавших «единственно верные», но не традиционные для России религиозные учения. При этом нельзя однозначно утверждать, что действовали они исключительно инициативно и никакого отношения к спецслужбам своих государств не имели.

Конечно, кроме этих «стратегических» задач и целей иностранные миссионеры решали и вопросы сугубо тактического меркантильного характера путём присвоения движимого и недвижимого имущества своих адептов. И, естественно, отток денежных средств из страны пребывания на родину миссионеров был нежелателен ни тогда, ни в настоящее время. Изменилось ли что-то в этой сфере правоохранительной деятельности в принципиальном плане? С точки зрения авторов незначительно.

В настоящее время вектор спецслужб переместился на Азиатское направление, в «южное подбрюшье» России. Актуализирован религиозный фактор, который отражает стремление иностранных спецслужб через международные экстремистско-религиозные организации создать в ряде регионов России очаги религиозного напряжения. Предполагается использовать для решения этой задачи исламистов-радикалов путём провоцирования вначале в районе временного проживания, а затем и в стране в целом, межрелигиозных конфликтов и дестабилизации оперативной обстановки.

В качестве примера: сотрудники Центра по противодействию экстремизма ГУ МВД России по Московской области задержали в Котельниках 44-летнего жителя Москвы. По версии следствия, он пытался незаконно создать местную религиозную организацию мусульман, предоставив в уполномоченные органы поддельные документы. Возбуждено уголовное дело по ст.173.1 УК РФ [2]. Основанием для задержания послужила информация о том, что содержание проповедей далеко от норм традиционного ислама и это не случайно, так как в качестве муллы был приглашён гражданин Кыргызской Республики, получивший религиозное образование в арабских мусульманских университетах.

Рассматривая оперативную обстановку в стране в контексте влияния на неё религиозного фактора, следует отметить участие

¹ В качестве основных, признанных религий, являющихся основой государственности, были следующие: христианство (православная ветвь), ислам, буддизм, иудаизм.

в её формировании стратегического влияния отдельных иностранных спецслужб и их финансирование экстремистских структур, рост проявлений экстремизма в ближнем и дальнем зарубежье. В этом плане следует обратить особое внимание на Средне-Азиатский регион (в другой редакции – Центральноазиатский регион), который находясь на южном фланге постсоветского пространства, является одним из значимых элементов континентальной стабильности и безопасности, стратегическим буфером против многих внешних угроз, несомненно значимых для России. И это означает, что наша страна, имея в виду свои стратегические интересы вынуждена бороться за сохранение стабильности в этой части Азии. Свои интересы в этом регионе имеют и США и Китай и ряд европейских государств и обеспечивают эти интересы спецслужбы этих государств своими специфическими методами.

Как утверждает в последней американской стратегии по Центральной Азии, США уже вложили в регион 9 млрд долларов прямой помощи на государственном уровне, 31 млрд долл. частных инвестиций и более 50 млрд в виде кредитов и технической помощи от международных структур с американским участием (Всемирного банка, Международного валютного фонда и ряда других организаций)[3].

При этом необходимо отметить, что практически все государства Центральной Азии в рамках соответствующих договоров являются стратегическими партнерами России. Кроме того, четыре из них (кроме Туркменистана в силу статуса постоянного нейтралитета) – ее официальные союзники.

В рамках решения своих стратегических задач Российская Федерация делает акцент в своей политике на военно-политические методы противодействия вызовам и угрозам, исходящим из государств этого региона в виде «нетрадиционного ислама», а также внешним силам, использующим его религиозный радикализм. Этими же методами, в своих геополитических и геостратегических целях, Россия пытается решать и иные внутренние проблемы расположенных в этом регионе государств.

Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, определяя положение страны в современном мире, делает акцент на том, что действия некоторых стран недружественных стран направлены на инспирирование в Содружестве Независимых Государств (далее – СНГ), дезинтеграционных процессов в целях разрушения связей России с ними как с традиционными союзниками [4]. В данном ключе, ими рассматривается религия – ислам, как своего

рода мощный «детонатор» при реализации их целей по созданию так называемого «пояса нестабильности» вокруг России.

При этом, следует отметить, что, распространение ислама, как основной религии на территории Центральной Азии не привело к полному исчезновению имевших место в жизни населения этих стран верований, обозначенных в настоящее время в качестве «архаических». Так, практически в каждой стране обозначенного региона до настоящего времени сохранились определенные традиции и различные культы, которые через тысячелетия не потеряли интерес к себе у значительной части населения. Указанный процесс осуществляется посредством реанимации вековых традиций, обычаев, воззрений, в целом культуры. Этим объясняются различные противоречивые религиозные взаимоотношения **среди** цивилизационных типов общества современной Центральной Азии. Указанные процессы протекают на фоне продолжающейся самоидентификации этносов, наций, проживающих в данном регионе. На повестке дня встают вопросы, связанные наряду с идеями возрождения тенгрианства с культивированными в отдельных слоях общества этих государств идеями радикализации ислама в качестве противовеса тенгрианству.

Следует отметить, что одним из примеров является Кыргызская Республика, в которой значительное историческое значение играет религия ислам. Но в последнее время наблюдаются попытки возрождения тенгрианства, что приводит к противоборству между сторонниками ислама, чаще всего его радикальных форм и последователями тенгрианства.

Справочно: Тенгрианство или тенгризм – неологизм, одно из представлений о средневековой этнической религии тюркских кочевников евразийских степей и Центральной Азии и испытавших их влияние народов, в которой, особенно на уровне государственного культа высшим считался Тенгри – обожествленное небо. В той же Кыргызской Республике одна из красивейших горных вершин в народе по-прежнему называется Хан Тенгри.

При всём при этом в **Кыргызской Республике** на законодательном уровне, как, собственно говоря, и в России, религия отделена от государства и в этой связи, в религиозную сферу государство формально не вмешивается. И, в этой связи **Кыргызская Республика**, как и некоторые другие страны региона является местом для реализации различных религиозных геополитических проектов мировых и региональных держав, которые пытаются перенести реализацию этих проектов и на территорию России.

Под внешним влиянием, в нашем случае кыргызское общество, подвергается существенной радикализации религиозных отношений. Актуализируется острая дискуссия между сторонниками ислама и тенгрианства, которую вынуждают считать архаичной формой религиозного сознания. Такие настроения выливаются в открытое противостояние и во взаимное обвинение их адептов в радикализации. Необходимо отметить, что определенная часть общества выступает против регистрации тенгрианства, считая, что религия должна быть ниспослана богом, как например ислам, должна иметь книгу и посланника бога, она должна чётко определять критерии дозволенного и запретного.

При всём при этом, и это необходимо подчеркнуть, на территории практически всей Центральной Азии и не только, тенгрианство в течение многих веков исторического развития этих территорий гармонично уживалось с исламом, занимало свое определенное место как мировоззрение местных народов и на уровне периодически сменяемых руководителей никак и никогда не преследовалось. Проблемные аспекты в отношении тенгрианства и ислама берут начало с относительно недавнего периода, когда по инициативе ряда её поклонников начались активные попытки институционализации тенгрианства как отдельной религиозной организации.

Обратим внимание на исследовательскую позицию Ю. Хвастуновой, которая, рассматривая проблемы современных попыток возрождения тенгрианства, выделяет такие признаки современного неотенгрианства, как «бессистемность, отсутствие канона, развитого культа, иерархии, устоявшегося обрядового календаря, отсутствие единого понимания тенгрианства» [5, с.38-39].

Одним из примеров открытой конфронтации тенгрианства и ислама в Кыргызской Республике является неудавшаяся попытка регистрации религиозной организации тенгрианцев. Последователи тенгрианства полагают, что в связи с влиянием мусульманского духовенства сегодня искусственно создаются барьеры в вопросах официальной регистрации, при этом, согласно выводам экспертов *тенгрианство не может считаться религией, поскольку это интересы отдельной группы*. Вместе с тем, на данный момент тенгрианство не запрещено. Но без официального статуса движение тенгрианства не может открывать банковские счета, набирать новых членов, проводить общественные мероприятия или строить молитвенные дома.

Обозначены и иные причины, препятствующие официальному признанию тенгрианства в качестве религии. Так, согласно мнению эксперта по религиозным вопросам Б. Мурзараимова опасения у государства связаны с тем, что в случае легитимизации положения

тенгрианцев, появляется вероятность активного воздействия исламистов на правительство [6]. И в этом случае приводятся доводы, отражённые в позиции ещё одного эксперта - К. Мурзахалилова, который считает, что признание тенгрианства в качестве религии является опасным, угрожающим фактором. В условиях религиозных противоречий на государственном уровне обращает внимание мнение историка Р. Жолдошева, который утверждает о невозможности восприятия тенгрианства в качестве религии, поскольку кроме отсутствия религиозных элементов, у этого движения практически нет известных последователей. В целом, историк видит во взглядах о тенгрианстве остаток древних понятий и убежден, что они обречены на исчезновение [7].

Изучая вопросы, связанные с попытками возрождения тенгрианства, исследователи видят отказ в регистрации религии в возможном осложнении общественно-политической ситуации в стране, так как вспышки конфликта между приверженцами ислама и последователями тенгрианства в настоящее время происходят в основном в медиасфере, а официальная регистрация тенгрианства может привести к реальным межнациональным и межконфессиональным конфликтам [8]. Авторы статьи, в свою очередь предполагают возможность выхода конфликта за территорию стран обозначенного региона и не исключают его присутствие и в Российской Федерации.

Независимый эксперт Р. Ташанов, отмечает, что никто не может гарантировать, что между приверженцами ислама и тенгрианства не возникнет противостояния. Поэтому нужно создать условия, чтобы между последователями традиционного ислама и сторонниками тенгрианства возник диалог [9].

Таким образом, возрождение тенгрианства может ухудшить оперативную обстановку, вызвать разлад в социуме, спровоцировать мировоззренческий конфликт между приверженцами обожествленного неба и господствующего в стране ислама, что чревато реальным противоборством с последующим выходом за границы региона.

Специалисты также отмечают, что, несмотря на заявления апологетов тенгрианства о том, что вера в могущество природы и в покровительство духов предков служит лишь основой консолидации общества, на самом деле способны вызвать волну национализма, когда под предлогом возрождения обычаев коренного этноса могут начаться притеснения членов других этнических групп [10].

В настоящее время в Кыргызской Республике лидеры тенгрианского движения вынашивают амбициозные планы превращения религии в полноценный политический проект, утверждая, что истоки традиционной культуры всех кочевых народов берут начало в тен-

грианстве, его основные положения вполне могут служить основой для национальной идеи, а также для государственной идеологии.

Попытка сторонников тенгрианства направлена на возрождение и культивирование идей домусульманской идеологии, и их деятельность дает определенные результаты, часть интеллигенции проникается идеями тенгрианства, считая его родной идеологией чочевников, а ислам - пришлой, чуждой для кыргызов идеологией [11, с.107-126]. Причём, как было сказано выше, представителей и одного и другого религиозного течения финансируют спецслужбы иностранных государств, о чём было сказано выше, в надежде раскачать государственный строй и поменять руководство стран на более лояльное к «европейским ценностям», оторвать его от России и тем самым уменьшить её влияние в этом регионе, а в перспективе создать в нём очередную угрозу безопасности.

Следует отметить, что сильной стороной сторонников тенгрианства в спорах с мусульманами являются народные традиции и обычаи кыргызского народа, которых нужно отличать от исламских предписаний.

Нельзя обойти стороной и такой факт, что история о религиозных верованиях кыргызов нашли обширное отражение в героическом эпосе «Манас», которое показывает, что религиозное сознание кыргызов эпического периода и современной эпохи имеют весьма самобытный характер.

В процессе изучения вопроса противостояния ислама и тенгрианства, нами сделан вывод, который заключается в том, что Кыргызская Республика нуждается в сильной богословской экспертной базе по существующим материалам. На наш взгляд государство должно иметь не только собственных экспертов по выявлению экстремистских начал, но и свою национальную методику в решении актуального вопроса.

На основе вышеизложенного, подчеркнем, что в Кыргызской Республике можно выделить тенденцию во многом спровоцированным повышением интереса общества к религии и усилению радикализации населения, что сигнализирует об актуальности скорейшего реформирования государственной политики в религиозной сфере. Прежде всего, идет идеологическая борьба между различными формами религиозного сознания, религиозных конфессий, а также с народными обычаями и традициями.

Как уже указывалось нами, интерес к неоязычеству становится элементом духовного поиска части национальной интеллигенции, увидевшей в религиозном возрождении ислама угрозу национальной самобытности. При чём это подчеркивают и сами тенгрианцы,

рассчитывая привлечь на свою сторону ту светскую часть общества, которая сторонится ваххабизма, не приемлет для себя арабских шейхов в качестве духовных наставников и желает сохранить национальную аутентичность.

Таким образом, учитывая угрожающий фактор религиозного противостояния между тенгрианцами и исламистами в Кыргызской Республике, которая может выступить триггером нестабильности в целом в центральноазиатском регионе, убеждены, что в сложившейся ситуации Кыргызской Республике необходима своя учебная программа по подготовке квалифицированных теологов. Наивно думать, что какие-либо зарубежные богословские школы озабочены поддержанием национальных интересов Кыргызской Республики. Здесь также действует принцип «в политике нет вечных друзей, а есть вечные интересы», где термин «политика» можно заменить на «богословие» [12]. В настоящее время так называемый «порог концентрации «горючего материала» еще не достиг нужного уровня.

Кыргызская Республика и Россия — члены Евразийского экономического союза, в рамках которого существует общее миграционное пространство. Поднимаемую нами проблему можно отнести к субъективным угрозам для России, но, принимая во внимание мировую ситуацию, Россия не может допустить создания устойчивой системы пояса нестабильности непосредственно у своих границ. В этой связи резко возрастает значение быстрого и точного анализа и прогнозов, «научной дипломатии».

Кроме этого, необходим постоянный плотный мониторинг ситуации в регионе в сочетании с системным накоплением знаний о Центральной Азии. Этот процесс должен идти постоянно, на регулярной основе при поддержке государства. Ведущие российские аналитические центры должны изучать и систематизировать знания о прошлом и настоящем республик Центральной Азии. Эта работа позволит избежать ошибок при принятии значимых решений, повысит качество тактического и стратегического прогнозирования, позволит в интересах союзных стран делать обоснованные выводы о краткосрочных и среднесрочных перспективах общего регионального развития. В этом плане оперативно-розыскная политика представляет собой направление правотворческой деятельности государства и правоприменительной деятельности соответствующих государственных органов по выработке и применению оперативно-розыскных мер борьбы с преступностью, продуцирующей на религиозных постулатах. Это коррелируется и с задачами ОРД по добыванию информации, но и принятие в рамках своей компетенции мер по предотвращению событий и действий, создающих угрозу интересам государства.

Список литературы:

1. Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. / под общ. ред. О. И. Чистякова. – М.: Юрид. литература, 1984–1994. Т. 6. – М., 1987 – С. 138–140.
2. Новые известия. «Нас выживают»: Уроженцы стран ближнего зарубежья уже несколько лет терроризируют городской округ. URL: <https://newizv.ru/news/2024-06-20/nas-vyzhivayut-zhite-li-podmoskovya> (дата обращения: 20.07.2024).
3. Стратегия Соединенных штатов в Центральной Азии на 2019–2025 годы: укрепление суверенитета и экономического процветания. Доклад бюро по делам Южной и Центральной Азии. 5 февраля 2020 г. // Сайт Посольства США в Таджикистане. URL: <https://tj.usembassy.gov/ru/pr-02052020-ru/>.
4. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271.
5. Хвастунова Ю. В. Современное тенгрианство (на примере версии тенгрианства В. А. Сата в Республике Алтай) // Colloquium heptaplomeres. 2018. № 5. С. 38–39.
6. Токтоналиев Т. Древняя кыргызская религия без юридического статуса. URL: <https://iwpr.net/ru/global-voices/drevnyaya-kyrgyzskaya-religiya> (дата обращения: 10.07.2024).
7. Традиции сквозь тысячелетия: Как живут тенгрианцы в Кыргызстане. URL: <https://rus.ozodi.org/a/29549037.html>, Октябрь 17, 2018 г.
8. В Кыргызстане снова поднимают инициативу о признании тенгрианства религией. URL: <https://rus.azattyk.org/a/kyrgyzstan-tengrianstvo/29541501>.
9. Исламисты и тенгрианцы: противостояние. URL: https://rus.azattyk.org/a/kyrgyzstan_islam_tengrianism/24452610.
10. Рыцари Тенгри. Какова цена свободы под небосводом? URL: <https://nlkg.kg/ru/society/religion/rycari-tengri-kakova-cena-svo-body-pod-nebosvodom>.
11. Дюшенбиев С. У. Ислам в современном Кыргызстане: состояние и проблемы. // Религиоведение. 2011. № 3. С. 107–126.
12. Кыргызстан: исламский глобальный проект VS исламский секулярный проект. URL: <https://berlin-visual.com/Kyrgyzstan--islamskiy-globalnyy-proekt-vs-natsionalnoe-sekulyarnoe-gosudarstvo>.

Латышева Людмила Александровна,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного права и криминологии
юридического факультета,
Вологодский институт права и экономики ФСИН России
E-mail: mila.latysheva.1988@mail.ru

УДК 343.8

Основные направления уголовно-исполнительной политики в отношении осужденных к лишению свободы женщин

Аннотация. В статье отражены основные направления уголовно-исполнительной политики в отношении женщин, осужденных к лишению свободы. Акцент делается на гуманизацию уголовно-исполнительного законодательства и практику его применения, в частности формирование гендерно-чувствительного законодательства, способного учитывать специфические проблемы, потребности и особенности различных категорий осужденных к лишению свободы женщин. Особое внимание обращено на реанимацию материнских чувств и качеств у осужденных к лишению свободы женщин, укрепление социально полезных контактов с семьей. Указаны проблемные аспекты при реализации отдельных направлений, в частности в рамках поддержки пенитенциарного материнства. Вместе с тем заслуживает быть отмеченной проблема материально-бытового обеспечения и медико-санитарного обслуживания в женских пенитенциарных учреждениях. В данном контексте приведены положения международных документов в сфере обращения с осужденными. Автором даны рекомендации по совершенствованию действующего законодательства в рассматриваемой области.

Ключевые слова: уголовно-исполнительная система; исправительное учреждение; уголовно-исполнительная политика; осужденная к лишению свободы женщина; пенитенциарное материнство.

В соответствии с действующим уголовно-исполнительным законодательством (ст. 74 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации (далее – УИК РФ) женщины отбывают указанный вид наказания в колониях-поселениях, исправительных колониях общего режима, лечебных исправительных учреждениях, а несовершеннолетние – в воспитательных колониях. Как видим,

перечень исправительных учреждений весьма ограничен. При этом данные пенитенциарные учреждения по режиму отбывания наказания и условиям существенно мягче, нежели виды исправительных учреждений, предназначенных для отбывания наказания мужчинами.

Как справедливо отмечает Ю.П. Синельщиков, уголовно-исполнительное законодательство к осужденным женщинам носит более либеральный характер, чем к мужчинам [8]. Что, в свою очередь обусловлено гендерными отличиями как физиологического плана, так и социального, в частности особенности мужчин и женщин определяются дифференциацией мужских и женских ролей [1]. Кроме этого, значение имеет влияние условий изоляции на осужденных женщин. Например, некоторые отличия связаны с психофизиологическими особенностями женщин, в частности женщины тяжелее переносят условия изоляции, процесс деформации личности у них происходит быстрее [7, с. 131].

Более подробно специфические особенности, потребности и проблемы осужденных к лишению свободы женщин отражены в проведенных ранее исследованиях [5].

В контексте научной статьи предпримем попытку выявить основные направления уголовно-исполнительной политики в отношении рассматриваемой категории осужденных.

Весьма важным направлением является дальнейшая гуманизация уголовного и уголовно-исполнительного законодательства и практики их реализации. В целом должен наблюдаться некий «симбиоз» указанных отраслей права. Так, при назначении наказания, в частности лишения свободы, должны быть в перспективе достигнуты не только цели уголовного наказания, но и цели уголовно-исполнительного законодательства. То есть, применяя лишение свободы к женщине, суд должен исходить из того, что данный вид наказания приемлем в конкретной ситуации и позволит достичь указанных целей, а также будет способствовать возвращению осужденной в общество в качестве законопослушного гражданина. Главный принцип – не навредить.

В свою очередь элементы и инструменты гуманизации должны применяться грамотно. Гуманизация должна быть во благо женщины, исключать «социальное иждивенчество». Например, сегодня акцент делается на смягчение наказания женщинам, совершившим ненасиленные преступления, послабление режима отбывания наказания женщинам, имеющим малолетних детей. Однако указанные инструменты важно применять «взвешенно» и в тех случаях, если это послужит ресоциализации осужденной и успешной реинтеграции в социум, а в последнем случае – и интересам ребенка.

Продолжая рассуждать об уголовно-исполнительном законодательстве, важно отметить, что оно должно быть гендерно-ориентированным, точнее гендерно-чувствительным, т.е. учитывающим не только половые (гендерные) особенности, но и специфические черты, потребности и проблемы различных категорий осужденных женщин. В данном случае речь идет о реализации принципа индивидуализации. В этой связи целесообразно предусмотреть отдельную главу как в Уголовном кодексе Российской Федерации (далее – УК РФ), так и в УИК РФ, предусматривающую особенности назначения наказания и иных мер уголовно-правового характера и исполнения и отбывания наказания соответственно.

Следующий немаловажный аспект – акцент на репродуктивной функции женщины. Как показывают исследования [4, с. 315; 10, с. 24; 2, с. 6], средний возраст женщин, отбывающих наказание в виде лишения свободы, варьируется в среднем от 25 – 40 лет. Как понимаем, весьма репродуктивный возраст. Многие осужденные имеют малолетних детей (в том числе детей, оставленных на свободе), а также перспективы в будущем стать матерью. В этой связи важно поддерживать желание осужденной стать матерью, в частности оказывать содействие в реанимации материнских чувств и качеств у осужденной посредством работы с психологом (участие с специально разработанных программах/ тренингах), по возможности реализации совместного содержания осужденной с ребенком (как известно, дома ребенка имеются только в 13 исправительных колониях [3], в колониях-поселениях они в принципе отсутствуют), обучению основам материнства и пр. Как вариант, возможно предусмотреть для беременных осужденных и осужденных, имеющих малолетних детей в условиях исправительного учреждения, льготные условия отбывания наказания. Особое внимание следует обратить на постпенитенциарный этап, в частности на проблему возвращения женщинам детей из детских домов, в которых они находились во время отбывания матерью наказания в исправительном учреждении. Вместе с тем, не стоит забывать, что реализация указанных мероприятий должна служить целям ресоциализации и интересам ребенка. Как справедливо отмечают в своем исследовании В.О. Полякова и Р.Б. Осокин, имея детей в домах ребенка при колонии, многие женщины лишь используют выгоду от этой ситуации, не уделяя должного внимания детям, в итоге многие дети после освобождения их матерей оказываются в детских домах [7, с. 132].

Важным направлением государственной политики сегодня является укрепление института семьи, поддержка материнства, отцовства и детства. Данные положения красной нитью отражены

в Основном законе государства. Применительно к уголовно-исполнительной политике целесообразно проработать, апробировать и предусмотреть в действующем пенитенциарном законодательстве принципиально новые механизмы и средства восстановления, укрепления и развития социально полезных связей осужденных женщин с семьей, прежде всего с несовершеннолетними детьми.

А.В. Новиков и С.В. Кулакова указывают, что одна из гендерных особенностей осужденных-женщин – глубокие эмоциональные переживания, обусловленные разлукой с семьей и детьми, утратой родственных связей, это самый болезненный и тревожный аспект лишения свободы более чем для 50% осужденных лиц женского пола [6, с. 200]. В указанном исследовании авторы апеллируют понятием «пенитенциарное материнство».

Специфические физиологические особенности и потребности осужденных женщин обуславливают акцентирование внимания на материально-бытовом обеспечении и медико-санитарном обслуживании.

Согласно международным специализированным документам в сфере обращения с осужденными специальные средства должны предоставляться для санитарных (гигиенических) нужд женщин, включая бесплатно предоставляемые гигиенические салфетки, регулярное снабжение водой детей и женщин, особенно женщин, занимающихся приготовлением пищи, беременных, кормящих матерей и женщин во время месячных¹. Кормящим матерям и детям разного возраста должна бесплатно предоставляться соответствующая пища, в том числе молоко, продукты с высоким содержанием белка, достаточное количество овощей и фруктов.

В УИК РФ материально-бытовое обеспечение осужденных женского пола не имеет четкой регламентации. Б.А. Спасенников полагает, что, согласно действующему уголовно-исполнительному законодательству, материально-бытовое содержание осужденных женщин существенно не отличается от такового для мужчин. Следовательно, не соответствует требованиям дифференциации условий отбывания наказания в силу физиологических особенностей женщины [9]. Таким образом, требуется корректировка норм, касающихся материально-бытового обеспечения, прежде всего санитарно-гигиенических условий.

¹См.: Правила Организации Объединенных Наций, касающихся обращения с женщинами-заключенными и мер наказания для женщин-правонарушителей, не связанных с лишением свободы (Бангкокские правила), принятые резолюцией 65/229 Генеральной ассамблеи от 21 декабря 2010 года. Конвенции и соглашения. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/bangkok_rules.shtml (дата обращения: 18.07.2024).

Серьезное внимание в международных актах уделено медицинскому обслуживанию осужденных. Так, каждое пенитенциарное учреждение должно иметь квалифицированный медицинский персонал, располагать оборудованием и лекарствами, обеспечивать необходимое медицинское, хирургическое и психиатрическое обслуживание, равноценное тому, которое предоставляется по месту жительства с учетом гендерных факторов[7, с. 131]¹. В интересах женщин-осужденных принимаются профилактические меры по охране здоровья, имеющие отношение непосредственно к женскому организму, такие как тест Папаниколау и обследование на наличие онкологических заболеваний молочной железы и женских половых органов². Осужденные женщины имеют специфические потребности, которые следует признать и удовлетворять. При каждой возможности им должны быть представлены услуги медсестер и врачей, консультации специалистов в области охраны женского здоровья.

Список литературы:

1. Дмитриев Ю. А. Юридическая психология: учебник. – Ростов-на-Дону. – 2007 / Ю. А. Дмитриев, Б. Б. Казак. URL: <http://yurpsy.com/files/ucheb/penit2/06.htm> (дата обращения: 17.07.2024).
2. Дугенец А. С. Уголовно-исполнительная характеристика осужденных женщин / А. С. Дугенец, Ю. Ю. Тищенко, А. А. Самойлова // Российский следователь. – 2020. – № 12. – С. 65–69.
3. Краткая характеристика уголовно-исполнительной системы Российской Федерации // Офиц. сайт ФСИН России. URL: <https://fsin.gov.ru/> (дата обращения: 18.07.2024).
4. Кунц Е. В. Особенности женщин, совершивших преступление: криминологический и уголовно-исполнительный аспекты / Е. В. Кунц // Уголовно-исполнительное право. – 2022. – № 3. – С. 313–319.
5. Латышева Л. А. Ресоциализация женщин, осужденных к лишению свободы: отечественный и зарубежный опыт: монография / Л. А. Латышева. – Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2019. – 121 с.
6. Новиков А. В. Пенитенциарное материнство. Экспертное мнение, заключение и выводы / А. В. Новиков, С. В. Кулакова //

¹ См.: URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/bangkok_rules.shtml (дата обращения: 18.07.2024).

² См.: Там же.

Вопросы российского и международного права. – 2018. – Т. 8. – № 9 А. – С. 195–204.

7. Полякова В. О. Достижение результатов исправительного воздействия при исполнении лишения свободы в отношении осужденных лиц женского пола: специфика, основные проблемы и пути их решения / В. О. Полякова, Р. Б. Осокин // Вестник Московского университета МВД России. – 2016. – № 3. – С. 130–135.

8. Синельщиков Ю. П. Законодательное обеспечение процесса гуманизации для женщин, находящихся в местах лишения свободы. Коммунистическая партия Российской Федерации / Ю. П. Синельщиков. URL: <https://kprf.ru/dep/gosduma/activities/226629.html> (дата обращения: 17.07.2024).

9. Спасенников Б. А. Особенности исполнения наказания в отношении осужденных к лишению свободы женщин / Б. А. Спасенников // Образование и наука в России и за рубежом. – 2018. – № 5. URL: <https://www.gyrnal.ru/statyi/ru/448/> (дата обращения: 17.07.2024).

10. Характеристика женщин, осужденных к лишению свободы // Ведомости уголовно-исполнительной системы. – 2011. – № 6. – С. 20–25.

Лелетова Марина Владимировна,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовной политики,
Академия управления МВД России
E-mail: leletova@list.ru

УДК 343.9

Рейдерство – теория и практика

Аннотация. В статье рассматриваются способы совершения преступлений в отношении различных юридических лиц – предприятий. Автор объединяет данные способы преступной деятельности в такое явление, как рейдерство.

Ключевые слова: рейдерство; преступление; предприятие; юридическое лицо; жертва преступления.

В условия осуществления различных видов хозяйственной деятельности корпоративная собственность подвержена разнообразным масштабным рискам и угрозам и нуждается в механизмах защиты [3, с. 5].

Риски и угрозы могут создавать неэффективная экономическая политика руководства предприятия; оказание давления на руководство предприятия со стороны различных структур; откровенное совершение преступлений в отношении предприятия (недружественное поглощение, то есть рейдерство)¹.

На всех уровнях власти признано, что недружественные поглощения предприятий с применением криминальных методов являются прямой угрозой экономике страны. Кроме ликвидации зачастую градообразующих предприятий, это влечет потерю сотен, если не тысяч высококвалифицированных специалистов, оказавшихся на улице.

Какой же прогноз можно сделать на развитие ситуации в сфере рейдерства в ближайшем будущем в нашей стране.

В группу максимального риска попадают предприятия:

¹ В теоретической литературе и в правовых документах практической направленности, при описании этого явления используются различные определения: «криминальный захват предприятий», «рейдерство», «гринмейл», употребляемые, по мнению автора, в одном и том же, тождественном смысле, однако более точное его определение требует дополнительных теоретических исследований.

1. чьи акции распылены между множеством держателей (больше всех предприятия сельского хозяйства, затем финансы, сфера услуг, легкая промышленность, розничная торговля и общепит.

2. которые владеют дорогим имуществом (земля, здания, оборудование).

3. руководители и собственники которых, не платят дивидендов своим акционерам. Экономя на дивидендах, мажоритарии тем самым дают рейдерам дополнительное оружие. Акционеры, годами не видевшие никаких выплат, но наслышанные о том, что генеральный директор выводит прибыль через подставные фирмы, охотнее идут на контакт со скупщиками акций из рейдерских контор.

4. обременены долгами,

5. имеют высокорентабельный бизнес.

Уголовный кодекс России не предусматривает ответственности за недружественное поглощение организаций (рейдерство) в качестве специальной нормы. Однако, как правило, совершаемые рейдерами действия по захвату имущества компании или бизнеса в целом могут быть отнесены к следующим составам преступлений: ст. 159 «Мошенничество», ст. 160 «Присвоение или растрата», ст. 162 «Разбой», ст. 163 «Вымогательство», ст. 165 «Причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием», ст. 179 «Принуждение к совершению сделки или к отказу от ее совершения», ст. 183 УК РФ «Незаконное получение и разглашение сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну», ст. 185 «Злоупотребления при эмиссии ценных бумаг», ст. 195 «Неправомерные действия при банкротстве», ст. 196 «Преднамеренное банкротство», ст. 201 «Злоупотребление полномочиями», ст. 213 «Хулиганство», ст. 212 «Массовые беспорядки», ст. 285 «Злоупотребление должностными полномочиями», ст. 330 УК РФ «Самоуправство».

Представляется, что сопутствующими актам рейдерства составами преступлений могут выступать практически все составы, содержащиеся в уголовном законе, например, предусмотренные ст. 119 «Угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью»; ст. 193 «Уклонение от исполнения обязанностей по репатриации денежных средств в иностранной валюте или валюте Российской Федерации»; ст. 327 «Подделка, изготовление или оборот поддельных документов, государственных наград, штампов, печатей или бланков поддельных документов»; ст. 303 УК РФ «Фальсификация доказательств и результатов оперативно-разыскной деятельности».

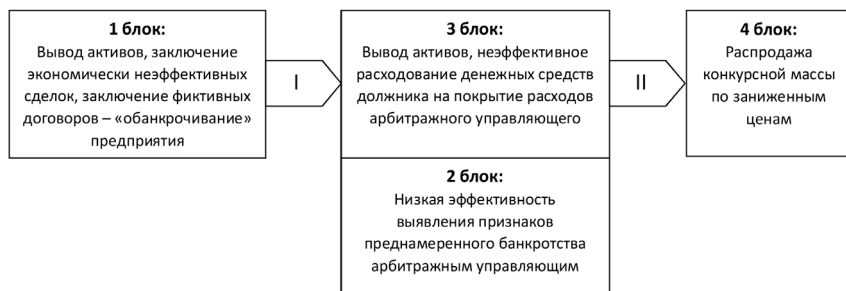
По мнению автора, наиболее часто встречающимся и распространенным видом рейдерства является преднамеренное банкрот-

ство. Необходимо отметить, что недостаточно разработанный институт банкротства как в уголовной, так и в гражданской системе права создает условия для его низкой эффективности и сложностях в применении, не позволяет четко разграничивать проявления банкротства – где заканчиваются гражданские правоотношения и начинаются уголовные.

Институт несостоятельности призван выполнять стабилизирующую функцию, сглаживающую негативное влияние внешней среды рыночной экономики, защиты интересов частных собственников, достижения баланса интересов между собственниками несостоятельного предприятия, кредиторами и другими экономически заинтересованными лицами и обществом. Однако действующий в России механизм банкротства не столько выступает в интересах оздоровления экономики, сколько дополняет перечень негативных факторов агрессивной внешней среды предприятия.

Более того, преднамеренное банкротство (как уголовное преступление) может быть эффективным инструментом незаконного перераспределения собственности. Особенностью всех сделок, совершаемых реализаторами криминального банкротства, является их преднамеренная неэквивалентность, нарушающая интересы собственников, кредиторов, государства.

Криминализация банкротства происходит следующим образом

Бороться с угрозой кризисной ситуации, связанной как с возможным рейдерским захватом, так как и с банкротством, как разновидностью рейдерства целесообразно, и, главное, экономически оправдано задолго до начала самой атаки, однако, несмотря на очевидные преимущества создания превентивной системы безопасности бизнеса, о ней нередко забывают до тех пор, пока очередная попытка захвата предприятия не стала успешной. И те, кто своевременно не позаботился о защите собственного бизнеса, вынуждены

тратить немалые средства на защиту от нападения, что в определенных условиях может быть уже поздно [3, с. 78].

По мнению многих специалистов в области исследования корпоративных конфликтов, мероприятия и методы, предпринимаемые в целях защиты предприятия от недружественного поглощения, можно классифицировать на стратегические и тактические.

Стратегические мероприятия всегда направлены на превентивную защиту от рейдерского захвата, тактические – обеспечивают оперативное и своевременное решение проблем компании-жертвы в условиях, когда угроза нападения стала реальной.

Стратегические мероприятия. Среди наиболее распространенных стратегических мероприятий по защите предприятия от недружественного поглощения можно выделить:

1. Формирование защищенной корпоративной структуры бизнеса:

- разделение активов и имущественного комплекса предприятия путем их сосредоточения в разных юридических лицах (например, собственником недвижимости будет являться одна компания, а собственником средств производства – другая). При условии, что выделяемые компании принадлежат одному лицу, захватить их будет достаточно проблематично: они не ведут никакой производственной деятельности, не несут финансовых, операционных и прочих рисков, у предприятий-собственников отсутствует кредиторская задолженность, которую можно легко приобрести, к ним значительно сложнее предъявить иски;

- реструктуризация потенциальной компании-жертвы в виде выделения из нее нескольких небольших компаний, неинтересных с точки зрения корпоративного захвата;

- вывод наиболее привлекательных с точки зрения рейдеров активов в дочерние компании – закрытые акционерные общества. В дальнейшем за счет эмиссии дополнительных акций доля материнской компании в уставном капитале дочерних постепенно уменьшается до величины менее 25%. Это позволит сформировать систему перекрестного владения акциями между дочерними компаниями, поскольку дополнительные акции будут размещены между ними. Такую конструкцию крайне сложно разрушить законными средствами. Данная весьма эффективная схема опосредует довольно распространенный способ практически бесплатной приватизации предприятия ее менеджментом, а потому прямо запрещена законодательством большинства экономически развитых государств. К нашей стране это пока не относится, поэтому перекрестное владение акциями пользуется заслуженной популярностью;

– совершенствование внутреннего устройства предприятия (подготовка внутренних документов предприятия, регламентирующих деятельность органов управления, разработка учредительных документов, обеспечивающих защиту от корпоративных захватов).

2. Обеспечение эффективной экономической безопасности предприятия с помощью мониторинга текущей ситуации. Для этих целей на многих крупных предприятиях созданы собственные службы экономической безопасности. Между тем среднему бизнесу содержание такой службы зачастую оказывается не по средствам.

3. Эффективная мотивация и ограничение полномочий руководителей предприятия. Владелец предприятия надо выработать такую систему мотивации для своих управляющих, чтобы они были ориентированы на дальнейший рост и развитие компании и бизнеса. Кроме этого, также необходимо разумно ограничить полномочия наемных менеджеров: например, компетенцию генерального директора имеет смысл ограничить, передав часть вопросов в ведение коллегиального исполнительного органа (правления, дирекции).

4. Организация системы контроля кредиторской задолженности компании-жертвы. Кредиторская задолженность потенциальной компании-жертвы – один из рычагов для реализации проекта по недружественному поглощению предприятия.

И за ней на предприятии должен вестись постоянный контроль и ее отслеживание, особенно в таких направлениях как ликвидация просроченной задолженности, а также тщательная и доскональная проверка преддоговорных и договорных отношений (особенно с контрагентами, зарегистрированными в других субъектах РФ).

Переходя к тактическим мероприятиям по защите предприятий от недружественного поглощения, заметим, что, по мнению подавляющего большинства исследователей корпоративных конфликтов, все используемое рейдерами может быть так же эффективно применяться против них, а также то, что один рубль, вложенный компанией-жертвой в защиту, как правило, соответствует десяти рублям, вложенным компанией-агрессором в ее захват. Среди основных тактических мероприятий по защите от недружественного поглощения следует выделить такие, как:

1. Работа с акционерами – одно из основных тактических мероприятий, заключающееся в психологической подготовке акционеров к действиям со стороны рейдеров, и способное в случае своевременного его применения принести огромную пользу в противостоянии рейдерам, состоит из нескольких этапов:

– выявление недовольных среди акционеров общества (как правило, это агитаторы продажи акций, являющиеся агентами рейдеров);

– проведение разъяснительной работы среди акционеров по поводу происходящего и сущности агитаторов продажи акций;

– разворачивание PR-компания против начавшегося недружественного поглощения;

2. Контркупка акций – это наиболее простой, но и в тоже время наиболее затратный способ борьбы с недружественным поглощением, заключающийся в купке акций у миноритарных акционеров (порой и по завышенной цене) с целью консолидации контрольного пакета в руках собственников;

3. Реструктуризация (вывод) активов компании-жертвы. Используется в случае, если рейдерам не удалось арестовать активы предприятия. Вывод активов обычно осуществляется путем заключения различных законных сделок по их отчуждению (передача наиболее ценных активов в долгосрочную аренду дружественной структуре; возвратный лизинг и т.д.);

4. Защита через нападение – реализация мероприятий по так называемому встречному нападению на рейдеров, к которым можно отнести: обращение с заявлениями в правоохранительные органы по поводу действий рейдеров; покупку акций предприятий, принадлежащих рейдерам; обращение в суды с исками в отношении компании-агрессора; привлечение широкого внимания общественности против начавшегося недружественного поглощения посредством проведения митингов, собраний и др.;

5. Активное привлечение средств массовой информации по правильному освещению сложившейся ситуации;

6. Усиление физической охраны предприятия с целью недопущения силового захвата [2, с. 11-28].

Однако в настоящее время эти советы не способны на сто процентов защитить бизнес от преступных посягательств, в связи с несовершенством законодательства.

Например, представляется необходимым ужесточить наказание по тем статьям, под которые обычно подпадают действия рейдеров. Например, в статью 159 (мошенничество) внести пункт о деянии, "совершенном в отношении юридического лица, связанном с приобретением/установлением контроля над ним и его активами" и др.

Список литературы:

1. Кондраткова Н.В. К вопросу о противодействии рейдерству в России / Н.В. Кондраткова, В.С. Дмитриевский // Российский следователь. 2020. № 9. С. 32–36.
2. Лабутин А. А., Саттаров Б. В. Выявление, раскрытие и расследование фактов рейдерства (недружественное поглощение предприятий). Методические рекомендации. Казань, 2007. С. 6–8.
3. Лелетова М.В. Предупреждение криминальной виктимизации субъектов малого предпринимательства. Монография, Н.Новгород. – 2007.
4. Федосеев, С. С. Природа современного рейдерства / С. С. Федосеев // Молодой ученый. – 2018. – № 13. – С. 210–212.
5. Шурухнов В.А. Особенности механизма рейдерства / В.А. Шурухнов, Н.Г. Шурухнов // Безопасность бизнеса. 2022. № 5. С. 54–58.

Майдыков Андрей Анатольевич,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры организации
оперативно-розыскной деятельности,
Академия управления МВД России
E-mail: maydikov@mail.ru

УДК 343.1

**Место и роль оперативно-розыскной политики
на современном этапе развития России
как самостоятельного направления**

Аннотация. Статья посвящена исследованию места и роли оперативно-розыскной политики в современной России. В ней рассматривается оперативно-розыскная политика как самостоятельное направление, которое играет важную роль в обеспечении национальной безопасности и правопорядка. На основе имеющихся научных познаний в области формирования государственной политики автором статьи проведена работа по соотношению структуры мнений, положений и механизмов организации одного из направлений государственной политики – оперативно-розыскной политики. Автор анализирует предпосылки формирования оперативно-розыскной политики, её правовые основы и принципы. Особое внимание уделяется роли оперативно-розыскной политики в борьбе с терроризмом и экстремизмом. Автор предлагает пути совершенствования законодательства и практики оперативно-розыскной деятельности. Статья предназначена для специалистов в области оперативно-розыскной деятельности, правоохранительных органов, а также для исследователей и преподавателей в сфере безопасности и правопорядка.

Ключевые слова: оперативно-розыскная политика; современный этап развития России; самостоятельное направление; оперативно-розыскная деятельность; правоохранительная система; борьба с преступностью; обеспечение безопасности; защита прав и свобод граждан.

Государственная политика считается одним из базовых элементов функционирования каждого государства. Она строится на особом комплексе мер, нацеленных на достижение прежде всего страте-

гических целей и благосостояния общества. В условиях постоянно меняющейся внешней и внутренней среды развития социума государственная политика становится особенно актуальной и значимой в построении структур государства и их функционировании.

В современном мире государственная политика охватывает широкий спектр областей, включая экономику, правоохранительную деятельность, социальную сферу, культуру, образование, здравоохранение и другие. Она играет важную роль в формировании и реализации государственной стратегии развития, а также в обеспечении стабильности и безопасности России ее граждан.

Грамотное формирование государственной политики базируется на необходимости анализа и оценки эффективности существующих мер, разработке новых подходов и стратегий, а также адаптации к изменяющимся условиям. Важно понимать, как государственная политика влияет на жизнь граждан, какие цели она преследует и какие инструменты использует для их достижения. Данное понимание должно носить последовательный, динамический характер, содержать элементы прогнозирования.

Конституция России чётко определяет федеративный правовой характер структуры государства, закрепляет федеративную форму правления. В ней однозначно закреплено, что права и свободы человека не могут отчуждаться и принадлежат ему с момента рождения. Россия признает нормы и принципы международных требований по отношению данных прав и свобод и гарантирует их соблюдение при условии непротиворечия их Конституции России.. Защита своих граждан для России стоит в первом месте в независимости на территории России или вне её находится гражданин. Человек в России является высшей ценностью. Требования обеспечения его безопасности в любой точке мира определяются именно законами России.

Данная легитимная позиция России по отношению защиты своих граждан была попорана Украиной, США и некоторыми европейскими странами. В отношении России была введена международная изоляция и развязана террористическая деятельность с применением вооружённых сил и боевого оружия.

В ответ на международные санкции и изоляцию, введённые в отношении России сателлитами, поддерживающими террористическую активность Украины после начала специальной военной операции по её денацификации, правительство приняло ряд мер, направленных на смягчение их воздействия и укрепление безопасности страны. Данные меры можно разбить на следующие основные группы.

Экономические меры:

- Импортозамещение: Увеличение производства отечественных товаров и услуг для снижения зависимости от импорта.
- Поддержка бизнеса: Предоставление финансовой помощи, налоговых льгот и других мер поддержки предприятиям, пострадавшим от санкций.
- Диверсификация экспорта: Поиск новых рынков для экспорта российских товаров и услуг, особенно в Азии и на Ближнем Востоке.
- Контроль за движением капитала: Введение ограничений на отток капитала из страны для поддержания стабильности рубля.
- Национализация активов: Захват активов иностранных компаний, покинувших Россию.
- Формирование рынка криптовалют: Создание норм права по легализации майнинга криптовалют в России и т. д.

Политические меры:

- Укрепление связей с союзниками: Углубление отношений с Китаем, Индией и другими странами, которые не присоединились к санкциям.
- Создание альтернативных международных организаций: Создание новых организаций, таких как Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), для противодействия западному влиянию.
- Создание схем и инструментов пропаганды общечеловеческих ценностей, а также дезинформации противника: Распространение полезной для безопасности государства информации и дезинформации террористических структур для формирования общественного мнения по правильному пониманию действий правительства России и союзников.
- Усиление контроля над СМИ и социальными сетями: Усиление ответственности, вплоть до уголовной, за распространение информации, наносящей вред России.

Социальные меры:

- Социальная поддержка: Предоставление финансовой помощи и других льгот уязвимым группам населения, пострадавшим от санкций, действий террористических государств, организаций, а также гражданам и их семьям, участвующим в специальной военной операции, проводимой Россией.
- Патриотическое воспитание: Продвижение патриотизма и уважения к общечеловеческим ценностям через образование, культуру, государственные и общественные инструменты.

– Более жёсткое регулирование гражданских свобод: Усиление контроля над общественными собраниями, передвижением лиц, обладающих государственной тайной, участием их в работе социальных сетей и т. д.

Внешнеполитические меры:

Дипломатические усилия: Улучшение отношения с некоторыми странами, такими как Турция и Саудовская Аравия, Северная Корея и т.д. для ослабления изоляции.

Военная поддержка: Предоставление военной помощи союзникам, таким как Сирия, Северная Корея и т.д. для укрепления своего влияния.

Чёткое декларирование своих военных и иных возможностей защиты: Грамотная риторика применения стратегического вооружения России и военные учения, для достижения мира на чётко обозначенных Россией условиях.

Отдельным блоком следует выделить **правоохранительные меры государства**. Продолжающаяся террористическая деятельность Украины и её союзников не только не затухает, а приобретает все более разнузданный характер. Угрозы начинают носить окраску разрушения ядерной безопасности всей Европы. Речь идёт о террористических атаках Украиной Курской АЭС. Данное обстоятельство требует усиленное внимание со стороны государства к оптимизации именно правоохранительных мер. Правоохранительные меры государства как имеют самостоятельные направления, так и могут усиливать выше обозначенные государственные меры.

Правоохранительные меры имеют узкое целевое направление. Они направлены, прежде всего, на поддержание общественного порядка, обеспечения безопасности и защиты суверенитета государства инструментарием правоохранительных органов.

Вот основные виды таких мер:

Режим контртеррористической операции или военное положение:

1. Введение строгих комендантских часов.
2. Усиление правовых полномочий полиции и военных для обеспечения порядка.
3. Ограничение свободы передвижения граждан.
4. Ужесточение контроля за средствами массовой информации с целью предотвращения паники и пропаганды.

Меры по усилению государственной безопасности:

5. Усиление правового регулирования в сфере защиты государственной тайны и засекречивания информации.
6. Повышенный контроль над деятельностью иностранных организаций и лиц.

7. Установление особых процедур контроля за операциями финансовых учреждений и транзакциями.

Контрразведывательные и антитеррористические меры:

8. Увеличение количества оперативных мероприятий для выявления и нейтрализации шпионов и диверсантов.

9. Проведение масштабных антитеррористических учений и операций.

10. Введение повышенных мер безопасности на стратегически важных объектах.

Мобилизационные мероприятия:

11. Объявление частичной или полной мобилизации населения.

12. Призыв граждан на военную службу и их распределение по частям.

13. Организация резервных военных формирований.

14. Меры по обеспечению правопорядка и общественной безопасности:

15. Усиление деятельности патрульно-постовых служб.

16. Расширение прав и обязанностей сотрудников правоохранительных органов.

17. Применение чрезвычайных мер при массовых беспорядках и акциях протеста.

Экономические меры:

18. Замораживание активов и введение санкций против физических и юридических лиц, подозреваемых в поддержке враждебных действий.

19. Усиление контроля за финансовыми потоками, валютными операциями и деятельностью банков.

20. Введение особых налоговых и административных режимов для обеспечения экономической стабильности.

Юридические и административные меры:

21. Усиление законодательства, направленного на борьбу с экстремизмом и терроризмом.

22. Введение специального правового режима с упрощёнными процедурами задержания и ареста подозреваемых.

23. Создание специальных судов или трибуналов для рассмотрения дел, связанных с национальной безопасностью.

Информационные и пропагандистские меры:

24. Установление контроля над потоками информации, предотвращение распространения ложных и провокационных сведений.

25. Оперативное информирование населения о текущем состоянии дел через официальные источники.

26. Введение ограничений на использование Интернета и социальных сетей.

Введение и реализация подобных мер обязательны реалии сегодняшнего времени. Они несомненно носят ограничительный характер, но являются временными и действуют на основании легитимно принятых нормативных правовых актов и под строгим контролем государственных контролирующих и надзорных органов.

Правоохранительные меры имеют узкое целевое направление и максимально обеспечивают защиту законных интересов граждан России. Они направлены, прежде всего, на поддержание общественного порядка, обеспечения безопасности и защиты суверенитета государства через инструментарий правоохранительных органов. К данному инструментарию относится оперативно-розыскная деятельность.

Реалии специальной военной операции, в современных условиях развития общества, появление IT технологий, искусственного интеллекта, приоритет в боевых и иных операциях террористов негласной составляющей, выводит оперативно-розыскную деятельность органов, осуществляющих ОРД, на передний план не только в построении государственной политики, но в необходимости вычленения внутри неё самостоятельного направления - оперативно-розыскной политики. Это, в свою очередь, требует переосмысление места и роли оперативно-розыскной политики в уголовной политике. Происходит изменение государством понимания сущностной составляющей оперативно-розыскной деятельности. Расширение сфер её применения, разграничения с уголовным судопроизводством.

В этих условиях оперативно-розыскная политика России начинает выписываться в более самостоятельный, связанный не только с уголовной политикой правовой институт.

Научное сообщество считает, что первопроходцами в использовании термина «оперативно-розыскная политика», формировании научных гипотез его самостоятельности, раскрытия содержания термина являются А. М. Качура и Н. М. Якушин [1].

Ими был открыт «ящик пандоры», из которого вышел на свет новый самостоятельный правовой институт. Это утверждение базируется на интересе его изучения видными учёными, специалистами не только в государственной, но в уголовной политике. Научные позиции которых носят конструктивный характер и послужили основой для формирования научного виденья места и роли оперативно-розыскной политик в государственной политике, изложенной в настоящей статье [2–11].

С точки зрения законодательного регулирования, оперативно-розыскная деятельность трактуется в качестве деятельности, который осуществляется гласно и негласно исключительно оперативными подразделениями государственных органов, уполномоченными на то Федеральным законом «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее - органы, осуществляющие ОРД). Федеральный закон чётко определяет и закрепляет необходимость деятельности органов, осуществляющих ОРД, исключительно в пределах нормативно закреплённых за ними компетенций, только на территории России и только через проведение оперативно-розыскных мероприятий. Данные мероприятия также определены в императивной форме данным федеральным законом и могут быть изменены данным правовым актом. Цель оперативно-розыскной деятельности определена названным федеральным законом - защита жизни, здоровья, прав и свобод человека и гражданина, собственности, обеспечения безопасности общества и государства от преступных посягательств.¹

Формирование государственной политики представляет собой сложный, многогранный и многоэтапный процесс, который требует тщательного анализа, стратегического планирования и регулярного пересмотра. Как было обосновано выше время формирования оперативно-розыскной политики, как самостоятельного правового института, наступило. Более того, оно успешно идёт в настоящее время путём внесения поправок в Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности».

В него, по сравнению с базовым, внесены следующие дополнения и изменения:

- включены новые задачи, касающиеся обеспечения военной, экономической, экологической и информационной безопасности государства, а также установление имущества, подлежащего конфискации (ч.2).

- расширен перечень оперативно-розыскных мероприятий, в частности, в него дополнительно включены: проверочная закупка, оперативное внедрение, контролируемая поставка, оперативный эксперимент и получение компьютерной информации (ст.6)

- уточнены основания (условия) проведения оперативно-розыскных мероприятий, ограничивающих конституционные права

¹ Ст. 1 Федерального закона от 12 августа 1995 г. N 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (с изменениями и дополнениями). / Информационно-правовой портал «Гарант.ру». URL: Режим доступа к <https://base.garant.ru/10104229/?ysclid=m06co32stq575634160> (дата обращения: 15.08.2024)

граждан на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений и т.д. (ст. 8);

- урегулированы порядок представления суду (судье) материалов для получения разрешения на применение такого рода мер и рассмотрения судьей таких материалов (ст. 9);

- расширены полномочия органов, осуществляющих ОРД. Они наделены правом при проведении оперативно-розыскных мероприятий производить изъятие предметов, материалов и сообщений, а в случае возникновения непосредственной угрозы жизни и здоровью лица, а также при наличии иных (указанных в Законе) обстоятельств, прерывать предоставление услуг связи (п. 1 ст. 15);

- предоставлено названным органам право создавать в установленном законодательством Российской Федерации порядке предприятия, учреждения, организации и подразделения, необходимые для решения задач ОРД (п. 5 ст. 15);

- предусмотрено право должностных лиц органов, осуществляющих ОРД, а также лиц, оказывающих им содействие, при наличии определенных условий допускать вынужденное причинение вреда правоохраняемым интересам (ч. 4 ст. 16);

- определено, что граждане, оказавшие помощь в раскрытии преступлений (установлении лиц, их совершивших), могут получать вознаграждения и другие выплаты. Полученные ими суммы «... налогами не облагаются и в декларациях о доходах не указываются» (ч. 5 ст. 18).

- предусмотрена возможность использования результатов оперативно-розыскной деятельности для подготовки и осуществления не только следственных (как это было в ранее действовавшем Законе — ст. 10), но и судебных действий (ч. 1 ст. 11), а также для проведения оперативно-розыскных мероприятий по выявлению преступлений, розыску лиц, скрывшихся от органов дознания, следствия и суда, уклоняющихся от исполнения наказания, и граждан, пропавших без вести

- результаты оперативно-розыскной деятельности могут служить основанием для возбуждения уголовного дела, представляться в орган дознания, следователю или в суд, в производстве которых находится уголовное дело (ч. 2 ст. 11).

- включена норма права о защите сведений об используемых (использованных) при проведении негласных оперативно-розыскных мероприятий силах, средствах, методах и т.д. (ч. 5 ст. 5; ч. 3 ст. 9 и др.).

Данные изменения уже в настоящее время выводят оперативно-розыскную деятельность из сферы уголовного судопроизводства

и не позволяют рассматривать сформированную а её основе оперативно-розыскную политику, только как структурный элемент уголовной политики России. Одна, окончательно в самостоятельное направление оперативно-розыскная политика ещё е выделилась. Для успешного формирования и реализации оперативно-розыскной политики, как самостоятельного направления государственной политики необходимо учитывать ряд ключевых требований:

Чёткое определение целей и задач:

- Определение долгосрочных и краткосрочных целей, которые должны быть достигнуты.
- Формулирование конкретных и измеримых задач, которые необходимо выполнить для достижения поставленных целей.

Осознание и анализ текущей ситуации:

- Проведение всестороннего анализа актуальных социальных, экономических, политических и культурных условий.
- Оценка существующих тенденций, проблем и возможностей.

Привлечение заинтересованных сторон:

- Широкое обсуждение и вовлечение всех заинтересованных сторон, включая государственные органы, частный сектор, гражданское общество и академическое сообщество.
- Организация общественных слушаний, консультаций и опросов для получения обратной связи и учёта различных точек зрения.

Стратегическое планирование и прогнозирование:

- Разработка стратегий и планов действий, которые представлены в виде конкретных шагов и мероприятий.
- Прогнозирование возможных последствий и оценка рисков.

Использование научных данных и доказательной базы:

- Применение научных исследований и эмпирических данных при формировании политических решений.
- Ориентация на лучшие практики и успешные модели, доказавшие свою эффективность.

Комплексность и системность подхода:

- Учёт взаимосвязанности различных аспектов политики и ее влияние на другие сферы.
- Внедрение межведомственного сотрудничества и координацию действий различных государственных и частных структур.

Правовая основа и соблюдение законодательства:

- Соответствие всех политических решений и мер действующему законодательству.
- Учёт международных обязательств и стандартов.
- Гибкость и адаптивность:

– Возможность корректировки политики в ответ на изменяющиеся условия и новые данные.

– Постоянный мониторинг результатов и проведение оценки эффективности принятых мер.

Прозрачность и подотчётность:

– Обеспечение прозрачности процессов принятия решений и их реализации.

– Подотчётность перед обществом и контроль со стороны надзорных органов.

– Информационная открытость и обеспечение общественного согласия:

– Информирование широкой общественности о целях, мерах и результатах государственной политики.

– Поддержка общественного согласия через разъяснительную работу и диалог с гражданами.

Ресурсное обеспечение:

– Определение необходимых финансовых, человеческих и материальных ресурсов.

– Планирование и мобилизация ресурсов для реализации намеченных мероприятий.

Оценка и контроль результатов:

– Регулярная оценка прогресса и достижение ключевых индикаторов.

– Коррекция политики на основе оценок и анализа достигнутых результатов.

Сочетание этих элементов позволяет разработать сбалансированную и эффективную оперативно-розыскную политику, способствующую устойчивому развитию страны и повышению безопасности России и её граждан.

Правильно образованная оперативно-розыскная политика, при учёте всех выше приведённых требований, станет достойным правовым щитом по недопущению возможности причинения ущерба правам и свободам человека и гражданина, безопасности общества. Оперативно-розыскная политика должна отвечать всем показателям, не только определяющим её, как самостоятельный вид государственной политики, но и выписывающим механизм её соотношения с уголовной политикой.

Список литературы:

1. Качур А. М., Якушин Н. М. Правовое регулирование оперативно-розыскной деятельности: сборник. М.: МВД СССР, 1990. Вып. 3.
2. Александров А. А. Оперативно-розыскная политика: понятие, содержание, основные направления // Вестник Московского университета МВД России. 2018. № 1. С. 10–15.
3. Балашов А. В. Место и роль оперативно-розыскной политики в системе обеспечения национальной безопасности // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. 2019. № 1. С. 12–17.
4. Баранов В. М. Оперативно-розыскная политика: теоретико-правовые основы // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2017. № 4. С. 5–10.
5. Васильев А. Н. Оперативно-розыскная политика: сущность, принципы, направления // Вестник Московского университета МВД России. 2016. № 2. С. 15–20.
6. Голубовский А. Л. Оперативно-розыскная политика: понятие, содержание, основные направления // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. 2018. № 2. С. 10–15.
7. Евтушенко А. В. Оперативно-розыскная политика: теоретические и практические аспекты // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2019. № 1. С. 10–15.
8. Зайцев А. А. Оперативно-розыскная политика: понятие, содержание, основные направления // Вестник Московского университета МВД России. 2017. № 3. С. 10–15.
9. Иванов А. А. Оперативно-розыскная политика: сущность, принципы, направления // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2018. № 2. С. 15–20.
10. Ковалев А. А. Оперативно-розыскная политика: понятие, содержание, основные направления // Вестник Московского университета МВД России. 2019. № 2. С. 10–15.
11. Кузнецов А. А. Оперативно-розыскная политика: теоретические и практические аспекты // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2017. № 1. С. 10–15.

Маламагамедова Аида Руслановна,
кандидат юридических наук,
преподаватель кафедры уголовного процесса,
Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя
E-mail: aid-kasimov@yandex.ru

УДК 343.131

«Электронные доказательства» в уголовном процессе

Аннотация. Развитие современных технологий привело к повсеместному использованию электронной информации. Как следствие, многие ученые стали размышлять о целесообразности введения в уголовно-процессуальное законодательство нового вида доказательств – «электронные доказательства». Рассматривая различные подходы ученых к данному вопросу, автором делается вывод о том, что установленные на сегодняшний день уголовно-процессуальные средства в процессе доказывания в достаточной степени отвечают потребностям досудебного и судебного производства по уголовному делу, в том числе и в отношении электронной информации.

Ключевые слова: уголовный процесс; уголовно-процессуальная деятельность; цифровизация уголовного процесса; доказывание; доказательства; электронные доказательства.

Жизнь современного человека постепенно все больше переходит в режим онлайн. Работа, образование, социальная жизнь, взаимодействие с государственными органами – на сегодняшний день все это осуществляется посредством цифровых технологий. Изменилась жизнь общества – изменились и преступления. Объектом преступных посягательств все чаще становятся не материальные объекты, а информация, личные данные. Развитие искусственного интеллекта приводит не только к повсеместному внедрению его возможностей в мирных целях, но и для совершения преступных действий. Цифровая информация, с которой могут столкнуться должностные лица в ходе производства по уголовному делу может быть представлена в виде электронных сообщений, аудио- и видеозаписей, метаданных и прочих формах. Все чаще в процессе доказывания должностные лица сталкиваются с цифровой информацией, электронными носителями информации, работой с сетью интернет, которые требуют специальных знаний для обнаружения, собирания

и оценки объектов и самой информации на предмет возможности их использования в качестве доказательств.

Адаптируясь к современным реалиям, Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ) изменялся в ответ на актуальные потребности общества и государства. Так ч. 4 ст. 240 и 278.1 УПК РФ регламентируют порядок проведения допросов и иных судебных действий путем использования систем видео-конференц-связи; ст. 241.1 УПК РФ допускает дистанционное участие в судебном заседании; отмечая особенность некоторых доказательств, законодатель отдельно закрепил требования к изъятию электронных носителей информации (ст. 164.1 УПК РФ), которые также упоминаются в ст. 81, 81.1, 82 УПК РФ. Новым шагом в уголовно-процессуальном документообороте стали электронные документы, подписанные усиленной квалифицированной электронной подписью (ст. 393 УПК РФ), а также целая глава 56 УПК РФ, регламентирующая порядок использования электронных документов и бланков процессуальных документов.

Тот факт, что в процессе предварительного расследования все чаще возникает необходимость в получении, исследовании, анализе электронной информации, порождает вопросы о том не назрела ли в уголовно-процессуальном праве необходимость в установлении нового вида доказательств, а именно «электронных доказательств».

Цифровые сведения, являясь неотъемлемой частью жизни современного человека, закономерно становятся важнейшей частью процесса доказывания.

Поиск легитимного определения понятия «компьютерная информация» приводит нас к примечанию статьи 272 УК РФ, в котором компьютерная информация определяется как «сведения (сообщения, данные), представленные в форме электрических сигналов, независимо от средств их ранения, обработки и передачи» [2].

В.С. Черкасов, рассматривая особенности электронных средств доказывания, отмечает, что элементами системы электронных средств, используемых в доказывании по уголовным делам, следует считать: следственные действия, направленные на собирание и проверку доказательств в электронном виде, электронную информацию, электронные носители информации, коммуникации и способы обращения (подачи заявлений, жалоб, ходатайств) посредством электронной связи; сайты, облачные пространства сети «Интернет», программное обеспечение персональных компьютеров, которые

предопределяют способы собирания, проверки и оценки доказательств» [7, С. 11].

Размышляя о необходимости внедрения понятия «электронные доказательства» сторонники данной теории настаивают на неоднозначности процесса доказывания в отношении таких доказательств. Так В.Н. Чернышев и Е.С. Лоскутова полагают, что «цифровые доказательства в определенных случаях являются единственными доказательствами виновности лица в совершении преступления... К цифровым доказательствам должны предъявляться более строгие требования, поскольку для оценки их требуются специальные устройства, а также лица, которые обладают познаниями в узкой сфере науки» [8, С. 202].

Полагаем, это недостаточный аргумент, в пользу нового вида доказательства. Специальные устройства могут быть необходимы и при исследовании иных объектов, в последующем признанных вещественными доказательствами. А участие лиц, обладающих специальными познаниями и вовсе повсеместно необходимо при расследовании преступлений, связанных, например, с экономической деятельностью, медицинской, химической и иными отраслями знаний. Опрометчиво наделять электронную информацию априори особыми качествами, которые невозможно понять и оценить без участия специалиста. Обычный документ порой может быть составлен особым научным языком и его содержание может быть не всегда ясно должностному лицу, в следствие чего будут стоять дополнительные препятствия в процессе оценки доказательств.

Тезис о том, что электронная информация легче подвергается искажениям, изменениям нежели иные источники информации, имеет право на существование. Как указывает А.И. Зазулин: «Именно возникновение сомнений в достоверности компьютерной информации является в настоящее время одной из самых острых проблем, связанных с ее использованием в доказывании по уголовным делам» [4, С.187]. Однако и документальные носители информации, которые имеют доказательственное значение при расследовании преступления, также могут подвергаться фальсификациям. Не стоит забывать о том, что вмешательства в электронную информацию, оставляют «виртуальные следы», которые также могут быть обнаружены специалистом. В связи с этим, при оценке любого объекта на предмет его использования в качестве доказательства, важно помнить о соответствии его критериям относимости, допустимости и достоверности.

Полагаем, что изменения уголовно-процессуального законодательства всегда должны нести объективный характер. Как отмеча-

ет О.В. Химичева «электронные документы» вполне укладываются в существующую систему доказательства и могут выступать в качестве иных документов (ст. 84 УПК РФ или вещественных доказательств (ст. 81 УПК РФ). Согласно ч. 2 ст. 84 УПК РФ документы могут содержать сведения, зафиксированные как в письменном, так и ином виде (в том числе и в электронном) [6, С.170]. Аналогичное мнение высказывает П.С. Пастухов, полагая, что в УПК РФ не следует включать новый вид доказательств «электронное доказательство», необходимо просто уточнить понятие «доказательство», указав, что сведения могут быть представлены в виде электронной информации, которая «вполне способна восприниматься в одном из традиционных доказательств – вещественном доказательстве или документе» [5, с. 150].

Любая цифровая информация, электронный документ в любом случае должны пройти все этапы восприятия, анализа и оценки со стороны должностного лица. Например, исследование информации в сети интернет, или электронного документа, предполагает их осмотр следователем в рамках одноименного следственного действия. Результатом такого следственного действия является протокол, который в последующем и может быть использован в качестве доказательства, которое уже предусмотрено ст. 74 УПК РФ. Обойти этот этап на данный момент уголовного судопроизводства вряд ли возможно. В связи с этим, возникает вопрос о том, насколько целесообразно вводить новый вид доказательств «электронное доказательство» если его цифровая форма – это лишь один из видов источников откуда эту информацию можно получить, а в последующем она в любом случае должна пройти все этапы процессуальных действий, таких как осмотр и последующее принятие решение о признании (непризнании) вещественным доказательством, например электронного носителя такой информации.

А.С. Александров в отношении электронной информации предлагает такую формулировку, как «цепь законных владений», которая представляет собой порядок процессуальных действий, заключающихся в фиксации (документировании) электронной информации, с целью обеспечения недопущения искажения информации при ее передаче между участниками уголовного судопроизводства [3, С.19]. Данное предложение весьма интересное, направленное на обеспечение сохранности электронной информации, для соблюдения требования достоверности будущего доказательства. Также в разработанной им «Доктринальной модели уголовно-процессуального доказательственного права» предлагается в исключительных случаях, обусловленных техническими причинами, представ-

лять документ суду в виде электронной информации, находящейся в телекоммуникационном канале сети-Интернет [3, С. 74].

Рассматриваемый труд представляет собой результат работы коллектива ученых, направленный на разработку концептуально нового подхода к уголовно-процессуальной форме в условиях меняющейся действительности. Однако, все же возникает вопрос об обоснованности высказанного предложения. Установив тот факт, что электронный документ, размещенный в сети интернет, несет значение для установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу, его в обязательном порядке необходимо осмотреть, составив при этом протокол, в котором будут отражены все признаки данного объекта и имеющая значимость информация. Помимо этого, необходима будет фиксация данной информации, будь то распечатывание на бумажном носителе, либо фото-, видеофиксация процесса осмотра. Иначе могут возникнуть вопросы о том, не была ли данная информация подвергнута изменениям с момента ее восприятия следователем (дознавателем) до момента предоставления ее суду. Со временем, возможно при реализации идеи об электронном уголовном деле можно будет перенести эту электронную информацию в такое уголовное дело, при наличии технической возможности в обеспечении ее сохранности и аутентичности.

Подводя итог, хочется отметить, что цифровая информация и электронные документы, став неотъемлемой частью жизни человека, закономерно стали и частью процесса доказывания по уголовным делам. При этом, говорить о том, что это отдельный вид доказательства, выходящий за рамки уже установленных уголовно-процессуальным законодательством – все же не целесообразно. Любая информация будь она на документальном носителе либо в электронной форме, в любом случае подлежит исследованию посредством уже имеющихся в УПК РФ следственных действий (осмотр, производство судебной экспертизы) и как результат будет получен один из видов доказательства, уже установленных ст. 74 УПК РФ – протокол следственного действия, заключение эксперта, заключение специалиста, вещественное доказательство или иные документы.

Список литературы:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 года № 174-ФЗ // СПС КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481.

2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699.
3. Александров А. С. Доктринальная модель уголовно-процессуального доказательственного права Российской Федерации и комментарии к ней. М.: Юрлитинформ, 2015. 299 с.
4. Зазулин А. И. Правовые и методологические основы использования цифровой информации в доказывании по уголовному делу: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург. 2018. – 251 с.
5. Пастухов П. С. Электронное вещественное доказательство в уголовном судопроизводстве // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 396. С. 149–153.
6. Химичева О. В. Следственные действия: о цифровой трансформации их производства // Криминологический журнал. 2023. № 2. С. 170–174.
7. Черкасов В. С. Правовое регулирование применения электронных средств в доказывании на досудебных стадиях уголовного процесса: дис. ... канд. юрид. наук. Хабаровск. 2022. – 210 с.
8. Чернышов В. Н., Лоскутова Е. С. Проблемы собирания и использования цифровых доказательств // Социально-экономические явления и процессы. 2017. Т. 12. № 5. С. 199–203.

Мамаев Михаил Игоревич,
кандидат юридических наук,
заместитель начальника кафедры
организации оперативно-разыскной деятельности,
Академия управления МВД России
E-mail: mmamaev20@ mvd.ru

Кохан Рустам Юрьевич,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры
организации оперативно-разыскной деятельности,
Академия управления МВД России
E-mail: rkokhan@mvd.ru

УДК 343.163 (075)

О разработке методики применения искусственного интеллекта в оперативно-розыскной деятельности

Аннотация. Авторами рассматриваются примеры использования технологий машинного обучения, применяемые за рубежом, а также НИР по теме использования машинного обучения в правоохранительной деятельности, проведенные в Российской Федерации. Дается обзор правовой базы и организационно-распорядительных документов по вопросу применения технологий искусственного интеллекта в оперативно-служебной деятельности органов внутренних дел. Обосновывается актуальность постановки и решения крупной научно-практической задачи по формированию и использованию технологии машинного обучения в оперативно-розыскной деятельности по выявлению преступлений, связанных со сбытом наркотиков, экономическими и коррупционными общественно опасными деяниями. Предлагаются этапы решения данной научно-практической задачи. Применение технологий искусственного интеллекта в ОРД рассматривается в качестве одного из перспективных направлений реализации оперативно-розыскной политики.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность; искусственный интеллект; технологии машинного обучения; незаконный оборот наркотиков; экономические и коррупционные преступления.

Масштаб происходящих изменений в современной экономике позволяет увидеть черты полноценной четвертой промышленной революции, охватывающей все сферы общественной жизни. Одной из ключевых инноваций становится цифровая платформа, а искусственный интеллект является одним из факторов экономического роста, обеспечения устойчивого развития [10, 11]. Такой переход сопровождается значительными изменениями в общественных отношениях, имеющими два взаимосвязанных тренда — цифровизацию и виртуализацию окружающей нас реальности [12].

Полицейская деятельность, во взаимосвязи с трансформацией общественных отношений, рассматривает технологии искусственного интеллекта в качестве инструмента эффективного решения правоохранительных задач. Использование технологий искусственного интеллекта для создания рекомендательных систем в сфере общественной безопасности и борьбы с преступностью активно исследуется за рубежом, количество научных публикаций, сообщаемых об успехах применения в деятельности полиции технологий машинного обучения, множится день ото дня, происходит ускоренное внедрение соответствующих технологических решений [8, 9]. Зарубежными исследователями демонстрируются примеры использования машинного обучения для выявления незаконного оборота наркотиков [14, 17, 19], профилактики домашнего насилия и убийств [20], выявления неправомерных действий сотрудников полиции [15], анализа служебных документов и составления отчетов [16, 18]. Не меньшими темпами применение искусственного интеллекта развивается в области сбора и анализа разведывательных данных [13].

В Российской Федерации в 2019 году принята Стратегия развития искусственного интеллекта [1], в которой нормативно определены основные понятия в данной области, подзаконными актами сформирована организационная основа деятельности по внедрению технологий искусственного интеллекта в деятельность федеральных органов исполнительной власти [2, 3, 4, 5].

В системе органов внутренних дел созданы необходимые правовые условия: разработана Концепция использования искусственного интеллекта в деятельности подразделений МВД России на период до 2030 года, утверждены Ведомственная программа цифровой трансформации МВД России на 2021-2023 годы, Ведомственная программа цифровой трансформации МВД России на 2022-2024 годы [6, 7] (далее - Ведомственная программа), заместителем Министра внутренних дел генерал-полковником В.Д. Шуликой утвержден План по внедрению технологий искус-

ственного интеллекта в деятельность органов внутренних дел Российской Федерации (на 2023-2025) [21].

В рамках Ведомственной программы проведены НИР «Серия» (выявление серийных преступлений), НИР «Анатомия 1» (выявление индивидуальных анатомических признаков. Спецификой реализованных проектов применения технологии искусственного интеллекта «Серия» и «Анатомия 1» является то, что наборы данных для машинного обучения, а также данные для анализа сформированы в закрытом контуре на основе учетов ГИАЦ и ЭКЦ МВД России.

Кратко характеризуя отечественные примеры использования технологии искусственного интеллекта в правоохранительной деятельности, необходимо отметить, что указанные проекты имеют выраженную направленность на интеллектуальный анализ «больших данных», накопленных в централизованных оперативно-справочных, криминалистических учетах органов внутренних дел. При этом конечная цель этих исследований в той или иной мере коррелирует с выработкой рекомендательных решений, связанных с расследованием уже зарегистрированных преступлений.

Учитывая актуальность рассматриваемой проблематики, представляется необходимым сделать следующий шаг в применении технологий искусственного интеллекта – обеспечить постановку и решение крупной научно-практической задачи по созданию рекомендательных систем на основе технологии машинного обучения, в том числе как элемента информационно-аналитического обеспечения оперативно-розыскной деятельности, в целях выявления преступлений с неявными для традиционных методов ОРД поисковыми признаками.

В условиях постоянно меняющихся приемов и способов совершения преступлений обусловленных динамичной технологической средой в большинстве своем не выявляются преступные деяния, особенно в сфере криминальных кредитно-финансовых механизмов, являющихся элементами трансфера между легальной и теневой экономикой. Традиционные оперативно-розыскные методы, в той или иной степени ориентированные на типичные приемы и способы совершения преступлений в этой сфере, не работают достаточно эффективно – заранее заданный (используемый) алгоритм действий оперативных работников, зачастую включаемый в методические материалы, оказывается бесполезен в условиях неопределенности поисковых признаков.

Такие преступления в современных условиях составляют значительную часть латентной экономической, наркотической и коррупционной преступности.

Таким образом, областями с ярко выраженной латентностью, где могут быть реализованы модели машинного обучения на наш взгляд являются: незаконный оборот наркотиков, а также преступления экономической и коррупционной направленности. Наряду со спецификой латентности, оперативно-розыскная характеристика указанных преступлений, в части рассматриваемых нами признаков схожа. Во-первых, лица, их совершающие в большинстве случаев ранее не судимы, не попадали в поле зрения оперативно-справочных и криминалистических учетов. Во-вторых, основным мотивом совершения преступлений является перераспределение (получение) доходов незаконным путем, личное обогащение или получение корпоративной прибыли. Для таких видов преступлений характерно использование криптовалюты, цифровых финансовых активов и их модификаций в качестве средств платежей или накопления преступно полученных доходов, использование общих схем маскировки преступных доходов. В-третьих: характерны действия, направленные на последующую легализация преступных доходов посредством вывода криптоактивов и иных объектов гражданских прав в фиатные валюты. Схемы легализации доходов в этом случае схожи, вне зависимости от категории предшествующего (предикатного) преступления. Наличие общих элементов оперативно-розыскной характеристики позволяет предположить существование общих подходов к формированию отдельных элементов моделей машинного обучения. Такими элементами, в частности, могут являться единицы обучающих и обрабатываемых данных для машинного обучения, например: сведения о транзакциях в банковской сфере, в сфере оборота криптовалют, отдельных разновидностей ЦФА, в том числе с использованием смарт-контрактов, несущие характерные взаимосвязи и взаимозависимости по объемам, времени и цикличности; сведения налоговых органов в отношении зарегистрированных имущества и доходов фигурантов.

Как видится, решение данной крупной научно-практической задачи, основано на кооперации усилий специалистов как в сфере оперативно-розыскной деятельности, так и в сфере технологий машинного обучения. При этом этапами решения данной задачи могли бы являться:

- определение правовых основ, области и границ применения технологии искусственного интеллекта в оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел.

– общие подходы к извлечению и разметке данных на основании оперативно-розыскных характеристик преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков, экономических и коррупционных преступлений, а также их структуризация для использования в машинном обучении;

– создание нейросетевых алгоритмов для решения подзадач, системно составляющих и функционально обеспечивающих решение общей задачи выявления латентной преступности, связанной со сбытом наркотиков, экономическими и коррупционными общественно опасными деяниями;

– разработка программного обеспечения использующего созданные нейросетевые алгоритмы, с интерфейсом соответствующим требованиям профильных сотрудников органов внутренних дел.

Необходимо подчеркнуть, что нормативными актами МВД России в целом созданы необходимые правовые и организационные условия для решения вышеописанной научно-практической задачи.

В частности, Концепция использования искусственного интеллекта в деятельности подразделений МВД России на период до 2030 года с учетом приоритетности, потребностей практики, а также готовности и доступности соответствующих технологий рекомендует для внедрения в интересах центрального аппарата и территориальных органов МВД России такие группы технологий искусственного интеллекта как: интеллектуальный анализ данных; рекомендательные системы и интеллектуальные системы поддержки принятия решений, а в ближайшей перспективе - распознавание противоправных действий при проведении финансовых транзакций; распознавание транзакций и сделок, имеющих признаки отмывания денежных средств, полученных преступным путём, операций на нелегальных рынках, анализ больших данных, размещенных в сети интернет по поиску и выявлению лиц, групп лиц, организаторов распространения наркотических средств.

На наш взгляд, первоочередным этапом на этом пути, над которым уже идет работа на кафедре ООРД Академии управления МВД России являются организационные и технологические аспекты формирования наборов данных (дата-сетов) для обучения и тестирования нейросетевых моделей, на основе:

– временных рядов для выявления закономерностей и неявных зависимостей в данных о транзакциях (как традиционных, так и вне банковского сектора), характеризующих признаки криминальных кредитно-финансовых механизмов;

– транзакционного поведения типичных объектов оперативной заинтересованности для выявления поисковых признаков престу-

плений, элементом объективной стороны которых являются финансовые операции;

- идентификация циклических закономерностей в данных о транзакциях указывающих на возможные схемы по уклонению от уплаты налогов и легализации (отмыванию) денежных средств или иных объектов гражданских прав;

- обнаружения аномалий в транзакционном поведении участников закупок для государственных и муниципальных нужд и исполнителей государственных контрактов.

Предлагаем исследователей проблем практической реализации технологий искусственного интеллекта в ОРД, присоединиться в рабочем порядке как к обсуждению, так и к дискуссии о целесообразности, плюсах и минусах, роли и месте интеллектуального анализа данных в системе организации оперативно-розыскной деятельности.

Недалекое будущее поставит вопрос перед оперативно-розыскной наукой и законодателем о роли и месте результатов от использования отдельных классов методов искусственного интеллекта (машинное обучение – один из таких методов) в оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел.

Представляется, что актуальность решения данной научно-практической задачи, очевидна и не требует значительной аргументации. Укажем лишь что, также же как полтора десятка лет назад практика оперативно-розыскной деятельности сделала шаг в пространство Интернет, в настоящее время в условиях четвертой промышленной революции оперативно-розыскная деятельность должна сделать первые шаги в использовании технологий искусственного интеллекта. В этом видятся особенности перспективы формирования оперативно-розыскной политики на ближайший период.

Список литературы:

1. О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 // СПС КонсультантПлюс.

2. Об утверждении Концепции развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 года : распоряжение Правительства Рос. Федерации от 19 августа 2020 г. № 2129-р // СПС КонсультантПлюс.

3. О мерах по обеспечению эффективности мероприятий по использованию информационно-коммуникационных техноло-

гий в деятельности федеральных органов исполнительной власти и органов управления государственными внебюджетными фондами: Постановление Правительства Рос. Федерации от 10 октября 2020 г. № 1646 // СПС КонсультантПлюс.

4. Об утверждении программы Цифровая экономика Российской Федерации: распоряжение Правительства Рос. Федерации от 28 июня 2017 г. № 1632-р // СПС КонсультантПлюс.

5. Паспорт федерального проекта «Искусственный интеллект» национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации», утвержденный протоколом заседания президиума Правительственной комиссии по цифровому развитию, использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности от 23.10.2020 №23 // СПС Консультант-Плюс.

6. Об утверждении Ведомственной программы цифровой трансформации МВД России на 2021–2023 годы: распоряжение МВД России от 29 декабря 2020 г. № 1/15065 // СТРАС Юрист.

7. Об утверждении Ведомственной программы цифровой трансформации МВД России на 2022-2024 годы: распоряжение МВД России от 11 января 2020 г. №1/37 // СТРАС Юрист

8. Бабушкин А. А., Маслов А. А., Овчинский В. С. О некоторых научных проблемах использования искусственного интеллекта в оперативно-розыскной деятельности // Оперативно-розыскная деятельность в цифровом мире: сборник научных трудов / под ред. В. С. Овчинского. – Москва : ИНФРА-М, 2021. С. 108–149.

9. Завьялов И. А. Зарубежный опыт использования искусственного интеллекта в раскрытии преступлений // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 3. С. 228–235.

10. Кубасов И. А. Внедрение технологии искусственного интеллекта для выявления девиантного поведения в молодежной среде // Охрана, безопасность, связь. 2022. №7-1. С. 181–187

11. Кубасов И. А. Искусственный интеллект как драйвер цифровой трансформации МВД России // Криминологический журнал. 2023. №2. С. 211–215.

12. Осипенко А. Л. Цифровизация общества и виртуализация реальности: усложнение вызовов и расширение перспектив оперативно-розыскной деятельности // Оперативно-розыскная деятельность в цифровом мире: сборник научных трудов / под ред. В. С. Овчинского. Москва: ИНФРА-М, 2021, С. 150–172.

13. Прошина В. И. Применение искусственного интеллекта в разведке США // Восток-Запад: история и современность. 2023. С. 329–336

14. Balogun O. S., Olaleye S. A., Moshin M., Haataja, K., Gao, XZ., Toivanen, P. (2022). Investigating Drug Peddling in Nigeria Using a Machine Learning Approach. In: Abraham, A., Gandhi, N., Hanne, T., Hong, TP., Nogueira Rios, T., Ding, W. (eds) Intelligent Systems Design and Applications. ISDA 2021. Lecture Notes in Networks and Systems, vol 418. Springer, Cham. URL: https://doi.org/10.1007/978-3-030-96308-8_10.
15. Cubitt T. I.C. and Birch, P. A machine learning analysis of misconduct in the New York Police Department, // Policing: An International Journal, Vol. 44 No. 5, pp. 800-817. URL: <https://doi.org/10.1108/PIJPSM-11-2020-0178>.
16. Ezdihar Bifari, Arwa Basbrain, Rsha Mirza, Alaa Bafail, Somayah Albaradei and Wadee Alhalabi. Text mining and machine learning for crime classification: using unstructured narrative court documents in police academic // COGENT ENGINEERING 2024, VOL. 11, NO. 1, 2359850 URL: <https://doi.org/10.1080/23311916.2024.2359850>.
17. Kumari D., Swetapadma, A. (2024). Building a Heroin Abuse Prediction Model: A Generalized Machine Learning Approach. In: Santosh, K., *et al.* Recent Trends in Image Processing and Pattern Recognition. RTIP2R 2023. Communications in Computer and Information Science, vol 2026. Springer, Cham. URL: https://doi.org/10.1007/978-3-031-53082-1_1
18. Reza Montasari. The Application of Big Data Predictive Analytics and Surveillance Technologies in the Field of Policing // Countering Cyberterrorism, The Confluence of Artificial Intelligence, Cyber Forensics and Digital Policing in US and UK National Cybersecurity (pp.81-114) URL: https://doi.org/10.1007/978-3-031-21920-7_5
19. Shah N, Li J, Mackey TK. An Unsupervised Machine Learning Approach for the Detection and Characterization of Illicit Drug-Dealing Comments and Interactions on Instagram. Substance Abuse. 2022;43(1):273-277. doi:10.1080/08897077.2021.1941508
20. Verrey, J., Ariel, B., Harinam, V. et al. Using machine learning to forecast domestic homicide via police data and super learning // Scientific Reports volume13, Article number: 22932 (2023) URL: <https://doi.org/10.1038/s41598-023-50274-2>
21. Кинякина Е., Устинова А. МВД привлечет нейросети к поиску правонарушителей // Ведомости: [сайт] – 2024. 11 янв. - URL: <https://www.vedomosti.ru/technology/articles/2024/01/11/1014513-mvd-privlechet-neiroseti-k-poisku-pravonarushitelei> (дата обращения: 12.08.2024).

Моргун Дмитрий Олегович,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовной политики,
Академия управления МВД России;
доцент кафедры международного права
и правового регулирования
внешнеэкономической деятельности,
Московский университет имени А. С. Грибоедова
E-mail: dmorghun@mail.ru

УДК 393

**Профилактика преступлений
как направление реализации уголовной политики государств
(по законодательству некоторых государств – участников СНГ)**

Аннотация. В статье проведен анализ законодательства некоторых государств-участников СНГ в сфере профилактики правонарушений. В рамках исследования проанализированы основные научные позиции, связанные с предупреждением преступлений.

Ключевые слова: профилактика преступлений; общесоциальная профилактика; уровень преступности; правосознание граждан.

Этап реформирования и становления современного Российского государства и общества был сопряжен с многочисленными проблемами в культурной, политической, социальной, экономической, правоохранительной и других сферах. Долгие годы профилактическая работа практически оказывалась свернутой, органы внутренних дел в 90-е годы были вынуждены бороться с последствиями совершения преступлений. С каждым днем все больше укреплялось осознание необходимости введения новой системы профилактики преступлений, с целью повышения эффективности борьбы с преступностью. Современные реалии складывались таким образом, что только административно-правовым и уголовным механизмом воздействия на правонарушителя было не добиться желаемых результатов [1].

Обращаясь к истории возникновения профилактики, следует отметить, что еще в древности человечество пыталось найти способы эффективной борьбы с правонарушителями, возникало понимание необходимости минимизации опасных последствий совершения

преступления, и нахождение иных, более результативных способов, чем наказание. Но несмотря на авторитетное мнение многих мыслителей и ученых древности, исторически сложилось мнение, что угроза наказанием является наиболее эффективной профилактикой совершения преступлений.

Аристотель, в свое время писал, что законодателю следует утаивать наказание значительно превышающего выгоду от его совершения, тем самым принуждая преступника не совершать правонарушения. В трактате Платона «О законах» [2], аргументирована совсем противоположная точка зрения, касающаяся вопроса профилактики. Платон выступал за профилактику преступлений, а не за ужесточение наказания. В трактате «О законах», указано, что карательные меры нужно считать лишь дополнительными, а основные мероприятия должны быть направлены на отвращения преступника от совершения преступления.

В XVIII веке в Европе в своем сочинении «О духе законов» Шарль Монтескье писал: «хороший законодатель не столько заботиться о наказании за преступление, сколько о предупреждении преступлений. Он постарается не столько карать, сколько улучшить нравы» [3].

Екатерина II при написании наказа 1767 года основывалась на идее Шарля Луи Монтескье, сформулированной им в работе «О духе законов». Екатерина считала, что удержать людей от множества преступлений могут стыд, страх позора и любовь к Отечеству; наказание за преступление должно быть второстепенным по отношению к предупреждению; следует скорее вселить в граждан добрые нравы, чем привести дух их в уныние казнями [4].

Идеи Монтескье, к сожалению, оставались только законодательными идеалами, еще никак не связанными с реальной жизнью. На основании изложенного, представляется выделить три основных момента, доказывающих приоритетность профилактики преступлений:

- 1) профилактика преступлений фактически направлена на недопущение совершения правонарушения, следовательно, носит упреждающий характер и, направлена на сохранение состояния стабильности и спокойствия в обществе;

- 2) профилактика преступлений направлена на нейтрализацию совершения преступлений в конкретной среде, воздействуя на самую почву преступности;

- 3) предупреждать преступления экономически выгодно.

Само слово профилактика пришло в русский язык из греческого (prophylaktikos), что дословно означает «предохранительный». Про-

филактика преступлений – деятельность государственных и негосударственных органов, организаций и учреждений, а также общественных объединений, организаций и граждан социально-правовой направленности, нацеленная на нейтрализацию, устранение и выявление причин и условий совершения преступлений и оказания корректирующего воздействия на лиц, склонных к совершению противоправных деяний, в целях недопущения последних [5].

В юридической науке наряду с термином профилактика используется термин «предупреждение». В настоящее время не существует единого мнения относительно соотношения данных понятий.

Некоторые ученые (Г.А. Аванесов, В.Н. Кудрявцев) считают, что термин «профилактика» не может быть применим к преступности в целом, и что должен обозначать только мероприятия, затрагивающие конкретные преступления или их виды.

Более обоснованным выглядит подход к трактовке понятия «профилактика» другой группы ученых (А.П. Шергин, М.И. Зырин), которые исходят из философского толкования термина «профилактика» по словарю С.И. Ожегова [6].

Профилактика – совокупность предупредительных мероприятий, направленных на сохранение и укрепление нормального состояния, порядка.

Предупредить заранее принятыми мерами отвести, определить, сделать что-нибудь ранее, чем это произошло.

В Республике Беларусь под профилактикой правонарушений понимают – деятельность по применению мер индивидуальной и общей профилактики, осуществляемая субъектами профилактики правонарушений в соответствии с Законом Республики Беларусь и другими актами законодательства страны [7].

В законодательстве Республики Таджикистан приводится следующее определение предупреждения правонарушений: предупреждение – это комплекс экономических, социальных, правовых, и организационных мер, осуществляемых субъектами профилактической деятельности, направленные на защиту прав, свобод и законных интересов человека и гражданина [8].

Под профилактикой правонарушений в Республике Узбекистан понимается система социальных, правовых, организационных и иных мер общей, специальной, индивидуальной и виктимологической профилактики правонарушений, применяемых в целях сохранения и укрепления правопорядка, выявления, пресечения правонарушений, а также выявления, устранения причин и условий совершения правонарушений [9].

В Республике Казахстан под профилактикой правонарушений понимается комплекс мер, социального, организационного, экономического и правового характера, осуществляемые субъектами профилактики правонарушений, направленных на сохранение и укрепление правопорядка путем выявления, изучения, устранения причин и условий, способствующих совершению преступлений [10].

Как видно из вышеприведенных определений термины «профилактика» и «предупреждение» сходны, так как оба обозначают «недопущение чего-либо», следовательно, могут использоваться как синонимы.

Профилактика преступлений представляет собой органичную систему, которая включает в себя:

- задачи деятельности по предупреждению преступлений;
- принципы данной деятельности;
- нормативную базу, регламентирующую деятельность по предупреждению преступлений;
- сроки, основания, методику, осуществления предупредительной деятельности;
- круг объектов предупредительной деятельности и их правовой статус;
- организационные и процессуальные основы обеспечения деятельности органов и учреждений и общественных формирований системы профилактики преступлений.

Профилактика преступлений осуществляется на основе следующих принципов, которые в свою очередь, частично коррелируются с принципами уголовной политики государств, а именно:

1. принцип законности;
2. участие всего общества в профилактике преступлений (религиозные и общественные объединения, общественные формирования правоохранительной направленности, граждане, в той или иной степени способны осуществлять, и осуществляют профилактическую деятельность);
3. социальная справедливость;
4. гуманизм;
5. комплексная деятельность субъектов по профилактике преступлений.

Данный принцип обеспечивает координацию усилий субъектов профилактики, позволяет обеспечить системный подход к предупреждению преступности и повышению эффективности уголовной политики.

6. Принцип достаточности предупредительных мер;
7. Своевременность профилактической деятельности;

Данный принцип предполагает ориентированность профилактической деятельности на более ранний этап возникновения негативной ситуации, которая может поспособствовать совершению правонарушения;

8. Дифференциация мер предупредительной деятельности означает учет особенности личности профилактируемого, динамики изменения его поведения.

Если обратиться к законодательству Республики Беларусь, то мы можем выделить несколько основополагающих принципов:

- принцип плановости и системности;
- скоординированность действий и оперативного взаимодействия субъектов профилактики правонарушений;
- ответственность должностных лиц субъектов профилактики правонарушений за нарушения законодательства в рассматриваемой области [11].

Целью предупреждения преступлений является противодействие криминальным процессам в обществе, защита личности, общества и государства от противоправных посягательств, обеспечение сдерживания, сокращение количества преступлений и темпов их роста.

Предупреждение преступлений решает следующие задачи:

- выявление и устранение причин и условий, способствующих совершению преступлений (путем проведения анализа криминальных факторов социального, экономического, правового, организационного характера и принятия мер по их устранению);
- предотвращение совершения преступлений (путем своевременного выявления лиц, намеревающихся совершить преступления, и применения к ним профилактических мер воздействия);
- снижение уровня преступности (путем реализации комплекса профилактических мероприятий);
- сокращение рецидивной преступности (путем ресоциализации лиц, ранее совершивших преступления, и предотвращения их повторного вовлечения в преступную деятельность);
- формирование правовой культуры и правосознания граждан (осуществляется через правовое просвещение, патриотические мероприятия всех уровней, воспитание уважения к закону и неприятие противоправного поведения);
- повышение эффективности системы уголовной юстиции (подразумевается совершенствование уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного законодательства, правоприменительной практики.)

Традиционно ученые выделяют три уровня предупреждения: общесоциальный, специальный, индивидуальный.

Под общесоциальной профилактикой (общесоциальный уровень) понимают деятельность государства, общества, направленную на разрешение проблем в области экономики, здравоохранения, образования, социальной жизни и т.д. Она осуществляется теми органами или формированиями, для которых профилактическая функция является лишь «попутной» в ходе решения более широкого круга задач, предусмотренных их деятельностью, которые являются главными или профессиональными для формирований и организаций различного статуса и уровня.

В.Н. Кудрявцев выделяет следующие меры общесоциальной профилактики [12]:

правовые меры, которые включают в себя деятельность по устранению противоречий административного, гражданского, уголовного, уголовно-процессуального и других отраслей законодательства; восполнение пробелов в законодательстве об оружии и обеспечении стабильности правовых запретов.

экономические меры, включающие в себя стабилизацию экономики, обеспечение приоритета легальной экономической деятельности, экономическое стимулирование добровольного отказа от совершения преступления, повышение прожиточного минимума, компенсацию ущерба жертвам преступлений, борьбу с безработицей;

технические меры, предусматривающие разработку и внедрение технических средств, систем и технологий, то есть основательное совершенствование технического обеспечения правоохранительных органов;

политические меры, предусматривающие стабилизацию политического режима, демократизацию политической жизни, борьбу с коррупцией, развитие международного сотрудничества в сфере борьбы с преступностью;

Одним из важнейших направлений общесоциальной профилактики является социально-правовой контроль. В.Н. Кудрявцев понимал под социально-правовым контролем основанную на законе, целенаправленную организацию жизни и деятельности людей, суть и исполнение которого понятно, доступно и прозрачно, для отслеживания гражданами, общественными организациями, политическими партиями и другими образованиями гражданского общества [12].

Следующим уровнем профилактической деятельности является специальная профилактика. Специальная профилактика – предупреждение преступлений в специальных сферах общественной

жизни, осуществляемая специальными субъектами, состоящая в целенаправленном воздействии на негативные факторы, связанные с отдельными видами и группами преступного поведения. Например, правонарушения в сфере незаконного оборота оружия, в сфере экономических отношений и т.д.

В этом случае профилактика преступлений осуществляется в процессе деятельности соответствующих субъектов, для которых профилактика является одной из основных или основной профессиональной задачей.

Третьим и самым узконаправленным уровнем профилактической деятельности является индивидуальная профилактика, которая воздействует на конкретных лиц, совершающих те или иные противоправные деяния. К конкретному правонарушителю применяются программы индивидуальной коррекции противоправного поведения.

Таким образом, использование комплексного подхода, включающего в себя правовые, организационные, социальные и воспитательные меры, будет способствовать достижению основной цели уголовной политики государств – защите прав и законных интересов личности, общества и государства от преступных посягательств.

Список литературы:

1. Чекалин А. А. Грани системы профилактики // Профессионал 2 (76). – 2011. – С. 4.
2. Платон, Аристотель, Ф. Энгельс. Политика. Наука об управлении государством. М.: Эксмо. – 2013. – С. 224.
3. Монтескье Ш. Избранные произведения. М.: Мысль. – 2009. – С. 438.
4. Энциклопедический словарь. Европа в 86 томах. – СПб., 1998. – Т. 43. – С. 187–189.
5. Безопасность. Теория, парадигма, концепция, культура // Словарь-справочник / автор-сост. В. Ф. Пилипенко. М.: Икр СЭ-Пресс., 2015.
6. Ожегов С. И. Словарь революционной эпохи // Словарь и культура русской речи. М., 2001. С. 410–412.
7. Закон Республики Беларусь от 4 января 2014 г. № 122-З «Об основах деятельности по профилактике правонарушений» // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь.
8. Закон Республики Таджикистан от 19 марта 2013 г. № 954 «О предупреждении насилия в семье» // Джумхурият, 2024.

9. Закон Республики Узбекистан от 14 мая 2014 г. № ЗРУ-371-сон «О профилактике правонарушений» // Национальная база данных законодательства – 2024.

10. Закон Республики Казахстан от 29 апреля 2010 г. № 271-IV «О профилактике правонарушений» // Казахстанская правда. – 2010. – С. 143.

11. Закон Республики Беларусь от 4 января 2014 г. № 122-З «Об основах деятельности по профилактике правонарушений» // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь.

12. Криминология: учебник / под ред. В. Н. Кудрявцева // М.: Юность. – 2009. – С. 189.

Панфилов Павел Олегович,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного процесса,
Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя
E-mail: panfilov071@mail.ru

УДК 343.1

**Уголовно-процессуальная политика по обеспечению
национальных интересов Российской Федерации:
постановка проблемы**

Аннотация. В статье автором уголовное судопроизводство рассматривается как важнейшее направление государственной деятельности, которое определяется государственной политикой и имеет потенциал на решение задач, стоящих перед государством во всех сферах жизни общества. На основе анализа отдельных групп национальных интересов, определенных Стратегией национальной безопасности Российской Федерации, и их соотношения с задачами, стоящими перед уголовным судопроизводством, демонстрируется несовершенство существующих подходов по их обеспечению, несогласованность отдельных уголовно-процессуальных механизмов, отсутствие выстроенной модели уголовного судопроизводства, которая позволяла бы равной степени учесть все группы национальных интересов, реагировать на возникающие вызовы и угрозы. В этой связи автором ставится вопрос о необходимости разработки на концептуальном уровне основ уголовно-процессуальной политики по обеспечению национальных интересов Российской Федерации.

Ключевые слова: уголовно-процессуальная политика; национальные интересы; Стратегия национальной безопасности; функции уголовного судопроизводства; национальная безопасность.

В сфере уголовного судопроизводства сегодня прослеживается четкая тенденция слабого взаимовлияния теории уголовного процесса, реальных проблем правоприменительной практики и уголовно-процессуальных новелл. В результате, изменения Уголовно-

процессуального кодекса Российской Федерации¹ далеко не всегда отвечают потребностям практики, а реализация новых правовых предписаний приводит к деформации идей, закладываемых при принятии правовых норм. Устоявшиеся доктрины зачастую попросту игнорируются, а сами доктрины нередко инертны и далеки от меняющейся уголовно-процессуальной ситуации. Традиционные процессуальные гарантии исключаются без системного теоретического обоснования (например, гл. 40, 40.1, 50.1 УПК), а усложнение правил осуществления уголовно-процессуальной деятельности зачастую направлено на решение исключительно локальных задач (например, улучшение инвестиционного климата [10]) без учета его общего влияния на решение задач уголовного судопроизводства, достижения его назначения, удовлетворение социальных потребностей в результатах уголовно-процессуальной деятельности.

Все эти разноплановые и несвязанные процессы протекают в условиях идейной эклектичности уголовно-процессуального закона, принятого в условиях множества политических и ведомственных компромиссов, отягощенных нигилистическим отношением правоприменителя [15, с. 211] к уголовно-процессуальному праву как в силу игнорирования (в том числе и непонимания) нравственных основ уголовно-процессуальной деятельности, так и по причине низкого уровня юридической техники, излишне высокой степени правовой неопределенности закона. Фактически в области уголовного судопроизводства происходит столкновение одинаково значимых для развития государства и общества ценностей [7], которые на самом деле не взаимоисключают друг друга и должны быть одинаково обеспечены [13, с. 115].

Очевидно, что для нейтрализации обозначенных негативных явлений столь широкого и опасного масштаба необходимы политические решения.

Уголовное судопроизводство не может не испытывать влияния основных векторов государственной политики, которые сегодня направлены на обеспечение суверенитета, национальной безопасности, повышение уровня жизни, экономическое развитие страны². При этом уголовный процесс – важнейшее направление государственной деятельности, которое не только определяется (его назна-

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 29.05.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.07.2024) // Российская газета. № 249. 22.12.2001. Далее – УПК.

² Указ Президента РФ от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» // Российская газета. № 100. 11.05.2024.

чение, тип, принципы) государственной политикой, но и имеет мощный потенциал на решение задач, стоящих перед государством, и не только в уголовно-процессуальной сфере. К сожалению, этот потенциал уголовного судопроизводства зачастую и не учитывается.

Назначение уголовного судопроизводства достаточно узко определено в ст. 6 УПК (в нем не заложено даже социальное назначение судопроизводства [6, с. 169]), между тем в науке уже давно высказана правильная мысль о способности порядка уголовно-процессуальной деятельности оказывать воздействие на субъектов общественных отношений в самых различных сферах [2, с. 27]. Это актуализирует вопрос о современном явно зауженном отношении к понятию и системе функций уголовного судопроизводства, которые априори не могут определять только его внутреннее содержание, хотя бы ввиду выраженного публичного характера уголовно-процессуальной деятельности. При этом и обоснования социального назначения уголовного судопроизводства [5] явно недостаточно.

Функции уголовного судопроизводства как его предназначение в жизни общества представляются значительно шире и не могут быть индифферентны обеспечению национальных интересов, которые определены Стратегией национальной безопасности Российской Федерации¹ (п. 25 Стратегии), среди которых укрепление законности и обеспечение всех видов безопасности (пп. 1, 2, 3, 4, 5, 6 п. 25 Стратегии); развитие механизмов взаимодействия государства и гражданского общества (пп. 3 п. 25 Стратегии); укрепление традиционных российских духовно-нравственных ценностей, сохранение культурного и исторического наследия народа России (пп. 7 п. 25 Стратегии); поддержание стратегической стабильности, укрепление мира и безопасности, правовых основ международных отношений (пп. 8 п. 25 Стратегии). Однако доктрина уголовного судопроизводства остается достаточно инертной в части изменения подходов к системе функций уголовного судопроизводства, их иерархии [12], соотношению с системой национальных интересов. Более того, вопрос о системе национальных интересов, которые могут защищаться средствами уголовного судопроизводства, в целом в науке уголовного судопроизводства даже не ставится.

¹ Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 05.07.2021. № 27 (часть II), ст. 5351. Далее – Стратегия национальной безопасности или Стратегия.

Между тем, определение сфер, в которых общественные отношения должны испытывать непосредственное воздействие хода и результатов уголовного судопроизводства, – важная задача уголовно-процессуальной политики. Без ее решения трудно рассчитывать на создание действенного механизма системного уголовно-процессуального обеспечения национальных интересов.

При этом следует учитывать: уголовно-процессуальная политика формируется и реализуется не только в правотворческой, но и в правоприменительной, правоинтерпретационной, правосопитательной и других формах [17, с. 40-41]. Нельзя недооценивать роль высших судебных инстанций, а также органов исполнительной власти в формировании и реализации уголовно-процессуальной политики в различных направлениях. Как верно отмечает А.И. Александров, реализация уголовно-процессуальной политики относится не только к уголовно-процессуальному законодательству, но и к практике его применения, которая иногда открыто, а иногда завуалировано корректируется властью в необходимую ей сторону [1, с. 312].

Понимание функций уголовного судопроизводства в узком смысле, ограниченном его назначением, предусмотренным ст. 6 УПК (по сути, внутреннее назначение судопроизводства), негативно сказывается на всех формах реализации уголовно-процессуальной политики, влечет узость правотворческой деятельности, неправильное применение уголовно-процессуального закона, ошибки толкования и применения аналогии, игнорирование возможностей воспитательного воздействия уголовного процесса. Между тем именно через выработку и реализацию уголовно-процессуальной политики происходит обеспечение средствами уголовного судопроизводства национальных интересов, конечно, не исчерпывающихся только защитой прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства.

В системе национальных интересов в Стратегии выделяются духовно-нравственные ценности, сохранение культурного и исторического наследия народа России (пп. 7 п. 25 Стратегии). Обеспечение обозначенной группы национальных интересов невозможно без развития системы образования и воспитания (пп. 5 п. 93 Стратегии). Уголовное судопроизводство обладает мощным воспитательным потенциалом, который несколько последних десятилетий остается невостребованным [15, с. 247]. Задачи воспитания средствами уголовного судопроизводства (в отличие от советского уголовно-процессуального законодательства) не ставятся, процессуальные процедуры, предусмотренные действующим УПК, воспитательных

задач не решают, а некоторые (упрощенные производства) чреваты угрозами ориентации на ценности, не характерные для российского народа. Мало того, реализация уголовным судопроизводством социального назначения возможна только при обеспечении доверия населения к уголовному судопроизводству¹, результатам и органам, его осуществляющим. Однако для этого обязательным условием является сама ориентация уголовного судопроизводства на ценности, принимаемые и одобряемые народом России, реализация их в уголовно-процессуальном законодательстве, правоприменительной практике. Ряд таких ценностей (например, стремление к истине [3]) оказались выхолащенными из сферы уголовного процесса в период его кардинального реформирования под влиянием некоторых чуждых российскому обществу зарубежных правовых моделей.

Важное воспитательное значение имеет культура уголовного судопроизводства, которой длительное время не уделяется должного внимания ни в науке, ни на законодательном, ни на правоприменительном уровнях. Следует учитывать, что культура уголовного судопроизводства в первую очередь обусловливается культурой законотворческой деятельности, уважительным отношением к содержанию и форме уголовно-процессуального законодательства. Проблемность этого аспекта в настоящее время очевидна: уголовно-процессуальный закон реформируется хаотично, нередко под влиянием узковедомственных интересов, его текст многословен, сложен для восприятия населением, зачастую противоречив [9; 14]. Нерешенность проблемы обеспечения культуры уголовного судопроизводства негативно сказывается на обеспечении традиционных духовно-нравственных ценностей, подрывает доверие населения к уголовному судопроизводству, а значит, и государственным органам, его осуществляющим.

Обеспечения доверия общества к уголовному судопроизводству необходимо добиваться по различным направлениям и в различных формах, которые в свою очередь должны быть основаны на концептуальных положениях государственной правовой политики с учетом того, что развитие механизмов взаимодействия государства и гражданского общества относится к числу стратегических национальных приоритетов (п. 25 Стратегии национальной безопасности).

¹ На ПМЮФ обсудили уровень общественного доверия к правосудию. Адвокатская газета. URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/na-pmyuf-obsudili-uroven-obshchestvennogo-doveriya-k-pravosudiyu/> (дата обращения: 21.08.2024)

Нельзя недооценивать роль уголовного судопроизводства в сохранении культурного и исторического наследия народа России (пп. 7 п. 25 Стратегии) посредством защиты исторической памяти (например, расследование обстоятельств гибели Николая II и императорской семьи¹, Нюрнбергский процесс [16] и процессы над нацистскими преступниками² и т.д.).

Не все преступления имеют особое значение для государства и общества с точки зрения сохранения и защиты исторической памяти, однако те преступления или группы преступлений (преступления украинских неонацистов³), которые таким свойством обладают, требуют особого подхода в части отдельных процессуальных правил. Речь, например, о гласности судебного разбирательства (процесс должен быть открыт для публики, а некоторые процессуальные процедуры, кажущиеся обывателю лишним проявлением бюрократии, требуют специального разъяснения со стороны профессионального сообщества, поскольку информационный вакуум может стать основой для информационной пропаганды, дискредитирующей правосудие и органы его осуществляющие), об особом отношении к некоторым принципам (или включения в их систему новых), поскольку нарушение принципов при производстве по такого рода уголовным делам особо «остро» воспринимается обществом, влечёт повышенные репутационные издержки для компетентных органов и должностных лиц; создаёт угрозу формирования неверных представлений о преступнике и органах государственной власти не только для общества на конкретном историческом этапе развития, но и у будущих поколений.

В связи с этим требуют выявления и разработки концептуальные основы уголовно-процессуальной политики по обеспечению национальных интересов по сохранению культурного и исторического наследия народа России посредством защиты исторической памяти.

Уголовно-процессуальная политика призвана обеспечивать эффективную реализацию функций уголовного судопроизводства, среди которых приоритетными выступают укрепление законности и обеспечение всех видов безопасности (пп. 1, 2, 3, 4, 5, 6 п. 25

¹ В СК рассказали о расследовании убийства Николая II и его семьи. РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20200717/1574490498.html> (дата обращения: 21.08.2024)

² «Справедливое возмездие». Судебное преследование нацистских преступников. Федеральное архивное агентство. URL: <https://victims.rusarchives.ru/spravedlivoe-vozmездie-sudebnoe-presledovanie-nacistskikh-prestupnikov> (дата обращения: 21.08.2024)

³ Как продвигается расследование преступлений украинских националистов, которые воюют с мирными гражданами? Интервью главы СК РФ Александра Бастрыкина. Российская газета. URL: <https://rg.ru/2022/07/25/iz-dose-aleksandra-bastrykina.html> (дата обращения: 21.08.2024).

Стратегии национальной безопасности). В настоящее время в целях повышения уровня экономической безопасности уголовно-процессуальная форма дифференцируется по делам о преступлениях в сфере экономической и предпринимательской деятельности [11] (ч. 3 ст. 20, ст. 81.1, ч. 1.1, ч. 3.1 ст. 108 УПК и т.д.); также отдельные элементы процессуальной формы дифференцируются в целях обеспечения государственной безопасности и территориальной целостности Российской Федерации (особенности привлечения к уголовной ответственности лиц, участвующих в специальной военной операции¹; изменение в 2024 году положений п. 8 ч. 1 ст. 73, ч. 3 ст. 115, п. 10.1 ч. 1 ст. 299 УПК в части учета деятельности, направленной против безопасности Российской Федерации²). Дифференциация уголовно-процессуальной формы – важное средство уголовно-процессуальной политики. Между тем в доктрине до настоящего времени, невзирая на многолетние научные дискуссии, не решен вопрос о ее критериях, пределах, направлениях, позволяющих эффективно обеспечивать национальные интересы по укреплению законности и в то же время дополнительно воздействовать на иные сферы общественных отношений в целях обеспечения национальных интересов.

В современной геополитической ситуации особое значение приобретает уголовно-процессуальная политика по обеспечению национальных интересов Российской Федерации на международной арене в целях поддержания стратегической стабильности, укрепления мира и безопасности, правовых основ международных отношений (пп. 8 п. 25 Стратегии национальной безопасности).

Необходимо на концептуальной основе определить подходы России к процессуальным решениям иностранных государств, прямо противоречащим общепризнанным принципам и нормам как международного, так и национального права³, вопросам обмена осужденных, обвиняемых (подозреваемых) как в мирное, так и в военное время⁴.

¹Федеральный закон от 23.03.2024 № 64-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Российская газета. № 66. 27.03.2024.

²Федеральный закон от 14.02.2024 № 11-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Российская газета. №35. 16.02.2024.

³Situation in Ukraine: ICC judges issue arrest warrants against Vladimir Vladimirovich Putin and Maria Alekseyevna Lvova-Belova. The International Criminal Court. URL: <https://www.icc-cpi.int/news/situation-ukraine-icc-judges-issue-arrest-warrants-against-vladimir-vladimirovich-putin-and> (дата обращения: 21.08.2024)

⁴Россия совершила крупнейший обмен заключенными со странами Запада. Ведомости. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2024/08/01/1053379-rossiya->

С учетом международной обстановки актуализации требуют правила экстерриториального действия уголовно-процессуального законодательства и деятельности органов, осуществляющих предварительное расследование. Так, например, в Европейском Союзе функционирует Европейское бюро по борьбе с мошенничеством (OLAF), которое при проведении расследования обладает экстерриториальными полномочиями в отношении третьих стран – получателей помощи из Фонда восстановления и устойчивости Европейского Союза [18, с. 268-269], а полномочия Европейской прокуратуры реализуются посредством проведения трансграничных расследований, которые с точки зрения правового регулирования выходят за рамки имеющихся в ЕС механизмов судебного сотрудничества (институт европейского ордера на арест и на производство следственных действий) [8, с. 218]. Подобные механизмы, по обоснованному мнению Л.В. Головки, являются ничем иным как способом ограничения уголовно-процессуального суверенитета государств [4, с. 43], что выступает частью уголовно-процессуальной политики наднациональных органов Европейского Союза. Анализ данного опыта может быть полезен для Российской Федерации в условиях построения общего (единого) рынка ЕАЭС¹ и необходимости построения новых, развития имеющихся механизмов противодействия преступности с государствами Азиатско-Тихоокеанского региона.

В связи с этим необходима разработка основных начал, принципов реализации уголовно-процессуальной политики в международных отношениях, а также при осуществлении международного сотрудничества.

В качестве вывода отметим, что вопросы выработки и реализации уголовно-процессуальной политики по обеспечению национальных интересов, определенных Стратегией национальной безопасности Российской Федерации, требуют комплексных самостоятельных исследований, при этом именно от системы и содержания национальных интересов, а также средств их обеспечения зависит будущая модель уголовного судопроизводства, её способность отвечать потребностям государства и общества, устранять возникающие вызовы и угрозы.

sovershila-kрупneishii-obmen (дата обращения: 21.08.2024).

¹ Договор о Евразийском экономическом союзе (Подписан в г. Астане 29.05.2014) (ред. от 25.05.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 24.06.2024). Доступ справочно-правовая система «КонсультантПлюс».

Список литературы:

1. Александров А. И. Уголовно-процессуальная политика Российской Федерации на современном этапе: понятие и основные направления / А. И. Александров // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В. Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. – 2011. – №3 (40). – С. 310–317.
2. Алексеев Н. С. Очерк развития науки советского уголовного процесса / Н. С. Алексеев, В. Г. Даев, Л. Д. Кокорев. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1980. – 251 с.
3. Головкин, Л. В. Российский уголовный процесс и объективная истина / Л. В. Головкин // Обвинение и защита по уголовным делам: исторический опыт и современность : Сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию со дня рождения профессора Николая Сергеевича Алексеева, Санкт-Петербург, 28–29 июня 2014 года / Санкт-Петербургский государственный университет; Под редакцией Н.Г. Стойко. Санкт-Петербург: Общество с ограниченной ответственностью «Центр социальных и правовых технологий», 2015. С. 60–68.
4. Головкин Л. В. Государство и его уголовное судопроизводство: монография / Л. В. Головкин. – М.: Издательский Дом «Городец», 2022. – 464 с.
5. Козьявин А. А. Социальное назначение и функции уголовного судопроизводства / А. А. Козьявин. – Москва: Юрлитинформ, 2010. – 266 с.
6. Козьявин А. А. Основы теории социального назначения и функций уголовного процесса: учебное пособие для студентов, обучающихся по направлению подготовки 03090068 «юриспруденция». Юго-Зап. гос. ун-т. / А. А. Козьявин. – Курск, 2013. – 316 с.
7. Панфилов П. О. Очередное обострение конкуренции конституционных ценностей при расследовании преступлений в сфере экономической и предпринимательской деятельности / П. О. Панфилов // Вестник Московского университета МВД России. – 2020. – № 1. – С. 107–113.
8. Панфилов П. О. Столкновение наднациональной и национальной юрисдикций при проведении трансграничных расследований Европейской прокуратурой: опыт для ЕАЭС / П. О. Панфилов // Уголовное судопроизводство России и зарубежных государств: проблемы и перспективы развития : Материалы международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 24 ноября 2023 года. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский универси-

тет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2023. – С. 217– 222.

9. Панфилов П. О. Проблема понятности и определенности правовых норм, предусматривающих особенности производства следственных и иных процессуальных действий по уголовным делам в сфере экономики / П. О. Панфилов // Вестник экономической безопасности. – 2023. – № 1. – С. 147–152.

10. Панфилов П. О. Благоприятный деловой климат как критерий эффективности уголовного судопроизводства в современной России / П. О. Панфилов // Lex Russica (Русский закон). – 2020. ч – Т. 73. № 10 (167). – С. 73–80.

11. Победкин А. В., Панфилов П. О. Уголовно-процессуальная форма судопроизводства по делам о преступлениях в сфере экономической и предпринимательской деятельности / А. В. Победкин, П. О. Панфилов – М.: Юрлитинформ, 2024. – 208 с.

12. Победкин А. В. Основные положения УПК России как система гарантий публичности уголовного судопроизводства: монография / А. В. Победкин. – М.: Юрлитинформ, 2024. – 328 с.

13. Победкин А. В. Содержание уголовно-процессуального права как объективной социальной потребности / А. В. Победкин // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2016. – № 3 (26). – С. 110–118.

14. Победкин А. В. Уголовно-процессуальный кодекс: текст и народ / А. В. Победкин // Современные проблемы уголовного процесса: пути решения : Сборник материалов 3-й Международной конференции, Уфа, 07 апреля 2022 года / под общ. ред. А. Ю. Терехова. Уфа: Уфимский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2022. – С. 218–225.

15. Победкин А. В. Уголовный процесс: состояние вне права: монография / А. В. Победкин. – М.: Юрлитинформ, 2013. – 243 с.

16. Савенков А. Н. Нюрнберг: Приговор во имя Мира / А. Н. Савенков. – М.: Проспект, 2021. – 760 с.

17. Уголовная политика Российской Федерации: учебник в 2 ч. / под ред. заслуженного юриста Российской Федерации, д-ра юрид. наук, проф. Л. И. Беляевой. – Москва: Академия управления МВД России, 2020. Ч. 1. – 182 с.

18. Hofmann M. OLAF – 20 Years of Protecting the Financial Interests of the EU / Margarete Hofmann, Stanislav Stoykov // Eucriм. 2019. № 4. PP. 268–271.

Саркисян Гор Георгиевич,
кандидат юридических наук,
профессор кафедры организации
оперативно-разыскной деятельности,
Академия управления МВД России
E-mail: djegan@mail.ru

УДК 343.985

**Совершенствование подготовки сотрудников
оперативно-аналитических подразделений
органов внутренних дел Российской Федерации
с учетом внедрения новейших технологий (авиационных
технологий на основе беспилотных летательных аппаратов)**

Аннотация. В современном обществе в условиях перехода к цифровой экономике и всеобщей информатизации общества анализ больших массивов данных является неотъемлемой частью деятельности органов внутренних дел и требует перераспределения кадровых, финансовых и технологических ресурсов. Для того чтобы обеспечить эффективную деятельность оперативно-аналитических подразделений необходимо укомплектование их профессиональными кадрами, т.к. развитие и широкое использование информационных технологий требует привлечение новой категории оперативных сотрудников – аналитиков. В статье рассмотрены основные требования, предъявляемые к оперативным сотрудникам – аналитикам, для работы в оперативно-аналитических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации, выделены основные направления совершенствования их подготовки, тенденции развития данной деятельности с учетом внедрения новейших технологий, в том числе авиационных технологий на основе беспилотных летательных аппаратов.

Ключевые слова: правоохранительные органы; информация; аналитик; подготовка и обучение аналитиков; оперативно-аналитические подразделения; оперативно-аналитическая деятельность; информационно-аналитическое обеспечение деятельности оперативных подразделений органов внутренних дел; органы внутренних дел.

С развитием информационных технологий расширяются возможности их использования в различных сферах человеческой деятельности. Искусственный интеллект, машинное обучение и их способности в области прогнозирования предоставляют уникальные перспективы для улучшения и повышения эффективности процессов во множестве отраслей, включая правоохранительную деятельность, а именно оперативно-аналитическую деятельность органов внутренних дел Российской Федерации.

В современных условиях основным приоритетом работы полиции становится не карательная функция, а обеспечение правопорядка и общественной безопасности, а также профилактика преступности и контроль над ней, наряду с предоставлением широкого спектра социальных услуг населению.

При этом, в эпоху всеобщей цифровизации перед оперативно-аналитическими подразделениями предстает задача выбора между качеством и количеством информации. С одной стороны, существует очевидный избыток разнообразных данных, как актуальных для оперативной деятельности, так и не имеющих никакого значения. Обработать большие объемы информации физически невозможно без современных технологий и приложений, позволяющих анализировать и просматривать данные. С другой стороны, всегда отсутствует информация, необходимая для проведения полноценного и глубокого анализа, прогнозирования и выработки вариантов решений [5].

Эффективность вышеуказанных направлений работы существенно зависит от уровня кадрового обеспечения, квалификации и профессиональной подготовки сотрудников оперативно-аналитических подразделений.

Неверным и необъективным является мнение о том, что сотрудником оперативно-аналитических подразделений может быть практически любой сотрудник органов внутренних дел, в том числе без специальной на то подготовки, просто собрав и обобщив информацию, а затем передав ее работнику соответствующего подразделения, после чего его работа завершена.

В действительности, получение оперативно-значимой информации на выходе является кропотливым трудом профессионально-подготовленных специалистов-аналитиков. Полученные в результате аналитической работы данные должны быть актуальными, достоверными, полными и эффективными для принятия решений относительно планирования оперативно-розыскных мероприятий, направленных на предотвращение, раскрытие и профилактику преступной деятельности. Важное внимание уделяется не только глу-

бине и оригинальности предоставляемых данных, но и скорости (оперативности) и эффективности их использования. При этом существуют внутренние особенности, такие как ограничения по срокам подготовки материалов, а также требования к их обоснованности, достоверности, полноте и ответственности как тех, кто готовил информацию, так и тех, кто ее использовал. Эта работа осуществляется профессионально подготовленными, постояннодействующими коллективами с функциональным распределением ролей в уполномоченных службах – оперативно-аналитических подразделениях, что обуславливает необходимость иерархической структуры данной системы, в которой на высшем уровне находятся главные управления (управления, департаменты) федерального уровня соответствующего министерства (службы, органа).

В условиях повсеместной цифровизации подготовка аналитиков для оперативно-аналитических подразделений на государственном уровне, как в общих, так и в специализированных образовательных учреждениях высшего образования, обучающих сотрудников органов внутренних дел, становится важнейшей задачей [2]. Эта подготовка должна включать как стратегическое, так и оперативное аналитическое обучение [6].

На сегодняшний день обучение сотрудников аналитических подразделений представляет собой насущную проблему, разрешение которой должно иметь первоочередное значение. Решение этой проблемы, вероятно, заключается в оптимальном использовании всех доступных на данный момент форм обучения, с учетом последних достижений информационных технологий и передовых педагогических подходов, включая организацию обучения сотрудников оперативно-аналитических подразделений в системе высшего профессионального образования МВД России [1].

Будущие аналитики оперативно-аналитических подразделений должны обладать следующими навыками:

- уметь решать информационно-аналитические задачи, используя как общее, так и специализированное программное обеспечение;
- проводить анализ и прогнозирование криминогенных явлений и процессов, в ходе осуществления специальных аналитических мероприятий.

Для достижения этих целей им необходимо овладеть:

- основными принципами и порядком сбора, обработки, структурирования и анализа больших объемов информации и оперативных данных;

- правилами использования существующих баз данных, а также создания и ведения собственных баз для решения текущих и оперативно-розыскных задач;
- сущностью и методами построения основных статистических и информационно-аналитических моделей;
- техническими комплексами и программным обеспечением, применяемыми в оперативно-аналитической деятельности [7];
- методиками проведения специальных аналитических (оперативно-аналитических) мероприятий;
- правилами четкого и понятного изложения результатов аналитической работы, включая использование современных информационных технологий.

Аналитикам оперативно-аналитических подразделений предстоит пройти сложное обучение, чтобы глубже понять роль и функции анализа преступной деятельности в правоохранительных органах, ознакомиться с законодательством и современными нормативными правовыми требованиями, касающимися методик и технологий сбора, обработки и анализа информации, а также обмена и ее использования.

Подготовка аналитиков должна осуществляться в несколько этапов, с учетом уровня и функционала их должностей. В этот процесс важно включить обучение навыкам сбора, обработки и структурирования информации, последующего детализированного анализа, формирования выводов и практических предложений. Формирование этих выводов и рекомендаций также предполагает обучение оперативных сотрудников-аналитиков таким необходимым навыкам, как написание и подготовка отчетов, интеграция оперативно-аналитической деятельности с оперативно-розыскными мероприятиями, а также анализ и принятие решений на основании этих данных [4]. Кроме того, они должны знать и уметь применять методы и технологии анализа, обладать компетенциями в использовании инструментов, технических средств и программных продуктов для анализа данных, а также осознавать источники информации и нормативно-правовую основу, соответствующую этим задачам, включая вопросы правоохранительной этики.

Кроме того, в связи с развитием и активным внедрением в оперативно-аналитическую деятельность авиационных технологий на основе беспилотных летательных аппаратов¹ и других новейших технологий (дополненная реальность, искусственный интеллект, робототехника и другие), а также увеличением их функ-

¹ Далее – «БЛА».

циональных возможностей и масштабов использования, существует особая потребность в квалифицированных и подготовленных специалистах, а также в обеспечении совместимости с другими техническими решениями и системами [3].

Необходимо осуществлять подготовку имеющих в оперативно-аналитических подразделениях кадров и комплектовать их с привлечением узких специалистов указанных выше областей, в том числе из авиационной отрасли.

Обычно этот процесс подготовки включает четыре основных этапа:

- начальная подготовка на промышленных предприятиях;
- подготовка к использованию в специализированных учебных центрах и образовательных учреждениях, которые имеют лицензии от Министерства науки и высшего образования Российской Федерации;
- подготовка аналитиков оперативно-аналитических подразделений по установленным программам дополнительного профессионального образования в соответствующих образовательных организациях;
- совершенствование подготовки в ходе выполнения учебных и профильных задач в эксплуатирующих подразделениях.

Таким образом, для создания эффективной и функционирующей системы оперативно-аналитической деятельности органов внутренних дел требуется формирование прочной системы подготовки кадров, включающей качественный отбор, соответствующее обучение аналитиков, руководителей и других специалистов, которые владеют и умеют применять аналитические материалы оперативной разработки. Более того, все сотрудники правоохранительных органов должны уверенно использовать информационные технологии, программное обеспечение, а также знать правила обработки, кодирования и ввода информации в систему оперативно-разыскной информации, включая порядок ее использования, обмена и выдачи.

Кроме того, помимо необходимости укомплектования оперативно-аналитических подразделений высококвалифицированными кадрами, жизненно важно внедрение новых технологий борьбы с преступностью и осуществления правоохранительной деятельности. Одно из возможных решений данной задачи – применение авиационных технологий на основе беспилотных летательных аппаратов. Однако, с активным внедрением этих технологий в оперативно-аналитическую деятельность, необходимо решить вопросы подготовки специалистов для выполнения данной работы.

Комплектование оперативно-аналитических подразделений следует проводить, в том числе, путем привлечения авиационных специалистов с соответствующей подготовкой, ранее служивших

в авиационных подразделениях МВД России, а также работников из гражданской и экспериментальной авиации, и выпускников авиационных образовательных учреждений.

Переобучение авиационного персонала оперативных подразделений органов внутренних дел на новые типы техники может осуществляться в сертифицированных центрах сторонних организаций на основе договоров, а также в ходе специально организованных сборов на базе оперативных подразделений.

Список литературы:

1. Монахова Л. Ю. Информатизация математического образования в системе профессиональной подготовки военных специалистов: дис. ... д-ра пед. наук. – Великий Новгород, 2005.
2. Монахова Л. Ю., Монахова А. А. Формирование специалиста-аналитика на основе информационно-тренинговых технологий // Журнал «Человек и образование». – 2008. – № 2 (15). – С. 50–53.
3. Павличенко Н. В., Тамбовцев А. И. Будущее профессии оперуполномоченный – Big Data и аналитика // Труды Академии управления МВД России. – 2020. – № 2 (54). – С. 62–68.
4. Саркисян Г. Г. Теоретико-правовая основа оперативно-аналитической деятельности органов внутренних дел Российской Федерации: основные выводы и предложения / Г. Г. Саркисян // Труды Академии управления МВД России. – 2023. – № 4 (68). – С. 16–24.
5. Саркисян Г. Г. Аналитическая работа оперативных подразделений органов внутренних дел / Г. Г. Саркисян // Сборник материалов Международного конкурса на лучшую научную публикацию молодых ученых. – 2018. – С. 148–151.
6. Степанян А. И. Предиктивная аналитика в прогностической деятельности полиции современных государств // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2019. – № 4 (84). – С. 43–50.
7. Хижняков Д. П. Информационно-аналитические службы и их деятельность по обеспечению процесса принятия решений в региональных органах власти // Молодой ученый. – 2010. – № 1–2. – Т. 1. – С. 263–266.

Сизова Виктория Николаевна,
кандидат юридических наук,
ведущий научный сотрудник
научно-исследовательского центра,
Академия управления МВД России
E-mail: svnn@inbox.ru

УДК 343.01

**К вопросу о целях уголовного наказания и их достижении
как одного из условий эффективности системы наказаний**

Аннотация. Система наказаний российского уголовного законодательства представляет собой многоаспектный уголовно-правовой элемент, поскольку, кроме уголовно-правовых и уголовно-процессуальных норм, он связан с административным, гражданским и конституционным правом. Однако для уяснения общих тенденций и специфических особенностей уголовного наказания с учетом современных направлений уголовной политики в целом представляется значимым исследование отдельных актуальных вопросов его формирования, в том числе, связанных с целями и их достижением в качестве одного из условий эффективности системы наказаний.

Цель исследования состоит в развитии научного понимания о сущностно-содержательной характеристике системы наказаний в российском уголовном законодательстве. Методы исследования: диалектика, анализ, сравнительно-правовой, системно-структурный.

Результаты и ключевые выводы: в результате осуществленного исследования установлено, что уголовно-правовым пробелом на сегодняшний день является придание уголовному наказанию такого значения, при котором оно выступает в качестве цели и средства исправления осужденного, поскольку такая прерогатива, учитывая уже сформулированные сегодня законодательные положения, относится к уголовно-исполнительному законодательству (ст. 9 УИК РФ). В этой связи, автором в настоящей публикации предлагается соответствующая редакция ч. 2 ст. 43 УК РФ.

Ключевые слова: уголовный закон; российское уголовное законодательство; уголовная ответственность; уголовное наказание.

В юридической литературе отмечается, что система целей наказаний и их ранжирование достаточно изменчивы во време-

ни и в пространстве. В зависимости от социально-экономических и идеологических характеристик общества, уровня преступности, степени реалистичности взглядов исследователей они трансформируются от установок на ликвидацию преступности (в 60-е годы XX века) до замедления темпов ее роста, удержания на относительно стабильном уровне, снижения, изменения структурных характеристик [3, с. 121].

Так, М.В. Степанов, исследуя проблемы института наказания, указывает на то, что достижение стоящих перед наказанием на сегодняшний день задач обусловлено существованием оценочных категорий, вызывающих коллизионные противоречия и препятствующих эффективности правоприменения. По его мнению, необходимость закрепления в уголовном законодательстве целей наказания не вызывает сомнений, однако, отдельные положения требуют дополнительно проработки. Например, достижение цели восстановления социальной справедливости, напрямую обусловленное изложенным в УК РФ принципом справедливости, предусматривает преодоление (минимизацию) последствий преступного деяния. Кроме того, включает в свое содержание применение в отношении осужденного необходимого наказания. Вместе с тем, соотнесение этих положений между собой позволяет сделать вывод о наличии затруднений в одновременной реализации интересов лица, пострадавшего от преступления, и лица, осужденного за его совершение, что в целом препятствует говорить о каком восстановлении справедливости [8, с. 123].

По мнению С.А. Боровикова, существующее сегодня в уголовном законодательстве формулирование целей наказания изложено слишком широко, что приводит к невозможности их реализации, а зачастую и к конкурирующим моментам. В частности, указывается, что цель, заключающаяся в восстановлении социальной справедливости, представляет собой качественное свойство наказания. Другая же цель, состоящая по замыслу законодателя в исправлении осужденного, есть ничто иное как средство достижения указанной выше цели. Цель предупреждения преступлений представляется в крайней степени размытой, в связи с чем нуждается в конкретизации, более того, данная цель изложена в законе без указания на лицо, уже совершившее преступное деяние, а также лицо, которое такое деяние может совершить [1, с. 103].

Обращая внимание на вопрос взаимообусловленности сущностного содержания наказания и его целей, С.И. Курганов акцентирует внимание на том, что в случае совпадения цели наказания с его сущностью, вопрос об эффективности наказания утратил бы свою акту-

альность, поскольку любое его применение было бы эффективным, а цель соответствовала результату, так как сущностное содержание, представляя собой присущее явлению свойство, проявляется во всех случаях без исключения. Проблемный вопрос заключается в нахождении цели вне самого явления, что заставляет говорить о ее достижении при использовании сущностных свойств явления, иными словами – именно сущностное содержание является определяющим в выборе возможностей и средств реализации целей. Таким образом, любое свойство может служить лишь возможностью для реализации цели, сама же реализация обуславливается тем, как были использованы данные свойства [4, с. 45].

Вместе с тем, в научной среде существуют и иные точки зрения на проблему закрепления целей наказания в уголовном законодательстве. В частности, указывается, что отраженные в тексте уголовного закона цели наказания не вызывают каких-либо противоречий, гармонично дополняя содержание и способствуя реализации [7, с. 16].

Таким образом, очевидно отсутствие единства во взглядах на проблему целеполагания уголовного наказания: одними учеными поддерживается идея о возможности полного достижения целей наказания, другими же, напротив, обосновывается мысль о том, что реализация целей наказания представляет собой достаточно серьезную проблему.

Важность указанной проблемы подчеркивается и на международном уровне. В частности, в комментариях к Европейским пенитенциарным правилам указывалось, что в качестве целей исправительного воздействия на осужденных должно выступать закрепление у них правильного понимания должной ответственности и умений, способствующих их принятию обществом, соблюдению ими законов и удовлетворению жизненных потребностей самостоятельно после отбывания назначенного наказания¹.

В России среди ученых, занимающихся изучением вопросов целей наказания, автор выделяет тех, которые стоят на позиции отрицания цели наказания, заключающейся в исправлении. Так, в частности, указывается на то, что вряд ли может являться законодательным положением, закрепленным в уголовном законе, цель исправления осужденного, исходя из противоречий и неразработан-

¹⁰тносительно Европейских пенитенциарных правил: Рекомендация № R (87) Комитета министров Совета Европы (вместе с Пояснительной запиской к Европейским пенитенциарным правилам); принята 12.02.1987 г. // Сборник документов Совета Европы в области защиты прав человека и борьбы с преступностью. М., 1998. С. 209-263.

ности вопроса о конкретных критериях, на основании которых она должна устанавливаться [9, с. 55].

Более того, еще в 70-х годах прошлого века П.П. Осипов в своей работе, посвященной исследованию теоретических основ построения уголовно-правовых санкций, писал о том, что цель исправления может рассматриваться при применении таких видов наказания, которые связаны с исправительно-трудовым воздействием на осужденного (лишением свободы с обязательным привлечением к труду). Все иные виды наказания представляют собой лишь отдельно взятый элемент, не приводящий к положительным изменениям в личности осужденного, не связанные с воспитательным воздействием на систему его взглядов и убеждений. В этой связи является неправильным утверждать, что исправление – есть цель наказания [6, с. 60].

Также отмечается, что исправление не может выступать в качестве цели наказания в силу того, что уголовно-правовые положения не могут рассматриваться как средства и способы достижения исправления, так как им неподвластна духовно-личностная область человеческого сознания, включающая в себя мысли, ценности, мотивы [5, с. 78].

Кроме того, в юридической литературе отражено практическое обоснование невозможности реализации цели исправления осужденных с учетом современного состояния политико-правовой и социально-экономической систем нашей страны, когда утрата исключительного права государства на морально-нравственные устои, идеологические каноны, культурную пропаганду привела в конечном счете к невозможности достижения указанной цели [2, с. 114].

Кроме того, автор считает возможным сформулировать вывод о том, что уголовному наказанию не следует придавать значение цели и средства исправления осужденного, поскольку это, исходя из законодательных положений, является прерогативой уголовно-исполнительного законодательства (ст. 9 УИК РФ)¹. Об этом же в своей работе говорит и М.В. Степанов, указывая на то, что применительно к цели исправления осужденного с учетом признака оценочности речь следует вести в контексте уголовно-исполнительного права, поскольку законодатель при помощи уголовно-правовых средств не предусмотрел возможность оказывать воздействие на осужденного, формировать сферу его сознания [8, с. 122].

С учетом изложенного, предлагается следующая редакция ч. 2 ст. 43 УК РФ:

¹ Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 8 января 1997 г. № 1-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1997. № 2. Ст. 198.

«Статья 43. Понятие и цели наказания

Наказание применяется в целях восстановления социальной справедливости, а также ресоциализации осужденного и предупреждения совершения новых преступлений.».

Список литературы:

1. Боровиков С. А. О конструировании цели наказания в уголовном законе // Вестник института. Научно-практический журнал Вологодского института права и экономики ФСИН. Преступление. Наказание. Исправление. 2018. № 4 (44). С. 103–108.
2. Дьяченко Р. А. Условно-досрочное освобождение и замена неотбытой части наказания более мягким видом наказания: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 1999. 173 с.
3. Казакова В. А. Уголовно-исполнительное право. 2017. № 2. Т. 25. С. 121–126.
4. Курганов С. И. Наказание: уголовно-правовой, уголовно-исполнительный и криминологический аспекты. М.: Проспект, 2008. 1192 с.
5. Максимов С. В. Цель в уголовном праве: методологические аспекты / отв. ред. А. И. Чучаев. Ульяновск, 2002. 148 с.
6. Осипов П. П. Теоретические основы построения и применения уголовно-правовых санкций (аксиологические аспекты). Ленинград, 1976. С. 60.
7. Сердюк Л. В. Социальная справедливость как принцип и как цель в практике применения уголовного закона // Российская юстиция. 2011. № 7. С. 15–18.
8. Степанов М. В. Проблемы регламентации института наказания // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. 2015. № 4. С. 123–127.
9. Темирханов М. А. Цель исправления осужденного на стадии его отбывания // История государства и права. 2014. № 12. С. 54–58.

Старцева Екатерина Александровна,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры управления
органами расследования преступлений,
Академия управления МВД России
E-mail: Starceva-EA@yandex.ru

УДК 343.98

Особенности оперативного обслуживания и выявления преступлений, совершаемых в кредитно-финансовой сфере

Аннотация. Статья посвящена деятельности субъектов по выявлению и раскрытию преступлений в кредитно-финансовой сфере. Определены объекты первоочередной оперативной заинтересованности в исследуемой сфере, рассмотрены особенности выявления «формально-легитимных организаций». Указаны общие поисковые признаки в кредитно-финансовой сфере. Приведен перечень признаков, указывающих на существование «фирм-однодневок».

Ключевые слова: выявление преступлений; кредитно-финансовая сфера; оперативная обстановка; поисковые признаки.

В целях оптимизации служебной деятельности необходимо определить перспективные направления оперативного поиска, которые основываются на анализе статистических данных о преступности, количестве и структуре кредитных организаций на территории обслуживания, сведений, получаемых из государственных органов (Федеральной налоговой службы Российской Федерации (далее – ФНС РФ), Росфинмониторинга, Центрального Банка Российской Федерации (далее – ЦБ РФ) и его территориальных органов и др.), а также иных сведений. В свою очередь перспективные направления оперативного поиска являются составляющим элементом понятия оперативная обстановка на обслуживаемой территории (линии) работы. Оперативная обстановка может быть представлена как совокупность различных характеристик, а именно: внешней среды функционирования подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции (далее – ЭБиПК) (политическая, экономическая, социально-демографическая и иные), экономических и коррупционных преступлений и административных правонарушений (структура и динамика), ресурсного обеспечения

подразделений ЭБиПК (силы и средства), результатов деятельности подразделений ЭБиПК (профилактическая работа, сведения о взаимодействии с различными государственными органами, оперативными подразделениями ОВД и др.) [1]. Также под оперативной обстановкой следует считать комплекс фактически создавшихся условий и обстоятельств, которые необходимо подвергнуть грамотному, всестороннему изучению, учету и оценке для правильной организации работы, направленной на выявление, предупреждение и раскрытие преступлений экономической направленности.

Оперативная обстановка позволяет определить источники, которые необходимы для объективной оценки сложившейся ситуации и получения информации. Исходя из сказанного, следует, что результативность деятельности оперативного сотрудника любого подразделения, в том числе и подразделения ЭБиПК, напрямую коррелирует с организацией информационного обеспечения деятельности, что, в свою очередь, является основным тезисом оперативного обслуживания. На основании анализа оперативной обстановки, в целях декриминализации сложившейся негативной ситуации, организуется оперативное обслуживание. Таким образом, оперативное обслуживание является одним из важных направлений работы, которое следует расценивать как деятельность оперативных подразделений ЭБиПК, нацеленную на получение информации о состоянии оперативной обстановки на обслуживаемых территориях, объектах и линиях работы в целях ее использования в выявлении, раскрытии и расследовании преступлений, в частности преступлений, совершаемых в кредитно-финансовой сфере. Именно поэтому возникает необходимость анализа данного направления деятельности и изучения его основных составляющих.

Уровень оперативного обслуживания определяет, какой аппарат ЭБиПК, согласно своему иерархическому положению, будет обслуживать конкретный объект. В настоящее время нормативного распределения объектов в целях оперативного обслуживания нет, однако, существует градация на уровень ГУЭБиПК МВД России, оперативных подразделений на уровне субъектов Российской Федерации, оперативных подразделений на уровне городских и районных отделов.

Подразделения ЭБиПК охватывают вниманием большинство объектов, находящихся на обслуживаемой территории, но, тем не менее, на сегодняшний день в сферу оперативного обслуживания включены не все объекты, а акцентируется внимание на наиболее приоритетных направлениях, отраслях и объектах первоочередной оперативной заинтересованности.

Руководитель ОВД на основе анализа объектов, расположенных на территории обслуживания органа, определяет перечень объектов первоочередной оперативной заинтересованности. Относительно кредитно-финансовой сферы объектами первоочередной оперативной заинтересованности на линии (зоне) оперативного обслуживания могут выступать: крупные представители банковских организаций, таких, например, как Сбербанк, ВТБ, Россельхозбанк, однако, именно крупные кредитные организации и имеют усиленный режим безопасности, что затрудняет оперативное обслуживание подобного рода объектов, места расположения банкоматов, банки, предоставляющие программы привилегий, «авторитетов» по картам (карты GOLD, Платинум, Инфинити, Бизнес) с увеличенным лимитом снятия наличных средств без комиссии в банкоматах банка или отделениях, повышенной степенью защиты и др., объекты розничной торговли и объекты быстрого питания, которые были и остаются одним из главных источников наличных денежных средств, тем самым привлекая большое внимание злоумышленников, организации, предоставляющие инкассаторские услуги, организации, осуществляющие деятельность в сфере регистрации, реорганизации юридических лиц.

Преступления в кредитно-финансовой сфере в преобладающем большинстве осуществляются организованными группами, где зачастую главенствующую роль занимает кредитная организация, деятельность которой реализуется в «духе закона», в точном его соблюдении. Функционирование головной организации преступной группы обеспечивается всевозможными методами с привлечением большого круга участников из нелегальных структур, так называемых «формально-легитимных организаций», «технических фирм», «фирм-помоек», «фирм-прокладок». Исходя из этого, чтобы установить весь преступный синдикат необходимо выявлять данные «формально-легитимных организаций» и установить их связь с головной организацией. «Формально-легитимные организации» проходят установленную законом процедуру государственной регистрации. Регистрирующим органом выступает ФНС России. В результате анализа оперативно-служебной деятельности сотрудниками оперативных подразделений установлено, что территориально процентное соотношение «формально-легитимных организаций» отличается в зависимости от инспекции ФНС России, а также наблюдается «миграция» налогового учета. Следовательно, исходя из территории оперативного обслуживания, необходимо устанавливать причины и условия, способствующие данным фактам. Также следует подчеркнуть, что ФНС России обладает значи-

тельными информационными ресурсами, представляющими оперативный интерес для оперативного сотрудника. Вследствие этого, в рамках оперативного обслуживания стоит заключить соглашение с ФНС России о взаимодействии.

Анализ состояния оперативной обстановки на объектах кредитно-финансовой сферы свидетельствует о необходимости выбора именно усиленного режима в связи с тем, что рассматриваемые объекты напрямую связаны с крупными денежными потоками и существует реальная возможность совершения как крупномасштабных преступных посягательств, так и иных по масштабу различных экономических преступлений. В этой связи возникает необходимость тесного сотрудничества с лицами таких объектов как например, кредитные, валютные отделы и управления банка, банковского надзора, подразделения юридического отдела банка, принимающие решения о выдаче кредита, подразделения бухгалтерского учета, небанковские организации, такие как страховые, лизинговые, микрофинансовые, организации, находящиеся на грани банкротства, организации, в отношении которых введены процедуры банкротства, лица, которым было отказано в регистрации кредитной организации или выдаче лицензии по основаниям, предусмотренным Федеральным законом от 2 декабря 1990 года №395-1 «О банках и банковской деятельности», организации, предоставляющие товары и услуги за наличный расчет, банковские платежные агенты (субагенты), владеющие технической сетью по приему платежей у физических и юридических лиц, организации, обладающие признаками «фирм-однодневок».

В целях систематизации накопленной в результате организации оперативного обслуживания информации о состоянии оперативной обстановки на обслуживаемом объекте аккумулируется в оперативно-служебном производстве. В нем накапливается информация о социально-экономическом, демографическом, криминологическом аспектах оперативной обстановки.

Также в оперативно-служебном производстве по кредитно-финансовой сфере может содержаться анализ статистических данных об объеме «обналички», мероприятия по установлению кредитных организаций, попадающих в зону интересов организаторов «обнала», сведения о нормативно-правовом регулировании, которые могут ухудшить состояние оперативной обстановки, мероприятия по выявлению преступлений, регулируемых ст. 173.1, 173.2 УК РФ, мероприятия по выявлению «формально-легитимных организаций» и другие сведения.

Следует отметить и то, что ликвидация обнальных площадок не уменьшает количество спроса, а лишь приводит к перераспределению предложения и потребителей, следовательно, необходимо организовывать деятельность, в том числе, и по получению информации относительно заказчиков «обналички».

Собранная, перепроверенная и обобщенная в деле информация, полученная в рамках оперативного обслуживания, является первоначальным этапом комплексной деятельности, направленной на борьбу с преступностью. Организация оперативного обслуживания неразрывно связана с поисковой деятельностью и выявлением преступлений в кредитно-финансовой сфере как последующим этапом организационно-тактической модели деятельности. Данное направление деятельности выдвигается на передний план исходя из специфики преступлений экономической направленности. Преступления данной сферы маскируются под вид легальных хозяйственных операций, однако, любой факт противоправной деятельности оставляет следы в виде отклонений от общепринятого порядка осуществления того или иного процесса, пусть и несущественных. Именно на выявление подобного рода отклонений и установление расхождений совершенной операции от общепринятого порядка осуществления деятельности и нацелена поисковая деятельность.

Отличительной особенностью выявления преступных махинаций по линии кредитно-финансовой сферы является то, что выявление анализируемых преступных действий затруднено в связи с тем, что их осуществление выгодно зачастую для обеих сторон.

Выявление преступлений в кредитно-финансовой сфере неразрывно связано с методами познания объективной реальности. Познание осуществляется посредством анализа статистических данных о структуре, уровне, динамике совершенных преступлений в конкретном регионе и на конкретной территории обслуживания, изучения социально-экономической и криминогенной обстановки, осуществления оперативно-розыскной работы, например, посредством реализации оперативно-розыскного мероприятия «Наведение справок», в рамках которого получаем необходимую информацию об интересующих объектах, анализируя сведения различных баз данных, открытых источников информации, сети Интернет и т.п.

Рассматривая поисковую деятельность в качестве неотъемлемого элемента организационно-тактической модели деятельности оперативного сотрудника, следует учитывать такое понятие как поисковый признак. В качестве такового следует считать явление

объективной реальности, указывающее на возможно совершенном преступлении, отражающееся в изменениях обстановки на обслуживаемых объектах в результате действия или бездействий соответствующих лиц. Так, например, общими поисковыми признаками в кредитно-финансовой сфере могут выступать:

- судимость за корыстные преступления у лиц, работающих на объектах кредитно-финансовой сферы;
- несоответствие уровня жизни лица и его официальных доходов;
- сведения об искажении данных в ежегодно предоставляемых налоговым органам справках (например, выявление незадекларированных доходов);
- дружеские отношения сотрудников банка с представителями теневого бизнеса;
- непринятие мер к проверке финансовой, хозяйственной деятельности заемщиков банка;
- халатное отношение к проверке имущества заемщика, заложенного в качестве гарантии;
- сведения об отсутствии длительное время ревизий, аудиторских и иных проверок;
- имеются сведения о нарушении антимонопольного законодательства;
- имеются сведения о частом сбое компьютерной техники, несанкционированных доступах к программному обеспечению и др.

Преступные махинации в кредитно-финансовой сфере зачастую осуществляются с использованием «фирм-однодневок» – юридическое лицо, не обладающее фактической самостоятельностью, созданное без цели ведения предпринимательской деятельности и т.д. [2]. Перечень признаков, свидетельствующих о недостоверности сведений, указанных в ЕГРЮЛ, которые могут сигнализировать о «фирме-однодневке»:

1. Лицо, имеющее право без доверенности действовать от имени юридического лица, в том числе управляющая организация, выступает в качестве таковых в значительном количестве иных юридических лиц;
2. Участники юридического лица являются таковыми в значительном количестве иных юридических лиц;
3. Адрес юридического лица, указанный в ЕГРЮЛ, является адресом значительного количества иных юридических лиц;
4. Лицо, имеющее право без доверенности действовать от имени юридического лица (в том числе от имени управляющей организации), является физическим лицом, в отношении которого имеется вступившее в силу постановление по делу об административном

правонарушении, в соответствии с которым указанному лицу назначено административное наказание в виде дисквалификации, и срок, на который она установлена, не истек;

5. В отношении лица, имеющего право без доверенности действовать от имени юридического лица, имеется информация о его смерти [3].

При выборе объектов для проведения проверок налоговые органы используют ряд критериев, которые также могут свидетельствовать о «формально-легитимной организации», это, например, отражение в бухгалтерской или налоговой отчетности убытков на протяжении нескольких налоговых периодов, значительных сумм налоговых вычетов за определенный период, отражение индивидуальным предпринимателем суммы расходов, максимально приближенных к сумме его дохода, полученного за календарный год [4].

Проанализировав криминальные банкротства, выделим следующие поисковые признаки:

- долги и претензии кредиторов к предприятию;
- руководитель банка, его ближайшие родственники выступают руководителями, учредителями контрагентов;
- открытие филиалов банка с передачей им части активов;
- необоснованное ухудшение состояния банка (переоценка активов или пассивов, «раздувание» баланса, оформление ликвидных активов как неликвидные и др.);
- изменение состава учредителей предприятия;
- заключение фиктивных договоров, заведомо убыточных сделок;
- фиктивное отчуждение имущества;
- положительное состояние баланса и наличие официально поданного заявления о несостоятельности (банкротстве).

Выявление криминальных банкротств основано также на налаженном взаимодействии с арбитражными управляющими, которые на основании судебного решения вправе получать все необходимые сведения о должнике, анализировать финансовое состояние и результаты финансовой, хозяйственной и инвестиционной деятельности должника, выявлять признаки преднамеренного и фиктивного банкротства, а в случае выявления признаков преступления, сообщать в ОВД [5].

Обобщая сказанное, необходимо подчеркнуть, что организация деятельности оперативного сотрудника неразрывно связана с поступлением оперативной информации, которая должна осуществляться планомерно, систематически и своевременно. Оперативно-служебная деятельность осуществляется исходя из анализа

состояния оперативной обстановки на обслуживаемой территории. На основе этого выстраивается деятельность по выявлению преступлений в кредитно-финансовой сфере. Оперативный сотрудник должен обладать навыками определения поисковых признаков, сигнализирующих о возможном совершении преступных махинаций. Получив первичную информацию, проверив ее истинность, необходимо принять решение о направлениях ее использования. Если информация нашла свое подтверждение, однако, достаточных данных для возбуждения уголовного дела нет, и следственным путем раскрыть преступление невозможно или затруднительно, то целесообразнее проведение работы по данной информации в рамках оперативного делопроизводства по делам оперативного учета.

Список литературы:

1. Дзестелов Х. А. Некоторые вопросы современной оперативной обстановки по линии борьбы с экономическими и коррупционными преступлениями в кредитно-финансовой системе // Труды Академии управления МВД России. 2016. №3 (39). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-voprosy-sovremennoy-operativnoy-obstanovki-po-linii-borby-s-ekonomicheskimi-i-korrupsionny-mi-prestupleniyami-v-kreditno> (дата обращения: 14.02.2024).
2. О рассмотрении обращения: письмо ФНС РФ от 11.02.2010 № 3-7-07/84 // СПС КонсультантПлюс.
3. О проведении работы в отношении юридических лиц, зарегистрированных после 1 августа 2016 года и имеющих признаки недостоверности: письмо ФНС России от 03.08.2016 № ГД-4-14/14126@ // СПС КонсультантПлюс.
4. Об утверждении Концепции системы планирования выездных налоговых проверок : приказ ФНС России от 30.05.2007 № ММ-3-06/333@ (ред. от 10.05.2012) // СПС КонсультантПлюс.
5. О несостоятельности (банкротстве) : Федер. закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ (с изменениями и дополнениями) // СПС КонсультантПлюс.

Стефанова Елена Юрьевна,
кандидат юридических наук,
преподаватель кафедры уголовного процесса,
Военный университет имени князя Александра Невского
Министерства обороны Российской Федерации
E-mail: stefanova1otd@mail.ru

Саркисян Гор Георгиевич,
кандидат юридических наук,
профессор кафедры организации
оперативно-разыскной деятельности,
Академия управления МВД России
E-mail: djegan@mail.ru

УДК 343

О совершенствовании отечественного уголовно-процессуального законодательства в условиях военного положения

Аннотация. В научной публикации автором проводится анализ действующего уголовно-процессуального законодательства, которое подлежит применению в условиях военного положения. На его основе сделан вывод о необходимости разработки соответствующих норм, которые позволят в особых условиях обеспечить права и свободы участников уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: военное положение; особые условия; уголовное судопроизводство.

Федеральным законом от 24.09.2022 № 365-ФЗ¹ тринадцать статей главы 33 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК) дополнены квалифицирующими составами, предусматривающими ответственность за преступления против военной службы, совершенные в периоды военного положения, мобилизации, в военное время либо в условиях вооруженного конфликта или ведения боевых действий (далее – особые периоды), а также введена уго-

¹ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : Федеральный закон от 24.09.2022 № 365-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации, 26.09.2022, № 39, ст. 6535.

ловная ответственность за добровольную сдачу в плен (статья 352.1 УК) и мародерство (статья 356.1 УК).

Следует отметить, что как среди практических работников, так и в ученом сообществе поддерживается идея о необходимости таких изменений в УК и усиления ответственности за военные преступления, совершенные в боевой обстановке и других особых условиях [1, С. 13-17].

Уголовное законодательство достаточно оперативно отреагировало на существующие реалии в стране и в мире, в том числе связанные с проведением Российской Федерацией специальной военной операции на территории Украины (далее – СВО).

В Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК) изменения, регламентирующие особенности уголовного судопроизводства в особые периоды, вносились в более позднее время. Об их актуальности и достаточности далее и пойдет речь.

Так, Федеральным законом от 31.07.2023 № 396-ФЗ¹ закреплено, что в условиях военного положения лицо, подозреваемое в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления, может быть задержано до избрания судом соответствующей меры пресечения на срок, не превышающий 30 суток. В свою очередь, обвинение должно быть предъявлено при указанных выше обстоятельствах не позднее 45 суток с момента применения меры пресечения, а если подозреваемый был задержан, а затем заключен под стражу, - в тот же срок с момента задержания *(в случае совершения хотя бы одно из преступлений, предусмотренных статьями 205, 205.1, 205.3, 205.4, 205.5, 206, 208, 209, 210, 210.1, 277, 278, 279, 281, 360 и 361 УК, аналогичный порядок в УПК предусмотрен даже для условий мирного времени)*.

Изначально проект указанного Федерального закона содержал предложения, не связанные с обозначенными, в связи с чем пояснительная записка не содержит обоснования нововведений.

Для полноценного анализа приведенной нормы сначала обратимся к толкованию термина «военное положение», чтобы понимать при каких условиях она будет применяться. Итак, в Федеральном конституционном законе от 30.01.2002 № 1-ФКЗ² (далее – ФКЗ № 1) под военным положением предлагается понимать особый

¹ О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 31.07.2023 № 396-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации, 07.08.2023, № 32 (Часть I), ст. 6128.

² О военном положении : Федеральный конституционный закон от 30.01.2002 № 1-ФКЗ (ред. от 02.11.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 5. Ст. 375.

правовой режим, вводимый на территории Российской Федерации или в отдельных ее местностях в соответствии с Конституцией Российской Федерации Президентом Российской Федерации в случае агрессии против Российской Федерации или непосредственной угрозы агрессии.

Таким образом, это могут быть как условия ведения боя на территории России, так и без такового.

Согласно ФКЗ № 1 в период военного положения на территории Российской Федерации применяются усиленные меры по обеспечению общественного порядка и общественной безопасности, в связи с чем права и свободы граждан могут быть ограничены, например, на передвижение.

Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях предусматривает ответственность за нарушение режима военного положения (статья 20.5.1) и в случае необходимости установления личности или для выяснения обстоятельств административного правонарушения, лицо в условиях военного положения может быть подвергнуто административному задержанию на срок не более 48 часов, если иное не установлено указом Президента Российской Федерации в соответствии с ФКЗ № 1. А это «иное» 29 мая 2023 года закреплено в ФКЗ № 1 путем внесения в него соответствующего изменения¹ и за нарушение запретов и ограничений, установленных указами Президента Российской Федерации на территории, на которой введено военное положение, может быть применено административное задержание на срок до 30 суток (подпункт 12.1 пункта 2 статьи 7 ФКЗ № 1).

Повторимся, административное задержание, а не административный арест. То есть, лицо за административное правонарушение, выразившиеся в нарушении режима военного положения, без судебного решения может быть задержано на срок до 30 суток, а за совершение преступлений небольшой или средней тяжести в тех же условиях – не более чем на 48 часов.

Обращая внимание на даты внесения изменений, становится понятным, что в УПК они вносились позже. Остается догадываться, чем руководствовался законодатель в таких обстоятельствах.

К слову, нарушением режима военного положения может быть, например, нарушение порядка пребывания на территории либо

¹ Изменение внесено Федеральным конституционным законом от 29.05.2023 № 2-ФКЗ «О внесении изменений в отдельные федеральные конституционные законы» // Собрание законодательства Российской Федерации, 05.06.2023, № 23 (Часть I), ст. 3998.

нахождения лица на улице или в иных общественных местах в определенное время суток.

Второе изменение в УПК внесено 23 марта 2024 года Федеральным законом № 64-ФЗ¹ (далее – Федеральный закон № 64-ФЗ), дополнившим его новой статьей 28.2, предусматривающей основания прекращения уголовного преследования для лиц, проходящих военную службу в особые периоды.

Обязательным условием для принятия процессуального решения о прекращении уголовного дела (уголовного преследования) по данному основанию является то, что ранее предварительное расследование на основании ходатайства командования воинской части (учреждения) должно быть приостановлено:

1) в связи с призывом подозреваемого (обвиняемого) на военную службу в период мобилизации или в военное время в Вооруженные Силы Российской Федерации;

2) в связи с заключением подозреваемым (обвиняемым) в период мобилизации, в период военного положения или в военное время контракта о прохождении военной службы в Вооруженных Силах Российской Федерации;

3) в связи с прохождением подозреваемым (обвиняемым) военной службы в Вооруженных Силах Российской Федерации в период мобилизации, в период военного положения или в военное время (пункт 3.1 части 1 статьи 208 УПК).

Следует отметить, что ограничений по категориям преступлений, уголовное преследование за которые может быть прекращено, не предусмотрено. Однако в части 1 статьи 78.1 (Освобождение от уголовной ответственности в связи с призывом на военную службу в особые периоды, а равно в связи с прохождением военной службы в такие периоды или время) УК, также внесенной в УК Федеральным законом № 64-ФЗ, предусмотрен перечень статей о преступлениях, при совершении которых нововведенная поощрительная мера применена быть не может. К таким преступлениям законодатель отнес деяния против половой неприкосновенности несовершеннолетних, контрабандой и незаконным экспортом, террористического и экстремистского характера, разного рода преступления, связанные с госизменой и диверсией, а также иные, посягающие на государственные интересы, безопасность и власть, например, шпионаж, посягательство на жизнь государственного или

¹ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 23.03.2024 № 64-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2024. № 13. Ст. 1687.

общественного деятеля, насильственный захват власти или насильственное удержание власти, вооруженный мятеж и другие.

Основаниями прекращения уголовного дела (для следователя и дознавателя) либо освобождения от наказания (для суда) определены:

а) награждение государственной наградой, полученной в период прохождения военной службы;

б) увольнение с военной службы по основанию, предусмотренному подпунктами «а, б, о» пункта 1 статьи 51 (Основания увольнения с военной службы) Федерального закона № 53-ФЗ¹ (далее – Федеральный закон № 53-ФЗ):

– «а» – по возрасту – по достижении предельного возраста пребывания на военной службе;

– «в» – по состоянию здоровья - в связи с признанием его военно-врачебной комиссией не годным к военной службе, за исключением военнослужащего, проходящего военную службу по контракту, указанного в пункте 2.1 статьи 36 Федерального закона № 53-ФЗ, изъявившего желание продолжить военную службу на воинской должности, которая может замещаться указанным военнослужащим;

– «о» – в связи с окончанием периода мобилизации, отменой (прекращением действия) военного положения и (или) истечением военного времени – для граждан, указанных в пункте 5.1 статьи 34 Федерального закона № 53-ФЗ, заключивших контракт.

Теперь подробно разберем предложенную законодателем поощрительную меру для лиц, совершивших соответствующее преступление как до начала военной службы, так и во время службы, и относящихся к категории, в отношении которой она может быть применена.

Рассматривая перечень статей, исключающих возможность прекращения уголовного преследования по новой норме УПК, соглашаемся с позицией ученых о том, что вполне обосновано освобождение от уголовного наказания и ответственности человека, изъявившего желание ценой своей жизни реабилитировать себя перед обществом и принять участие в СВО [2, С. 175-179].

Вместе с тем не все лица, отбывающие наказание за совершение преступлений, должны иметь право заключить контракт с Министерством обороны Российской Федерации для участия в боевых

¹ О воинской обязанности и военной службе : Федеральный закон от 28.03.1998 № 53-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 13. Ст. 1475.

действиях и быть освобожденными от наказания. Лицо, совершившее в мирное время предательство Родины, скорее всего совершит его снова в случае угрозы жизни и здоровью. При этом в военное время такие действия могут быть более вредоносными.

Однако приведенный в части 1 статьи 78.1 УК перечень статей, исключающих возможность прекращения уголовного преследования по основанию статьи 28.2 УПК, не бесспорный. Так, например, преступления, связанные с организацией преступного сообщества и участием в нем имеют высокую степень общественной опасности. Но лица, совершившие такие преступления, могут быть патриотами своей Родины и принести пользу в условиях войны. В этой связи представляется более целесообразным применять положения статьи 28.2 УПК более индивидуализировано, в том числе с учетом позиций командования воинской части (учреждения) и лица, в производстве которого находится уголовное дело. В данном случае не говорим о лице, производящем расследование, так как полагаем, что возможность прекращения уголовного преследования должна быть не только у следователя или дознавателя, как это сейчас предусмотрено в действующей редакции рассматриваемой статьи, но и у суда.

В настоящее время суд в соответствии с Федеральным законом № 64-ФЗ вправе в связи с прохождением лицом военной службы в период мобилизации, в период военного положения или в военное время лишь освободить его от наказания условно (новая статья 80.2 УК), кроме случаев, указанных в части 1 статьи 78.1 УК (приведены выше).

Необходимость наделения суд полномочиями прекращения уголовного дела (уголовного преследования) подтверждается данными правоприменительной практики.

Так, Кошкинский районный суд Самарской области 22 апреля 2024 года прекратил в отношении подсудимого Н., обвиняемого по части 1 статьи 318 УК, уголовное дело по основанию статьи 28.2 УПК, учитывая, что последний проходил службу в период мобилизации и был награжден государственной наградой [3]. Несомненно, законность данного судебного решения должна быть проверена в установленном порядке, и мы не вдаемся в эти подробности.

В настоящее время (на момент подготовки статьи: август 2024 года) Верховный Суд Российской Федерации готовит законопроект, призванный устранить пробелы законодательства и распространить полномочия по приостановлению производства по уголовному делу и освобождению от уголовной ответственности на судей [4].

Еще одним недостатком, по нашему мнению, следует назвать бюрократизированность порядка прекращения уголовного дела. Следователь или дознаватель обязаны сначала по ходатайству командования воинской части приостановить расследование по уголовному делу по основанию пункта 3.1 части 1 статьи 208 УПК, а лишь потом, возобновив по нему расследование, вынести постановление о его прекращении. И в случае если, например, военнотрудовой совершил преступление, проходя военную службу в зоне боевых действий, где спустя короткий период времени совершил героический поступок и награжден государственной наградой, следователь должен соблюсти всю вышеуказанную процедуру: получить ходатайство командования, вынести постановление о приостановлении (а здесь еще необходимо оформить различные отчетные статистические документы), затем возобновить расследование по уголовному делу, установить его срок и затем вынести постановление о прекращении уголовного дела. А если это все необходимо сделать в условиях военного положения, когда за окном проходят боевые действия!

Представляется, что в таких условиях более приемлемым является принятие окончательного процессуального решения в виде прекращения уголовного дела (уголовного преследования) по ходатайству командования воинской части.

Иных особенностей уголовного судопроизводства, которые могли применяться в особые периоды, УПК не предусмотрено, что достаточно неосмотрительно со стороны государства, так как в условиях военного положения отсутствие должной регламентации уголовного судопроизводства может не только повлечь нарушение прав участников уголовного судопроизводства, но и поставить под угрозу их жизнь и здоровье.

Необходимость изменения порядка уголовного судопроизводства в военное время следует рассматривать с учетом положений Военной доктрины Российской Федерации¹. В данном документе, представляющем собой систему официально принятых в государстве взглядов на подготовку к вооруженной защите и вооруженную защиту Российской Федерации, отмечается, что одной из основных задач мобилизационной подготовки в Российской Федерации является создание нормативно-правовой базы, регулирующей применение экономических и иных мер в период мобилизации, в пери-

¹ Утверждена Президентом Российской Федерации 25.12.2014 Пр-2976 // Российская газета. № 298. 2014.

од действия военного положения и в военное время (подпункт «б» пункта 42).

Ученые-процессуалисты такие как Г.И. Загорский, Ю.А. Зюбанов и другие справедливо полагают, что данное положение Военной доктрины предусматривает необходимость разработки целостной системы законодательных актов, подлежащих введению в действие с началом войны, определяющих особенности правового регулирования общественных отношений в военное время [5, 564 с], что, безусловно, касается уголовно процессуального закона.

Представляется, что в условиях военного положения в случаях, не терпящих отлагательства и когда существует реальная угроза безопасности участников уголовного судопроизводства при производстве отдельных следственных действий, таких как осмотры места происшествия, местности, жилища, иного помещения, предметов и документов, трупа, допросы свидетеля и потерпевшего, изъятие предметов и документов, проверка показаний на месте следует использовать средства видеофиксации. При этом соответствующий протокол следователем (дознавателем) должен быть составлен в кратчайший срок, возможный после проведения данного следственного действия.

Решение об участии понятых при производстве следственных действий должно приниматься следователем (дознавателем) в зависимости от объективной возможности обеспечения их безопасности.

Упрощенный порядок доказывания в особые периоды следует распространить на все преступления, отнесенные к категории небольшой и средней тяжести, которые расследуются как в форме дознания, так и в форме предварительного следствия. В настоящее время такой порядок предусмотрен только для сокращенной формы дознания, регламентированной в главе 32.1 УПК.

Вместе с тем следует отметить, что любые изменения уголовно-процессуального законодательства, которые должны применяться в период мобилизации или военного положения, военное время либо в условиях вооруженного конфликта или ведения боевых действий, не должны нанести ущерб правам и законным интересам сторон уголовного судопроизводства.

Список литературы:

1. Моргуленко Е. А., Харитонов С. С., Шарапов С. Н. О некоторых вопросах уголовной ответственности военнослужащих за воинские преступления в ходе боевых действий // Военно-юридический журнал. 2022. № 11. С. 13–17.

2. Кириченко Н. С., Александрова Н. Г. Новации уголовного законодательства, связанные с освобождением от уголовного наказания и ответственности в связи с призывом на военную службу в особых условиях // Военное право. 2024. № 3(85). С. 175–179.

3. Постановление Кошкинского районного суда Самарской области от 22.04.2024 № 1-4/2024(1-30/2023;) (УИД 63RS0015-01-2023-000291-72) Ст. 318 ч. 1 УК // СПС КонсультантПлюс.

4. ВС упрощает прекращение уголовных дел для желающих уехать на СВО // Электронное издание «Право ru». URL: <https://pravo.ru/news/254597/>.

5. Военная юстиция в России: история и современность : научное издание / О. Г. Безбабнов, В. В. Ершов, Г. И. Загорский [и др.]; под ред. В. В. Ершова, В. В. Хомчика. 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : РГУП, 2017. 564 с.

Тенденции современной преступности

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые дискуссионные моменты криминологической терминологии, а также, на основании анализа статистических данных о преступности за период с 2019 г. по 2023 г. делаются некоторые выводы о ее современном состоянии.

Ключевые слова: состояние преступности; коэффициент; динамика; тенденции преступности.

Глубокое изучение преступности немыслимо без анализа ее статистических и социальных показателей. В криминологии принято выделять количественные и качественные показатели преступности, каждый из которых играет свою особую роль в оценке преступности, но, взятый в отдельности, не может дать объективного представления о ней. Только во взаимосвязи друг с другом показатели преступности могут выполнять свое криминологическое назначение с точки зрения углубления познания ее существенных сторон.

Анализ преступности обычно начинается с оценки такого ее показателя, как объем, иногда этот показатель ошибочно называют термином состояние. Однако состояние более широкое понятие, чем некий один показатель. Состояние, это совокупность основных параметров и характеристик какого-либо объекта, явления или процесса в определенный момент (или интервал) времени[1]. Таким образом, состояние преступности, это ее показатели, в совокупности своей дающие представление о текущем положении преступности. Такой показатель, как объем, определяется общим количеством совершенных преступлений, а также числом лиц, их совершивших, на определенной территории за конкретный период времени. Например, в 2023 году был зарегистрировано 1947161 преступлений и выявлено 750465 лиц, совершивших преступления. Данный показатель считается количественным, поскольку взятый сам по себе не позволяет сделать какие-либо выводы.

Важное значение имеет и такой показатель преступности, как ее динамика, т.е. изменение во времени. Используя данный

показатель мы обнаруживаем, что в 2019 и 2020 годах имел место незначительный прирост преступлений на 1,9 и 1,0 процента соответственно, а с 2021 года наблюдается столь же незначительное снижение. Таким образом, мы можем говорить, что последние пять лет преступность в России обнаруживает тенденцию к стабилизации. В текущем году данная тенденция сохраняется. Темпы роста в 2023 году относительно 2019 составили – 3,8%.

Оценка распространенности преступности предполагает не только выяснение абсолютного числа преступлений и преступников, но и сопоставление полученных данных с показателями численности населения. Это достигается путем определения коэффициента преступности. Надо сказать, что и данный термин трактуется неоднозначно, подменяется порой терминами индекс или уровень преступности. Если мы рассмотрим семантику данных понятий, то обнаружим, что индекс, это цифровой или буквенный показатель чего-то, а также комбинация символов, указывающая место элемента в некоей совокупности, а уровень, происходя от прилагательного «ровный», означает степень величины, развития, либо этим термином обозначают части целого. Так, принято говорить об уровне жизни или об уровнях управления. Коэффициент же, это число, количественно определяющее какое-либо свойство, взаимосвязь качественно различных явлений [2]. В 2023 году коэффициент преступности составил 1331 зарегистрированное преступление на каждые 100 тысяч населения. При этом в регионах России он варьируется от 145 до 2141. В 2019 году коэффициент преступности составлял 1670, т.е. данный показатель также имеет тенденцию к снижению.

Структура определяется соотношением (удельным весом) в преступности ее видов, групп преступлений, классифицируемых по уголовно-правовым либо криминологическим основаниям.

Такими основаниями могут быть: социальная и мотивационная направленность; социально-территориальная распространенность; социально-групповой состав; степень и характер общественной опасности; устойчивость преступности; степень организованности и другие признаки, определяемые с учетом ее внешних и внутренних характеристик.

Анализируя структуру преступности, необходимо определить в процентах соотношение преступлений особо тяжких, тяжких, средней и небольшой тяжести; умышленных и неосторожных, а также удельный вес рецидивной, профессиональной, групповой преступности; долю преступности несовершеннолетних и т.п.

Крайне неблагоприятной тенденцией является как негативная динамика прироста тяжких и особо тяжких преступление и, соот-

ответственно, увеличение их доли в структуре преступности, которые происходят на фоне хоть и не значительного, но снижения преступности.

В 2019 году прирост составил 10, 2%, в 2023 - 9,7%. В текущем году темпы прироста сократились и по итогам 7 месяцев составили 1%. Доля данных преступлений составила в указанные периоды, соответственно, 24,4, 30,3 и 31,6% соответственно. Увеличение доли в текущем году понятно, поскольку, если в 2023 году темпы прироста составляли -1,0% , то в 2024 – -2,1%.

Одной из самых неблагоприятных тенденций является изменение с преступности с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации. Огромный толчок к росту этих преступлений дала изоляция, связанная с пандемией коронавируса. И хотя после завершения пандемии темпы прироста этих преступлений сокращаются, однако динамика является крайне неблагоприятной. Если в 2019 году доля этих преступлений составляла 14,5%, то в 2023 уже более трети, 34,8%, по итогам 7 месяцев 2024 года – 38,9%

Еще хотелось бы отметить неблагоприятную тенденцию, которая сложилась с таким преступлением, как мошенничество. Его прирост происходит на фоне стабильного снижения всех иных преступлений против собственности. Так, количество краж в 2023 году снизилось на 16,4%, грабежей – на 23,9%, разбоев – на 15,4%. Количество мошенничеств за последние 5 лет изменилось следующим образом: в 2019 году прирост составил 19,6%, в 2023 – 26,4%, за 7 месяцев текущего года – 6,4%. Доля мошенничеств в структуре преступности составляла, соответственно, 12,7, 22,3 и 23,4%.

Стоит отметить, что стабильным является прирост преступлений коррупционной направленности, однако, учитывая, что данные преступления относятся к категории выявляемых, данная тенденция свидетельствует скорее об усилении борьбы с данным видом преступлений и уменьшении его латентности.

Достаточно неожиданно в статистике МВД России стали выделять в достаточно существенную группу такие преступления, как управление транспортным средством в состоянии опьянения лицом, подвергнутым административному наказанию или имеющим судимость. Однако, учитывая, что данная норма относится к нормам с двойной превенцией ее также следует оценивать скорее положительно.

Особое значение имеет такой показатель преступности, как ее территориальное распределение по различным регионам страны («география» преступности).

Территориальные различия в объеме, интенсивности, структуре, динамике, характере преступности тесно связаны с уровнем социально-экономического развития отдельных регионов страны, с национальными традициями, обычаями, уровнем культурно-воспитательной работы, организацией быта и досуга населения, качеством правоохранительной деятельности, с другими факторами. Эти различия учитываются при определении задач общества по борьбе с преступностью, наиболее важных направлений предупредительной работы.

Так, при общей отмеченной тенденции как положительной динамики, так и роста доли в структуре преступности тяжких и особо тяжких преступлений, в Республике Бурятия, например, в 2024 наблюдается их снижение на 11,4%,

При общем снижении количества изнасилований на 4,5% в 2023 году, в Республике Саха (Якутия) оно выросло на 6,7.

Будучи неотъемлемой частью социальной обстановки в стране, криминальная ситуация одновременно оказывает негативное воздействие на все эти сферы общественного развития.

Криминологический анализ современной преступности позволяет выявить ее основные тенденции, т.е. направления ее изменения, формы проявления ее закономерностей в определенные периоды развития общества.

Список литературы:

1. Новая философская энциклопедия. 2-е изд., испр. и допол. – М.: Мысль, 2010.
2. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. Академия наук СССР, 1952.

Тормозова Елена Анатольевна,
заместитель Председателя правления
НО «Фонд инноваций»;
руководитель департамента образования и науки,
начальник аналитического отдела,
Экспертный центр национальной безопасности;
старший преподаватель кафедры
публичного права и правового обеспечения управления
Государственный университет управления
E-mail: elena.tormozova@gmail.com

УДК 342.97

Современный терроризм и особенности террористической деятельности: криминологический аспект

Аннотация. В статье автор рассматривает криминологический аспект современного терроризма и террористической деятельности, а также предлагает вариант классификации форм и видов терроризма. Рассмотренные и проанализированный термины позволяют по-новому взглянуть на этот деструктивный феномен, что облегчит работу правоохранительных органов и специальных служб по линии противодействия террористической деятельности и борьбы с терроризмом.

Ключевые слова: террор; терроризм; террористическая деятельность; противодействие терроризму; борьба с терроризмом; преступления террористической направленности; преступления террористического характера.

Терроризм представляет собой наиболее опасный вид преступления, получившее широкое распространение в XX веке, получивший во второй половине XX века **статус глобальной угрозы**.

По своей сущности терроризм представляет собой **способ** управления посредством насилия и устрашения, являясь неадекватным способом разрешения субъектами терроризма тех или иных действительных или мнимых противоречий и конфликтов, которые его породили.

Многие специалисты относят терроризм к категории форм нелегитимного политического насилия.

Современной криминологией и уголовным правом в разных странах терроризм характеризуется по-разному: как элемент государственной преступности либо преступности, посягающей на общественную безопасность.

В теории и практике борьбы с терроризмом и противодействия террористической деятельности выделяются следующие его основные **признаки**.

Использование насилия и устрашения, которые осуществляются обычно с применением физической силы к объектам террористического воздействия. Данный признак находит выражение во всех структурных элементах терроризма.

Нелегитимность терроризма, использующего в своих акциях насилие и устрашение, то есть его неодобрение с позиции общечеловеческой морали и противоправность. Именно этим объясняются попытки террористов прибегать к различным доводам для оправдания террористических акций в глазах общественности.

Политическая направленность терроризма, выражающаяся, прежде всего, в устремлениях его субъектов на достижение политического результата: ослабление или уничтожение политического противника, упрочение собственных политических позиций, удержание или захват власти и т.п. Однако следует отметить, что мотивация конкретных исполнителей террористических преступлений не обязательно имеет политический характер, а является, по сути, экономической, корыстной.

Высокая общественная опасность терроризма, что связано с использованием террористами угрожающих жизни и здоровью физических лиц, безопасности окружающей среды, собственности людей и государств средств и методов террористической деятельности.

Конспиративность как необходимое условие существования самих террористических структур, обеспечения результативности их действий, выражающаяся в нелегальном положении большинства террористических организаций, сокрытии каналов их финансирования и материально-технического обеспечения.

К признакам терроризма следует отнести также:

опосредованный способ достижения планируемого политического результата – воздействие совершается через посягательство на жизнь и здоровье не имеющих никакого отношения к тому, против чего направляются террористические акции людей независимо от их социального и политического статуса, как правило, мирных жителей;

демонстративность актов терроризма — каждое террористическое преступление совершается в наиболее многолюдных местах — на вокзалах, рынках, в транспорте, крупных торговых центрах и т.д., террористы берут на себя ответственность за совершенные теракты, стараясь придать максимальную огласку их результатов с использованием всех возможных каналов распространения информации (СМИ, информационно-телекоммуникационная сеть Интернет).

Для как можно более полного рассмотрения уголовно-правовых аспектов противодействия террористической деятельности необходимо уточнить понятийно-терминологический аппарат, используемый при описании и квалификации преступлений с окраской «терроризм»: «террор», «терроризм», «террористическая деятельность», «террористический акт», «противодействие террористической деятельности», «борьба с терроризмом», «контртеррористическая операция», «преступления террористического характера», «преступления террористической направленности» и ряд других.

Террор рассматривается как метод политической борьбы, используемой в мирное и военное время различными ее субъектами. Этот метод предусматривает применение насилия в открытых (публичные казни, массовые репрессии и т.п.) и скрытых (тайные убийства политических противников и расправы с сочувствующими им, похищения политических деятелей и т.д.) формах как со стороны государства (например, фашистский террор), так и антиправительственных сил (революционных, контрреволюционных и т.д.) в отношении политических противников, сочувствующих им определенных групп населения в целях их уничтожения, подавления, запугивания, подчинения. То есть террор в отличие от терроризма относительно легитимен.

Под **террористической деятельностью** понимается: практическая сторона терроризма, предполагающая непосредственное применение насилия и устрашения путем совершения или угроз совершения террористических актов; проведение организационной деятельности (создание террористических организаций, планирование и подготовка террористических актов и т.п.); подстрекательство к террористической деятельности, пропаганда идей терроризма, оправдание терроризма и т.д.

Под **террористическим актом** (иногда в качестве синонима употребляется термин «террористическая акция») понимается совершение взрывов, поджогов и иных действий, устрашающих население и создающих опасность гибели людей, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных тяж-

ких последствий в террористических целях, а также угрозы совершения таких действий в тех же целях.

Противодействие терроризму – деятельность органов государственной власти и органов местного самоуправления: по предупреждению терроризма; выявлению, предупреждению, пресечению, раскрытию и расследованию террористических актов (борьба с терроризмом); минимизации и (или) ликвидации последствий проявлений терроризма.

Под **борьбой с терроризмом** понимается деятельность специально уполномоченных органов государства, во-первых, по выявлению, предупреждению и пресечению террористической деятельности и, во-вторых, по раскрытию и расследованию актов терроризма.

Под **контртеррористической операцией** понимается комплекс специальных, оперативно-боевых, войсковых и иных мероприятий с применением боевой техники, оружия и специальных средств по пресечению террористического акта, обезвреживанию террористов, обеспечению безопасности физических лиц, организаций и учреждений, а также по минимизации последствий террористического акта.

Преступления террористического характера отражают общий криминальный характер терроризма как социально опасного явления, осуждаемого обществом. Это понятие имеет собирательное значение, объединяет все преступления, совершаемые в террористических целях, которые предусматриваются в уголовном законодательстве. При этом, однако, следует учитывать, что в законодательствах различных стран имеются значительные расхождения применительно к признанию тех или иных действий террористического характера преступными, криминальными. В целом же в современных условиях происходит определенный процесс унификации антитеррористического законодательства во многих странах мира.

Преступления террористической направленности также отражают общий криминальный характер терроризма как социально опасного явления, осуждаемого обществом, однако этот термин характеризует объект террористического воздействия, в отличие от предыдущего термина, где внимание законодателя и правоприменителя сконцентрировано, прежде всего, на способе совершения террористического преступления.

За длительный период существования терроризма как социально-политического явления его содержание значительно изменилось под влиянием различных факторов объективного и субъективного характера, стало более сложным. Этот процесс затронул все новые элементы содержания терроризма – отразился на его субъектах

и объектах, целях и задачах, методах, силах и средствах и также на его роли в системе политической борьбы, в осуществлении внутривнутриполитических и внешнеполитических целей различных субъектов общественных отношений.

Субъекты терроризма различаются по организационному, общественно-политическому и правовому положению, которые можно классифицировать по правовым, организационным, идеологическим (политическим), территориальным и другим показателям.

По **правовым показателям** выделяются государственные и негосударственные субъекты терроризма:

1) государственные – отдельные государства недемократического, реакционного толка, во внутренней или внешней политике которых активно используются террористические методы и формы.

2) негосударственные – различные общественные объединения и неформальные группы или организации проправительственного и антиправительственного характера, действующие террористическими методами либо для реализации целей подавления политической оппозиции в той или другой стране, либо в целях ослабления и ликвидации существующего строя, противодействия политике властей.

По **организационным критериям** выделяются либо организаторы, которые координируют деятельность тех или иных субъектов терроризма, либо исполнители, которые непосредственно совершают террористические преступления.

По **идейно-политическим критериям** субъекты терроризма делятся на идеологические, когда преследуется цель изменения существующего строя (здесь речь идет о крайне правых и крайне левых структурах), радикальные этнические, религиозные, политические, а также террористические объединения.

По **территориальным критериям** выделяются так называемые национальные (внутригосударственные) и международные (транснациональные) субъекты.

Степень активности субъектов терроризма, относящихся к негосударственным террористическим организациям, в современный период возрастает. Они используют все более опасные формы и методы террористической деятельности, расширяют ее территориальную сферу.

Цели и задачи терроризма, будучи многоплановыми, существенно усложняют борьбу с ним, обуславливают необходимость использования в противодействии терроризму все более широкого круга мер.

Цели терроризма могут быть классифицированы по различным основаниям: по сфере политических посягательств субъектов терроризма; по масштабам и значимости и т.д.

В зависимости от *сферы политических посягательств субъектов терроризма* их цели подразделяются на внутриполитические и внешнеполитические.

К внутриполитическим целям, преследуемым террористами, могут относить: изменение общественного и государственного строя, а также политического режима отдельных государств; сохранение власти в руках тех или других социально-политических сил; захват власти либо изменение государственной политики; дестабилизация социально-политической обстановки в определенных государствах или регионах; подрыв авторитета законной власти, провоцирование ее на те или иные непопулярные в обществе действия; ослабление или уничтожение политических противников; срыв мероприятий, направленных на снижение внутриполитической напряженности, на стабилизацию общественных отношений в определенных государствах и их регионах; привлечение на свою сторону тех или иных общественно-политических сил и т.д.

К внешнеполитическим целям, которые могут преследовать различные субъекты терроризма, относятся: изменение внешней политики определенных государств; срыв мероприятий, направленных на снижение внутриполитической напряженности, на стабилизацию общественных отношений в определенных государствах и их регионах; привлечение на свою сторону тех или иных общественно-политических сил и т.д.

К внешнеполитическим целям, которые могут преследовать различные субъекты терроризма, относятся: изменение внешней политики определенных государств; срыв международных договоренностей в области преодоления конфликтных ситуаций, побуждение публичной власти к тем или иным уступкам; подрыв территориальной целостности отдельных иностранных государств и т.д.

В зависимости от *масштабов и значимости* цели субъектов терроризма могут подразделяться на стратегические (например, дестабилизация политической обстановки в отдельных странах, выведение определенного региона из состава государства, изменение внешней или внутренней политики страны и др.) и тактические. К последним могут быть отнесены такие цели, которые имеют подчиненное значение по отношению к стратегическим целям, направлены на достижение ограниченных результатов и служат подготовке достижения крупномасштабных, стратегических целей. Тактическое значение имеют, например: совершение отдельных

террористических актов как напоминание властям о существовании тех или иных террористических структур; привлечение в такие структуры новых участников посредством осуществления отдельных, как правило, демонстративных акций терроризма; освобождение захваченных участников террористических организаций и т.п.

Задачи терроризма призваны обеспечить достижение террористических целей, определяются последними и могут быть классифицированы по тем же основаниям, что и цели. Они в большей степени конкретизированы, чем цели террористической деятельности, формулируются применительно к отдельным видам терроризма, к различным аспектам и условиям осуществления террористической деятельности.

Цели и задачи терроризма реализуются посредством осуществления террористического воздействия на противостоящую сторону и условия, в которых ведется террористическая деятельность.

Объекты терроризма условно делятся на три группы:

I группа включает в себя общие объекты терроризма, в отношении которых реализуются цели по их ослаблению, подрыву, изменению в интересующем террористов плане. Одним из основных объектов террористической деятельности является государственный строй и территориальная целостность государства.

II группа представляет собой объекты непосредственного террористического воздействия, к которым относятся физические лица, группы населения, материальные объекты (государственные учреждения, объекты промышленности, транспорта, жизнеобеспечения, науки и т.п.).

Насильственное воздействие на объекты второй группы не является для субъектов террористической деятельности основной целью. Основная задача – запугать население, посеять панику.

III группа объектов – объекты управления, представленные органами публичной власти, опосредованное воздействие на которые может привести к удовлетворению требований террористов.

Многообразие целей, задач и объектов терроризма обуславливает использование в практике террористической деятельности широкого круга методов.

Методы терроризма характеризуют его деятельностьную сторону и подразделяются на общие и специальные (частные).

Общие методы терроризма не претерпели значительных изменений на протяжении многих лет его существования. Они выражают сущность терроризма и взятые в совокупности отличают терроризм от других социальных явлений, в основе которых также лежит насилие.

К общим методам терроризма относятся:

насилие, связанное с применением силы к объектам противостоящей стороны и направленное на их уничтожение, вывод из строя и т.п.;

устрашение, призванное воздействовать на психическое состояние общества, отдельные социальные группы, физических лиц, возбуждать у них состояние страха, паники и т.д.;

понуждение тех или иных социальных групп, государственных органов, общественных организаций, должностных лиц к таким вариантам их поведения, к совершению таких действий или отказу от них, которые под угрозой совершения новых акций насилия должны отвечать требованиям субъектов терроризма.

Указанные методы органично связаны, их комплексное применение образует базовый алгоритм террористической деятельности, ее основы – террористического акта.

Специальные (частные) методы терроризма – это методы, в которых отражается развитие терроризма как деструктивного явления, многоплановость террористической деятельности. Специальные (частные) методы терроризма под влиянием различных факторов претерпевают определенные изменения. Развитие этих методов, с одной стороны, свидетельствуют об изменении в характере и составе целей и задач терроризма, появлении новых его объектов, а с другой стороны, является результатом прямого или опосредованного воздействия изменений в различных сферах общественной жизни, в том числе в научно-технической области.

Вся совокупность специальных (частных) методов терроризма может быть объединена в несколько групп.

Первая группа – методы организационного характера. Они направлены на объединение террористически настроенных лиц, обеспечение различных сторон деятельности последних в соответствии с целями и задачами субъектов терроризма, способствуют подготовке тех или иных террористических акций и т.д.

Вторая группа – методы физического воздействия на людей – объектов терроризма: как на отдельных лиц, представляющих для террористов интерес в связи с их политическим и общественным положением, профессиональной деятельностью (например, политические и общественные деятели, военачальники, журналисты и др.), так и на различные группы (скопления) людей безотносительно к их общественному статусу.

Третья группа – методы воздействия на материальные нео-душевленные объекты, которое может быть сопряжено с гибелью

людей, значительным материальным ущербом и иными серьезными последствиями материального и устрашающего характера.

Четвертая группа – методы информационно-пропагандистского и психологического воздействия на людей: как на отдельных лиц, так и на их группы, слои населения (жители определенных населенных пунктов, регионов, члены тех или иных этнических, конфессиональных и иных групп граждан).

К силам терроризма относятся члены тех или иных структур, участвующие в террористической деятельности в любой форме, – организационной, насильственной и других, а также террористы-одиночки.

Подготовка участников террористических организаций обычно проводится в специальных лагерях и базах, располагающихся в мало посещаемых или труднодоступных местностях. Нередко она проводится за пределами «своего» государства, например на территории так называемых государств – спонсоров терроризма.

Средства террористической деятельности весьма разнообразны, для них характерна устойчивая тенденция повышения мобильности и поражающих возможностей. В целом средства террористической деятельности – это различного рода устройства и вещества, имеющие специальное террористическое назначение или предназначенные для решения более широкого круга задач, но могущие использоваться для поражения людей и разрушения материальных объектов. Многие средства террористической деятельности соединены со специальными средствами их доставки и камуфляжа.

Как бы мы ни определяли феномен терроризма, можно утверждать лишь одно: терроризм является крайней формой социального конфликта. И победить это деструктивное явления можно только объединив усилия всей мировой общественности.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации (принята на всенародном голосовании 12 декабря 1993 г.) (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.): О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации от 16 марта 2020 г. № 11 ст. 1416.

2. О противодействии терроризму : Федер. закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ (с изменениями и дополнениями) // Собр. законодательства Рос. Федерации от 13 марта 2006 г. № 11 ст. 1146
3. Конвенция Совета Европы о предупреждении терроризма (Варшава, 17 ноября 2005 г.) : ратифиц. Федер. законом от 20 апреля 2006 г. № 56-ФЗ «О ратификации Конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. № 31 (1 ч.). Ст. 3452.
4. Киреев М. П. Закон по терроризму необходимо ужесточить! // Полиция России. 2011. № 1. С. 51–53.
5. Комментарий к Федеральному закону «О противодействии терроризму» (постатейный) / Гирько С. И., Воронин М. Ю. и др. М.: Юстицинформ, 2007. 88 с.
6. Нестерова Д. В., Нестерова А. В., Шумахер О. В. Известные теракты. М.: Вече, 2003. 384 с.
7. Хоффман Б. Терроризм – взгляд изнутри = Inside terrorism. М.: Ультра. Культура, 2003. С. 105, 165.
8. Arquilla J., Ronfeldt D. Networks and Netwars: The Future of Terror.

Фадеев Илья Александрович,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры теории и методологии
государственного управления,
Академия управления МВД России
E-mail: ilya-fadeev@yandex.ru

УДК 343.1

**О некоторых методологических недостатках
правовой регламентации деятельности
дознавателей системы МВД России**

Аннотация. В настоящей статье исследуется порядок производства предварительного расследования в форме дознания. Обращается внимание на некоторые методологические недостатки правовой регламентации деятельности дознавателей в системе МВД России. Также, критически анализируются точки зрения ряда исследователей в вопросе организации дознания и положения УПК РФ по исследуемому вопросу.

Ключевые слова: дознаватель; расследование; дознание; форма предварительного расследования; предварительное следствие; прокурор; начальник органа дознания.

История становления и развития органов дознания наглядно свидетельствует о целесообразности сохранения и дальнейшего стимулирования рассматриваемой разновидности досудебного производства [1, 22-30]. Она обеспечивает существенную экономию финансовых, процедурных и временных затрат, а также человеческой (физической) энергии, позволяет своевременно, быстро и качественно подготавливать уголовные дела о преступлениях небольшой и средней тяжести для их разбирательства в судах.

Эффективность осуществления функций дознания в значительной степени определяется степенью точности и однозначности интерпретаций норм законодательства, регулирующего деятельность органов дознания. Современная практика функционирования органов дознания системы МВД России указывает на необходимость совершенствования действующего профильного законодательства. Автор статьи хотел бы акцентировать внимание на ряде методологических и логических неоднозначностей.

В части 2 статьи 41 УПК РФ провозглашается, что не допускается возложение полномочий по проведению дознания на то лицо, которое проводило или проводит по данному уголовному делу ОРМ.

Было бы приличнее, наверное, если бы приведенная формулировка выглядела иначе: «... не допускается возложение полномочий дознавателя...» (далее по тексту). Подобное уточнение многое бы расставило по своим местам.

При адекватном же прочтении обозначенной нормативной правовой установки трактовать её пришлось бы по-другому: возлагать функции по производству дознания и выполнению других процессуальных действий на оперативных уполномоченных ОВД (полиции) не допускается, если при этом они принуждаются к одновременному выполнению процессуальных и оперативно-розыскных функций.

В противном случае возникают разночтения. Так, Т.И. Гарипов пишет о том, что в части 1 статьи 41 УПК РФ указано, что полномочия по производству дознания возлагаются на дознавателя начальником органа дознания путем дачи письменного поручения. При этом становится непонятным, о каком дознавателе идет речь: о дознавателе специализированного подразделения дознания или об ином сотруднике ОВД (участковом или оперативном уполномоченном полиции), на которых таковые обязанности возлагаются временно?[2, 51-54] Очевидно, что из перечисленных ни первый, ни второй сотрудниками органов дознания не являются, ибо они - сотрудники ОВД.

Складывающееся положение оригинально комментирует В.В. Куленков. Он считает, что выполнение неотложных следственных действий достаточно часто связывается с розыскной (а надо бы – с оперативно-розыскной – прим. авт.) функцией сотрудников полиции, что, в принципе, верно. Однако при этом он сетует на то, что недопустимо совмещать в одном должностном лице ОВД (полиции) функции по производству дознания (в полном объеме) и функции по выполнению неотложных следственных действий, поскольку они – суть «разные направления процессуальной деятельности дознавателей» [3, 29–31].

С приведенными аргументами согласиться непросто, так как, во-первых, оперативные уполномоченные соответствующих служб ОВД (полиции) дознавателями не являются в принципе, и, во-вторых, они по большому счёту, не могут наделяться правом производства неотложных следственных действий в пику традиции, испокон веку существовавшей в их оперативно-служебной практике.

Часть 3 статьи 41 УПК РФ декларирует, что дознаватель уполномочен:

1) самостоятельно производить следственные действия и принимать процессуальные решения, за исключением случаев, когда в соответствии с настоящим Кодексом на это требуются согласие начальника органа дознания, согласие прокурора и (или) судебное решение;

Комментируя приведенные полномочия, желательно осознать, что никакой процессуальной самостоятельности дознавателя в данном случае не усматривается ввиду его тотальной ежедневной зависимости от руководителей разного рода, в числе которых, кстати, начальник подразделения дознания почему-то не назван.

1.1) давать органу дознания в случаях и порядке, установленных настоящим Кодексом, обязательные для исполнения письменные поручения о проведении ОРМ, о производстве отдельных следственных действий, об исполнении постановлений о задержании, приводе, заключении под стражу и о производстве иных процессуальных действий, а также получать содействие при их осуществлении;

В данном случае проглядывается серьезная методологическая ошибка законодателя; получается так, что дознаватель, как должностное лицо (по формулировке, используемой в УПК РФ – прим. авт.) органа дознания, то есть организации, наделяется правом дачи ей же (организации) письменных поручений, а стало быть, требовать их исполнения. К тому же в означенной трактовке органы дознания уравниваются с оперативно-розыскными органами, образуя застарелый комплекс, от которого никак не могут избавиться российские парламентарии и ученые, пишущие на эту тему.

Достаточно обратиться к Т.Н. Бородкиной, убежденной в том, что дознаватель вправе давать поручения органам дознания на предмет проведения ОРМ. Реализуя иные полномочия, закрепленные в пункте 7 статьи 5 УПК РФ, продолжает она, дознаватель не выполняет оперативно-розыскных функций, которые свойственны лишь органу дознания, осуществляющему ОРД [4, 89–91].

Как видим, в своих суждениях она не осознаёт того, что дознаватель является участником уголовного процесса, чего нельзя сказать об органе дознания, который, по её представлениям, может выполнять и ОРМ.

1.2) обжаловать с согласия начальника органа дознания в порядке, установленном частью 4 статьи 226 и частью 4 статьи 226.8 УПК РФ, решения прокурора о возвращении уголовного дела дознавателю для производства дополнительного дознания либо пересоставления обвинительного акта или обвинительного постановления, о направлении уголовного дела дознавателю для производства дознания в общем порядке;

В обсуждаемой норме опять незаслуженно игнорируется непосредственный руководитель дознавателя – начальник подразделения дознания, что странно. Более того, с позиций стилистики, принятой в русском языке, конкретизация того момента, что уголовное дело возвращается именно дознавателю, в обсуждаемой ситуации излишня.

2) осуществлять иные полномочия, предусмотренные настоящим Кодексом.

В части 4 статьи 41 УПК РФ декларируется, что указания прокурора и начальника органа дознания, данные в соответствии с настоящим Кодексом, обязательны для дознавателя. При этом дознаватель вправе обжаловать указания начальника органа дознания прокурору, а указания прокурора – вышестоящему прокурору. Обжалование отмеченных указаний не приостанавливает их исполнения, за исключением случаев, предусмотренных частью 5 статьи 226 и частью 5 статьи 226.8 УПК РФ.

В описываемой норме взаимоотношения дознавателя, начальника органа дознания и надзирающего прокурора вновь обустраиваются в обход начальника подразделения дознания, что предстает образчиком плохо продуманной законодательной техники.

В качестве заключения автором статьи акцентируется внимание на описанные аспекты требующие, в первую очередь, научного осмысления и учета в рамках дальнейшего совершенствования законодательства ввиду их непосредственной взаимосвязи с эффективностью описываемых подразделений по предварительному расследованию.

Список литературы:

1. Кругликов А. П. Правовое положение органов и лиц, производящих дознание в советском уголовном процессе: учебное пособие. Волгоград: ВСШ МВД СССР, 1986. С. 22–30.

2. Гарипов Т. И. Вопросы совершенствования правовой регламентации процессуального статуса органа дознания в уголовном процессе России // Ученые записки Казанского юридического института МВД России. 2019. Т. 4. № 2 (8). С. 51–54.

3. Куленков В. В. К вопросу о процессуальных полномочиях дознавателя полиции // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2013. № 3 (30). С. 29–31.

4. Бородкина Т. Н. Статус дознавателя в уголовном судопроизводстве: этапы и проблемы его формирования // Вестник экономической безопасности. 2018. № 2. С. 89–91.

Хакимова Эльмира Робертовна,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного права,
Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя
E-mail: mira-mvd10@yandex.ru

Бойцова Жанна Андреевна,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного права,
Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя
E-mail: zh.boytsova@yandex.ru

УДК 343.3/.7

Согласие на обработку cookies: преступные последствия

Аннотация. В научной статье рассматривается вопрос о совершении преступлений злоумышленниками при согласии пользователей сети «Интернет» на обработку cookies – фрагментов данных, которые содержат информацию о пользователе и его действиях на сайте. Если киберпреступники получают доступ к cookies пользователей, они смогут войти в аккаунт пользователя автоматически, не вводя логин и пароль, вследствие чего могут быть нарушены тайна переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных или иных сообщений. Чаще всего способом совершения подобных преступлений выступает неправомерный доступ к компьютерной информации. В статье проанализированы проблемы квалификации, возникающие в правоприменительной деятельности, с учетом принятого постановления Пленум Верховного Суда Российской Федерации № 37 от 15.12.2022 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет»». Проблемы толкования объективной стороны состава ст. 272 УК РФ, квалифицирующего признака – совершение деяния «лицом с использованием своего служебного положения» свидетельствуют о необходимости дополнительных разъяснений с целью единообразного вменения виновным ст. 272 УК РФ.

Ключевые слова: cookies; преступление; неправомерный доступ к компьютерной информации.

Ежедневно, заходя на различные сайты в сети «Интернет» пользователи сталкиваются с предложением владельцев веб-сайтов дать согласие на обработку cookies, являющиеся одним из способов идентификации пользователя. Так, например, cookies могут включать номер телефона, город, язык, информацию о товарах в корзине, потребительские приоритеты, данные о настройках пользователя. Эта необходимость вызвана мировыми стандартами, при повторном посещении сайта информация о пользователе уже будет в системе. Чаще всего согласие на обработку cookies пользователями сети «Интернет» дается автоматически, во избежание всплывающего окна, мешающего просматривать страницу веб-сайта.

В настоящее время не так много известно о противоправных последствиях в результате сбора файлов cookie недобросовестными владельцами сайтов. Нередки случаи, когда такие владельцы злоупотребляют концепцией законного интереса. Если киберпреступники получают доступ к cookies пользователей, они могут установить их вместе с хэшированными паролями в свой браузер и войти в аккаунт пользователя автоматически, не вводя логин и пароль. Кроме того, анализ cookies помогает злоумышленникам выбирать жертву, учитывая уровень его интересов, то есть более персонафицированно.

Рассмотрим ситуации, когда дача согласия на обработку cookies, может явиться способом совершения преступления. В частности, когда пользователь нажимает на согласие на обработку cookies на фишинговом сайте маркетплейса, тем самым предоставляя доступ к личным кабинетам клиентов и партнеров компании. Так, поддельные онлайн-ресурсы маркетплейса Wildberries были созданы для взлома аккаунтов в мессенджере Telegram [1].

Таким образом, в действиях виновных могут усматриваться признаки нарушения тайны переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных или иных сообщений (ст. 138 УК РФ), нарушения неприкосновенности частной жизни (ст. 137 УК РФ), неправомерного доступа к компьютерной информации (ст. 272 УК РФ) либо иных компьютерных преступлений.

В правоприменительной деятельности нет больших затруднений по установлению признаков ст.ст. 137, 138 УК РФ. Поэтому рассмотрим некоторые проблемы толкования нормы ст. 272 УК РФ.

Речь в статье идет о неправомерном доступе именно к охраняемой законом компьютерной информации. Несмотря на различ-

ные мнения ученых относительно определения указанного термина [2, 58], Пленум Верховного Суда Российской Федерации в своем постановлении № 37 от 15.12.2022 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет»» объединил в его содержании информацию, охраняемую специальным режимом защиты, информацию, доступ к которой ограничен либо в отношении которой установлены средства защиты, а также сведения, относящиеся к одному из видов тайн.

Таким образом, информация, размещенная на сайте в сети «Интернет», являясь общедоступной, открытой, для которой не требуется специального режима ее правовой защиты, не является предметом ст. 272 УК РФ [3].

Анализируемое преступление окончено с момента наступления одного из альтернативных последствий: уничтожения, блокирования, модификации либо копирования компьютерной информации.

Относительно квалификации деяния по признаку уничтожения компьютерной информации имеются различные позиции. В частности, если компьютерная информация была перемещена в иную папку, например, в корзину, имеет ли место признак уничтожения? Полагаем, если умыслом виновного охватывалось приведение такой информации в негодность, а также он полагал, что ее невозможно будет восстановить, состав необходимо считать оконченным. Например, если сотрудник компании знал, что в определенное время в конце рабочего дня вся информация, содержащаяся на компьютере в папке «Корзина» будет удалена, и удалил компьютерную информацию в эту корзину, то умысел в деянии имеется.

Если же лицо удалило информацию в указанную папку, понимая, что с компьютера информация не пропала, ее можно восстановить, то указанного последствия не будет и, соответственно, состава преступления нет. Это не противоречит и определению уничтожения, закрепленному в указанном постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 37.

По такому последствию ст. 272 УК РФ как копирование компьютерной информации отметим, что существуют точки зрения, состоящие в том, что скопировать информацию можно только на машинные, электронные носители [4, 88]. После принятия анализируемого постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 37 под копированием понимаются также фотографирование, распечатывание, переписывание, отправка по электронной

почте компьютерной информации. То есть любые действия, позволяющие продублировать компьютерную информацию.

Помимо этого, ч. 3 ст. 272 УК РФ предусматривает особо квалифицирующий признак – совершение основного деяния лицом с использованием своего служебного положения. Поскольку в рассматриваемом постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 37 не разъяснен этот особо квалифицирующий признак, то необходимо учитывать иные практикоориентирующие документы. В частности, в п. 23 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 14 от 15.06.2006 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» рекомендовано признавать лицом, использующим свое служебное положение, также обычных лиц, выполняющих трудовые функции с наркотиками. В п. 29 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 48 от 30.11.2017 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» под анализируемыми лицами необходимо понимать только должностных лиц или лиц, выполняющих управленческие функции в коммерческой или иной организации, либо в некоммерческой организации, не являющейся государственным органом, органом местного самоуправления либо государственным или муниципальным учреждением.

В подавляющем большинстве случаев практика правоприменения признает рядового сотрудника компании лицом, использующим свое служебное положение при неправомерном доступе к компьютерной информации в силу имеющегося у этого сотрудника доступа к указанной информации при выполнении им трудовых функций в этой организации [5].

Подводя итог, отметим, что с каждым днем увеличивается количество способов совершения компьютерных преступлений, а также преступлений, совершаемых с использованием информационно-коммуникационных технологий, включая сеть «Интернет». Заходя на новые сайты, каждый пользователь, давая согласие на обработку cookies, должен осознавать, что может стать потенциальной жертвой киберпреступников. Уверены, что противодействие уголовно-правовыми средствами таким преступлениям возможно путем совершенствования уголовного законодательства с целью единообразного применения норм уголовного права.

Список литературы:

1. Wildberries и ГК «Солар» заблокировали 652 фейковых сайта маркетплейса // URL: <https://rt-solar.ru/events/news/3912/?ysclid=m0xkrr664u-969529223> (дата обращения: 15.06.2024).
2. Малышенко Д. Г. Уголовная ответственность за неправомерный доступ к компьютерной информации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. С. 58.
3. Приговор № 22-1054/2015 от 03.06.2015 Верховного Суда Чувашской Республики по делу № 22-1054/2015 // URL: <https://stgkrf.ru/prigovor-22-10542015-ot-03-06-2015-verhovnogo-suda-chuvash-skoj-respubliki-chuvashskaya-respublika?ysclid=m0xykrd2w5984544264> (дата обращения: 15.06.2024).
4. Воробьев В. В. Особенности квалификации преступлений в сфере компьютерной информации // Российское право в период социальных реформ. Н. Новгород, 1998. С. 88.
5. Приговор Энгельсского районного суда Саратовской области по делу № 1-1-113/2024 // URL: <https://sudact.ru/law/uk-rf/osobennaia-chast/razdel-ix/glava-28/statia-272/?page=4> (дата обращения: 15.06.2024).

Цыкора Анна Владимировна,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры «Экономическая безопасность, учет и право»,
Донской государственной технической университет (ДГТУ);
слушатель,
Академия управления МВД России
E-mail.ru: ttanneta@mail.ru

УДК 343.2/.7

Проблемы использования искусственного интеллекта в правоохранительной деятельности современной России

Аннотация. На сегодняшний день киберпреступность приобрела статус глобального явления. В действующем Уголовном кодексе Российской Федерации киберпреступлениям посвящена состоящая из четырех статей 28 глава. Однако в самом кодексе отсутствуют не только понятия «нейронных технологий» и «искусственного интеллекта», понятие которых формирует только «Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года», но и более широких основных понятий - «киберпреступность», «кибератака», «киберпреступник» и другие, что значительно затрудняет квалификацию правоохранительными органами соответствующих преступных деяний.

В статье рассмотрены возможные пути решения указанной выше проблемы с учетом специфики использования технологий искусственного интеллекта в России. Автор рассматривает совершенствование законодательства в сфере противодействия киберпреступлениям на основе зарубежного и национального опыта.

Ключевые слова: искусственный интеллект; нейронные сети; правоохранительные органы; киберпреступность; компьютерные преступления; зарубежный опыт; deepfake; фишинг; кибербезопасность.

Бурное развитие технологии искусственного интеллекта и нейронных сетей формирует необходимость в выстраивании правовой позиции по правомерному использованию этих технологий и формированию мер против преступлений, связанных с их использованием. Для полноценного внедрения в правоохранительные органы систем на основе искусственного интеллекта и нейронных

технологий необходимое четкое взаимодействие между практиками, программистами-разработчиками и учеными, что позволит быстрее совершенствовать законодательной и правоприменительной практики.

Киберпреступность в силу ее особенности - возможности организации преступником своего деяния из любой точки мира, является транснациональной угрозой. Благодаря этому государства вынуждены объединяться и вместе разрабатывать эффективные методы борьбы с новыми преступлениями, что не исключает разработку уникальных для каждого государства подходов и методик противодействия, формируя специфику взаимодействия каждой отдельной страны с явлением киберпреступности.

В нашем законодательстве термин «киберпреступность» в содержании или названии правовых норм на данном этапе не встречается, как и во многих других государствах. Чаще в зарубежных положениях можно встретить смежные, но при этом менее широкие чем наше явление, названия, такие как «компьютерные преступления», «электронные средства связи», «информационные технологии» и другие варианты.

В странах другой правовой семьи, например США и Великобритании, существует ответственность за данные новые общественно-опасные деяния в рамках специальных нормативных правовых актов. Однако, уголовный кодекс государств-участников СНГ, не только не выделяет это явление отдельно, но и ответственность за хищение компьютерной информации исчерпывается только одним видом - мошенничеством. Когда как в Германии – представители романо-германской правовой семьи, к которой относится и наше право, уголовное законодательство уже выделяет мошенничество с использованием технологий в специальный состав – компьютерное мошенничество, под которым подразумевается деяние, приводящее к имущественному ущербу в результате установки несанкционированных компьютерных программ, использования неполных или недостоверных данных или иного несанкционированного воздействия на процессы обработки компьютерной информации, осуществляемого с целью получения личной выгоды. Стоит отметить, что квалифицировать деяние по данной статье можно только лишь в том случае, когда обман будет направлен не на конкретную жертву, а на программное обеспечение или иную информацию, которую та использовала, то есть деяние должно быть направлено на незаконное воздействие на процесс обработки информации, что сужает возможность использования этой статьи в рамках широкого понятия киберпреступности, включающее также и «фишинг». Та что

данное понятие в германском праве не до конца охватывает исследуемое нами явление, ведь когда целью обмана становится человек, а не компьютерные данные, незаконное преступление классифицируется как традиционное мошенничество.

Также законодателями разрабатываются и иные положения, призванные ограничить и усложнить в том числе совершение киберпреступления.

Например, чтобы повысить уровень соблюдения права в социальных сетях, в 2017 году в Германии был принят Закон о применении в сети интернет. Согласно этому закону, онлайн-платформы с более чем 2 миллионами зарегистрированных пользователей обязаны самостоятельно удалять «явно незаконный контент», к которому относятся разжигание ненависти, терроризм, экстремизм и другие нежелательные сообщения, в течение 24 часов после получения жалобы или подвергаться штрафам в размере до 50 миллионов евро. В течение семи дней с момента получения претензии владелец социальной сети должен оценить ее и запросить объяснения у лица, предоставившего контент, если кажется, что закон не был нарушен. В нашей стране для подобного регулирования применяется Федеральный закон № 149, который наделяет Роскомнадзор (Федеральную службу по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций) полномочиями по проверке и ограничению контента, который считается радикальным. На основе самостоятельной проверки или жалобы орган блокирует нежелательную информацию, реализуя свой план по защите цифровой среды от распространения опасных материалов и сохранению общественного порядка путем запрета материалов, способных подтолкнуть к насилию, терроризму, экстремизму и других преступных явлений.

Также в нашем праве существует возможность удаления личной информации из сети, которой могут в дальнейшем воспользоваться мошенники, закреплена не только в законодательстве других стран, но и в нашем национальном законодательстве. В рамках федерального закона № 264-ФЗ пользователи Интернета, когда о них имеется старая, ошибочная или неполная информация, человек имеет право попросить поисковую систему удалить данные после предоставления объяснения, почему они не должны быть доступны широкой публике. Потому что это позволяет пользователям фильтровать контент независимо от того, нарушает ли он их собственные права и свободы, и дает возможность удалять из интернета информацию, которая может поставить под угрозу основы государства и общественного порядка.

Также из-за того, что многие интернет-сервисы контролируются иностранными компаниями, во многих странах появлялись специальные нормативные правовые акты, гарантирующие соблюдение национального законодательства на территории государства и безопасность в интернете. Наш законодатель также принял Федеральный закон № 236-ФЗ, который контролирует деятельность международных ИТ-корпораций, заставляя их придерживаться российского законодательства, в том числе открывать филиалы в России. Закон защищает российскую информационную индустрию от возможных онлайн-рисков со стороны иностранных платформ и вводит меры по ограничению деятельности бизнеса, не соответствующего этим критериям.

Также в начале этого года Европарламентом был принят большой шаг по реализации мер защиты граждан от новых видов киберпреступлений – странами был принят законопроект об искусственном интеллекте. Этот закон запрещает использование некоторых приложений искусственного интеллекта, которые ставят под угрозу права граждан. Он регулирует нецелевое использование изображений лиц людей для создания баз данных распознавания лиц, а также определённые алгоритмы. Такие запреты теперь распространяются и на их правоохранительные органы. Исключения составляют случаи, когда нейронные технологии нужны для поиска пропавших людей или предотвращения террористических атак. Однако такие системы могут быть развернуты после получения специального судебного и административного разрешения и только при соблюдении строгих мер предосторожности, с ограничением по времени и географическому охвату. После принятия закона также не получится применять технологии для распознавания эмоций на рабочем месте и в школах, прогнозирующая полицейская деятельность, если она основана исключительно на «профилировании» человека. В рамках проекта установлены правила для разработчиков программ на базе искусственного интеллекта: теперь такие компании должны будут составить техническую документацию, соблюдать законодательство ЕС об авторском праве и подробно описывать контент, используемый для обучения. Но самое главное – закон обязывает маркировать материалы, которые были реалистично изменены или сгенерированы с помощью нейронных технологий, что также необходимо внедрить и в наше право.

Нашему законодателю также необходимо ввести новые правовые положения, регулирующие ответственность за «фишинг», а также более тщательно контролировать оборот биометрических данных. Биометрия может использоваться для множества целей,

в том числе для общественно-опасных. Уже сейчас в Российской Федерации действует система «Госуслуги.Биометрия», через которую, с помощью голосовой и видео идентификации личности, можно, например, оформить банковские услуги (получить карту любого банка или оформить кредит онлайн), заключить договоры связи, получить квалифицированную электронную подпись и т.д. То есть развитие технологии, без изменения улучшения системы по защите этих данных, может позволить злоумышленникам получить доступ к выполнению различных в последствии юридически значимых действий от лица выбранной жертвы.

Подобно технологии «deepfake», «фишинг» также не имеет официального определения в российском законодательстве, что значительно затрудняет его квалификацию. Однако проблематика «фишинга» в нашем праве уже толковалась. В 2017 году Верховный суд Российской Федерации дал подробные разъяснения относительно правовых аспектов мошенничества в сфере компьютерной информации. Согласно этим разъяснениям, «фишинг» необходимо квалифицировать как кражу, а не как мошенничество.

Однако мы считаем, что верховному суду требовалось более подробно рассмотреть специфику «фишинга», поскольку деяние всегда проходит без непосредственного контакта между преступником и жертвой, но не обязательно совершается тайно, как кража. В дополнение к этому, получение доступа к конфиденциальной информации, например, логину или паролю, еще не подразумевает под собой хищение чужого имущества. Кроме того, получение доступа к частным данным, такие как логин или другие данные, не всегда приравнивается к хищению имущества. Поэтому, в науке предлагается квалифицировать «фишинг» по статье 159.6 как мошенничество в сфере компьютерной информации, что представляется более разумным и рациональным, однако полностью не раскрывает суть явления. Квалификация по статье 159.6, предусматривает установление факта ввода, удаления, блокирования или модификации компьютерной информации либо любого другого вмешательства в функционирование информационной системы, однако, в рамках «фишинга» злоумышленник зачастую получает необходимые ему сведения или конфиденциальные данные помощью, например, специального сообщения, телефонного звонка или через рассылку, вместо взлома программного обеспечения. Поэтому на данном этапе требуется предусмотреть отдельный уголовно-правовой состав для нового вида преступления - «фишинга» и ответственность за его совершение, а также в рамках других нормативных правовых актов установить описание его видов.

Мы считаем, что ключевой составляющей развития уголовного законодательства в сфере киберпреступности также должна стать формализация принципов стратегического противодействия этим видам преступлений с целью обеспечения успешного реагирования на ее проявления. Важными составляющими такой стратегии могут стать создание в каждом регионе специализированных подразделений, непосредственно занимающихся детальной разработкой местного законодательства и внедрением различных программ по профилактике киберпреступлений, а также соответствующая подготовка и повышение квалификации правоохранительных и судебных органов в этой сфере. Также на данном этапе крайне важно опираться не только на собственный опыт борьбы с киберпреступностью, но и анализировать последние международные методики и лучшие практики. Международный обмен информацией по новым видам преступлениям может способствовать изменению или созданию законодателем нормативных правовых актов, касающихся информационной сети.

Таким образом, уголовное законодательство каждой страны по-разному подходит к классификации и криминализации преступлений в сфере компьютерной информации, поскольку уголовная политика каждой страны имеет свои уникальные элементы, влияющие на то, что считать преступлением, какие виды преступлений совершать и кто несет за них ответственность. Киберпреступность странами рассматривается не только в рамках экономической и информационной основы, но и в качестве посягательств на иные общественные отношения – общественную нравственность, конституционный строй и безопасность государства, а также права и свободы личности.

Действующее российское законодательство в сфере киберпреступности нуждается в обновлении и совершенствовании. На данном этапе важно разработать меры по предупреждению и пресечению киберпреступлений, повышению уровня их раскрываемости, а также на формирование эффективного законодательного механизма, направленного на совершенствование и регулирование проблемных или неурегулированных проблем данной сферы.

В результате, для того чтобы постоянно обновлять весь сегмент возможных опасностей в киберпространстве, необходимо реализовать комплексную стратегию противодействия киберпреступности как на национальном, так и на международном уровне, а также разработать конкретные методы борьбы с этой проблемой. Кроме того, мы считаем необходимо привлечь для решения данной проблемы все заинтересованные стороны - от государственных

органов и частных предприятий до глобальных ассоциаций и организаций, непосредственно владеющих пониманием специфики сети «интернет».

Список литературы:

1. Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27.07.2006 N 149-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 31 июля 2006 г. № 31 (часть I). Ст. 3448.

2. Федеральный закон «О деятельности иностранных лиц в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» на территории Российской Федерации» от 01.07.2021 N 236-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 5 июля 2021 г. N 27 (часть I). Ст. 5064.

3. Указ Президента РФ от 05.12.2016 № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2016. № 50. Ст. 7074

4. Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» // Собрание законодательства Российской Федерации от 15 мая 2017 г. № 20. Ст. 2901.

5. Указ Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2019. № 41. Ст. 5700.

6. Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 05.07.2021. № 27 (часть II). Ст. 5351.

7. Аносов А. В. Деятельность органов внутренних дел по борьбе с преступлениями, совершенными с использованием информационных, коммуникационных и высоких технологий: учебное пособие: в 2 ч. / А. В. Аносов и др. М.: Академия управления МВД России, 2019.

8. Бондарь Е. О. Киберпреступность как новая криминальная угроза // Вестник Московского университета МВД России. 2020. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kiberprestupnost-kak-novaya-kriminalnaya-ugroza-2> (дата обращения: 25.03.2024).

9. Гордеев А. Ю. Перспективы развития и использования искусственного интеллекта и нейросетей для противодействия преступности в России (на основе зарубежного опыта) // Научный портал МВД России. 2021. №1 (53). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/perspektivy-razvitiya-i-ispolzovaniya-iskusstvennogo-intellekta-i->

neyrosetey-dlya-protivodeystviya-prestupnosti-v-rossii-na-osnove (дата обращения: 25.03.2024).

10. Косых А. А. Перспективы использования искусственного интеллекта в правовом регулировании общественных отношений // Труды Академии управления МВД России. 2020. № 4 (56). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/perspektivy-ispolzovaniya-iskusstvennogo-intellekta-v-pravovom-regulirovanii-obschestvennyh-otnosheniy> (дата обращения: 25.03.2024).

11. «Темная сторона» нейросетей: от «умного» фишинга до дронов-террористов // РБК: сайт. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/industry/62a3332f9a7947fc4dd296d8?from=copy> (дата обращения: 25.05.2024).

Шишкин Радий Владимирович,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовной политики,
Академия управления МВД России
E-mail: Lvovich.1990@mail.ru

УДК 343

Некоторые вопросы уголовной политики в сфере обеспечения экономической безопасности

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые вопросы уголовной политики в сфере обеспечения экономической безопасности.

Ключевые слова: преступность; экономическая безопасность; уголовная политика.

Глобализация мировой экономики в современных условиях становится основным постулатом для экономического развития данной отрасли других государств и задает тон развития такой сферы как внутри государств, так и на уровне развития межгосударственных отношений в условиях цифровой трансформации. В современных условиях внутриэкономического развития государство озабочено интеграцией больших инвестиций (международных, зарубежных компаний ведущих брендов и т.п.) вложением их в различные сферы обеспечения жизнедеятельности населения, в том числе стратегические объекты и инфраструктуры, как первоочередные на этапе современности. Для этого, государство выделяет огромные финансовые средства на развитие экономики страны в указанной сфере. Как правило, с развитием экономики появляются и риски преступной среды.

Преступные элементы через разные ветви власти пытаются решать свои корыстные цели, подкупая в том числе и чиновников, а также проникают в государственные структуры для легализации своих противозаконных замыслов.

Уголовная политика в сфере обеспечения экономической безопасности представляет собой систему целенаправленных действий с помощью всех необходимых ресурсов и средств, в том числе всех институтов государства (включая специализированные субъекты реализации данной политики). При этом минимизируется чиновничий и административный барьеры. Дабы избежать коррупцион-

ные связи между чиновниками и преступными элементами. Такой системный подход со стороны государства направлен на поддержание баланса функционирования между административно-хозяйственным и социально-экономическим комплексом страны, при котором обеспечивается развитие социального, экономического, стратегического и иного уровня на территории всей страны, в том числе обеспечение безопасности, защиту национальных и государственных интересов в сфере экономики от внутренних и внешних угроз.

Таким образом обеспечение жизнедеятельности населения хозяйствующими субъектами должно отвечать определенным требованиям безопасности, гарантиям развития социальной, экономической инфраструктуры и быть устойчивой, стабильной и мобильной перед факторами, связанными с угрозами (внутренними и внешними), в том числе готовой к интеграции новых технологий в экономику страны в современных условиях для ее дальнейшего совершенствования.

В этой связи государство способствует росту основ экономики, которую формируют субъекты бизнеса, имеющие различные организационно-правовые формы хозяйствования. Для таких субъектов государство создает различные условия формирования экономических прав и свобод на осуществление хозяйственной деятельности, определяя приоритеты по предоставлению населению социально-экономического блага.

Кроме того, в условиях разных факторов (внешних, внутренних), связанных с риском большой конкуренции внутри страны, в том числе экономической среды скрываются многочисленные угрозы и риски в экономической сфере влияющие на подрыв ее безопасности.

Поэтому проблема обеспечения экономической безопасности, стабильность экономики нашего государства определяется, как актуальным и приоритетным направлением деятельности по усилению, укреплению безопасности данной сферы, всех специализированных субъектов реализации политики нашего государства, в том числе правоохранительные органы, а также неспециализированные субъекты на уровне обеспечения уголовной политики в сфере безопасности экономики.

Виды угроз и рисков экономической безопасности могут быть разные, необходимо остановиться, по нашему мнению, на более существенных, влияющих на экономическое развитие государства.

К таким угрозам и рискам необходимо относить:

- преступные посягательства на сферу экономики государства и субъектов ее формирующие;
- криминализацию экономической сферы в целом;
- международные, транснациональные и этнические преступные группы;
- тенезацию экономики;
- вторжение иностранных граждан (мигрантов) в экономическую сферу и структуру ее элементов (объектов потребительского рынка, бюджетную и кредитно-финансовую сферу и др.) склонных к совершению преступлений;
- причины и условия, способствующие снижению безопасности экономики;
- безработицу;
- низкий уровень доходности населения;
- слабую миграционную политику государства;
- рост миграционных потоков в хаотичном порядке и др.

В этой связи криминализация экономической сферы, с учетом выше приведенных угроз и рисков, создает дисбаланс в ее развитии (стагнация), тем самым посягает на деятельность субъектов экономики, обеспечивающих ее безопасность.

По данным официальной статистики ГИАЦ МВД России на территории российского государства совершаются преступления в экономической сфере, этим самым, преступные элементы пытаются подорвать экономическую безопасность нашей страны. Например, за период 2019-2023 гг. в экономической сфере выявлено 544,8 тыс. преступных деяний, материальный ущерб от которых составил 2 трл. 623,6 тыс. преступлений¹, в том числе удельный вес этих преступлений в общем числе зарегистрированных за 5 лет составил в среднем 5,3 %. Это, говорит о серьезных проблемах влияющие на развитие экономики и обеспечение ее безопасности.

В таком случае уголовная политика в сфере обеспечения безопасности в целом и экономической в том числе, являясь неотъемлемой частью внутренней и внешней политики государства, и представляет собой совокупность различных скоординированных и объединенных между собой единой системой мер, в том числе – организационных и правовых (См.: ст. 4 Федерального закона Российской Федерации от 28.12.2010 № 390-ФЗ «О безопасности», а также профилактических, п. 11 ст. 6 Федерального закона Рос-

¹ Официальный сайт МВД России. Режим доступа: URL: [https://МВД России \(xn--b1aew.xn--p1ai\)](https://МВД России (xn--b1aew.xn--p1ai))

сиейской Федерации от 23.06.2016 № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» связанного с основными направлениями профилактики правонарушений в сфере обеспечения экономической безопасности¹.

Кроме того, к квалифицирующим признакам преступлений, совершаемых в экономической сфере, необходимо относить:

- групповой характер посягательства (деяния, совершенные группой лиц по предварительному сговору или организованной группой);

- последствия которого влияют на здоровье и жизнь человека (выражаются в нанесении тяжкого вреда здоровью или причинении смерти, в том числе по неосторожности);

- нанесение значительного ущерба (в крупном и особо крупном) и др.

Таким образом преступления, совершаемые в экономической сфере необходимо классифицировать по следующим их признакам:

- противоправные преступные деяния, незаконные действия, вектор которых нацелен на дисбаланс общественных отношений, складывающихся в экономической сфере;

- преступные деяния направлены на общественные отношения, складывающиеся в хозяйственной деятельности ее субъектов, таких как юридических и физических лиц занятые в сфере экономики;

- целью преступных деяний, является внедрение в экономическую сферу преступных элементов для создания дисбаланса стабильных общественных отношений в сфере экономики связанных с материальным благом населения;

- целью преступных посягательств на сферу экономического развития, является корыстная мотивация, связанная с получением экономической выгоды, больших потоков денежных банкнот, ценных бумаг, валюты, материальных благ в свою пользу и др.

- преступления, посягающие на неприкосновенность и стабильность развития экономики государства связанное с ее безопасностью и др.

К преступлениям посягающим на объекты сферы экономики, создающие угрозу безопасности относятся: государственные финансы и финансовый контроль (статьи 159, 160, 171.1, ч. 2 статьи

¹ О безопасности : Федеральный закон Российской Федерации от 28.12.2010 № 390-ФЗ, СЗ РФ, 03.01.2011, № 1, ст. 2.; Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации : Федеральный закон Российской Федерации от 23.06.2016 № 182-ФЗ. Собрание законодательства РФ, 27.06.2016, № 26 (Часть I). Ст. 3851.

176, 194, 198 – 199.2, 285.1, 285.2, 287, ч. 3 статьи 325, 327.1 УК РФ); банковскую систему (статьи 172, 174, 174.1, 191 УК РФ); безопасность финансовой (банковской, налоговой) системы, добросовестную конкуренцию в данной сфере (ст. 183 УК РФ); денежное обращение (статьи 181, 185, 185.1, 187, 186, 188, 191, 192, 193 УК РФ); кредитную систему (статьи 176, 177 УК РФ); налоговую и кредитную системы (ст. 195 УК РФ), а также различного рода финансовое мошенничество и др.

Вместе с тем, обеспечение экономической безопасности как в развитии экономики нашего государства, так и отдельных субъектов хозяйственной деятельности, направлено на предупреждение и устранение угроз и рисков, связанных с преступностью в сфере экономики. Поэтому правовое регулирование деятельности государственных органов является средством уголовной политики в обеспечение экономической безопасности, что оказывает существенное влияние на снижение криминализации вышеуказанной сферы. Потому, как негативные тенденции ее криминализации, в том числе связанные с этим последствия отражаются на социально-материальном благе населения нашего государства. Однако в современных условиях законодатель не всегда успевает за развитием отношений внутри общества, появляющимися новыми тенденциями из зарубежа, в том числе с негативными социальными явлениями, что тут же подхватывается преступными элементами. И самое неприемлемое в этой ситуации, когда угроза уже наступает и поражает сферу экономики своей криминализацией. А законодатель, как всегда, медлит с принятием необходимых нормативных правовых актов необходимых для охраны и защиты сферы экономики нашего государства. Тем самым, возникают проблемы, связанные с пробелами в правовой системе, что провоцирует риски уголовно-правового характера, создающие реальную угрозу национальной безопасности в сфере экономики.

Укрепление безопасности в экономической сфере связано с правовым регулированием, а их нормы, как средства реализации уголовной политики в сфере обеспечения такой безопасности. Поэтому, «под правовым регулированием понимается система правовых норм, средств, форм и методов достижения поставленной цели по обеспечению безопасности экономики, и выражается в инструментах, новых технологиях с помощью которых обеспечивается такая безопасность».

В таком случае, уголовная политика по обеспечению безопасности экономической сферы, являясь внутренней и внешней частью политики государства и представляет собой совокупность различ-

ных скоординированных, объединенных единым замыслом мер, в том числе профилактического, организационно-правового и предупредительного характера.

На этапе сегодняшней реальности в Российской Федерации правовая основа по обеспечению экономической безопасности состоит из Конституции РФ¹, Федерального закона «О безопасности», Стратегии национальной безопасности в Российской Федерации, Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года² и др. В статье 1 Федерального закона «О безопасности»³ говорится об обеспечении безопасности государства, общественной безопасности, экологической безопасности, безопасности личности, иных видов безопасности, предусмотренных законодательством Российской Федерации и т.д., в том числе в статье 2 говорится об основных принципах обеспечения безопасности, которыми являются: – соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина; – приоритет предупредительных мер в целях, а в пункте 2. Стратегии экономической безопасности Российской Федерации определяются вызовы и угрозы экономической безопасности Российской Федерации, а также цели, основные направления и задачи государственной политики в сфере обеспечения экономической безопасности⁴ и др.

Данные нормативные правовые акты формируют совокупность правовых средств регулирующие действия правовых норм направленные на защиту экономики, осуществляя цель государственной политики в сфере экономической безопасности. Поэтому правовые нормы – это средства и способы достижения реализации уголовной политики в сфере экономической безопасности, действие которой направлено на обеспечение безопасности субъектов, занятых в экономической сфере и развивающие экономику государства.

В том числе, данная деятельность регулируется различными отраслями права (гражданским, налоговым, административным и финансовым кодифицированным законодательством), а также

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020).

² Стратегия экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года: Указ Президента Российской Федерации от 13.05.2017 г. № 208 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2017. № 20. Ст. 2902.

³ О безопасности: Федер. закон от 28.12.2010 № 390-ФЗ (последняя редакция) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. № 1. Ст. 2.

⁴ Стратегия экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года: Указ Президента Российской Федерации от 13.05.2017 г. № 208 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2017. № 20. Ст. 2902.

деятельность правоохранительных органов регулируется законами регламентирующие направление их компетенции, например, деятельность органов внутренних дел (полиции) Федеральным законом от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции».

Правовые средства должны стать гарантом в обеспечении экономической безопасности всех хозяйствующих субъектов формирующие и пополняющих экономику страны определяющие формы и методы в сфере обеспечения экономической безопасности государства, путем воздействия на правонарушения, в целях защиты интересов, социальных благ всего общества страны. Рассматривая обеспечение экономической безопасности, нельзя ограничиваться только одним отраслевым правом, так как объектами правоотношений в сфере обеспечения экономической безопасности, как государства, так и других хозяйствующих субъектов являются объекты, которые охватываются рамками других отраслей права, а также регулируются законами регламентирующие деятельность правоохранительных органов.

Правоохранительные органы, как субъекты реализации уголовной политики государства, деятельность, которых направлена на выявление, пресечение и раскрытие преступлений в экономической сфере, в том числе на предупреждение правонарушений в экономической сфере, с применением предупредительных мер устраняющие причины и условия создающие угрозу экономической безопасности.

В заключении необходимо сказать о том, что эффективность деятельности органов внутренних дел (полиции) напрямую зависит от своевременности правового обеспечения на современном этапе, то есть, должна быть незамедлительная реакция законодателя на жизнедеятельность общества и процессы происходящие в социуме, в том числе преступной деятельности связанной с факторами внешнего вторжения в экономические процессы развития экономики страны и стабильности общественного блага населения, воздействие на преступность в экономической сфере создающая угрозу экономической безопасности. Также законодателю необходимо обратить серьезное внимание на укрепление правового обеспечения деятельности правоохранительных органов нашего государства. Связанного с выработкой и принятием новых правовых норм, которые восполнят пробелы действующего законодательства, и позволят эффективно воздействовать на преступность в сфере экономики, целью которых является стабилизация баланса экономической безопасности государства.

К сожалению, в области государственного регулирования экономики, как ни в одной другой сфере, сложилась парадоксальная ситуация, когда регулятивная функция государства не согласуется с правоохранительной. Именно эта несогласованность может стать основным препятствием в развитии процессов по совершенствованию указанной сферы.

Исходя из этого, в целях совершенствования деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений, совершаемые в экономической сфере предлагается в Федеральный закон от 07 февраля 2011 года № 3 – ФЗ «О полиции» внести следующие изменения:

- статью 2 «Основные направления деятельности полиции» дополнить п. 13 «Обеспечение экономической безопасности»;

- пункт 5 статьи 13 «Права полиции» – после слов «беспрепятственно по предъявлении служебного удостоверения посещать» дополнить словами, «...входить в помещение организаций, предприятий (государственные, негосударственные, независимо от форм собственности) занятых в сфере экономики осуществляющие экономическую деятельность, на принадлежащие им земельные участки, территорию и осматривать их при преследовании лиц, подозреваемых в совершении преступлений, либо при наличии достаточных данных полагать, что там совершено (совершаются) преступление, административные правонарушения», разрешение которых отнесено к компетенции полиции, государственные и муниципальные органы, общественные объединения и организации, знакомиться с необходимыми документами и материалами, в том числе с персональными данными граждан, имеющими отношение к расследованию уголовных дел, производству по делам об административных правонарушениях, проверке заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях.

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК

Научное издание

УГОЛОВНАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ: СОСТОЯНИЕ, ТЕНДЕНЦИИ, ПЕРСПЕКТИВЫ

Часть 1

В авторской редакции

Подписано в печать 26.09.2024. Формат 60×84 $\frac{1}{16}$.
Усл. печ. л. 22,6. Уч.-изд. л. 20,5. Тираж 138 экз. Заказ № 36у

Отделение полиграфической и оперативной печати РИО
Академии управления МВД России
125171, Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8

ISBN 978-5-907721-47-0

9 785907 721470 >